

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 4 (20)

**САРАНСК
2011**

Учре д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, А. М. Каторова, А. Н. Келина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрченкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Василькина А. А. О содержании понятий «устойчивость» и «надежность» коммерческого банка	7
Ушакова О. А. Сущность факторов устойчивости и конкурентоспособности в контексте модернизации региональной экономики	14
Кильдюшкина И. Г., Ломшин В. А. Продолжение реформ в региональной жилищной политике во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг.	19

ИСТОРИЯ

Еремкина О. А. «Симбирск и Карсун. Книга письма и меры стольника Ивана Вельяминова да подьячего Афонася Андреева 193 — 194 годов» в контексте исторической науки	39
Юрченков В. А. Система образования в уездах Мордовии в условиях социальных конфликтов эпохи военного коммунизма	43
Куршева Г. А. Подготовка педагогических кадров в 1917 — 1928 гг. (По материалам Поволжья)	55
Матвеев А. П. Индустрия строительных материалов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1966 — 1972 гг.	62

ЭТНОГРАФИЯ

Романова М. Н. Естественно-географические условия как фактор социокультурной специфики жилищных комплексов мордовского населения в Республике Мордовия	69
Фадеева М. М. Переселение мордвы в Курганскую область и ее традиционная культура	80
Буралкина Н. А. Этнический фактор и половое поведение девочек подросткового возраста	88

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гришунина В. П. Лексическая единица <i>ава</i> в мокшанском языке и его диалектах	93
Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов	99
Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала	108

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Каторова А. М. Нюансы художественного текста (Опыт анализа стихотворения А. Арапова «В этом городе из пены...»)	116
Бурносова И. В. Влияние натурфилософских концепций на поэзию Мордовии	120
Зубова Е. В. Образ женщины в художественной литературе Мордовии	128
Пивкина С. В. Свадебная обрядность мордвы-мокши	134

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Мухамедзянова И. А. Менталитет как компонент культурного пространства	139
Кирсанова О. В. Учение о справедливости в наследии И. А. Ильина	145
Айзятова Л. Ф. Модернизационные трансформации полиэтнических социумов в контексте глобализации	152
Ломшин А. В. Роль сельского культурного комплекса в удовлетворении культурных потребностей жителей села Мордовии в 1975 — 1982 гг.	164

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буква В	168
-----------------------------------	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Многоликий Волго-Уральский регион: методология и методика гуманитарных исследований	230
Отчет о работе аспирантуры НИИГН за 2011 г.	236

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Иван Корнилович Инжеватов (К 100-летию со дня рождения)	238
Михаил Андреевич Бибин (К 60-летию со дня рождения)	242

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244
----------------------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	250
-------------------------	-----

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Vasilkina A. A.</i> On the Content of the Terms «Stability» and «Reliability» of the Commercial Bank	7
<i>Ushakova O. A.</i> The Essence of Factors of Stability and Competitiveness in the Context of Modernization of Regional Economy	14
<i>Kildyushkina I. G., Lomshin V. A.</i> Continuation of Reforms in the Regional Housing Policy in the Second Half of 1990s — the Early 2000s	19

HISTORY

<i>Eremkina O. A.</i> «Simbirsk and Karsun. The Book of Writing and Measure by Stolnik Ivan Velyaminov and Podyachy Afonasy Andreev of 193 — 194» in the Context of History	39
<i>Yurchenkov V. A.</i> The System of Education in the Uyezds of Mordovia Under Conditions of Social Conflicts of the Era of Military Communism	43
<i>Kursheva G. A.</i> The Training of Teachers in 1917 — 1928 (According to the Materials of the Volga Region)	55
<i>Matveev A. P.</i> Industry of Constructing Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Republics in 1966 — 1972	62

ETHNOGRAPHY

<i>Romanova M. N.</i> Natural and Geographic Conditions as a Factor of Sociocultural Peculiarity of Housing Complexes of Mordovian Population in the Republic of Mordovia	69
<i>Fadeeva M. M.</i> Migration of the Mordvins to the Kurgan Region and Their Traditional Culture	80
<i>Buralkina N. A.</i> Ethnic Factor and Sexual Behavior of the Girls in Teenage Period	88

LINGUISTICS

<i>Grishunina V. P.</i> The Lexical Unit <i>Ava</i> in the Moksha Language and Its Dialects	93
<i>Ivanova G. S., Kukushkina N. F.</i> The Degree of Study of the Phonetic System of Moksha Dialects	99
<i>Agafonova N. A., Ryabov I. N.</i> Morphological Markers of Morphemes of Certainty in the Erzya Dialects of the Volga Region and the Southern Urals	108

HISTORY OF LITERATURE AND FOLKLORE

Katorova A. M. Nuances of Fiction Text (Experience of the Analysis of the Poem by A. Arapov «In this Town of Foam...»)	116
Burnosova I. V. The Influence of Natural and Philosophical Concepts on the Poetry of Mordovia	120
Zubova E. V. The Image of Women in the Fiction of Mordovia	128
Pivkina S. V. Wedding Rituals of the Mordvins-Moksha	134

CULTURAL THEORY AND HISTORY

Mukhamedzyanova I. A. Mentality as a Component of Cultural Environment	139
Kirsanova O. V. The Doctrine about Justice in the Works by I. A. Ilyin	145
Azyatova L. F. Modernization Transformations of Polyethnic Societies in the Context of Globalization	152
Lomshin A. V. The Role of Rural Cultural Complex in the Satisfaction of Cultural Needs of the Villagers in Mordovia in 1975 — 1982	164

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part V	168
---	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

The Multifaceted Volga-Ural Region: Methodology and Methods of Humanitarian Studies	230
Report on the Postgraduate Study of NIIGN in 2011	236

OUR CELEBRANTS

Ivan Kornilovich Inzhevatorov (to the 100th Anniversary)	238
Mikhail Andreevich Bibin (to the 60th Anniversary)	242

INFORMATION ABOUT AUTHORS	244
--	-----

ABBREVIATIONS	250
----------------------------	-----

ЭКОНОМИКА

УДК 336.713:330.101

A. A. Василькина
A. A. Vasilkina

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «УСТОЙЧИВОСТЬ» И «НАДЕЖНОСТЬ» КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

ON THE CONTENT OF THE TERMS «STABILITY» AND «RELIABILITY» OF THE COMMERCIAL BANK

Ключевые слова: банк, акционер, вкладчик, страховая компания, договор, устойчивость банка, надежность банка.

В статье раскрывается содержание понятий «устойчивость» и «надежность» коммерческого банка.

Key words: bank, shareholder, investor, insurance company, contract, stability of the bank, reliability of the bank.

The article deals with the content of the terms «stability» and «reliability» of the commercial bank.

В свете современных проблем, характерных для всего мирового экономического сообщества, обеспечение устойчивости коммерческих банков выступает одной из тех задач, решение которых позволит стабилизировать состояние экономики и предотвратить развитие кризисных явлений. Об этом свидетельствуют различные научные труды, авторы которых уделяют особое внимание устойчивости банковской системы.

Следует отметить, что содержательная сторона термина «устойчивость коммерческого банка» в научных исследованиях до сих пор не получила однозначной трактовки и нередко связывается с понятием «надежность банка».

На наш взгляд, надежность банка необходимо рассматривать через призму различных субъектов хозяйствования: с позиции банка (его акционеров и сотрудников), его клиентов и общества (таблица).

Акционеры, инвестируя свои денежные средства в банковскую деятельность, рассчитывают на определенную норму доходности, которую они смогут получить от данного вложения. При этом акционер как инвестор должен оценивать возможные риски, связанные с этой деятельностью, и сравнивать зависимость «доходность — риски» с другими вариантами инвестирования. Оставляя свой выбор за банком, акционер надеется, что параметры зависимости «доходность — риски» на протяжении определенного времени не ухудшатся.

Таблица

Термин «надежность» с точки зрения различных субъектов хозяйствования

Субъект	Аспект (объект) надежности
Акционеры	Банк работает с нормой доходности, на которую рассчитывает акционер
Клиенты	Выполнение своих обязательств, верное и своевременное исполнение расчетных документов. Отсутствие скрытых комиссий
В том числе:	
Вкладчики	Выполнение своих обязательств по выплате вкладов и заявленным по ним процентам
Заемщики	Своевременные выплаты траншей по кредитным договорам. Отсутствие скрытых комиссий, а также пунктов кредитных договоров, которые могут ввести в заблуждение
Кредиторы	Погашение кредитов в срок
Контрагенты (банки, страховые компании)	Исполнение заключенных договоров, оплата договоров без просрочки
Сотрудники банка	Исполнение норм трудового права, лояльность банка к сотрудникам
Банк России	Оценка надежности с точки зрения нормативов показателей, установленных законодательными актами
Общество	Надежность с точки зрения потенциальных акционеров, вкладчиков, заемщиков и контрагентов
Контролирующие органы	Соблюдение нормативных актов
Аудиторы	Достоверное составление отчетности банком
Рейтинговые агентства	Формирование независимой оценки надежности банка. Надежность как объект исследования
Конкуренты	Оценка надежности с точки зрения конкурентных преимуществ

При выборе коммерческого банка клиенты, открывая расчетный или депозитный счет, рассчитывают в основном на долгосрочное сотрудничество. Одним из ключевых требований, предъявляемых клиентом, является своевременное исполнение расчетных документов с минимальным уровнем операционного риска, а также отсутствие скрытых комиссий при обслуживании и осуществлении банковских переводов.

С позиции вкладчиков, надежность коммерческого банка рассматривается как его способность отвечать по своим обязательствам в срок. После кризиса 1998 г., когда банкротство банков происходило по принципу «домино», большинство вкладчиков потеряли свои сбережения. Появилось недоверие к банковской системе, что заставило граждан долгое время хранить свои сбережения «под матрасом». Создание системы страхования вкладов способствовало возврату доверия граждан к кредитным учреждениям. Однако стоит отметить, что большая доля вкладчиков предпочитает размещать свои денежные средства в банках, где превалирует доля государственного участия. Это еще раз подтверждает, как тяжело вернуть потерянное доверие.

Развитие информационных технологий обусловило обслуживание клиентов на качественно новом уровне — с участием банкоматов, терминалов самообслуживания, Интернета и мобильных телефонов. Банки осуществляют удаленное обслужива-

ние клиентов — это удобно как клиенту, так как нет необходимости идти в офис кредитного учреждения, так и банку, который экономит на операционных расходах. Однако удаленное обслуживание требует информационной безопасности данных клиента, надежности техники (банкоматов, терминалов и т. п.), слаженной работы процессинговых систем, обслуживающих пластиковые карты вкладчиков, минимальных обращений по претензионной работе.

Заемщики при выборе банка тоже руководствуются его надежностью, которая выражается в своевременных выплатах траншей по договорам кредитования, а также в отсутствии скрытых комиссий и пунктов кредитных договоров, вводящих заемщика в заблуждение. Развитие потребительского кредитования в России показало актуальность этого аспекта, поскольку условия кредитных договоров были построены таким образом, чтобы ввести в заблуждение заемщиков. Рекламные таблоиды «кричали» о нулевых или минимальных процентных ставках по кредитам, хотя на самом деле реальные процентные ставки по кредитам варьировались от 60 до 80 % годовых, которые складывались за счет скрытых комиссий. Сложилась такая ситуация, когда многие заемщики не смогли оценить кредитную нагрузку и с трудом погашали свои обязательства.

Помимо того, что банк выдает кредиты, он, в свою очередь, может выступать также в роли заемщика. Банк-партнер заинтересован в надежности банка-заемщика, в его способности отвечать по взятым на себя обязательствам. Доверие между банками является одним из условий надежности всей банковской системы. В конце августа 1995 г. разразился кризис межбанковских кредитов, который породил кризис доверия. По мнению В. Гугнина и Н. Исаевой, основными его причинами явились: недооценка риска межбанковских операций, отсутствие у банков опыта регулирования рисков на рынке МБК и умышленное привлечение отдельными банками средств на этом рынке без намерения вернуть их¹. Значимость доверия между банками на уровне МБК подтвердил и кризис, случившийся в октябре 2008 г.

В своей хозяйственной деятельности банки сотрудничают с различными организациями, начиная со страховых организаций и заканчивая организациями, занимающимися поставками материальных запасов. В данном случае «надежность» банка с позиции контрагентов заключается в исполнении им заключенных договоров, в том числе в своевременной оплате. Несколько иную позицию занимают сотрудники банка, которые заинтересованы в постоянной работе в данной кредитной организации. Немаловажную роль здесь играет надлежащее исполнение норм трудового права, а также лояльность работодателя к своему работнику.

Центральный банк России, исполняя регулятивную функцию, заботится об интересах как вкладчиков, заемщиков и акционеров, так и общества в целом. Первоочередной его задачей является поддержание устойчивости, надежности и стабильности всей банковской системы. В связи с этим он разработал ряд нормативных показателей надежности и устойчивости коммерческого банка. С позиции Банка России надежность коммерческого банка рассматривается в разрезе выполнения установленных нормативов, а также соблюдения законов, положений и инструкций, касающихся банковской деятельности, в том числе соблюдения баланса интересов как банка, так и общества в целом. Общество заинтересовано в надежности банка опосредованно, поскольку каждый гражданин является потенциальным клиентом банка, а может быть, и акционером.

Надежность коммерческого банка логично рассматривать также с точки зрения прочих контролирующих органов, таких как Федеральная налоговая служба, Федеральная антимонопольная служба РФ, Федеральная служба по финансовым рынкам и др. В данном случае надежность банка рассматривается в разрезе соблюдения норм законодательства, правильного исчисления и своевременной уплаты налогов и сборов. Согласно статье 8 Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности», кредитные организации обязаны ежегодно публиковать бухгалтерский баланс и отчет о прибылях и убытках с заключением аудиторской фирмы (аудитора) об их достоверности. С позиции аудиторской фирмы (аудитора) надежный банк формирует достоверную отчетность, предоставляет достоверные сведения и документы.

Помимо этого надежность коммерческих банков пристально рассматривается рейтинговыми агентствами. Каждое из них формирует рейтинг на основе своей методики, включающий ряд показателей, совокупность которых интегрально характеризует надежность банков. Коммерческим банкам выставляются оценки, которые должны помочь потенциальному клиенту, акционеру или партнеру сделать свой выбор в пользу того либо иного банка.

В условиях острой конкуренции кредитных организаций, когда процентные ставки по кредитам и депозитам в различных коммерческих банках примерно одинаковые, на первый план выходят их неценовые преимущества, среди которых надежность банка является одним из главных. Со стороны конкурентов «надежность банка» рассматривается как определенная высота, которую необходимо либо достичь, либо удержать на прежнем уровне. Несмотря на конкуренцию, коммерческие банки находятся на одном «судне», и «трещина» в одном или нескольких из них может негативно отразиться на других или совсем потянуть ко дну. Поэтому коммерческие банки заинтересованы в том, чтобы банковская система была надежной, а каждый банк — надежным партнером.

В статье 24 Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности» используется понятие «финансовая надежность кредитной организации», которому, к сожалению, не дается определения. Об обеспечении финансовой надежности кредитной организации говорится следующее: «В целях обеспечения финансовой надежности кредитная организация обязана создавать резервы..., порядок формирования и использования которых устанавливается Банком России... Кредитная организация обязана соблюдать обязательные нормативы, устанавливаемые в соответствии с Федеральным законом РФ „О Центральном банке Российской Федерации“... Кредитная организация обязана организовывать внутренний контроль, обеспечивающий надлежащий уровень надежности, соответствующий характеру и масштабам проводимых операций...»². Таким образом, для обеспечения надлежащего уровня финансовой надежности коммерческие банки обязаны: создавать резервы, соблюдать обязательные нормативы, организовывать внутренний контроль и т. д. Однако в статье 62 Федерального закона РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» сказано: «В целях обеспечения устойчивости кредитных организаций Банк России может устанавливать... обязательные нормативы...»³. Понятие «финансовая устойчивость банка» упоминается также в Указании Банка России «Об оценке финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов»⁴. Термины «устойчивость» и

«надежность» в Указании Банка России «Об оценке экономического положения банков» не упоминаются⁵. Таким образом, законодательно понятия «надежность» и «устойчивость» коммерческого банка не разграничиваются.

Отличие надежности коммерческого банка от его устойчивости предлагаем рассмотреть на примере влияния внешних и внутренних факторов на коммерческий банк (рис. 1).

Рис. 1

На рисунке условно изображен банк, на который влияют внешние и внутренние факторы, оказывающие как положительное, так и отрицательное влияние на кредитную организацию. Устойчивость коммерческого банка заключается в его способности противостоять этим факторам, быть «устойчивым» к разного рода потрясениям, апогеем которых выступает банкротство. При этом надежность банка состоит в бесперебойном выполнении своих функций и соблюдении установленных пороговых значений показателей его функционирования.

Исходя из сказанного, понятия «устойчивость» и «надежность» коммерческого банка имеют близкую, но не одинаковую смысловую нагрузку. Этим, как уже говорилось, объясняется отсутствие однозначного определения данных терминов в экономической литературе. Так, В. Н. Живалов рассматривает устойчивость коммерческого банка как его «способность... в динамичных условиях рыночной среды четко и оперативно выполнять свои функции, пользоваться доверием клиентов, обеспечивать надежность вкладов юридических и физических лиц и своих обязательств по краткосрочному и долгосрочному обслуживанию клиентов, постоянно совершенствовать технологию и организацию внутрибанковской и межбанковской деятельности, обеспечивая в конечном счете необходимую эффективность результатов работы как в интересах своих акционеров, кредиторов и клиентов, так и в целях развития российской экономики в целом»⁶.

Сходное определение дает Г. Г. Фетисов, трактуя устойчивость коммерческого банка как его способность выполнять на заданном обществом уровне присущие ему функции и роль в экономике вне зависимости от воздействия внешних и внутренних сил, препятствующих их осуществлению. На наш взгляд, оба определения достаточно полно раскрывают понятие «устойчивость коммерческого банка», затрагивая понятие «надежность банка». При этом Г. Г. Фетисов считает, что термин «устойчивый банк» более фундаментальный по сравнению с понятием «надежный банк»: «С позиции клиента, соблюдения партнерских отношений лучше использовать понятие „надежность банка“, с макроэкономических позиций целесообразно

употреблять термин „устойчивый банк“ как более емкое понятие»⁷. На наш взгляд, данная позиция достаточно спорна, поскольку оба термина являются фундаментальными и взаимозависимыми понятиями. Как уже было сказано ранее, устойчивость банка заключается в его способности противостоять негативным факторам, а надежность — в выполнении им своих функций.

По мнению И. В. Ларионовой, «надежность банка является более узким понятием по отношению к устойчивости, поскольку оно ограничено определенным отрезком времени и связано в большей мере с эффективностью риск-менеджмента в кредитной организации... Уровень надежности кредитной организации определен узкими временными рамками и близок к статическому состоянию, а не динамическому как устойчивое равновесие и стабильность»⁸.

На наш взгляд, понятие «надежность банка» не ограничено узкими временными рамками. Наоборот, надежность любого объекта, в том числе и коммерческого банка, заключается в способности выполнять заданные функции в течение определенного времени и представляет прогноз его функциональной пригодности. Действительно, при выборе того или иного банковского учреждения клиенты рассматривают его надежность во временной перспективе, поскольку, как правило, банк-партнера выбирают не для совершения одной-двух транзакций, а для долговременного сотрудничества. Так, вкладчики, открывая депозиты и помещая свои денежные средства на длительный срок, надеются, что банк надежен и выполнит свои обязательства по прошествии определенного времени; акционеры, инвестируя в банковский бизнес, рассчитывают на отдачу от вложенного капитала через несколько лет. Само понятие «инвестиция» означает долгосрочное вложение капитала с целью получения дохода, следовательно, инвестор рассчитывает на надежность коммерческого банка в долгосрочном периоде.

Г. Г. Фетисов и Е. А. Тарханова считают, что банк, будучи надежным, может выполнить свои обязательства перед клиентами, но это будет идти вразрез с его устойчивостью, вызвать сокращение прибыли и даже привести к убыткам. С этим сложно не согласиться, однако, в свою очередь, не всегда устойчивый банк может быть надежным, например, в случае, когда кредитные организации составляют договоры таким образом, чтобы ввести заемщика в заблуждение⁹.

Взаимосвязь между терминами «надежность» и «устойчивость» коммерческого банка можно рассмотреть на примере диаграммы Эйлера (рис. 2).

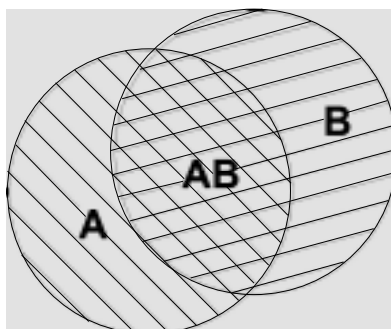

Рис. 2

Круг, обозначенный на рис. 2 буквой «А», представляет собой множество значений для понятия «устойчивость», т. е. то, что включает в себя данный термин (например, способность коммерческого банка противостоять негативным тенденциям изменения инфляции). Круг под буквой «В» включает в себя значение термина «надежность». В это множество входит все то, что может охарактеризовать надежный банк (например, соблюдение этических принципов).

Пересечение кругов «А» и «В» дает область значений «АВ». Точки множества «АВ» входят как в область круга «А», так и в область круга «В», соответственно точки множества «АВ» характеризуют и «надежность», и «устойчивость» коммерческого банка. Так, с одной стороны, ликвидность — способность банка своевременно выполнять свои долговые обязательства, является положительным фактором, непосредственно влияющим на надежность банка, с другой стороны, дефицит ликвидности может рассматриваться как негативный внутренний фактор, который способен нарушить устойчивость банка и привести к отзыву лицензии Банком России.

Изучение вопроса устойчивости и надежности кредитной организации позволило нам сформулировать свои определения. Так, устойчивостью коммерческого банка является его способность сохранять состояние равновесия, возвращаться в равновесное состояние в течение короткого времени, из которого он был выведен внешними и/или внутренними факторами. Надежность коммерческого банка есть его свойство выполнять заданные экономические, финансовые, социальные и прочие функции, сохраняя во времени состояние, не выходящее за рамки установленных пороговых значений показателей его функционирования.

Библиографические ссылки

¹ Гугнин В., Исаева Н. Банковский кризис 2004: случайность или совпадение? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bdm.ru/arhiv/2005/01/19-22.htm> (дата обращения 05.06.2011).

² Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

³ Рос. газ. 2002. 13 июля. С. 5.

⁴ См.: Вестн. Банка России. 2004. № 5.

⁵ Там же. 2008. № 28.

⁶ Живалов В. Н. Повышение устойчивости функционирования коммерческих банков : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 1997. С. 32.

⁷ Фетисов Г. Г. Надежность коммерческого банка : Рейтинговые системы и ее оценка : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 1998. С. 174.

⁸ Ларионова И. В. Стабильность банковской системы в условиях переходной экономики : дис. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук. М., 2001. С. 382.

⁹ См.: Фетисов Г. Г. Указ. соч. С. 17 ; Тарханова Е. А. Устойчивость коммерческих банков и пути ее повышения на региональном уровне : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. СПб., 2001. С. 167.

Поступила 20.06.2011 г.

УДК 332.1

О. А. Ушакова

O. A. Ushakova

СУЩНОСТЬ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

THE ESSENCE OF FACTORS OF STABILITY AND COMPETITIVENESS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF REGIONAL ECONOMY

Ключевые слова: модернизация, экономика, регион, устойчивость, конкурентоспособность, производство, промышленность, инновации.

В статье рассматриваются определяющие факторы модернизации — устойчивость и конкурентоспособность. Выявляются их сущность и специфика.

Key words: modernization, economy, region, stability, competitiveness, production, industry, innovations

Such determinants of modernization as stability and competitiveness are considered in the article. Their essence and specificity are identified as well.

Современная экономическая ситуация такова, что сложившиеся в последние годы межотраслевые пропорции увеличили удельный вес сырьевых отраслей, резко сжав тем самым долю промышленно-обрабатывающих секторов экономики. Реальная промышленная политика государства и бизнеса привела к моральному и физическому старению производственного аппарата промышленности не только в стране, но и в отдельно взятых регионах. Некоторые ключевые фондоформирующие региональные отрасли практически утратили свой потенциал. В результате конъюнктурного формирования курса и задач развития всей промышленности произошла примитивизация технологической структуры региональной экономики, что негативно отразилось прежде всего на ее способности к качественному росту — ключевой характеристике стратегии долговременного развития.

В Бюджетном послании Президента Российской Федерации, посвященном бюджетной политике в 2011 — 2013 гг., отмечалось: «Бюджетная политика как составная часть экономической политики должна быть нацелена на проведение всесторонней модернизации экономики, на создание условий для повышения ее эффективности и конкурентоспособности, долгосрочного устойчивого развития...»¹. Несомненно, задачу изменения качества экономического роста следует решать путем усиления роли промышленных секторов региональной экономики, инновационный потенциал которых способен обеспечить не только устойчивость экономического роста в стране, но и осуществить его индифферентность по отношению к рыночным колебаниям мировых цен на сырьевые товары. Более того, рост цен на сырье, если он необратим, по законам монополизированного рынка должен являться действенным стимулом

ресурсосбережения и повышения уровня технологической оснащенности региональных промышленно-обрабатывающих секторов, т. е. улучшения использования основных фондов, материальных и трудовых ресурсов в региональных отраслях высоких переделов.

С одной стороны, снижение объема спроса на продукцию высокотехнологичного сектора ведет к каскадному сокращению объемов производства в других сопряженных секторах региональной экономики, в том числе в сфере услуг². При этом свертывание масштабов регионального производства приводит не только к количественному, но и к качественному ухудшению совокупных результатов функционирования экономики всего региона. С другой стороны, промышленный высокотехнологичный сектор обладает более высоким уровнем эффективности использования производственных ресурсов по сравнению с сырьевыми отраслями экономики в целом. Следовательно, увеличение удельного веса этого сектора в экономике способствует позитивному изменению макроэкономических показателей всего региона, снижению его фондо- и материалоемкости, укреплению социальной стабильности.

В целом модернизация экономики страны, являясь средством эволюционно-поступательного развития социально-экономической системы всего государства, в равной степени поддерживается региональной модернизацией и обусловлена возможностями и потребностями всех регионов страны. В сегодняшней ситуации модернизация является целенаправленным процессом, который базируется на двух основных факторах — устойчивости и конкурентоспособности для обновления отживших форм и методов производственного аппарата хозяйствования, реализации новых возможностей региональной экономики.

Этот процесс определяется руководством страны при активной поддержке региональных властей, объективностью и адекватностью их совместного видения долгосрочных национальных интересов и целей, эффективностью и прогрессивностью направленной на их обеспечение промышленной, научно-технической и кадровой политики, для осуществления которой необходимы не только финансовые и иные ресурсы, но и развитые институты хозяйственного и гражданского права, кредитно-финансовой, налоговой и таможенной деятельности.

Таким образом, модернизация экономики является объективной необходимостью, вызванной стремлением государства обеспечить свои национальные интересы путем поддержания высокой и долговременной социально-экономической устойчивости в регионах и укрепления своих лидирующих позиций в мире по благосостоянию, безопасности (в том числе экономической, военной и технологической) и конкурентоспособности.

Модернизация экономики может осуществляться разными альтернативными путями. Один путь — совершенствование экономической иерархической системы сверху, другой — снизу. От этого зависит степень участия и воздействия государства на достижение задач и целей модернизации. В случае выбора первого пути роль государства сводится к жесткому регулированию в регионах, т. е. к перераспределению валового внутреннего продукта в пользу всей экономики, к концентрации региональных ресурсов, необходимых для массовых инвестиций в реконструкцию всего народного хозяйства, к выбору региональных приоритетов, т. е. в направлении усиления администрирования. Второй путь предполагает доминирующую

роль региональных звеньев экономики — приоритетных системообразующих региональных предприятий и их корпоративных объединений, региональных рыночных сил, частной инициативы, т. е. в этом случае роль государства сводится к созданию условий и институтов инициативного, самостоятельного и самоподдерживающегося хозяйствования.

Приоритетное значение критерия «устойчивое развитие» региона сегодня осознается в управлении. Реализация принципа управления постоянным улучшением всех экономических процессов, что можно назвать постоянной модернизацией, позволила Японии создать мощную экономику даже при отсутствии собственных природных ресурсов. Россия в ближайшее десятилетие также сталкивалась с проблемой роста затрат на добычу природных ресурсов в силу изношенности основных перерабатывающих фондов и, следовательно, снижения конкурентоспособности страны при поставках сырья на мировые рынки. Без непрерывного улучшения техники, технологий и качества резкое сокращение притока средств от продаж ресурсов приведет к новому сильнейшему экономическому кризису.

Для реализации главного результата модернизации — поворота от экономики экспорта ресурсов к экономике высокотехнологичного и наукоемкого регионального производства и экспорта продуктов и услуг, обеспечивающих занятость и рост жизненных стандартов населения, необходимо понять механизм устойчивости и конкурентоспособности в условиях модернизации региональной экономики.

Механизм устойчивого развития региональной экономики позволяет на научной основе разработать концепцию саморазвития регионального системообразующего промышленного производства в едином экономическом пространстве страны. Устойчивое развитие (sustainable development) является научной категорией, в которой отражаются сложные процессы и явления. Впервые этот термин появился в публикации отчета комиссии ООН, где устойчивое развитие определено как «развитие, которое обеспечивает нужды современного поколения, не подвергая угрозе жизненные потребности будущих поколений»³.

Эта формулировка дала толчок к различного рода интерпретациям, и термин стал восприниматься как универсальное понятие, как новая модель развития цивилизации. При этом в научно-экономической литературе нет единого толкования категории «устойчивое развитие». Обобщение теоретических подходов к осмыслению данного термина позволяет выделить две основные его трактовки: в первой внимание акцентируется на его экологической составляющей, что связывается с оптимизацией деятельности по отношению к биосфере; во второй процесс обозначает новый тип функционирования общества, основанный на радикальных изменениях исторически сложившихся параметров (экономических, социальных, экологических, культурологических и др.) экологической составляющей.

Исходя из этого, зафиксировать общее представление об управлении устойчивым развитием можно только на концептуальном уровне. Процесс перехода на модель такого развития будет в определенном смысле перманентным, и, по сути, должен осуществляться непрерывный переход от одной версии управления к другой. При этом развитие региональной экономики по каждой из этих версий будет представлять собой процесс устойчивого развития, удовлетворяющий требованиям текущего периода и возможностям развития региона в будущем.

Переход экономики к устойчивому развитию связан с процессом ее стабилизации, который с точки зрения методологии исследования органически и объективно связан, с одной стороны, с общим содержанием экономической политики, а с другой — с объективной экономической реальностью. Это означает, что стабилизация региональной экономики должна быть адекватна, в большей или меньшей степени, основному идеологическому содержанию структурных изменений, проводимых в целях модернизации экономики региона. В то же время реализация этого процесса должна основываться на экономической реальности с учетом социально-экономической специфики региона.

Сущность стабилизации заключается в приведении ее в устойчиво-равновесное состояние, и поэтому она отличается от устойчиво-постоянного развития. Стабилизация региональной экономики, по сути, является процессом, ограниченным рамками определенного промежутка времени приведения ее в состояние устойчивости, тогда как устойчивое развитие экономики носит не кратковременный, а постоянный характер, и его сущность заключается в устойчиво-сбалансированных темпах перманентного роста и развития всего народного хозяйства в целом на продолжительный период времени⁴.

Таким же сложным и многосторонним фактором является конкурентоспособность. В условиях модернизации достижение высокой конкурентоспособности выступает в качестве масштабной задачи стратегического развития, обеспечивающей достижение достойных позиций страны в мировом экономическом пространстве. Низкая конкурентоспособность приводит к экспансии импорта и спаду регионального производства. Обоснование ее рассмотрения в обстановке постоянного и кардинального передела сфер влияния в мировой экономике является ключевой составляющей экономической политики по модернизации. Повышение конкурентоспособности отечественного производства рассматривается в числе основных факторов подъема благосостояния населения, реализации национальных интересов государства⁵. Вместе с тем обеспечение конкурентоспособности является проблемой мировой экономической науки.

Значение конкурентоспособности при изучении модернизации региональной экономики определяется прежде всего теми региональными факторами, которые в качестве основы берутся при разработке экономических методов и средств решения практических региональных задач. Очевидно, что для определения конкурентоспособности недостаточно его традиционного понимания. В условиях рынка, несомненно, чем выше конкурентоспособность регионального производства, тем ниже его себестоимость. Следовательно, возникает необходимость оценки издержек регионального производства в условиях конкурентной среды. Стоимость издержек должна не только включать нормальную прибыль на каждый из факторов производства, но и компенсировать его затраты. Сопоставление предельных издержек с доходностью позволит определить как цену предложения и границы, в пределах которых возможно осуществление регионального производственного процесса, так и оптимальную структуру и объем конкретного производства.

Конкурентоспособность регионального предприятия выявляет преимущества данного производителя по уровню удовлетворения потребителей своим товаром с учетом эффективности финансово-хозяйственной деятельности. Следовательно, значение конкурентоспособности в условиях модернизации региональной экономики

можно определить как расширение промышленно-обрабатывающих производств на основе инноваций при соблюдении этими производствами собственных интересов (увеличение прибыли), а также на основе региональных факторов. Существующая ситуация предопределила приоритетные факторы конкурентоспособности: людские (количество, качество и стоимость рабочей силы); физические (географическое положение страны; климатические условия; количество, качество, доступность и стоимость полезных ископаемых, лесных и водных ресурсов и участков; базирование производства); технологические (совокупность научно-технической и рыночной информации, влияющей на конкурентоспособность товаров и услуг); финансовые (количество и стоимость капитала, используемого на финансирование производства; неоднородность капитала, которая может выступать в виде необеспеченности задолженности, обеспеченного долга, акций, с присущими им условиями функционирования); инфраструктурные (транспорт; система связи; почтовые услуги; тип услуг; качество и плата за пользование услугами, влияющими на характер конкуренции)⁶.

Опыт промышленно развитых стран показывает, что на микроуровне действия по совершенствованию вышеперечисленных факторов иногда не эффективны, а их учет на уровне производства не всегда представляется возможным. Однако при условии рассмотрения факторов на макроуровне с учетом модернизации экономики их можно преобразовать в устойчивое конкурентное преимущество. В настоящее время можно выделить пять типов конкурентных преимуществ:

— ресурсное, возникающее благодаря благоприятной налоговой и административной ситуации, создаваемой региональными властями и позволяющей экономить на налоговых платежах; выгодному местоположению (близости к транспортным и информационным коммуникациям, торговым центрам и другим узлам инфраструктуры); низким процентным ставкам (дешевизной заемного капитала); доступностью природных ресурсов и дешевизной рабочей силы;

— технологическое, обусловленное наличием и эксплуатацией товаропроизводителями технологий массового производства, обеспечивающих экономию на масштабах производства и увеличивающих потребительский эффект, связанный с качественными параметрами приобретаемой продукции;

— инновационное, формирующееся за счет своевременной реализации в производстве результатов НИОКР, позволяющей ускоренно обновлять номенклатуру и ассортимент выпускаемой продукции;

— глобальное, связанное с формированием внеэкономических (экологических и социальных) стандартов хозяйственной деятельности и их реализацией в политике региона;

— культурное, обусловленное близостью региона, позволяющее региональным товаропроизводителям поддерживать рынки сбыта в регионах с близкой культурой.

Вполне очевидно, что чем шире у производства набор конкурентных преимуществ и выше их качественные характеристики, тем выше его конкурентоспособность и более благоприятные предпосылки оно имеет в условиях модернизации экономики для успешной деятельности.

Таким образом, изучение факторов устойчивости и конкурентоспособности в условиях модернизации региональной экономики актуально и включает в себя весь спектр научно-исследовательских категорий, подлежащих анализу.

Библиографические ссылки

- ¹ <http://news.kremlin.ru> (дата обращения 10.07.2011).
- ² См.: Суворов Н. В. Оценка макроэкономических последствий изменения масштабов производства в высокотехнологичном секторе российской экономики // Инновационный менеджмент в России : Вопр. стратег. управления и науч.-технол. безопасности. М., 2004. С. 45 — 78.
- ³ Брудланд Г. Х. Наше общее будущее : докл. комис. ООН по окружающей среде и развитию. М., 1988. С. 8.
- ⁴ См.: Кильдюшкина И. Г., Ушакова О. А. Парадигма устойчивого развития региональной экономики // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. [Саранск]. 2010. № 2. С. 14 — 18.
- ⁵ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента Рос. Федерации от 17.12.1997 г. № 1360 : (в редакции Указа Президента Рос. Федерации от 10.01.2000 г. № 24) // Рос. газ. 2000. 18 янв. С. 3 — 4.
- ⁶ См.: Подаруев А. И. Ускорение инновационного развития электротехнического производства : Структур. перестройка науч.-исслед. и инновац. потенциала // Наука и промышленность России. 2001. № 1. С. 90 — 94.

Поступила 19.07.2011 г.

УДК 332.1:365

И. Г. Кильдюшкина, В. А. Ломшин
I. G. Kildyushkina, V. A. Lomshin

**ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х — НАЧАЛЕ 2000-х гг.**

**CONTINUATION OF REFORMS
IN THE REGIONAL HOUSING POLICY
IN THE SECOND HALF OF 1990s — THE EARLY 2000s**

Ключевые слова: жилищное строительство, строительная индустрия, жилищно-коммунальное хозяйство, ввод в действие жилых домов, индивидуальные застройщики, уровень износа, ипотечное жилищное строительство, ипотечное кредитование, благоустройство, степень ветхости эксплуатируемого жилья.

В статье дается общая оценка функционирования регионального ЖКХ в период радикальных рыночных трансформаций 1990-х гг., выделяются основные факторы развития индустрии жилищного строительства, определяются приоритетные направления жилищной политики и реформирования ЖКХ в Республике Мордовия.

Key words: housing, construction industry, housing and communal services, commissioning of residential buildings, individual developers, the level of depreciation, mortgage housing, mortgage loans, landscaping, the degree of disrepair of dwellings.

The article provides an overall assessment of functioning of the regional housing and communal services in the period of radical market transformation of the 1990s, the main factors of housing industry development are emphasized, the priority areas of housing policy and reforming of housing and communal services in the Republic of Mordovia are determined.

Деятельность жилищно-коммунального комплекса Республики Мордовия до радикальных перемен в общественно-политической и социально-экономической системе России в начале 1990-х гг. в целом характеризовалась неудовлетворительным качеством коммунальных услуг, неэффективным использованием природных ресурсов, загрязнением окружающей среды из-за высокого уровня износа коммунальной инфраструктуры (более 65 %), низкого коэффициента полезного действия мощностей и нерезультативной системой управления. Продолжившийся в 1994 г. общий производственный спад в экономике сопровождался структурной переориентацией инвесторов, которые определяли инвестиционную политику в пользу непромышленной сферы, и прежде всего жилищного строительства, где сроки окупаемости и оборачиваемости финансовых средств были значительно меньше, чем в производстве. Частный капитал постепенно формировал инвестиционный рынок как в жилищном, так и в социокультурном строительстве. Строительный комплекс, находившийся в кризисном состоянии, требовал радикальных мер по его оздоровлению в системе и методах государственного регулирования развития строительной отрасли, совершенствовании внутрифирменного управления.

Тенденции развития строительной индустрии в Мордовии в 1995 — 2000 гг. характеризуют следующие показатели: в 1995 г. насчитывалось 620 строительных организаций, в том числе 414 — с количеством работников до 100 чел., в 2000 г. — соответственно 620 и 574; в 1995 г. на развитие производственной базы строительных организаций было инвестировано 37,0 млн руб. в фактически действовавших ценах, или 9,2 % от общего объема инвестиций производственного назначения, в 2000 г. — соответственно 105,8 и 5,4; в 1995 г. было построено 149,1 тыс. м² общей площади, в том числе 42,9 тыс. м² — населением за свой счет и с помощью кредитов, или 28,8 % от общего ввода жилья, в 2000 г. — соответственно 182,1, 104,4 и 57,3¹ (табл. 1).

Таблица 1

**Ввод в действие жилых домов в районах Мордовии и г. Саранске
в 1996 — 2000 гг., м² общей площади**

Район	1996	1997	1998	1999	2000
1	2	3	4	5	6
Ардатовский	3 112	3 919	4 167	3 981	5 134
Атюрьевский	2 166	1 670	2 120	2 710	2 500
Атяшевский	1 516	4 615	5 240	5 301	4 451
Большеберезниковский	3 430	1 456	2 287	2 576	2 520
Большеигнатовский	2 500	2 650	2 100	2 445	2 200
Дубенский	4 180	4 310	4 400	5 491	5 738
Ельниковский	1 514	1 910	2 328	3 100	2 137
Зубово-Полянский	12 060	11 062	8 441	16 719	12 452
Инсарский	5 638	1 848	2 548	3 115	3 396

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Ичалковский	2 406	2 686	2 099	2 402	2 124
Кадошкинский	1 668	796	5 856	3 020	3 073
Ковылкинский	9 347	10 343	9 723	8 267	8 004
Кочкуровский	4 620	2 559	5 008	4 088	4 005
Краснослободский	8 142	10 521	9 163	6 360	8 064
Лямбирский	4 791	8 533	6 689	5 040	6 000
Ромодановский	6 927	4 340	4 106	4 272	4 130
Рузаевский	11 979	15 159	10 525	8 635	15 056
Старошайговский	2 875	2 118	3 431	3 540	4 217
Темниковский	4 482	2 031	2 332	2 294	1 405
Теньгушевский	1 575	2 094	1 591	2 577	2 105
Торбеевский	2 974	7 636	4 319	4 400	4 397
Чамзинский	2 894	2 663	6 421	5 167	4 008
г. Саранск	61 850	62 940	65 207	69 985	75 024
Республика Мордовия, тыс. м ²	162,6	167,9	170,1	175,5	182,1

Составлена по: Народное хозяйство Республики Мордовия в 1993 году : стат. сб. Саранск, 1994 ; Статистический ежегодник Республики Мордовия. Саранск, 1995. С. 108, 155 ; Мордовия 1999 : стат. ежегодник. Саранск, 2000. С. 216 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2003 ; Текущие архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия.

Жилье как выгодное вложение капитала активизировало процесс его строительства наиболее обеспеченной частью населения. Ретроспективный анализ динамики строительства жилых домов в Мордовии индивидуальными застройщиками (табл. 2) показал значительное превышение масштабов ввода жилья со второй половины 1990-х гг.² Снижению объемов незавершенного строительства (рис. 1) сопутствовало выделение денежных средств из бюджета республики, средств предприятий и частных вложений, а также принятие обоснованных управленческих решений³. Общая площадь 225 жилых домов-«незавершенок» на конец 2000 г. составила 191,4 тыс. кв. м⁴.

Таблица 2

**Ввод в действие жилых домов индивидуальными застройщиками
в районах Мордовии и г. Саранске в 1995 — 2000 гг., м² общей площади**

Район	1995	1996	1997	1998	1999	2000
1	2	3	4	5	6	7
Ардатовский	1 685	1 727	2 554	3 457	3 806	4 794
Атюрьевский	900	1 600	1 670	2 120	2 550	2 500
Атяшевский	4 181	1 063	2 801	5 240	3 093	3 322
Большеберезниковский	850	600	805	2 287	1 878	2 520
Большеигнатовский	1 180	1 110	2 100	2 100	2 200	2 200
Дубенский	2 654	4 100	3 790	4 400	5 491	5 738
Ельниковский	960	1 190	1 910	1 968	1 950	1 899
Зубово-Полянский	6 875	7 228	8 024	5 640	15 353	10 000
Инсарский	1 583	1 066	1 422	2 548	2 933	3 279
Ичалковский	1 567	2 306	1 503	1 302	2 294	1 852
Кадошкинский	344	502	560	2 303	2 735	2 883

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Ковылкинский	1 600	2 398	2 469	6 641	6 846	8 004
Кочкуровский	661	3 305	1 418	4 683	4 088	3 448
Краснослободский	2 098	3 137	4 025	3 732	5 649	4 168
Лямбирский	3 023	3 656	5 162	6 689	5 040	6 000
Ромодановский	770	1 335	1 705	2 788	2 981	2 298
Рузаевский	2 659	3 192	3 049	3 742	4 563	2 627
Старошайговский	627	1 833	1 946	1 408	3 386	3 204
Темниковский	861	1 482	1 767	2 149	734	868
Теньгушевский	437	800	700	1 241	1 799	1 976
Торбеевский	1 728	2 649	2 818	1 360	3 756	3 410
Чамзинский	1 744	1 106	989	1 280	2 544	4 008
г. Саранск	3 961	10 856	17 083	19 778	16 592	23 405
Республика Мордовия, тыс. м ²	42,9	58,2	70,3	88,9	102,3	104,4

Составлена по: Народное хозяйство Республики Мордовия в 1993 году ; Статистический ежегодник Республики Мордовия. С. 108, 155 ; Мордовия 1999. С. 216 ; Мордовия. 2003 ; Текущие архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия.

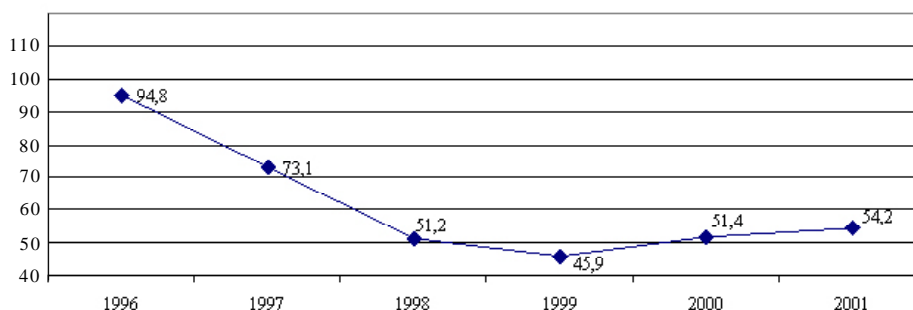

Рис. 1. Объем незавершенного жилищного строительства к уровню 1995 г. (по состоянию на конец года), %

Динамика строительства жилых домов в городах и поселках городского типа и в сельской местности⁵ приведена на рис. 2.

Важными показателями оценки состояния и качества жилищной сферы выступают благоустройство и степень ветхости эксплуатируемого жилья. Доля фонда, отнесенного к ветхому и аварийному жилью, в общей ее величине в Мордовии имела особенность постоянного роста. Высокая степень износа объясняется тем, что практически четвертая его часть расположена в жилых домах, возведенных в 1946 — 1970 гг.⁶, к тому же непригодное для проживания жилье отличают достаточно медленные темпы ликвидации. Государство, являвшееся до недавнего времени основным собственником жилищного фонда, не обеспечивало надлежащей системы его эксплуатации и реновации.

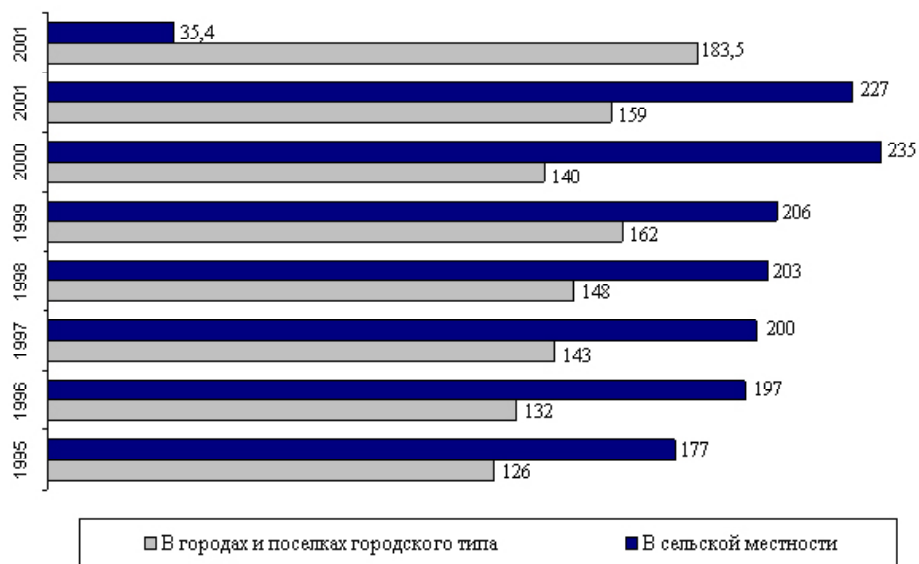

Рис. 2. Ввод жилых домов в Республике Мордовия (на 1 тыс. чел.), м² общей площади

Наряду с недостаточными темпами строительства и медленным снижением уровня ветхого и аварийного жилья (в 1983 г. в городах и райцентрах Мордовии были ликвидированы бараки и аварийное жилье в обобщественном жилищном фонде⁷), оставалась достаточно большой очередь на получение муниципального жилья и недоступной для значительной части населения система ипотечного строительства. На федеральном уровне неудовлетворительно решались вопросы обеспечения жильем отдельных категорий граждан, сохранялась высокая стоимость жилищного строительства, постоянно возрастала стоимость жилья на вторичном рынке. Среди основных проблем в региональной жилищной политике и развитии общественной инфраструктуры выделялись: снижение размера бюджетных ассигнований на содержание ЖКХ; износ жилищного фонда, жилищной инфраструктуры и основных фондов; низкие темпы строительства нового жилья. Возможность их разрешения предпринималась, в том числе за счет развития ипотечного кредитования и реформирования ЖКХ.

Основные этапы проведения жилищной реформы на региональном уровне

Со второй половины 1990-х гг. с формированием новых органов государственной власти в Мордовии наметилась политическая и социально-экономическая стабилизация. Новый импульс реформе ЖКХ на региональном уровне дали решение вопросов республиканского энергетического хозяйства, укрепление и развитие систем водоснабжения, упорядочение взаимоотношений в области регулирования тарифов, реализация программы перехода на персонализированные социальные счета, увеличение числа частных операторов в системе управления жилищным фондом и

объектами коммунального хозяйства, появление элементов конкуренции на рынке коммунальных услуг.

Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1996 г. № 431 «О новом этапе реализации Государственной целевой программы „Жилище“» и Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 1996 г. № 753 «О Федеральной целевой программе „Свой дом“» ускорили разработку и принятие республиканских целевых программ «Жилище» и «Свой дом», улучшение ситуации в жилищной сфере и повышение ее социальной направленности в регионе.

Указы Президента Российской Федерации «О новом этапе реализации Государственной целевой программы „Жилище“», «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья», «О Федеральной целевой программе „Свой дом“» предусматривали постоянную государственную поддержку жилищной реформы и жилищного строительства. В задачу министерств и ведомств республики, органов самоуправления районов и городов вошли практическое воплощение указов, наряду с решением вопросов бесплатного предоставления земельных участков в пожизненное наследуемое владение и аренды в пределах установленных норм под индивидуальное жилищное строительство в местах с необходимой инженерной и социальной инфраструктурой. Государство взяло на себя обязанность безвозмездного субсидирования желающих построить или купить себе квартиру или дом. Финансово-кредитный механизм реализации программ фокусировался на устранении ограничений при выделении земельных участков под индивидуальную застройку, уменьшении доли незавершенного строительства, поддержке организаций, внедрявших различные формы инвестирования жилищного строительства, повышении доступности приобретения жилья гражданами. Это позволило переломить темпы снижения объемов жилищного строительства и нивелировать негативные тенденции в регионе с середины 1990-х гг.

Вместе с тем основную массу предприятий и организаций ЖКХ в рассматриваемый период отличали неудовлетворительное финансовое состояние (многие из них проходили процедуру оздоровления и банкротства), низкое качество предоставления коммунальных услуг, далекая от нормы надежность функционирования инженерных систем и сооружений. Министерству ЖКХ республики, администрациям муниципальных образований и органам самоуправления предстояло форсировать деятельность по созданию системы самоуправления собственников жилья, содействию им в выборе формы управления жилищным фондом, организации взаимодействия с поставщиками жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ)⁸. В рамках практической реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» за счет средств республиканского и федерального бюджетов, средств инвесторов реализовывалась модернизация объектов коммунальной инфраструктуры. В коммунальное хозяйство пошли частные предприятия и предприниматели. В стране был создан Федеральный фонд реформирования ЖКХ, в распоряжение которого было передано 240 млрд руб., в том числе на Республику Мордовия.

Реформирование ЖКХ, привлечение к управлению жилищным фондом собственников и нанимателей осуществлялись медленно. Все тематические программы и фонды работали по принципам состязательности и обратной отдачи (создание ТСЖ и выбор фондом способа хозяйствования). Императивом дальнейшего расширения

участия бизнеса в управлении и обслуживании ЖКХ служили повышение эффективности деятельности созданных для этого рабочих групп, организация подготовки руководителей ТСЖ для обеспечения взаимодействия между управляющими и обслуживающими компаниями и контроля с одновременным проведением кадастрового учета, оформлением и передачей в собственность ТСЖ земельных участков под многоквартирными домами⁹. Создание новых управленческих структур и сохранение старых детерминировали удорожание управления жилищным фондом, отсутствие решения задач демонополизации и ориентации на потребителя, проведение адресной поддержки беднейших слоев населения при повышении доли оплаты ЖКУ без создания службы жилищных субсидий. При этом не внедрялись остальные элементы реформы, на население перекладывалась большая доля затрат без каких-либо попыток их рационализации¹⁰.

Ввиду заинтересованности частных фирм этой сферой отдельные направления жилищной реформы (например, внедрение конкурентных начал в обслуживание жилья) стали перспективной формой управления на рынке жилищных услуг. Особую активность в этом процессе проявили приватизированные и частные ремонтно-строительные предприятия, а также частные фирмы — «выходцы» из ЖКХ. Отсутствие достаточного количества управляющих соответствующей квалификации не стало препятствием и к созданию ТСЖ.

Резкое и существенное повышение жилищно-коммунальных платежей вызвало выступления социального протеста. При этом доля затрат, покрываемая населением (без капитального ремонта), возросла с 2 — 3 до 20 — 40 %. К весне 1998 г. во многих субъектах России она достигла 40 — 50 %. Серьезная подготовительная работа с жителями в сочетании с отлаженным механизмом социальной защиты позволила безболезненно пересмотреть тарифы в случаях их значительного роста. Характерным последствием повышения уровня тарифов для населения в этот период стал рост неплатежей. Дальнейший рост уровня оплаты ЖКУ за счет населения при повышении задолженности, средств на выплату жилищных субсидий и административных расходов, связанных с развитием аналогичной службы, повышение тарифов для населения обусловили значительную экономию бюджетных дотаций. При увеличении уровня покрытия затрат до 40 % за счет населения стоимость программы жилищных субсидий составила 7 — 10 % от суммы платежей населения (без учета задолженности), в городах, достигавших 60 %-ного покрытия затрат, она возросла до 17 %.

Просчеты в проведении жилищных реформ не снизили стоимость услуг в ЖКХ. Львиная доля отраслевых расходов приходилась на коммунальные услуги, в первую очередь тепло и горячую воду. Более того, преобразования в этой области проходили и на местном уровне, поскольку тепло от ТЭЦ, включенных в единую энергосистему России, и установление тарифов на него находились в ведении региональных энергетических комиссий. Отсутствие адекватных механизмов регулирования естественных монополий, в том числе со стороны РАО «ЕЭС России» как собственника большинства ТЭЦ в стране, снизило контроль за ростом данного компонента затрат в услугах ЖКХ. Анализ реформ, ориентированных на рационализацию управления жилищным фондом и его обслуживание, показал, что особого снижения затрат в ЖКХ не наблюдалось. Проведение соответствующих конкурсов приводило к определенной

экономии в эксплуатации жилья, а иногда и перекрывало повышение затрат в других сферах ЖКХ (например, на его управление).

Несмотря на катастрофическое недофинансирование отрасли, местные власти приняли решение об отказе перенесения бремени оплаты жилья на население во избежание конфликта с отдельными его частями. Перестройка системы управления жилищной сферой в части расформирования трестов по обслуживанию жилья, как и проведение конкурсов по его обслуживанию, была рискованной мерой, связанной с потерей прежнего места работы менеджеров и части сотрудников жилищных предприятий. К тому же создание службы заказчика не всегда рассматривалось с позиций лучшего управления жилищным фондом и выражения интересов населения. В отдельных случаях подобное преобразование базировалось на снижении количества занятых и затрат в сфере.

Теоретически предлагалось несколько моделей формирования структуры службы заказчика, однако на практике популярным оказался вариант создания единой организации на город с филиалами в районах в форме муниципального учреждения. Управление жилищным фондом было сосредоточено в одних руках, что означало появление монополиста в сфере обслуживания. Не испытывая конкурентного давления и не подвергаясь существенному контролю, подобная организация переориентировалась с рационализации жилищной сферы и обеспечения качества обслуживания на собственное укрепление и развитие. Тем самым были созданы предпосылки для резкого расхождения различных интересов заказчика и потребителя, влияющих на мотивацию заказчика и подрядчиков.

Аналогичные проблемы возникали при создании и функционировании ТСЖ, во многом отданных на откуп муниципалитетам, которые их образование рассматривали как уменьшение собственного жилищного фонда. Товариществам должны были предоставляться бюджетные дотации и компенсироваться жилищные субсидии на тех же условиях, что и муниципальному жилью. Поэтому рост их числа означал отвлечение все большего объема ресурсов от муниципального фонда. Для многих городов были характерны многомесечные долги товариществам со стороны местного бюджета. Кроме того, службы заказчика часто воспринимали их как конкурентов в борьбе за контроль и ресурсы (пример возможности более рационального хозяйствования), препятствуя формированию и регистрации. Попытки прикрепления товариществ к муниципальным жилищным предприятиям лишали их возможности самостоятельного принятия решений и распоряжения финансами. Муниципальные структуры также проявляли чрезмерную опеку и стремление регулировать деятельность товариществ, что лишало их свободы выбора и возможности повысить эффективность хозяйствования. Тем самым структуры, формально фигурировавшие как товарищества, выполняли функции самостоятельных немunicipальных образований, способных существенно повлиять на механизмы управления жилищным фондом в городах. В свою очередь усиление кризиса местных бюджетов и связанная с ним проблема неплатежей не только не препятствовали осуществлению схемы жилищной реформы, а углубляли и обостряли изначально заложенные в нее противоречия. При обострении финансовых проблем усилилась вероятность создания более благоприятных условий финансирования для «своих», муниципальных предприятий в ущерб «чужакам» из частного сектора. В подобной ситуации оказались и ТСЖ, не получавшие причитающиеся им бюджетные средства¹¹.

В большинстве случаев муниципальным властям было проще не доплачивать жилищно-коммунальным предприятиям и ТСЖ и не заниматься активным поиском резервов экономии. Вместе с этим резко снизилось качество предоставляемых ЖКУ и возросло противодействие населения повышению их оплаты. Заложенные в концепции реформы противоречия выходили на поверхность, что стало очевидным к началу 1997 г., когда процесс преобразований практически повсеместно приостановился.

Принятие в апреле 1997 г. новой Концепции реформы ЖКХ (далее Концепция) Указом Президента Российской Федерации «О реформе жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации» предусматривало углубление преобразований в этой сфере и усиление контроля федерального уровня за ее ходом на местах¹². Рационализация системы управления ЖКХ и снижения связанных с ним затрат базировалась на расширении масштабов преобразований по традиционным трендам жилищной реформы и некоторым новым идеям. В Концепции сформулирована идея четырех федеральных стандартов в области оплаты ЖКУ, направленных на постепенное повышение их уровня за счет населения: социальной нормы площади жилья*; стоимости предоставления ЖКУ на 1 м² общей площади жилья**; уровня платежей граждан по отношению к уровню затрат на содержание и ремонт жилья, а также коммунальные услуги; максимально допустимой доли собственных расходов граждан на оплату жилья и коммунальных услуг в совокупном семейном доходе. При этом региональные и местные власти сохраняли права на самостоятельное установление основных параметров перехода на новую систему оплаты жилья, а трансферты из федерального бюджета выделялись им, исходя из федеральных стандартов. Если субъекты Российской Федерации сочли бы целесообразным установить более мягкие условия оплаты для своих жителей, то связанные с этим затраты они были обязаны финансировать за счет внутренних ресурсов.

В рамках Концепции ускорение институциональных преобразований в части демонополизации, приватизации и развития конкурентных начал в сфере управления жилищным фондом означало доведение в 1997 — 1998 гг. доли жилья, обслуживаемого на конкурсной основе, до 60 %, к 2000 г. — до 100 %. В остальном этот документ подтвердил принципы, заложенные в реформу, на предшествующем этапе: всемерная поддержка создания ТСЖ, курс на внедрение договорных отношений в ЖКХ, необходимость завершения процесса передачи ведомственного жилищного фонда в муниципальную собственность и т. п. Одновременно были приняты принципиальные решения на уровне регионов в вопросах упорядочения расчетов за ЖКУ и мер по развитию потребительских кооперативов собственников квартир и нежилых помещений в жилых домах. Муниципальные власти по доброй воле либо под давлением бюджетных ограничений самостоятельно проводили соответствующие институциональные реформы¹³.

* Федеральный стандарт социальной нормы площади жилья составил 18 м² общей площади на одного члена семьи из трех и более человек, 42 м² — на семью из двух человек, 33 м² — на одиноко проживающих граждан.

** Федеральные стандарты стоимости ЖКУ утверждены на 1997 г. (Постановление Правительства Российской Федерации № 621 от 26 мая 1997 г. «О федеральных стандартах перехода на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг») дифференцированно по регионам и колебались в интервале от 6 до почти 17 тыс. руб. на 1 м² общей площади, составляя в среднем по России 8 200 руб.

На первом этапе реформирования регионального ЖКХ ставилась задача возобновления широкого жилищного строительства. Одним из основных источников его финансирования во второй половине 1990-х гг. по-прежнему оставались внебюджетные средства в сочетании с различными формами государственной поддержки граждан и юридических лиц, принимавших участие в финансировании строительства и приобретении жилья. Местные органы власти и управления, объединяя усилия предприятий и организаций, фондов амортизационных отчислений, инвестиционных фондов, частных лиц, кредиты и рынок ценных бумаг, становились основными инвесторами на своей территории¹⁴.

Впервые в практике республики в 1995 г. сроком на три года было заключено Генеральное соглашение о взаимодействии Министерства строительства Российской Федерации и Правительства Республики Мордовия в области строительства, архитектуры, градостроительства и ЖКХ. Основой принципиально нового построения системы организации и управления строительным комплексом стало создание в Мордовии органов инвестиций (госзаказчика) с тендером подрядов при них. В 1995 г. было создано Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия (госзаказчик) и государственное учреждение — Управление капитального строительства и дорожного хозяйства Республики Мордовия (заказчик-застройщик). Тем не менее из-за резкого сокращения объемов инвестиций на развитие производственной базы строительного комплекса замедлились структурные и технические преобразования действующих производств, обострилась проблема технологической отсталости и конкурентоспособности продукции. Технический уровень развития промышленности строительных материалов и стройиндустрии значительно отставал от мирового. В общем объеме промышленной продукции по-прежнему большой удельный вес занимали традиционные строительные материалы и изделия. Эксплуатируемое оборудование и технологические линии характеризовались высокой металло- и энергоемкостью. Производство цемента, стеновых теплоизоляционных, кровельных и других строительных ресурсов осложнялось низким качеством строительных материалов, их неконкурентоспособностью с импортируемым сырьем. В связи с этим императивом структурной перестройки производственной базы строительства в Мордовии на 1996 — 2000 гг. стало создание организационных, экономических и правовых предпосылок последовательного изменения структуры строительных материалов и конструкций для жилищного строительства, расширение ассортимента эффективных и экологически чистых строительных материалов, изделий и конструкций, уменьшение материало-, энерго- и трудоемкости производимых строительных материалов, изделий и конструкций, сокращение сроков возведения зданий и снижение расходов, связанных с эксплуатацией¹⁵.

При реконструкции и технологическом перевооружении предприятий полного домостроения их мощности намечалось перепрофилировать на производство эффективных изделий для возведения домов по комбинированным (смешанным) системам, средне- и малоэтажных домов и коттеджей. Механизм реализации поставленных целей включал в себя финансово-ресурсное обеспечение, организацию строительства объектов и производственных мощностей, проведение НИОКР. Структурная перестройка производственной базы жилищного строительства требовала увеличения объемов инвестиций. Основными источниками финансирования строи-

тельства подобных объектов выступали централизованные инвестиции на основе возвратных и платных принципов, амортизационные отчисления предприятий промстройматериалов и стройиндустрии, средства от продажи акций приватизированных предприятий, финансово-банковских структур и предприятий промстройматериалов, стройиндустрии и других отраслей при реализации финансового лизинга и др. Инструментом повышения эффективности капитального строительства в новых экономических условиях являлись инвестиционные проекты и программы, исходившие из внутренних возможностей республики. В плане действий правительства предусматривалась система мероприятий по наиболее важным тенденциям капитального строительства¹⁶.

При формировании новой жилищной политики в Мордовии в конце 1996 — первой половине 1997 г. первоочередное внимание акцентировалось на снятие всех ограничений при выделении земельных участков под индивидуальную застройку, уменьшение доли незавершенного строительства и поддержку организаций, внедрявших различные формы инвестирования жилищного строительства, в том числе с привлечением средств населения. В целях выхода строительного комплекса республики из стагнации были образованы Внебюджетный фонд развития жилищного строительства Республики Мордовия, фонд развития сельского жилищного строительства «Развитие села», муниципальный (г. Саранск) фонд развития жилищного строительства.

Наиболее ценными являлись конкретные инициативы правительства республики и администрации г. Саранска, направленные на удовлетворение потребностей людей в жилье. В частности, с 1997 г. для работников учреждений здравоохранения и образования столицы с большими сомнениями (у людей оставались в памяти финансовые пирамиды) начала функционировать простая схема финансирования при строительстве жилья¹⁷ — 30 % от стоимости жилья вносили претенденты, остальные 70 % равными долями за очередников оплачивали республиканский и городской бюджеты. Отметим, что первые 80 квартир оказались сразу востребованными, и к концу 1997 г. работники социокультурных отраслей получили жилье, построенное с прямым участием бюджетного финансирования. Аналогичное постановление правительства Мордовии¹⁸ было реализовано в самые короткие сроки — граждане были уверены в надежных гарантиях власти — еще 80 семей получили квартиры в свою собственность. С учетом бедственного положения работников сферы культуры было принято постановление¹⁹, в результате которого за последующие 4 года работники столичных учреждений здравоохранения, культуры и образования республики получили 240 квартир. Продолжением позитивных тенденций в социально ориентированной политике регионального руководства стали инвестиции в ее экономику из федерального бюджета.

Следует указать, что специально принятое постановление правительства Республики Мордовия по строительству жилья для больных активными формами туберкулеза и граждан, проживающих в домах с длительными сроками эксплуатации, в части переселения семей из ветхого фонда было реализовано, однако из-за дефицита финансовых средств оно выполнено не полностью²⁰.

Особую заботу органы государственной власти и местного самоуправления проявляли о молодых семьях. Решение их жилищных проблем стало одной из приоритетных тенденций социально-экономического развития Мордовии. Еще до ратификации идентичной федеральной программы 17 июня 1998 г. было принято Постановление

Правительства Республики Мордовия № 278 «О строительстве социального жилья», благодаря которому жилье получили 100 молодых семей. В контексте государственной молодежной политики с начала 2000-х гг. были приняты Указ Главы Республики Мордовия «О подготовке подпрограммы „Обеспечение жильем молодых семей“» на 2002 — 2010 гг. (в рамках РЦП «Жилье на 2002 — 2010 гг.») и Постановление Правительства Республики Мордовия «О подпрограмме „Обеспечение жильем молодых семей“» на 2002 — 2010 гг.²¹ с детальной проработкой вопросов защиты молодых семей. В соответствии с указом Главы Республики Мордовия в целях улучшения демографической ситуации и создания благоприятных жилищных условий для молодых семей государственным заказчиком реализации подпрограммы был определен Государственный комитет Республики Мордовия по делам молодежи. Администрациям районов, муниципальных образований Рузаевка, Ковылкино и г. Саранска с 2001 г. рекомендовалось привлекать для решения жилищных проблем молодых семей финансовые средства путем консолидации средств местных бюджетов и внебюджетных источников финансирования²².

С 1 апреля 2002 г. семьям молодых специалистов, проживающим в сельской местности, выделялись средства из республиканского бюджета Республики Мордовия на строительство или приобретение жилья²³. Во исполнение Послания Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия на 2002 г. и Указа Главы Республики Мордовия «Об организационных мерах кадрового обеспечения предприятий агропромышленного комплекса» от 15 июня 1999 г. № 55 правительством республики был утвержден прилагаемый «Порядок выдачи и погашения беспроцентной ссуды на строительство или приобретение жилья молодым специалистам сельскохозяйственных предприятий*, окончившим обучение на контрактной основе и прибывшим по месту назначения в сельскую местность»²⁴.

Реализация программы по обеспечению жильем семей молодых специалистов, согласно которой 30 % от общей стоимости квартиры оплачивал федеральный бюджет, 30 — республиканский, остальные 40 % — за счет выделенного семье кредита, стимулировала объем финансирования строительства жилья для молодых семей**.

* Погашение беспроцентной ссуды на строительство или приобретение жилья таким специалистам начиналось не позднее, чем через три года после ее получения. Ссуда погашается в течение 20 лет в следующем порядке: 20 % — в первые пять лет; 30 % — в последующие пять лет; 50 % — из республиканского бюджета Республики Мордовия, если заемщик проработал на сельхозпредприятии более 10 лет. Семье молодого специалиста со стажем работы более 10 лет, имеющей ребенка в возрасте до 18 лет, ссуда погашается за счет средств республиканского бюджета Республики Мордовия на следующих условиях: при рождении второго ребенка общая сумма ссуды погашается на 5 %; при рождении третьего, четвертого, пятого и шестого ребенка — на 10 % на каждого родившегося ребенка; при рождении седьмого ребенка ссуда погашается полностью. При условии, если молодой специалист отработал на агропредприятии менее 10 лет, ссуда погашается им в полном объеме в течение 20 лет под 5 % годовых. Семье молодого специалиста со стажем работы на сельхозпредприятии менее 10 лет, имеющей ребенка в возрасте до 18 лет, ссуда погашается за счет средств республиканского бюджета Республики Мордовия следующим образом: при рождении второго ребенка общая сумма ссуды погашается на 10 %; при рождении третьего, четвертого, пятого и шестого ребенка — соответственно на 20 % на каждого родившегося ребенка; при рождении седьмого ребенка ссуда погашается полностью.

** В 2002 г. в республиканском бюджете на эти цели было предусмотрено 15,7 млн руб., в 2003 г. — 50,0 млн руб., в том числе из муниципального бюджета соответственно 2,4 и 10,0 млн руб.

Средства хозяйствующих субъектов Мордовии и других внебюджетных источников предусматривались в период, когда подпрограмма давала определенные результаты²⁵. В 2002 г. средства не выделялись, в 2003 г. их размер составил 13,3 млн руб. Таким образом, сумма финансирования жилищной сферы для молодых семей в республиканском бюджете за эти годы увеличилась в 7,6 раза. Повысился и ввод жилья в эксплуатацию: в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» было введено 24 459,55 м² жилья²⁶. Подпрограмма предполагала формирование системы оказания государственной поддержки определенным категориям граждан в приобретении жилья*.

За период 1997 — 2000 гг. руководство республики сумело привлечь к деловому финансированию строительства жилья наиболее обеспеченную часть населения, принявшую на себя всевозможные риски для вложения в собственную квартиру 30 — 50 % ее стоимости. Однако настоящий подход к решению жилищной проблемы путем долевого участия в строительстве не всегда был приемлем для большей части населения. Это связано, во-первых, с отсутствием накоплений такого масштаба, а во-вторых, с возможностью нанесения прямого ущерба участнику из-за его незастрахованности от каких бы то ни было обстоятельств (от удорожания строительства до банкротства компании, вложенные средства в этом случае можно считать безвозмездно утерянными). Надо иметь в виду, что успех обозначенных проектов был обусловлен доверием людей к органам власти, выступавшим гарантом их успешной реализации.

Для быстрого вовлечения ЖКХ в рынок в республике на базе действовавшего с декабря 2000 г. ГУП Республики Мордовия «Агентство жилищной политики и ипотеки» в 2001 г. было создано ОАО «Мордовская ипотечная корпорация» с государственным контрольным пакетом акций²⁷. Площадь введенного жилья с начала деятельности корпорации (со второго полугодия 2002 г.) составила 15 731 м², объемы инвестированных в строительство жилья средств в 2002 г. — 86,5 млн руб.; в 2003 г. — 139,9 млн руб.; количество семей, получивших квартиры, соответственно — 138 и 247²⁸. Функционирование деятельности общества предусматривает рыночные принципы приобретения жилья как за счет собственных средств граждан, так и долгосрочных ипотечных кредитов и займов, разработанные в аспекте подпрограммы развития системы ипотечного жилищного кредитования в Республике Мордовия на 2006 — 2010 гг. (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 31 июля 2006 г. № 339 «О подпрограмме развития системы ипотечного жилищного кредитования в Республике Мордовия Республиканской целевой программы „Жилище“ на 2006 — 2010 гг.»).

Основные показатели деятельности ЖКХ Республики Мордовия и в 2000 г. свидетельствовали о неблагоприятном состоянии отрасли: из 77 ее предприятий со среднесписочным количеством работавших на них 14 099 чел., 47 были убыточными. Среднемесячный заработок работника жилищно-коммунальной сферы

* С 2007 г. в Мордовии практиковалось поэтапное погашение льготных ипотечных кредитов за счет республиканского бюджета при рождении второго и каждого следующего ребенка. Усовершенствованию системы служило внесение предложений со стороны региональных властей в отношении многодетных семей. Существенную помощь таким семьям оказывало принятие федеральных резолюций по базовому материнскому капиталу в сочетании со льготным ипотечным кредитованием.

составил 1 113,4 тыс. руб. Несмотря на выделенные из бюджета 194 656,0 млн руб. ассигнований на ее развитие, из года в год отмечались отрицательные финансовые результаты (в 2000 г. убыток составил 56,4 млн руб.), увеличение уровня износа основных фондов, обветшание жилищного фонда, снижение надежности инженерных систем и ухудшение качества ЖКУ в целом. По сравнению с другими регионами ПФО Мордовию отличали низкие темпы ввода нового жилья как в показателях площади строящихся зданий, так и в расчете на душу населения (12-е место в ПФО). Лишь с 2002 г. улучшилась ситуация, причем в основном в г. Саранске.

В связи с этим *на втором этапе прерогативой жилищной политики и реформирования ЖКХ в регионе стало повышение уровня благоустроенности жилищного фонда*, которое включает благоустройство жилых и нежилых строений.

В ведении предприятий отрасли находились жилые дома, водозаборы, очистные сооружения, объекты тепло- и электроснабжения, гостиницы, бани, прачечные и т. д. Если рассматривать жилищный комплекс в совокупности, то с точки зрения процесса реформирования в нем четко выделяются два блока: новое строительство и развитие рынка жилья с достаточно динамичным развитием и быстрым темпом институциональных преобразований, с одной стороны, и ремонт, эксплуатация и предоставление ЖКУ с реализацией постепенного, более мягкого варианта реформ — с другой. В данном случае под реформами ЖКХ следует понимать преобразования именно второго блока, т. е. институциональных механизмов поддержания и функционирования существующего жилищного фонда. При этом улучшение экологической обстановки, санитарно-гигиенических условий жизнедеятельности и состояния здоровья населения было невозможно без обеспечения достойного уровня его деятельности в целом.

Благоустройство обобщественного городского жилищного фонда в Мордовии выглядело следующим образом: в 1990 г. фонд, оборудованный водопроводом, составил 76,2 % к общей площади, в 1995 г. — 79,6, в 2001 г. — 81,3; соответственно канализацией — 73,1, 74,3 и 78,4; центральным отоплением — 83,0, 84,0 и 89,6; газом — 91,5, 93,5 и 95,1; горячим водоснабжением — 57,1, 58,9 и 66,9²⁹. Отметим, что в Мордовии 44,3 % жилищного фонда отнесено к сельскому типу (в РФ — 27,5, ПФО — 30 %), соответственно и общая его обеспеченность водопроводом, канализацией, центральным отоплением и горячим водоснабжением, ванными, душем, электроплитами (кроме газа) — на 10 — 15 % ниже, чем в среднем по стране и ПФО³⁰.

Большое значение в улучшении условий жизни населения, особенно сельского, имела планомерная реализация генеральной программы газификации, утвержденная в 1996 г. На 1996 — 2000 гг. прогнозировалось завершить газификацию значительной части сельских населенных пунктов. Значительные капитальные вложения на эти цели предусматривались с учетом резкого увеличения ввода газовых сетей. В этот период проводились серьезные мероприятия в области улучшения благоустройства регионального жилищного фонда, особенно в сельской местности, — обеспечение водопроводом, канализацией, центральным отоплением, природным газом. По проекту массовой газификации объектов народного хозяйства и жилищного фонда было построено 420 км газопроводов-отводов высокого давления, свыше 2 500 км газовых сетей, 30 автоматических газораспределительных станций³¹. К 2001 г. уже было газифицировано 322,5 тыс. квартир (в том числе 255,6 тыс. природным газом, 66,9 тыс. сжиженным), в целом уровень газификации в республике

составил 90 % (в том числе в городах и поселках городского типа — около 100 %, в сельской местности — 80 %) ³².

Особое внимание уделялось развитию сети коммунально-бытовых предприятий, призванных значительно поднять уровень жилищно-коммунального обслуживания населения. Неотложными мерами, частично выполненными к началу 2000 г., являлись: расширение и реконструкция сети водоснабжения в г. Саранске, Краснослободске, Темникове, Ардатове, Ковылкино и Рузаевке, в районных центрах Ичалки (Кемля), Зубова Поляна и Ромоданово; модернизация или новое строительство очистных сооружений в Саранске, районных центрах Большие Березники и Дубенки, в малых городах Инсар и Ардаатов, где они практически отсутствовали; возобновление и продолжение работ по теплофикации с. Дубенки, г. Краснослободск и Ардаатов, пгт Чамзинка; строительство банно-прачечного комбината в г. Рузаевке и бани в с. Ельники; завершение строительства базы ПП ЖКХ в райцентре Дубенки мощностью 766 м² и стоимостью 935 250 млн руб. (в ценах 1996 г.); строительство базы ПП ЖКХ в райцентре Кочкурово мощностью 766 м² и стоимостью 935 250 млн руб. (в ценах 1996 г.).

Перечень объектов коммунального назначения (бани, прачечные, водоснабжение, очистные сооружения, теплофикация), строительство которых намечалось на 1996 — 2000 гг., ежегодно корректировался, исходя из финансовых возможностей и наличия проектной документации. Например, в 1997 — 2001 гг. для увеличения эффективности эксплуатации водопроводных сетей и сокращения потерь воды проводилась перекладка изношенных водопроводных сетей протяженностью 22 км. Для улучшения водоснабжения населения г. Саранска было пробурено 3 артезианские скважины, капитально отремонтировано и заменено 620 водоразборных колонок, переложены с увеличением диаметра участки напорных и самотечных коллекторов общей протяженностью 5 км ³³. Несмотря на сложное экономическое положение, только за счет выделенных из городского бюджета г. Саранска денежных средств в сумме 8 млн руб. был построен напорный трубопровод к насосной станции № 3 до главного столичного коллектора.

Согласно комплексной программе реконструкции сетей наружного освещения и сокращения эксплуатационных затрат на их содержание и обслуживание было начато внедрение новых прогрессивных источников света. Разработана масштабная программа «Светлый город», в которой предложены модернизация и реконструкция существовавшего наружного освещения в различных архитектурно-декоративных вариациях.

В июне 1997 г. в г. Саранске было создано Муниципальное учреждение «Городская служба заказчика жилищно-коммунального хозяйства» с целью функционирования единого заказчика на выполнение работ (услуг) по содержанию и обслуживанию жилищного фонда города по всем видам инженерного обеспечения. Его формирование дифференцировало функции между заказчиком ЖКУ для муниципального жилищного фонда и подрядными организациями, предоставлявшими их. Все структуры, которые ранее выполняли управленческие функции по отношению к муниципальному жилищному фонду, были ликвидированы; жилищные тресты преобразованы в муниципальные унитарные предприятия по обслуживанию и ремонту жилья с переходом на договорные отношения.

Создание Городской службы заказчика ЖКХ способствовало улучшению технического надзора за выполнением работ по содержанию жилищного сектора и целевому вложению денежных средств на капитальный ремонт и реконструкцию объектов городской социальной инфраструктуры и жилищно-коммунального комплекса. Были проведены эксперименты по возможности реконструкции и переводу общежитий под жилые дома, сносу ветхого аварийного жилищного фонда и улучшению жилищных условий в домах «купеческой застройки» с надстройкой этажа с блоком обслуживания и введению сетей полного благоустройства. При наличии необходимых бюджетных средств проводилась реконструкция жилых домов первых массовых серий. Частичное решение проблем ЖКХ в эксплуатации жилищного фонда городского округа Саранск было обусловлено созданием автоматизированных и компьютеризированных рабочих мест и набором специалистов по разделам «Строительство, архитектура и инженерные системы». За период функционирования службы заказчика ЖКХ разработали и выпустили проектных решений и проектов, прошедших государственную вневедомственную экспертизу, на 2,8 млн руб. Были разработаны и утверждены 16 крупных проектов. Создание проектной группы сократило время на разработку и утверждение проектно-сметной документации и показало возможность гибкости выполнения задач, поставленных городской администрацией в рамках Стратегии социально-экономического развития г. Саранска³⁴.

В соответствии с «Программой демонополизации развития конкуренции на рынке ЖКУ на 1998 — 2000 гг.» ежегодно проводился конкурс по отбору предприятий для обслуживания жилищного фонда. Комплекс упомянутых преобразований позволил снизить расходы на содержание управленческого аппарата на 32 % с оптимизацией использования ресурсов на обслуживание муниципального жилищного фонда, повысить качество предоставления ЖКУ. В целом с 1997 г. была проведена большая работа по благоустройству и озеленению придомовых и общественных территорий столицы республики, этому в значительной мере способствовали ежегодно проводимые конкурсы на «Лучший район по благоустройству», «Самый благоустроенный двор г. Саранска», на «Лучшее содержание и строительство спортивных сооружений»; выполнение программ «Зеленый город», «Светлый город» и др.³⁵ За указанный период продолжилась деятельность по приемке ведомственного жилищного фонда в муниципальную собственность. Повышение требовательности к данному процессу и передача в обязательном порядке инженерных сетей исключили появление бросовых, бесхозных инженерно-технических коммуникаций.

С 1999 г. правительством республики и городской администрацией практиковалось адресное строительство социального жилья через выделение безвозмездных субсидий³⁶: целевым образом были сданы в эксплуатацию более 600 квартир, в том числе 240 — для работников учреждений здравоохранения, образования и культуры, 100 — для молодых семей, 140 — для работников коммунальных предприятий и семей, проживавших в домах с длительными сроками эксплуатации, 130 — для переселения граждан, живших в санитарно-защитной зоне крупных промышленных предприятий; на придомовых территориях муниципального жилищного фонда построено 65 новых детских игровых и спортивных площадок, 8 детских сказочных городков, 25 альпийских горок; произведено устройство 4 декоратив-

ных водоемов и 2 фонтанов; установлено 37 остановочных павильонов и 120 рекламных тумб.

Для вовлечения населения в решение вопросов содержания и обслуживания жилищного фонда, обеспечения его сохранности и повышения уровня благоустройства в муниципальном жилищном фонде г. Саранска избрано 1 295 домовых комитетов. Их работа строилась на тесном контакте с жилищно-эксплуатационными организациями и участковыми инспекторами, на основе регулярных встреч и семинаров с представителями общественности в районах и городе, организаций совместных рейдов с привлечением общественности к приемке выполненных работ по ремонту лестничных клеток, остеклению и ремонту кровель, уборке и содержанию придомовых территорий.

Создание и обеспечение комфортных условий проживания, доступности ЖКУ для населения в рамках подпрограммы «„Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры“ Республиканской целевой программы „Жилище“ на 2006 — 2010 гг.» (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 22 марта 2006 г. № 105) выступает модификацией программы «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Республики Мордовия на 2003 — 2010 гг.» (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 31 декабря 2002 г. № 624). В контексте празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства в 2009 г. по региональной адресной программе «Переселение из ветхого и аварийного жилищного фонда в Республике Мордовия на 2008 — 2011 годы» республике было выделено целевым назначением из федерального бюджета более 300 млн руб.

Вместе с тем остаются проблемы, связанные с низким качеством ЖКУ и надежностью функционирования инженерных систем и сооружений. Основное количество предприятий и организаций отрасли имели неудовлетворительное финансовое состояние, многие проходили процедуру оздоровления и банкротства. Министерству ЖКХ Республики Мордовия, администрациям муниципальных образований и органам самоуправления предстоит ускорить создание системы самоуправления собственников жилья, содействовать в выборе формы управления жилищным фондом и организации взаимодействия с поставщиками ЖКУ, разъяснять жильцам их права и обязанности по содержанию придомовых территорий, домов и подъездов и обеспечивать функциональное участие жителей в формировании и организации работы ТСЖ³⁷.

Таким образом, состояние ЖКХ в Мордовии определяли неоднозначные тенденции. В региональной жилищной политике выделялись пять базовых направлений: жилищное строительство, развитие системы ипотечного жилищного кредитования, обеспечение жильем молодых семей, модернизация объектов коммунальной инфраструктуры и повышение доступности приобретения жилья. Остроту данной проблематики в республике определяли значительные объемы незавершенного строительства, низкое качество предоставления ЖКУ и строительных работ, высокая стоимость возводимого жилья, отсутствие необходимого количества жилых помещений для удовлетворения социальных потребностей населения, недостаточность годового ввода жилья для обеспечения его воспроизводства и невысокий уровень среднедушевых доходов населения.

Сложившаяся ситуация в региональной жилищной политике требует проведения следующих системообразующих мероприятий:

— продолжения реализации ценовой политики в жилищной сфере, возведения социального жилья за счет всех источников финансирования, бюджетного финансирования строительства коммунальных объектов, привлечения государственных гарантий из федерального бюджета (по Федеральной подпрограмме «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой») в оснащении жилищных площадок инженерными коммуникациями посредством постройки новых объектов и реконструкции действующих мощностей энергетики и коммунального хозяйства;

— наращивания объема малоэтажного жилищного строительства и обеспечения комплексной застройки новых микрорайонов в районах республики;

— дальнейшего развития инфраструктуры рынка ипотечного жилищного кредитования и функционирования этого института путем увеличения объемов выдачи ипотечных кредитов за счет привлечения средств соответствующего федерального агентства;

— осуществления в коммунальном хозяйстве Республиканской целевой программы «Переселение из ветхого и аварийного жилищного фонда в Республике Мордовия на 2008 — 2011 годы»;

— развития системы градорегулирования, включающей формирование документов территориального планирования, конкурсное предоставление земельных участков под жилищное строительство, приведение нормативных документов в соответствие с новым Градостроительным кодексом Российской Федерации;

— преобразования строительного комплекса республики в динамично развивающуюся и эффективную сферу с устойчивыми экономическими показателями, обеспечивающими повышение рентабельности работы отрасли, снижение зависимости от экспорта строительных материалов и дальнейшее развитие собственных производств для снижения стоимости этой продукции.

Библиографические ссылки

¹ См.: Народное хозяйство Республики Мордовия в 1993 году : стат. сб. Саранск, 1994 ; Статистический ежегодник Республики Мордовия. Саранск, 1995. С. 108, 155 ; Мордовия 1999 : стат. ежегодник. Саранск, 2000. С. 216 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2003 ; Текущие архивы министерств экономики и жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия.

² См.: Об индивидуальном жилищном строительстве в Республике Мордовия : аналит. зап. № 415. Саранск, 2008. С. 3.

³ См.: О незавершенном строительстве в Республике Мордовия : аналит. зап. № 419. Саранск, 2007. С. 4 — 5.

⁴ Там же.

⁵ См.: Строительный комплекс Республики Мордовия в 2001 — 2005 годах : стат. сб. Саранск, 2006. № 400. С. 15.

⁶ См.: Жилищный фонд и коммунальное хозяйство Республики Мордовия за 2006 год : стат. бюл. Саранск, 2007. № 743. С. 47 ; О состоянии и развитии жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия : аналит. зап. Саранск, 2008. № 794. С. 6.

⁷ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 52.

⁸ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию на 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isvmor.ru> (дата обращения 03.04.2011).

⁹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию на 2008 г. // Там же.

¹⁰ См.: Экономика переходного периода : Очерки эконом. политики посткоммунист. России 1991 — 1997. М., 1998. С. 725 — 737.

¹¹ Там же.

¹² URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения 07.04.2011).

¹³ См.: **Страйк Р., Косарева Н.** Реформа жилищного сектора России : 1991 — 1994. М., 1994. С. 95 — 96.

¹⁴ См.: **Гуськова Н. Д.** Инвестиционная деятельность: федеральный и региональный аспекты. Саранск, 2000.

¹⁵ См.: Антикризисное управление : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 9 — 10 дек. 1997 г. Саранск, 1998. С. 57.

¹⁶ См.: Программно-целевое регулирование социально-экономического развития регионов / Гуськова Н. Д. [и др.]. Саранск, 1999.

¹⁷ О строительстве жилья для работников учреждений здравоохранения и образования г. Саранска : постановление Правительства Республики Мордовия от 23 апр. 1997 г. № 182 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isvmor.ru> (дата обращения 14.04.11).

¹⁸ О строительстве жилья для работников учреждений здравоохранения и образования г. Саранска : постановление Правительства Республики Мордовия от 16 февр. 1998 г. № 48 // Там же.

¹⁹ О строительстве в 1999 — 2000 гг. жилья для работников учреждений здравоохранения, культуры и образования г. Саранска : постановление Правительства Республики Мордовия от 8 февр. 1999 г. № 62 // Там же.

²⁰ О строительстве жилья для больных активными формами туберкулеза и граждан, проживающих в домах с длительными сроками эксплуатации : постановление Правительства Республики Мордовия от 12 дек. 1997 г. № 559 // Там же.

²¹ URL: <http://www.isvmor.ru> (дата обращения 14.04.11).

²² О подготовке подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» в рамках Республиканской комплексной целевой программы «Жилье на 2002 — 2010 гг.» : указ Главы Республики Мордовия от 30 окт. 2002 г. № 140-УГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isvmor.ru> (дата обращения 14.04.11).

²³ Об утверждении «Порядка выдачи и погашения беспроцентной ссуды на строительство или приобретение жилья молодым специалистам сельскохозяйственных предприятий, окончившим обучение на контрактной основе и прибывшим по месту назначения в сельскую местность» Государственным унитарным предприятием Республики Мордовия «Развитие села» : постановление Правительства Республики Мордовия от 1 апр. 2002 г. № 158 // Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Развитие ипотечного жилищного строительства в Республике Мордовия : аналит. зап. Саранск, 2004. № 6. С. 15 — 21.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Мордовия. С. 365.

²⁸ См.: Развитие ипотечного жилищного строительства в Республике Мордовия. С. 15 — 18.

²⁹ См.: Мордовия. С. 52.

³⁰ См.: Жилищный фонд и коммунальное хозяйство Республики Мордовия за 2007 г. : стат. бюл. Саранск, 2008. № 743. С. 20.

³¹ См.: Мордовия.

³² Там же.

³³ См.: Благоустройство городов и поселков Республики Мордовия : экспресс-информ. Саранск, 2006. № 774. С. 1 — 5 ; О работе жилищно-коммунальных организаций Республики

Мордовия в условиях реформы за 2006 г. : экспресс-информ. Саранск, 2007. № 763. С. 2 — 19 ; О состоянии и развитии жилищно-коммунального хозяйства Республики Мордовия. 2007. № 789 ; Социально-экономическое развитие городского округа Саранск в 2003 — 2007 гг. : стат. сб. Саранск, 2008. № 951. С. 4 — 10, 44 — 69, 91 — 95, 103 — 104, 121, 123, 130.

³⁴ См.: Проект Стратегии социально-экономического развития г. Саранска. СПб., 2008.

³⁵ См.: Республика Мордовия в 1994 году. Саранск, 1995 ; Статистический ежегодник Республики Мордовия. 1995 год. Саранск, 1996 ; Статистический ежегодник Республики Мордовия. 1996 год ; Социально-экономическое развитие городского округа Саранск в 2003 — 2007 гг. С. 76 — 96.

³⁶ См.: О предоставлении гражданам мер социальной поддержки и субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в Республике Мордовия за январь — март 2007 г. : экспресс-информ. Саранск, 2007. № 764. С. 1 — 4 ; О предоставлении гражданам мер социальной поддержки и субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в Республике Мордовия за 2007 г. 2008. № 767. С. 2 — 5.

³⁷ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию на 2007 г.

Поступила 18.05.2011 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

О. А. Еремкина

O. A. Eremkina

**«СИМБИРСК И КАРСУН. КНИГА ПИСЬМА
И МЕРЫ СТОЛЬНИКА ИВАНА ВЕЛЬЯМИНОВА
ДА ПОДЬЯЧЕГО АФОНАСЬЯ АНДРЕЕВА 193 — 194 ГОДОВ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**«SIMBIRSK AND KARSUN. THE BOOK OF WRITING
AND MEASURE BY STOLNIK IVAN VELYAMINOV
AND PODYACHY AFONASY ANDREEV OF 193 — 194»
IN THE CONTEXT OF HISTORY**

Ключевые слова: писцовая книга, поселение, Симбирск, Карсун, подати, земля, оброк, межевание.

В статье рассматривается важность для исторической науки писцовой книги служилых людей, поселенных правительственными указами в XVII в. на укрепленной Карсунской линии в Симбирском уезде.

Key words: cadastres, settlement, Simbirsk, Karsun, taxes, land, rents, land surveying.

The importance of cadastres of service class people, settled by the government decrees in the XVII century on the Karsun fortified in the Simbirsk Uyezd, for history is considered in the article.

Писцовая книга XVII в. «Симбирск и Карсун. Книга письма и меры стольника Ивана Вельяминова да подьячего Афонасья Андреева 193 — 194 годов»¹ содержит сведения о землевладении и землепользовании разных категорий населения, в ней также дается детальное описание земель и границ владений вновь возникших поселений.

Объем книги составляет 360 листов, формат — пол-листа. В конце книги есть вложение, датированное 1740 г. Вся книга написана одним почерком, в том числе позднейшее вложение, что позволяет датировать снятие копии примерно тем же годом, что и вложение. Тип письма — скоропись XVIII в. Подлинник книги находится в РГАДА, ее вычитка велась по фотокопиям.

На 6 листах приводится краткое описание поселений и земель Симбирского уезда, при этом указываются поселения только той его части, которая управлялась

из г. Карсуна. Описание самого города Симбирска и земель под ним не дано. Интересно то, что на титульном листе книги г. Симбирск пишется с буквой «м», а в самом тексте — с буквой «н» («Синбирск»). Скорее всего, титульный лист был заменен после 1780 г., именно с этого времени Симбирск во всех документах стали писать с буквой «м».

Описание г. Карсуна начинается с характеристики земель, принадлежавших соборной церкви, перед каждой записью поставлено цифровое обозначение. Далее следует описание земель Преображенского мужского монастыря, слободских церквей и принадлежавших им земельных угодий. Перечень слобод приводится в следующем порядке: Пушкарская слобода, Слобода конных казаков, Стрелецкая слобода. Патриаршие земли указываются отдельно, с описанием их местоположения в черте города и величиной угодий. Далее следует перечень поселений.

В кратком описании указываются национальный и социальный состав жителей, дата межевания земель, а также количество земельных угодий и их географическое местоположение с указанием ориентиров, например: «Ноября в 20 день деревни Белой Воды (в дальнейшем она писалась как Беловодье. — *О. Е.*) за мордовскими мурзами за Замяткою мурзою князь Ромодановым с товарищи за сорок за одним человеком...» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об.], «...от реки Суры, по речке Белой Вод пашни паханные и требы с наддачею добрые земли по дватцати по пяти чети человеку в поле, а в дву потому ж. И того тысяча дватцать пять чети. Сенных покосов тысяча шестьсот сорок копен» [Там же]. При описании земель обязательно указывались источники, которые подтверждали законность владений: «Писана за ними та земля по строелным книгам 157 году (1649 г.) и по выписи 170 года (1662 г.) за приписью подьячего Дениса Посникова» [Там же, л. 6 об.]. Все внесенные в книгу земли обозначены порядковыми арабскими числами.

Всего в Карсунском уезде описано 6 деревень и 1 село. По национальному составу здесь преобладали мордовские селения: в с. Вельмисев Починок жили новокрещены из мордвы князя Издеберские; в д. Белая Вода и Кулавки — мордовские мурзы из княжеских родов; в трех деревнях Подгородного стана (Старая Татарова, Кирдеево и Котякова) Карсунского уезда проживала тяглая мордва, платившая ясак и посоп. Деревня Туварма была населена служилыми чувашами, а деревня Горенок — татарскими мурзами.

Непосредственно текст писцовой книги начинается с листа 12 об. Здесь писцы придерживались тех же правил, что и при составлении краткого описания. Они указывали тип поселения, его местоположение (на реке, ключе, озере или плотине), государственные обязанности жителей, их этнический состав. Большое внимание уделялось пашенным, луговым и лесным угодьям, а также их межеванию, например: «Межа той их поместной земле подле реки Барыша у заводи на берегу» [Там же, л. 179 об.]. При описании каждого поселения перечислялось количество дворохозяев, «половинщиков», «третейщиков», «четверщиков», «захребетников» и «бобыльских» дворов. По каждой слободе, селу, деревне и выставке указывались «пашни паханные» в четьях и десятинах, давалась характеристика земли: «добрая», «средняя», «а не добрая, бугры каменные и травы нет» [Там же, л. 151]. Исчисление земли велось «в поле, а в дву потому ж»; в ряде случаев «пашня паханая» измерялась с точностью до пол-осьмины.

Сенокосные угодья обычно измерялись в десятинах; указывали количество копен, собиравшихся с сенокосных угодий, их местоположение («...а на сенные покосы

тридцат десятин. На десятине по дватцати копен итого шестьсот копен» [Там же, л. 186]), а также количество копен, приходившееся на одного человека. В некоторых поселениях, например в Товолжанской слободе, у выборных солдат указывали земли, которые отводились под дворовые постройки, приусадебные хозяйства, гумны и пастбища: «...да под усадьбы, да под огороды и под огумени и на животины выпуски против их дач, кроме примерной земли на пятсот на дватцат чети дватцат шесть десятин» [Там же, л. 186 об.].

Большое внимание уделялось точности описания земель. Так, граница между участками земли определялась починными столбами, поставленными на меже, а также деревьями. На починных столбах и деревьях были нарезаны именные грани, каждая из которых делалась во время переписи земель с указанием имени переписчика. Грани обновлялись в присутствии понятых и записывались в писцовых книгах, например: «...и до развилочатой олхи, что та олха была з гранью Бориса Приклонского и та грань выгнила. А вновь нарубить грани нельзя, для того что та олха гораздо ветха, а та олха стоит на берегу речки Лимшезелейки. Вверх идучи на правой стороне и против олхи на левой стороне речки поворотить вкруте на лево на гору от речки Лимшезелейки двенатцать сажень поставлен столб дубовой... А от того дуба прямо по меже через суходол сто тринатцать сажень до дуба ж. На нем грани, подле ево яма. Одна грань была Бориса Приклонского. И та грань заросла и вместо той грани насечена вновь грань... А от тех столбов прямо по меже сто двадцать сажень на столб з гранми, что тот столб поставил Василий Лаговчин. И на том столбе старые грани подновлены. А на том дубу две грани Бориса Приклонского и те грани заросли, и на том дубу те старые грани подновлены» [Там же, л. 48 об., 55 об.].

При описании большинства поселений указываются условия пользования лесом: «И въезжат им салдатом и казаку в Большой черной лес и до Суры реки для хромилного и дровяного лесу Болшого города Карсунова со всеми жителями всяких чинов вопче, дельного дерева не портить» [Там же, л. 83].

После описания каждого поселения приводятся сведения о людях, проводивших межевание, и понятых, присутствовавших во время него. В конце описания ставились скрепы о тех, кто расписывался вместо понятых; понятые из мордвы прикладывали свои знамёна.

Для решения спорных вопросов приглашались старожилы, помнившие старые границы. Для того чтобы они отвечали правдиво, проводилась процедура клятвопринятия: русские православные люди допрашивались с клятвой на Евангелие, а мордва, согласно своей вере, «по шерти». Писцы использовали этот прием при выяснении границ по оврагу: «Про ту землю и про речку Лемшизелейку, про Большой проток той реки Лимшизелейки, которых старожилах и сторонних людех водят стрельцы и салдаты скаски за руками. И тех старожилон и сторонних людей допрашивали русских людей по святой христовой непорочной евангельской заповеди господней еже ея. А мордву, по их вере по шерти» [Там же, л. 51 об.].

В книге содержатся свидетельства о хозяйственном состоянии населения. После описания всех поселений в конце книги приводится подробный перечень податей, которые платило население, в первую очередь мордовское, и угодий, которые за ним были. Писцы указывали также причину, по которой население не могло платить подати в полном размере. В основном это было связано с запустением ряда деревень, вызванным восстанием Степана Разина («бунт воровских казаков»), татарскими

набегами и заселением земель в связи со строительством укрепленной линии. Так, жители д. Котякова подали челобитную о том, что все их бортные угодья уничтожены, «дельные» деревья сожжены, а на месте вотчин построен г. Сызган, и что оброк они платят с «пустаго» места [Там же, л. 355 об.]. По многим угодьям мордвы есть следующая запись: «...и та вотчина облюдела русскими людьми и запустела». Мордовские земли превращались в поместья и вотчины феодалов.

Каждое поселение писцы характеризовали отдельно по статьям. Например, ясачная мордва д. Верхняя Туварма платила в казну великих государей в г. Свияжске оброк «на год по батману меду без четверти Счилимского ухожья, а с Хомутерского ухожья платят медвеной оброку на Москве на год по два пуда меду» [Там же, л. 346 об.]. Ясачная мордва д. Сызган, у которой уже не было никаких угодий, платила в Свияжске прежние налоги по три алтына и две деньги в год; ясачная мордва д. Чуварлей платила в Симбирске «...с полу двора ясачных денег по пяти алтын, да хлеба по четверти ржи, овса по тому ж, да за Аргубинскую десятинную пашню по шестнатцати алтын по четыре деньги» [Там же, л. 348].

В писцовой книге дается подробное описание пришлого населения («бобыли» и «захребетники») Карсунского и Симбирского уездов. Писцы отчасти выполняли и полицейские функции, ставя на учет беглое население. Каждое поселение, где оно жило, рассматривалось также отдельно и по статьям. В тексте книги есть помета о том, что пришлыми людьми записывают только тех, кто не был отмечен в книге стольника Семена Нестерова 1678 г. Например, в казачьей слободе г. Карсуна жил бобыль Ганька Яковлев по прозвищу Плехат. Он пришел сюда из д. Софонеевы Владимирского уезда и поселился в пустом казачьем дворе; в этой же слободе жил бобыль Василий Иванович Горшеников, после смерти отца, родиной которого он называл г. Саранск, Василий пришел в г. Карсун и поселился в казачьем дворе; в с. Вельдиватская Слобода жил Сенька Иванов родом из с. Фроловского Шацкого уезда, он был крестьянином И. Д. Жеребцова: «А сошел де он ис того села тому лет с тридцет и жил переходя в розных местех лет за девять. А Велдеванской слободе живет он Сенка лет з дватцат в пономарях, а ныне де он приверстался в казачей службе у той недели за людей» [Там же, л. 353 об.].

Таким образом, писцовая книга «Симбирск и Карсун...» является важным историческим источником. Он позволяет довольно точно определить территорию и границы Карсунского уезда, самого города Карсуна со слободами, а следовательно, и части Симбирского уезда. В ней представлен обширный материал по вопросам землевладения и землепользования различных категорий населения, феодальной ренты и размещения населения в XVII в.

Библиографическая ссылка

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Далее ссылки в тексте.

Поступила 15.10.2011 г.

УДК 94(470.345):37

В. А. Юрченков
V. A. Yurchenkov

**СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УЕЗДАХ МОРДОВИИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
ЭПОХИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА***

**THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE UYEZDS OF MORDOVIA
UNDER CONDITIONS OF SOCIAL CONFLICTS
OF THE ERA OF MILITARY COMMUNISM**

Ключевые слова: система образования, управление народным образованием, школа, учительство, учащиеся.

В статье рассматривается процесс реформирования системы образования в российской провинции в условиях Гражданской войны и военного коммунизма.

Key words: education system, management of popular education, school, the teachers, pupils.

The process of reforming of the education system in the Russian provinces under conditions of the Civil War and military communism is considered in the article.

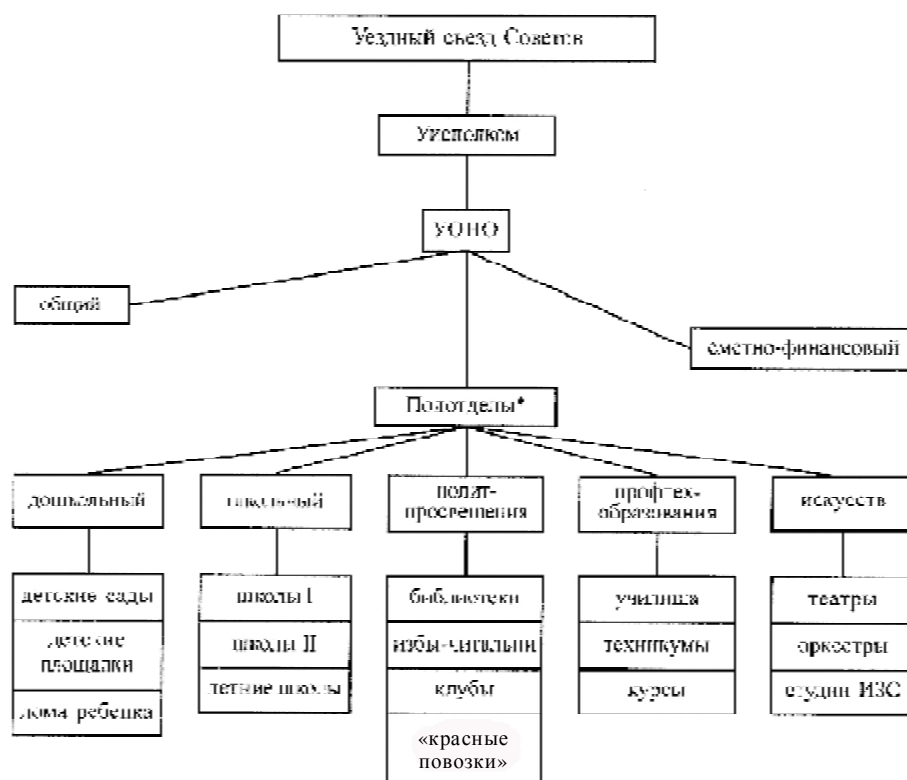
Формирование принципиально новой системы образования в России в условиях Гражданской войны и военного коммунизма связано с реализацией задач, которые были провозглашены большевиками еще до 1917 г. и уточнялись после революции. Достаточно полно они были сформулированы в новой программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. В преамбуле раздела о народном образовании подчеркивалось: «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»¹. Программа рассматривала школу как политико-воспитательное средство, рычаг в создании «нового человека». Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский писал: «Школа является политическим учреждением, которое устанавливает государство в своих целях... Наша школа должна быть коммунистической»². Развивая этот тезис, он утверждал: «Мы не мыслим и не должны мыслить никакой формы просвещения, которая не имела бы прямого отношения к задачам коммунистического строительства и не была бы поэтому прямо или косвенно проникнута коммунистическим духом»³.

Для новой системы образования была характерна достаточно жесткая система государственного управления, которая позволяла выполнять две основные функции: «брать на себя реализацию учебных и воспитательных задач в той мере, в какой они

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-13012 а/В.

осознаются самим обществом или его верхним слоем в лице культурной и правящей элиты»⁴; изыскивать и мобилизовать финансовые ресурсы для материальной поддержки школы.

Примерную схему низовой организации управления народным образованием в годы Гражданской войны можно представить следующим образом (рисунок).

Характер взаимоотношений:
 ————— подчинение

* На правах подотделов находились также музей, пролеткульт и архив.

Рисунок

Вариации схемы зависели от ситуации в том или ином уезде, которая была связана с наличием тех или иных образовательных структур. Однако общей чертой являлось стремление придать системе управления тотальный характер, она должна была охватить все стороны системы образования.

Создание новых органов управления образовательной системой началось в 1918 г. Так, в Саранском уезде Пензенской губернии при организации уездного отдела народного образования были созданы подотделы низших и средних школ,

а также внешкольного образования. Практика показала необходимость организации бухгалтерского подотдела. Затем по предложению губернской коллегии народного образования были созданы советское контрагентство и подотдел несовершеннолетних преступников и дефективных детей. Таким образом, к осени 1918 г. при отделе Совета по народному образованию существовало пять подотделов: учебных заведений, внешкольный, бухгалтерский, дефективных детей и советское контрагентство⁵.

До марта 1920 г. отделы народного образования при волисполкомах законодательно не предусматривались. Однако для оказания конкретной помощи сельским школам многие волисполкомы Мордовии создавали такие отделы уже в 1918 г. и содержали их на местные средства. Так, в мае 1918 г. Керамсурский волостной совет образовал малый волсовет по народному образованию с совмещением должностей председателя волсовета и председателя волсовета по народному образованию⁶. Подобные явления были характерны для всей страны⁷.

Несомненно то, что в центре образовательной структуры находилась школа. Первоначально после октября 1917 г. большевики подчеркивали необходимость демократизации школы, указывая при этом на ее классовый характер. Однако в середине 1918 г. официально прозвучали требования радикального переустройства школьной системы и заявления о политическом значении школьного образования. В октябре 1918 г. было опубликовано Положение о единой трудовой школе РСФСР, которое упростило все типы учебных заведений и узаконило единую трудовую девятилетнюю школу двух ступеней: 1-я — для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс обучения) и 2-я — для детей от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс). Положение подтвердило ранее принятые декреты о совместном обучении, бесплатной светской школе и декларировало всеобщность и обязательность обучения⁸. А. В. Луначарский, ставший идеологом школьной реформы, еще до публикации положения говорил: «Дело заключается не в том, чтобы завладеть школой; школа так же дряхла и никуда не годна, как и чиновничий аппарат. Мы не могли рассуждать, как Временное правительство, что мы предпишем окружным инспекторам некоторые изменения; мы должны были *все уничтожить*; было совершенно ясно, что *школа подлечит революционной ломке*»⁹.

В уездах Мордовии реализация положения началась с 1918/19 уч. г. путем структурных изменений. Трех- и четырехклассные начальные училища были реорганизованы в пятилетние школы 1-й ступени с добавлением дополнительного года обучения во всех существовавших начальных училищах. Четырехклассные высшие начальные училища были преобразованы в школы 2-й ступени, при этом от них «отсекался» первый год обучения и добавлялась старшая возрастная группа для окончивших эти учебные заведения в текущем году. Первые три класса восьмилетних средних школ вместе с двумя подготовительными классами преобразовывались в 1-ю ступень, 4 — 7-е классы — во 2-ю, а 8-й класс упразднялся.

Результаты реорганизации школы можно представить по материалам обследования 1920 г., когда структура школьного образования стала принимать устойчивый характер. Ситуация в Мордовии представлена в табл. 1.

В соответствии с материалами обследования в уездах Мордовии к 1920 г. было создано 937 школ 1-й ступени и 46 школ 2-й ступени. По открытию школ 1-й ступени

Таблица 1

Система школьного образования в Мордовии в 1920 г.

Уезд	Школы																					
	1-й ступени							2-й ступени														
	Всего			Обследованные				Функционировавшие из числа обследованных				Всего			Обследованные				Функционировавшие из числа обследованных			
	Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		Всего по уезду	В том числе		
в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах		в се-лах	в го-родах	в се-лах
Ардатов-ский	186	5	181	162	4	158	162	4	158	11	4	7	9	4	5	9	4	5	4	5		
Инсар-ский	86	5	81	86	5	81	78	5	73	4	2	2	4	2	2	2	2	2	2	1		
Красно-слобод-ский	217	9	208	151	9	142	136	7	129	6	5	1	5	5	5	5	—	5	5	—		
Рузаев-ский	73	2	71	69	2	67	66	2	64	5	3	2	5	3	2	4	2	4	2	2		
Саран-ский	179	15	164	165	15	150	133	15	118	11	4	7	8	3	5	3	2	1	2	1		
Темни-ковский	196	15	181	178	15	163	174	15	159	9	7	2	9	7	2	9	7	2	9	7		
Итого	937	51	886	811	50	761	749	48	701	46	25	21	40	24	16	32	22	11	22	11		

Составлена по: Народное образование по основному обследованию 1920 года. Вып. 1 : Поуездные итоги предварительного подсчета. М., 1922. С. 46 — 47, 62 — 63, 66 — 67.

лидировали Краснослободский (217) и Темниковский (196) уезды, 2-й ступени — Ардатовский (11), Саранский (11) и Темниковский (9) уезды. В городах была создана 51 школа 1-й ступени и 25 школ 2-й ступени, соответственно 5,4 и 54,3 % от общего числа. Наибольшее количество школ 1-й ступени было открыто в Саранске (15) и Темникове (15), 2-й ступени — в Темникове (7) и Краснослободске (5). На селе было организовано 886 школ 1-й ступени и 21 школа 2-й ступени, соответственно 94,6 и 45,7 % от общего числа. По школам 1-й ступени лидировали Краснослободский (208), Ардатовский (181) и Темниковской (181) уезды, 2-й ступени — Саранский (7) и Ардатовский (7) уезды (см. табл. 1).

Реальную картину реорганизации школы представил Н. В. Чехов¹⁰, выводы которого соотносимы с материалами по Мордовии. На практике в большинстве случаев в сельских начальных училищах не удавалось открыть дополнительные пятые классы из-за отсутствия помещений и учителей, а там, где это было сделано, не нашлось достаточного числа учеников, желавших продолжить образование в пятилетней школе. В результате между 1-й и 2-й ступенями сельской школы возник разрыв. Не удалось достичь полного единства и в городах, так как многие начальные школы также остались в составе четырех классов. Школ 2-й ступени было недостаточно, а там, где их хватало, оказалось, что ученики, собранные из прежних школ разных типов с разными программами, значительно различались по подготовке, что затрудняло занятия с ними. Это привело к установлению для поступающих в школы 2-й ступени неофициальных испытаний, которые превратились в ряде мест в настоящие конкурсные экзамены. Таким образом, принцип единства школы на практике не был реализован, хотя и провозглашался властями. В уездах Мордовии к концу Гражданской войны он был скорее в планах, чем в реальной жизни.

Особенности политической и социально-экономической ситуации в Мордовском крае обусловили длительный характер становления новой системы просвещения. Полный переход к единой трудовой школе растянулся на несколько лет — с 1918 по 1921 г. Рост школьных учреждений в эти годы имел стихийный характер и не отвечал материальным ресурсам отделов народного образования. Однако начиная с 1918 г., по оценке исследователей (А. Л. Киселев, Е. Г. Осовский, Т. И. Сандина, Н. В. Талдин и др.), число школ и охват детей обучением стали возрастать с каждым годом. Так, на первом же заседании Краснослободская уездная коллегия по народному образованию (август 1918 г.) вынесла решение об открытии 75 комплектов в низших начальных училищах, 8 высших начальных училищ и одной учительской семинарии. Были также основаны 3 школы 2-й ступени — 2 преобразованы из бывших второклассных церковно-приходских школ и одна новая — в с. Большой Вьяс Саранского уезда Пензенской губернии¹¹. В следующем учебном году в Краснослободском уезде были открыты еще 4 общеобразовательные школы, 5 средних и 2 школы 2-й ступени¹². Количество школ в Саранском уезде за 1918 г. по сравнению с декабрем 1917 г. увеличилось на 15 %, а число учащихся — на 54,2 %. В 1919 г. предполагалось открыть еще 15 новых школ¹³. Осенью 1919 г. в Темниковском уезде Тамбовской губернии вместо бывших 3 гимназий и 2 высших начальных училищ были организованы школы 2-й ступени; все начальные школы преобразованы в школы 1-й ступени¹⁴. Если в 1913/14 уч. г. в Инсарском, Рузаевском,

Саранском и Краснослободском уездах Пензенской губернии и в Ардатовском уезде Симбирской губернии, вошедших впоследствии в состав Мордовии, были 461 начальная, 5 средних и семилетних школ, то в 1921/22 уч. г. — уже 680 начальных и 25 средних и семилетних школ¹⁵.

Одновременно с реорганизацией учебных заведений были созданы образцово-показательные школы, на примере которых, по мнению Наркомпроса РСФСР, должны были развиваться все общеобразовательные учреждения. Первая такая школа на территории Мордовского края была открыта в 1918 г. в с. Пушкино Инсарского уезда Пензенской губернии¹⁶. В 1919 г. в Ардатовском уезде Симбирской губернии были открыты еще 7 школ такого типа, в которых обучался 1 481 учащийся и работало 77 учителей¹⁷.

В образовательных учреждениях Мордовии власти пытались осуществить на практике идею школы-коммуны¹⁸ как краеугольного положения школьной реформы. Чтобы воплотить эту идею в жизнь, при некоторых школах, признанных «показательными», были организованы общежития. Их открывали прежде всего для детей-сирот советских работников¹⁹, затем для оставивших службу в советских учреждениях²⁰. В Ардатовском уезде предполагалось открыть 21 школу-коммуну, но на практике к весне 1919 г. удалось открыть только одну, в которую были вложены все имевшиеся средства и ресурсы. Однако большинство школ вскоре были переведены на положение обычных из-за недостатка средств²¹.

Если говорить об удачном опыте организации школ-коммун в Симбирской губернии, то можно сослаться на реальный положительный опыт школы-коммуны при бывшей Порецкой учительской семинарии Алатырского уезда. В 1918 г. от бывшей опытной школы при этой коммуне были отделены трехгодичные курсы, на базе которых и была создана трудовая школа-коммуна им. Карла Маркса 2-й ступени. Здесь с конца XIX в. существовала сельскохозяйственная ферма; при школе были большие огород и сад, а также общежитие интернатного типа²². Если оценивать организацию работы этого учебного заведения в целом, то можно сказать, что в губернии это была единственная школа-коммуна, где эксперимент можно назвать удачным. Здесь условия для жизни и учебы детей были наилучшими. Это объяснялось тем, что, во-первых, активную поддержку школе оказывало местное население; во-вторых, овощи и фрукты, выращиваемые при школе, позволяли не только обеспечивать самих детей, но и менять часть продукции на другие продукты у крестьян; в-третьих, сюда не «докатилась» Гражданская война, и дети жили в условиях мирной жизни. При школе действовала столовая, которую по очереди обслуживали сами дети; они обрабатывали также огород, ухаживали за садом; работали в столярной и слесарной мастерских, что помогало выполнять заказы и реализовать продукцию²³. Все это позволяло коммунарам выживать в условиях окружавшей разрухи, когда школа получала всего $\frac{3}{4}$ от причитающихся сумм и совершенно не получала для своих воспитанников одежду, обувь, учебники²⁴.

Особо стоит сказать об учительстве, без которого система образования не могла бы существовать. Его численный состав представлен в табл. 2.

Данные табл. 2 свидетельствуют, что среди учительства Мордовии преобладал сельский учитель: из 2 580 педагогов 2 108 работали на селе, что составляло 81,7 % от общего числа работавших. Они представляли весьма специфическую социальную

Таблица 2

Количество учителей в школах Мордовии в 1920 г., чел.

Уезд	Школы																		
	1-й ступени							2-й ступени											
	Мужчины			Женщины				Итого			Мужчины			Женщины				Итого	
	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	
Ардатов-ский	94	—	94	323	23	300	417	23	394	22	10	12	24	15	9	46	25	21	
Инсар-ский	46	8	38	175	27	148	221	35	186	7	3	4	13	12	1	20	15	5	
Красно-слобод-ский	155	38	117	329	38	291	484	76	408	28	28	—	23	23	—	51	51	—	
Рузаев-ский	37	2	35	118	18	100	155	20	135	26	24	2	15	11	4	41	35	6	
Саран-ский	232	16	216	404	55	349	636	71	565	18	6	12	11	10	1	29	16	13	
Темни-ковский	83	11	72	344	50	294	427	61	366	28	22	6	25	22	3	53	44	9	
Итого	647	75	572	1 693	211	1 482	2 340	286	2 054	129	93	36	111	93	18	240	186	54	

Составлена по: Народное образование по основному обследованию 1920 года. С. 46 — 47, 62 — 63, 66 — 67.

катеорию²⁵, пополнявшуюся главным образом за счет крестьянской молодежи через учительские семинарии. Среди сельских учителей было немало людей, питавших искренний интерес и любовь к школе, стремившихся к распространению знаний в «темной» деревне, особенно в мордовской. Другую часть педагогов составляли люди, которые поступали в учительские семинарии потому, что доступ в иные учебные заведения был для них затруднен или недоступен по материальным причинам. В сельской школе работали и городские жители. Многие из них были движимы идеальными побуждениями просвещения народа, но определенная их часть состояла из неудачников, которые из-за бедности или других причин не смогли продолжить образование после окончания гимназии и не сумели найти лучшей службы в городе. Многие учителя, начиная педагогическую деятельность с подъемом и воодушевлением — «по убеждению», через некоторое время, столкнувшись с реальными явлениями деревенской жизни и школы, разочаровывались. В результате наступала апатия, а иногда и ненависть к своему делу, но отступить было некуда. Значительная группа народных учительниц формировалась из дочерей сельских священнослужителей, занявшихся этой работой после окончания духовных училищ, поскольку других возможностей самостоятельного заработка для них не существовало.

Основные нововведения в сфере народного образования в уездах Мордовии начались летом-осенью 1918 г. При этом многие учителя не поддержали «школьную демократизацию». Это можно объяснить тем, что условия, в которых реализовались идеи «демократизации» на практике, были неприемлемыми. Учителя сочли их оскорбительными. Все учительские должности были объявлены вакантными, что в целом отражало существовавшую в стране кадровую практику при любой реорганизации. С этим учителя смирились, однако их возмутило то, что всех заставили писать заявление и прилагать к нему «оскорбительный» пакет документов. Так, наряду с автобиографией и документом, удостоверяющим имеющуюся квалификацию, педагогов обязали письменно изложить свои политические взгляды, что вызвало бурю негодования, так как многие разделяли идеи партий кадетов, октябристов или эсеров. Не меньшее неудовлетворение вызвало требование о предоставлении каждой рекомендации от большевистской партии или от местного Совета с просьбой о принятии на работу. Кроме того, требовались рекомендации со стороны «обновленного учительства», которых многие старые учителя считали «перебежчиками» и идти к ним «на поклон» не собирались. Наконец, наибольшее возмущение вызвало обещание властей признать всех педагогов, не подавших требуемые документы, «контрреволюционными саботажниками» с вытекавшими из этого последствиями (лишение жалованья, непринятие на работу и др.)²⁶. Обращение многих учителей с просьбой временно отложить процесс избрания новых школьных советов было отклонено²⁷.

Процесс перехода на новые методы и формы обучения осуществлялся крайне тяжело. Так, согласно докладу инструктора Симбирского уездного отдела народного образования Н. Скобелева, сделанному в начале 1919 г. руководству губернского отдела народного образования, занятия во всех проверенных школах уезда проводились по старым («архаичным») методам. На переход к осуществлению в жизнь принципов единой трудовой школы имелись «только наме-

ки». Большинство учителей, проверенных инспектором, проявили «косность и пассивность»²⁸.

О реальной обстановке внедрения новых форм и методов обучения в деревенских школах свидетельствуют письма педагогов. В мае 1919 г. на коллегии губернского отдела народного образования было зачитано письмо учительницы из «глухой деревни» Марии Неверовой. Его суть состояла в том, что в глухие деревни, в частности в школу с. Константиновка Курмышского уезда Симбирской губернии, «...единая трудовая школа не пришла, нет ни литературы, ни газет, обучение приходится вести еще по старым (царским. — *В. Ю.*) программам. Школьные советы не созданы, а крестьяне к нововведениям, которые пытаются ввести приезжие агитаторы, относятся крайне отрицательно»²⁹. Письмо положило начало массовой пропагандистско-директивной кампании по «просвещению глухих деревень»³⁰.

Советская власть ориентировала школу на принятие в первую очередь детей из пролетариата и крестьянства, что и реализовалось на практике. Так, рассматривая в 1918 г. прошения о приеме в школу детей, члены Симбирской губернской коллегии по народному образованию постановили: в первую очередь принять детей советских работников, рабочих, беднейшего крестьянства и пострадавших от контрреволюции, имевших удостоверения комитета деревенской бедноты³¹. При этом не устанавливалось определенное количество учащихся. В случае большого количества желающих учиться, было решено увеличить преподавательский состав³². В результате этого начал коренным образом меняться социальный состав школьников: основным контингентом постепенно становились дети рабочих и крестьян. Общая ситуация с учащимися Мордовии представлена в табл. 3.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что школы 1-й ступени охватывали 65 355 учащихся, из них: 43 570 мальчиков и 21 785 девочек; в школах 2-й ступени училось 3 654 чел., из них: 1 733 мальчика и 1 921 девочка. Таким образом, принцип совместного обучения был реализован.

Задача охвата детей обучением решалась по-разному. В некоторых семьях их не пускали в школу, и учителям приходилось ходить по дворам, убеждая родителей в пользе грамоты³³. Иногда предпринимались серьезные меры. Так, в 1919 г. в Темниковском уезде Тамбовской губернии местная власть установила наказание за «неаккуратное посещение школы»: при первом пропуске школы учеником на его родителей накладывался штраф в размере 5 руб., при втором — 10 руб., а в третий раз такие родители объявлялись врагами советской власти³⁴.

Результатом реорганизации системы образования стало изменение уровня грамотности населения региона. Итоги работы местных органов государственной власти и органов образования по ликвидации неграмотности среди различных этнических групп края к концу Гражданской войны отражены в табл. 4. Судя по приведенным подсчетам, наибольший процент грамотных зафиксирован среди татарского населения (24,03 %), наименьший — среди мордвы (11,99 %). Результаты борьбы с неграмотностью прослеживаются на материале городов края (табл. 5).

Заметные результаты в развитии школьного образования в уездах Мордовии были уже к 1920 г.: на 1 тыс. чел. русского населения приходилось 266 грамотных, татарского — 243, мордовского населения — 239³⁵. В 1920/21 уч. г., согласно

Таблица 3

Количество учащихся в школах Мордовии в 1920 г., чел.

Уезд	Школы																	
	1-й ступени						2-й ступени											
	Мальники			Девочки			Итого			Мальники			Девочки			Итого		
Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	Всего по уезду	В том числе в го-родах	в се-лах	
Ардатов-ский	9 206	485	8 721	4 049	494	3 555	13 255	979	12 276	371	145	226	477	257	220	848	402	446
Инсар-ский	4 739	413	4 326	1 687	454	1 233	6 426	867	5 559	136	117	19	268	255	13	404	372	32
Красно-слобод-ский	8 077	635	7 442	3 721	441	3 280	11 798	1 076	10 722	255	255	—	277	277	—	532	532	—
Рузаев-ский	3 286	382	2 904	1 841	413	1 428	5 127	795	4 332	359	287	72	267	190	77	626	477	149
Саран-ский	7 529	647	6 882	4 250	848	3 402	11 779	1 495	10 284	275	261	14	129	123	6	404	384	20
Темни-ковский	10 733	977	9 756	6 237	1 021	5 216	16 970	1 998	14 972	337	287	50	503	457	46	840	744	96
Итого	43 570	3 539	40 031	21 785	3 671	18 114	65 355	7 210	58 145	1 733	1 352	381	1 921	1 559	362	3 654	2 911	743

Составлена по: Народное образование по основному обследованию 1920 года. С. 46 — 47, 62 — 63, 66 — 67.

Таблица 4

Уровень грамотности основных этнических групп Мордовии в 1920 г., %

Этническая группа	Доля грамотных		
	Мужчины	Женщины	Всего
Русские	34,33	4,38	23,21
Мордва	22,33	3,59	11,99
Татары	28,69	19,98	24,03
В среднем	32,0	12,78	21,3

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 128. Л. 53 — 62 ; Народное образование Мордовской АССР. 1918 — 1928 гг. : док. и материалы : в 2 т. Саранск, 1962. Т. 1. С. 220 ; Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. Ч. 1 : (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1986. С. 29.

Таблица 5

Уровень грамотности в городах Мордовии в 1920 г.

Город	Число жителей, чел.	%	Из них грамотных, чел.	%
Инсар	5 192	100	2 966	57
Краснослободск	5 394	100	3 661	67
Рузаевка	6 182	100	3 776	61
Саранск	13 621	100	8 117	59
Темников	5 187	100	3 399	65
Итого	35 576	100	21 919	61

Составлена по: Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920 — 1926 гг. Пенза, 1927. С. 66 — 68.

статистике, в мордовских селах на территории 8 губерний РСФСР насчитывалось более 960 школ 1-й ступени и 13 школ 2-й ступени³⁶.

Школа в России всегда реализовала государственные задачи, что определяло и систему управления образованием, и внутреннюю структуру школы. Годы Гражданской войны и военного коммунизма дали первый опыт реализации данных тенденций в советских условиях. Опыт, который имел порой специфические региональные проявления. Уезды Мордовии в этом смысле явились типичной российской провинцией, расположенной достаточно близко к центру страны. В результате в развитии системы образования в регионе полностью преобладали общие тенденции.

Библиографические ссылки

- ¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : протоколы. М., 1959. С. 400.
- ² Луначарский А. В. Просвещение и революция : сб. ст. М., 1926. С. 170, 180.
- ³ В. И. Ленин и А. В. Луначарский : переписка, докл., док. // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 98.
- ⁴ Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917 — 1927 гг. : Становление «нового человека». СПб., 2008. С. 8.

- ⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 19. Л. 127.
- ⁶ Там же. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
- ⁷ См.: **Гимпельсон Е. Г.** Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 442.
- ⁸ См.: Народное образование в СССР: Общеобразоват. шк. : сб. док. 1917 — 1973 гг. М., 1974. С. 133 — 137.
- ⁹ **Луначарский А. В.** О народном образовании. М., 1958. С. 33.
- ¹⁰ См.: **Чехов Н. В.** Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923. С. 63 — 65.
- ¹¹ См.: **Талдин Н. В.** Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956. С. 31.
- ¹² См.: Культурное строительство в Нижегородской губернии (1917 — 1927 гг.) : док. и материалы. Горький, 1988. С. 19.
- ¹³ ЦГА РМ. Ф. 327-П. Оп. 1. Д. 98. Л. 22.
- ¹⁴ См.: История советского крестьянства Мордовии : в 2 ч. Саранск, 1987. Ч. 1. С. 138.
- ¹⁵ См.: **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 64.
- ¹⁶ См.: Народное образование Мордовской АССР. 1918 — 1928 гг. : док. и материалы : в 2 т. Саранск, 1962. Т. 1. С. 292.
- ¹⁷ См.: **Захаркина А. Е., Колесников С. С., Ишунин Д. А.** Ардатов. Саранск, 1966. С. 113 — 114.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 273. Л. 101.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Д. 66. Л. 114.
- ²¹ Там же. Д. 8. Л. 2, 2 об.
- ²² Там же. Д. 9. Л. 8 — 9.
- ²³ Там же. Л. 32 — 33.
- ²⁴ Там же. Л. 35.
- ²⁵ См.: **Иваненко П.** К вопросу о психологии учительства // Нар. учитель. 1925. № 5. С. 22 — 23 ; **Балашов Е. М.** Указ. соч. С. 83.
- ²⁶ ГАУО. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 — 3.
- ²⁷ Там же. Д. 5. Л. 30.
- ²⁸ Там же. Д. 24. Л. 99.
- ²⁹ Там же. Д. 5. Л. 85 — 86.
- ³⁰ Там же. Л. 84 — 87.
- ³¹ Там же. Д. 6. Л. 25.
- ³² Там же.
- ³³ См.: **Ивашкин В. С., Яшкин И. А.** Культурное строительство на селе в первые десятилетия советской власти. Саранск, 1987. С. 139.
- ³⁴ См.: Народное образование Мордовской АССР. Т. 1. С. 188.
- ³⁵ См.: **Балашов В. А.** Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1991. С. 92, 210 ; Мордовия к 15-й годовщине Октябрьской революции : стат. сб. Саранск, 1932. С. 136.
- ³⁶ См.: **Осовский Е. Г.** Мордовия // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 593.

Поступила 12.10.2011 г.

УДК 94(470.4):371.1.08

Г. А. Куршева

G. A. Kursheva

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В 1917 — 1928 гг. (По материалам Поволжья)*

THE TRAINING OF TEACHERS IN 1917 — 1928 (According to the materials of the Volga Region)

Ключевые слова: учительство, учебное заведение, Поволжский регион, педагогические курсы, система подготовки педагогических кадров.

В статье раскрываются особенности подготовки учительских кадров в начале 20-х гг. XX в.

Key words: teachers, educational institution, the Volga Region, pedagogical courses, teachers training system.

The article reveals the peculiarities of teachers training in the early 20's of the 20th century.

В советской России учительство являлось одной из самых многочисленных и важных категорий интеллигенции. Особое внимание руководства партии большевиков и советского правительства, проявляемое к учительству с первых дней советской власти, объяснялось прежде всего значительными возможностями этой группы населения для воздействия на трудящихся. Государственная политика по отношению к педагогическому контингенту России, разработанная ЦК РКП(б), имела целью формирование в лице советского учительства надежного помощника для пропаганды идей строительства социалистического общества среди различных категорий населения и воспитания коммунистической идеологии у молодого поколения¹. Однако для того, чтобы созидать человека нового общества, было необходимо преобразовать мировоззрение самих учителей. В одной из резолюций VIII съезда РКП(б) отмечалось, что «учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения. В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций»².

По социально-классовому составу учительство было неоднородным, что и обусловило различное восприятие революционных событий 1917 г.: от полной и безоговорочной поддержки советской власти до открытой враждебности по отношению к ней (особенно это касалось преподавателей средних учебных заведений). Большая же часть учителей начальных школ нейтрально отнеслась к новой власти, заняв выжидательную позицию, не собираясь при этом активно сотрудничать и участвовать в реформировании системы школьного образования, что вызывало серьезную обеспокоенность партийных и советских органов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-11-13012 а/В.

Среди учителей велась активная пропагандистская и разъяснительная работа, основной задачей которой было привлечение дореволюционного учительства на сторону советской власти. Несмотря на значительные усилия власти, переход педагогов на позиции большевиков происходил очень медленно. Большевиков поддержала главным образом та часть учителей сельских начальных школ, которая вышла из рабоче-крестьянской среды и была недовольна своим прежним материальным положением. Кроме того, в активную работу по строительству новой школьной системы включились представители дореволюционного национального учительства: И. С. Атамашкин, М. И. Наумкин, А. Ф. Лазарев, И. Ф. Прокаев, Е. В. Скобелев, Ф. И. Петербургский, И. М. Петяев³.

В первые послереволюционные годы во многих уездах Поволжского региона значительное влияние сохранял Всероссийский учительский союз (ВУС), объединивший к осени 1917 г. около 75 тыс. учителей из 346 местных учительских союзов, или 30 % учителей⁴. ВУС не признал законность прихода большевиков к власти. Руководители союза, видевшие необходимость реформирования школьной системы России и разрабатывавшие подобные проекты, выступили против разрушительных по сути лозунгов большевиков по отношению к дореволюционной системе просвещения.

Распространению идей ВУСа среди учителей Поволжского региона способствовало и то обстоятельство, что школы до весны 1918 г. фактически находились в ведении земских органов и учителя зависели от их руководителей, которые также были настроены против большевиков⁵. Пензенское отделение учительского союза полностью поддержало Московское и Петроградское отделения. 28 апреля 1918 г. в г. Саранске состоялся IV уездный съезд учителей, фактически превратившийся в митинг против советской власти. В выступлениях на съезде, свидетельствовавших о явном влиянии позиций ВУСа, говорилось о «незаконной власти», сломавшей все устои государственной жизни и стремившейся окончательно уничтожить «всякое образование, всякое воспитание, населить в стране дикость и мерзость запустения». Эту точку зрения поддержало две трети участников съезда⁶. 25 февраля 1918 г. состоялся Ардатовский уездный съезд учителей под председательством учителя Бондарева. Большинство его участников отказалось принять резолюцию большевиков по борьбе с кулачеством, и он был распущен представителями укома РКП(б)⁷.

Необходимо отметить, что в апреле-мае 1918 г. в деревнях Поволжского региона рос авторитет левозеро-эсерской партии. Особенно большое влияние эсеры имели в Пензенской и Симбирской губерниях. Активное участие в эсеро-меньшевистских организациях принимали и учителя.

Постановлением ВЦИК от 23 декабря 1918 г. ВУС был распущен, закрыты все его местные отделения, в том числе в уездах Поволжского региона⁸. В противовес учительскому союзу был создан Союз учителей-интернационалистов, который полностью стоял на позициях революционной перестройки школы и находился под контролем и идейным влиянием большевиков. В отчете темниковского Союза учителей-интернационалистов за период с 21 сентября 1918 г. по январь 1919 г. говорилось: «Октябрьская революция, докатившаяся до Темниковского уезда в начале весны 1918 г., в сердцах прежде обиженного учительства породила сознание, что, наконец, пришло время, когда ему необходимо сплотиться в новый союз, чтобы освободиться от той оскорбительной и мерзкой приниженности, в которой

держали его, чтобы сбросить оковы и цепи той рабской „опеки“ инспекторов, директоров и разных других высокочтимых деятелей народного образования, представителей старой власти»⁹.

Однако Союз учителей-интернационалистов не стал массовым органом. В течение 1918 г. его лидеры сумели объединить лишь 12 тыс. учителей, или 3 % четырехсоттысячной армии просвещенцев советской республики, разделявших взгляды коммунистов в отношении дореволюционной школьной системы¹⁰. Именно это обусловило создание в 1919 г. Союза работников просвещения — новой профессиональной организации педагогов на более широкой основе, которая была жизненно необходима для новой власти. Объединение всего учительства, воспитание наиболее отсталых его слоев и подчинение их общепролетарской политике стало главной задачей нового профсоюза¹¹. В него должны были войти, по замыслу создателей, все работники образования, без различия их политических и религиозных воззрений.

подавляющая часть учителей в Поволжском регионе в первые послереволюционные годы занимала пассивную позицию. В их среде сохраняли влияние лозунги партии эсеров и меньшевиков об аполитичности образования, выведении школы из-под контроля большевистской партии. Руководителям государства из того «человеческого материала», который был до революции, необходимо было создать «новую армию педагогического персонала, который должен быть тесно связан с партией, ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»¹².

Партийные органы на местах осуществляли целенаправленную деятельность по вовлечению учительства в общественно-политическую работу, особенно на селе. Ареной дискуссий по-прежнему оставались учительские съезды, которые использовались противоборствующими сторонами для агитации. В Пензенской губернии губком РКП(б) на съездах учителей разъяснял политику советской власти. В Саранском уезде в январе 1921 г. коммунисты сорвали попытку эсеров привлечь на свою сторону учительский съезд, хотя из присутствовавших на нем 428 работников народного образования только 15 чел. были коммунистами¹³.

В сентябре 1921 г. ЦК РКП(б) для расширения влияния коммунистов в учительской среде направил губернским органам партии циркулярное письмо «О работе среди работников просвещения», сыгравшее важную роль в развитии взаимоотношений партийных организаций на местах и учителей¹⁴. Он обязал губкомы всемерно повышать общественно-политическую сознательность работников просвещения, приобщать эту «высоко полезную общественную группу» к интересам и творческой работе Советского государства, помогать в осознании значения и смысла исторической эпохи¹⁵.

В соответствии с этими требованиями Пензенский губком РКП(б) и укомы партии объявили политическое просвещение учительства ударным участком работы. Необходимость деятельности партии в этом направлении объяснялась тем, что в отчетах волостных и уездных комитетов РКП(б), отделов народного образования с тревогой отмечалось, что «учительство пассивно, прямо-таки недоброжелательно относится ко всем мероприятиям в области культурно-просветительной работы»¹⁶. Так, в докладе Рузаевского укома РКП(б) в июле 1919 г. говорилось: «Сельская интеллигенция в лице учительского персонала в большинстве случаев к ячейкам относится пассивно,

а в культурно-просветительной работе участия не принимает»¹⁷. Ардатовский уисполком по итогам 1919 г. выяснил, что большая часть учителей в уезде саботирует, а в Силинской и Киржеманской волостях некоторые учителя выступают на общих собраниях крестьян против советской власти¹⁸. Именно поэтому, как заявлялось в протоколе общего собрания коммунистов-просвещенцев Саранского уезда, «...к агитационной работе должно привлечь учительство, но прежде чем давать эту работу, нужно все учительство переучить через массовые курсы, дать им коммунистическую окраску»¹⁹.

Курсы переподготовки, имевшие самые разнообразные формы, являлись одним из наиболее распространенных видов политической работы с учителями. Городские работники просвещения уездов Поволжского региона в течение учебного года объединялись вокруг школ 2-й ступени, а сельские учителя чаще всего собирались на летние курсы-съезды. Отбор желающих учиться, особенно в вузах, проходил на местах по нескольким инстанциям — после рекомендации соответствующих органов кандидаты рассматривались уками РКП(б).

На протяжении 1920-х гг. социальный состав учительства Поволжья, особенно сельских районов, постепенно менялся. Часто стремление местных органов власти скорее избавиться от «чуждых элементов» в учительской среде приводило к тому, что к педагогической деятельности привлекались просто грамотные люди, не имевшие специального образования, при этом качество подготовки на различных краткосрочных курсах при требовании высоких темпов роста количества учителей оставляло желать лучшего. Эта проблема особенно остро стояла в тех районах страны (например, в уездах Мордовии), где социальную базу новой интеллигенции, в частности учительства, составили менее развитые в культурном отношении слои населения. Установка на привлечение рабочих и крестьян, а в условиях Мордовского края — преимущественно крестьян, к выполнению несвойственных им ранее функций была неизбежна в ситуации изменения классово-социальной сущности государства.

Ряды педагогов пополняли демобилизованные красноармейцы, представители рабоче-крестьянской молодежи, окончившие курсы совпартшколы. Это молодое поколение учителей, воспитанное советской властью, гораздо активнее включалось в общественную и политическую деятельность, в просветительскую работу среди крестьянства. Необходимо отметить, что с первых дней установления советской власти подготовка новых педагогических кадров была одним из основных направлений деятельности Наркомпроса и местных отделов народного образования. Принимая во внимание большую потребность развивавшейся системы школьного образования в учителях, особенно в национальных школах, в 1918 г. отдел подготовки учителей Наркомпроса РСФСР обратился к губернским и уездным отделам народного образования с предложением о немедленном развертывании годичных педагогических курсов. На территории Мордовии подобные уездные постоянно действующие курсы были открыты в августе 1918 г. в г. Ардатове с 23 слушателями, в 1919 г. — в г. Краснослободске (куда были направлены на учебу 202 чел.²⁰), Саранске, Спаске, Темникове и Инсаре²¹. В программу курсов входило довольно большое количество предметов — от садоводства, огородничества и сельского хозяйства до политической экономии и истории французской революции²². Естественно, такое изобилие изучаемых предметов не позволяло будущим педагогам в короткий срок получить

серьезную общеобразовательную и педагогическую подготовку, гораздо важнее была идейно-политическая закалка, надежность учителя как верного проводника политики партии.

Тяжелая ситуация сложилась с учительскими кадрами мордовской национальности. В уездах их насчитывались единицы. Национальные кадры были необходимы для воплощения в жизнь одного из основных принципов строительства новой системы просвещения — преподавания в национальных школах (в частности в мордовских) на родном языке.

Мордовские педагогические курсы были созданы в 1918 г. в г. Казани, а впоследствии, по инициативе Е. В. Скобелева, переведены в мордовское село Малый Толкай Бугурусланского уезда Самарской губернии²³. Наркомпрос по уже достаточно распространенной практике всесторонней поддержки развития национальной интеллигенции 23 ноября 1920 г. принял специальное постановление об ассигновании 1 млн руб. на нужды мордовских педагогических курсов в с. Малый Толкай²⁴. В августе 1921 г. эти курсы были преобразованы в Мордовский педагогический техникум, при котором функционировало двухгодичное подготовительное отделение. Кроме с. Малый Толкай, педагогические мордовские техникумы открылись в 1923 г. в г. Лукоянове Нижегородской губернии. Мордовские отделения действовали при Пензенском, Алатырском и других русских педтехникумах²⁵.

Главным препятствием для педагогической деятельности в учебных заведениях Поволжского региона была слабость их материально-технической базы — отсутствие или теснота помещений, недополучение пайков и стипендий учащимися, недостаток учебных пособий. Недостаточное количество квалифицированных педагогических кадров для техникумов имело следствием значительную перегруженность преподавателей работой.

В 1921 г. Главный комитет профессионально-технического образования РСФСР предложил новую систему подготовки педагогических кадров для народного образования, включавшую следующие типы учебных заведений: краткосрочные курсы учителей, стационарные средние педагогические учебные заведения — педтехникумы и высшие учебные заведения — педагогические институты и факультеты университетов. Деятельность по подготовке национальных учительских кадров осложнялась трудностями при комплектовании учебных заведений необходимым составом учащихся, поскольку мордовская молодежь часто не имела соответствующей общеобразовательной подготовки из-за недостатка школ повышенного типа. Для этого в средних учебных заведениях создавались специальные курсы и подготовительные группы при техникумах.

Курсы по переподготовке учительства Поволжья имели разнообразные формы, но не всегда давали положительные результаты. Отсутствие средств и достаточно количества подготовленных лекторов, непроработанность программ снижали эффективность проведения летних курсов-съездов, и в середине 1920-х гг. основная работа была сосредоточена в кружковой системе самообразования и на краткосрочных 2- и 7-дневных волостных и районных курсах²⁶.

Начиная с 1926 г. в г. Москве ежегодно проводились Центральные мордовские учительские курсы. Занятия с учителями мордовских школ проводили крупные специалисты в области преподавания русского языка в национальной школе — М. Е. Евсевьев, И. Ф. Прокаев, Ф. И. Петербургский. В губернских центрах —

г. Пензе, Самаре, Ульяновске, Саратове и Нижнем Новгороде ежегодно проводились летние курсы по переподготовке учителей. За 1925 — 1927 гг. было организовано 6 учительских курсов: одни центральные — на 60 чел. и 5 местных — на 160 чел.²⁷ Кроме этого для переподготовки учителей широко использовалась сеть партийно- го просвещения.

Переход учительства на новые методы преподавания осуществлялся медленно. Стремление властей повсеместно насадить методические новшества, не считаясь с возможностями преподавателей и материально-технической оснащенностью школ, приводило к снижению качества получаемого образования. Нередко после окончания начальной школы дети были фактически полуграмотными, не умели хорошо читать и писать, у них отсутствовали базовые знания по литературе, истории и естественным наукам, что ярко проявлялось при поступлении в средние и высшие учебные заведения. Несомненно, что доля вины в этом лежала на педагогах. Даже к 1927/28 уч. г. в Мордовии в школах 1-й ступени 17 % учителей имело лишь начальное образование, а в школах 2-й ступени более 70 % педагогов не имело законченного высшего²⁸.

К 1928 г. в РСФСР и Мордовии окончательно сложилась система подготовки педагогических кадров, которая развивалась по двум основным направлениям: первое — подготовка учителей для школ 1-й ступени (начальных), работников дошкольных учреждений и политпросвета, осуществлявшаяся в педагогических техникумах, на центральных и местных учительских курсах, а также в ряде школ 2-й ступени с педагогическим уклоном (в МО в этот период было 5 школ такого типа²⁹); второе — подготовка школьных и внешкольных работников высшей квалификации для школ 2-й ступени, техникумов, школ крестьянской молодежи, проводившаяся в высших педагогических учебных заведениях.

Таким образом, в период 1917 — 1928 гг. закладывались и реализовались основные принципы взаимоотношения учительства и власти, воплощенные как в политике перевоспитания дореволюционного учительства либо вытеснения его из системы школьного образования, так и в комплексной подготовке и воспитании новых педагогов, способных стать проводниками политики партии, прежде всего в деревне, и сформировать новое поколение «строителей коммунизма».

Недостаток учителей, особенно мордовской национальности, для вновь создававшейся системы образования, требовал их ускоренной подготовки. Постоянное увеличение количества выпускаемых педагогов было главной задачей, и ее решение стало возможным лишь за счет снижения качества подготовки учителей.

В эти годы сложилась система всестороннего содействия развитию национальной интеллигенции — от финансирования существовавших учебных заведений, системы бронирования мест в вузах и техникумах до создания собственных педагогических учебных заведений.

Неотложными задачами культурного строительства в Поволжском регионе, наряду с расширением школьной сети и улучшением качественных показателей ее функционирования, продолжала оставаться работа по повышению квалификации педагогов, которая велась в тесной связи с политическим перевоспитанием, а также деятельность по подготовке новых кадров учителей, в частности для мордовских национальных школ, которая была невозможна без расширения сети педагогических учебных заведений.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Народное образование по основному обследованию 1920 г. Вып. 1 : Поездные итоги предварительного подсчета. М., 1922. С. 38 — 39.
- ² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1983. Т. 2. С. 81.
- ³ См.: **Ивашкин В. С.** Интеллигенция — совесть народа // Мордовский народ: что нас волнует. Саранск, 1991. С. 83.
- ⁴ См.: **Королев Ф. Ф.** Очерки по истории советской школы и педагогики (1917 — 1920). М., 1958. С. 127.
- ⁵ См.: **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1972. С. 37.
- ⁶ См.: **Кузнецова Н. С.** Пензенское учительство в период установления и упрочения власти Советов в губернии // Партийные организации в борьбе за коренную перестройку народного образования (октябрь 1917 — 1932 г.) на материалах Среднего Поволжья : сб. ст. Куйбышев, 1983. С. 31.
- ⁷ НА НИИГН. И-185. Л. 305 — 306.
- ⁸ См.: **Воронин И. Д.** Саранск : ист.-документ. очерки. Саранск, 1961. С. 169.
- ⁹ Народное образование в СССР : Общеобразоват. шк. : сб. док. 1917 — 1973 гг. М., 1974. С. 17 — 18.
- ¹⁰ См.: **Ивашкин В. С.** Интеллигенция — совесть народа. С. 82 — 83.
- ¹¹ См.: **Щеглова С. И.** Из истории образования профсоюза работников просвещения 1918 — 1921 // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 123. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 43).
- ¹² **Ленин В. И.** Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 403.
- ¹³ См.: **Винокуров Г. Ф.** Партийное руководство учительством в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925 гг.) : (На материалах Пензенской губернии) // Партийные организации в борьбе за коренную перестройку народного образования (октябрь 1917 — 1932 гг.) : (На материалах Среднего Поволжья) : межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1989. С. 74 — 75.
- ¹⁴ См.: Коммунистическая партия Советского Союза... Т. 2. С. 282 — 285.
- ¹⁵ Там же. С. 283.
- ¹⁶ ЦГА РМ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 63, 83.
- ¹⁷ Цит. по: **Ивашкин В. С.** К вопросу о вовлечении дореволюционной интеллигенции в социалистическое строительство // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1968. Вып. 34. С. 75.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 19. Л. 157, 175, 179.
- ¹⁹ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 339. Л. 21.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 8. Л. 17 ; Народное образование Мордовской АССР : 1918 — 1928 гг. : док. и материалы : в 2 т. Саранск, 1946. Т. 1. С. 206 — 207.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. 327-П. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.
- ²² См.: **Талдин Н. В.** Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956. С. 33 ; ЦГА РМ. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.
- ²³ См.: Народное образование Мордовской АССР. С. 123.
- ²⁴ Там же. С. 124.
- ²⁵ См.: **Ососков А. В., Котков К. А.** Народное образование в Мордовской АССР : (Крат. ист. очерк). Саранск, 1946. С. 26.
- ²⁶ См.: Народное образование Мордовской АССР. С. 240 — 241 ; ЦГА РМ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 63. Л. 28.
- ²⁷ Народное образование Мордовской АССР. С. 42.
- ²⁸ ЦГА РМ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 353. Л. 41 ; Д. 352. Л. 41.
- ²⁹ Там же. Д. 24, 352.

Поступила 27.09.2011 г.

УДК 666(470.4)

А. П. Матвеев

A. P. Matveev

**ИНДУСТРИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР
В 1966 — 1972 гг.**

**INDUSTRY OF CONSTRUCTING MATERIALS
OF THE MARI, MORDOVIAN AND CHUVASH
AUTONOMOUS REPUBLICS IN 1966 — 1972**

Ключевые слова: управление промышленности, местная промышленность, строительные материалы, производительность труда, кирпичный завод, черепичный завод, известковый завод.

В статье освещается история развития промышленности строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1966 — 1972 гг.

Key words: the management of industry, local industry, construction materials, labor productivity, brick plant, tile factory, lime factory.

The article reveals the history of the development of the construction materials industry in the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Republics in 1966 — 1972.

В середине 1960-х гг. в автономных республиках Среднего Поволжья для дальнейшего развития строительной индустрии вновь были созданы управления промышленности строительных материалов. В своей деятельности эти ведомства подчинялись Министерству промышленности строительных материалов РСФСР и правительствам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР.

На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1965 г. было создано Управление промышленности строительных материалов Совета министров Марийской АССР, которое возглавил Е. А. Смехов. В 1968 г. был образован трест промышленности строительных материалов Совета министров Марийской АССР. Его управляющими являлись Л. Пискарев и В. Чернов. В Управление промышленности строительных материалов входило 7 предприятий: Йошкар-Олинский кирпичный завод имени «12 лет Октября», Марийский завод силикатного кирпича, Мари-Турекский кирпичный завод, Горно-Марийский кирпичный завод, Ронгинское и Коркатовское карьерные управления, Студенковский песчаный карьер¹.

Промышленность строительных материалов Марийской АССР в 1968 г. выработала 144,5 млн шт. кирпича, 13,5 тыс. т строительной извести, 140 тыс. т известняковой и доломитовой муки, 27 тыс. м³ керамзита, добыла 55 тыс. м³ бутового камня, 80 тыс. м³ щебня, 220 тыс. м³ песка, изготовила ряд другой продукции [ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 — 7].

Постановлением Совета министров Чувашской АССР от 18 января 1966 г. было создано Управление промышленности строительных материалов. Его начальником

стал П. П. Золотов. Куратором отрасли был назначен заместитель председателя Совета министров Чувашии А. Г. Ефимов². В управление вошли: Алатырский, Чебоксарский, Шумерлинский, Ибресинский и Ивановский (г. Новочебоксарск) кирпичные заводы, Канашский завод строительных материалов, Вурманкасинский завод керамических блоков, Чебоксарский завод силикатных стеновых материалов*, а также научно-исследовательская лаборатория строительных материалов [ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 3. Д. 1. Л. 16 ; Д. 220. Л. 131].

9 апреля 1966 г. на базе цехов Чебоксарского кирпичного завода были созданы Чебоксарский и Ивановский кирпичные заводы, Марпосадский завод строительных материалов и Урмарский известковый завод. Строившийся Чебоксарский завод силикатных стеновых материалов подчинялся Ивановскому кирпичному заводу, а цех по производству товаров широкого потребления в г. Мариинский Посад был выведен из состава Чебоксарского кирпичного завода и стал относиться к Министерству местной промышленности ЧАССР [Там же. Д. 1. Л. 52]. В 1966 г. эти предприятия выпустили валовой продукции на 5 804 тыс. руб. (выполнение плана на 101,8 %), выработав 193,9 млн шт. кирпича, 10,4 тыс. т строительной извести, 11,1 тыс. т известняковой муки, 11,2 тыс. м³ бутового камня, 79,5 тыс. м³ керамзита, 445 м³ пиломатериалов, а также ряд другой продукции. Было вывезено 75 м³ деловой древесины и 80 м³ дров [Там же. Д. 15. Л. 1, 2].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1965 г. и Постановлением Совета министров Мордовской АССР от 13 января 1966 г. было организовано Управление промышленности строительных материалов Мордовской АССР, которое возглавляли: в 1966 г. — А. В. Лебедев, 1971 г. — Н. В. Агафонов, в мае 1972 г. — Н. Г. Морозов. Ведомство курировал первый заместитель председателя мордовского правительства И. Ф. Соловьев³. В системе Управления промышленности строительных материалов вначале было 5 предприятий: Саранский и Рузаевский кирпичные заводы, Саранский комбинат теплоизоляционных изделий, Атемарский завод строительных материалов и Ковылкинский завод силикатных блоков. Мордовское управление промышленности строительных материалов выполнило план 1966 г. на 104 %, а общий выпуск продукции вырос на 5 %. Однако 39 предприятий не справились с заданиями по росту продукции и ее качеству, производительности труда и снижению себестоимости изделий. В целом было не додано 5,4 млн шт. кирпича [ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 3. Л. 40 ; Д. 15. Л. 5.].

Саранский кирпичный завод не выполнил план по выпуску продукции на 1 592 тыс. шт. кирпича [Там же. Д. 15. Л. 23 — 24]. Был допущен перерасход электроэнергии, выросли расходы на непроизводительные нужды и на содержание производственного персонала. Проблемой завода была также недостаточная мощность сушильного хозяйства.

Саранский комбинат теплоизоляционных изделий не додал 3,8 тыс. м³ товарной минеральной ваты, 1,1 тыс. м³ матов и 0,9 тыс. м³ жесткой плиты. На предприятии не соблюдалась сметно-финансовая дисциплина, были перебои с поставкой сырья и материалов, не полностью осваивались выделенные средства на капитальное строительство. Потери от выпуска бракованной продукции составили 14,4 тыс. руб., а штрафы за

* На момент организации управления завод только строился. Первая очередь предприятия мощностью 30 млн шт. кирпича в год была сдана в эксплуатацию в первой половине 1968 г.

простой вагонов — 10,3 тыс. руб. На предприятии имелись излишки материалов и оборудования на сумму 19,2 тыс. руб. [Там же. Л. 35 — 36]. Отметим, что такие запасы руководители предприятий создавали, учитывая принципы фондируемого снабжения, в соответствии с которыми, если товарно-материальные ценности не выбирались заводом, то на следующий год они сокращались на невыбранную величину, что часто не давало возможности маневра при планировании объема производства продукции.

На заседании коллегии Министерства промышленности строительных материалов РСФСР 14 февраля 1967 г. отмечалось, что предприятия промышленности строительных материалов Мордовии не додали в январе запланированного количества кирпича на 2,5 млн шт. и допустили отставание от уровня производства в январе 1966 г.

Одной из причин невыполнения плановых заданий заводами были дефицит рабочих и большая текучесть кадров. Так, в 1966 г. на Ковылкинский завод силикатных блоков было принято 907 рабочих, а уволено 867, в том числе 742 чел. — по собственному желанию, 46 — за прогулы, 52 — в связи с призывом в армию и поступлением в учебные заведения, остальные ушли по другим причинам [Там же. Д. 11. Л. 29 — 46 ; Д. 14. Л. 128 ; Д. 6. Л. 161 — 162]. Неутешительными в этом плане были показатели и на предприятиях Марийской и Чувашской АССР.

Для устранения кадровой проблемы правительство Мордовии приняло решение отпускать кирпич в первую очередь колхозам и другим организациям, выделявшим рабочую силу для кирпичных предприятий. Постановлениями Правительства и Совета министров в республиках предусматривались меры по закреплению на предприятиях строительной индустрии молодежи. В частности, предполагалось путем индивидуально-бригадного метода подготовить из числа выпускников средних общеобразовательных школ ЧАССР 50 рабочих [ГИА ЧР. Д. 1. Л. 37 — 39].

Руководители предприятий Марийского, Мордовского и Чувашского управлений промышленности строительных материалов недостаточно занимались вопросами механизации производства, планирования и экономического стимулирования. Совет министров РСФСР постановлением от 22 февраля 1968 г. предоставил предприятиям право вносить изменения и дополнения в списки профессий рабочих и в перечень должностей других работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда, страхование жизни которых производилось за счет предприятий и организаций; осуществлять аккордную систему оплаты труда для отдельных категорий работников научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций в пределах установленного этим организациям фонда заработной платы; устанавливать должностные оклады и условия премирования работников предприятий, организаций и учреждений по вновь вводимым должностям, не предусмотренным в действующих схемах должностных окладов и положениях о премировании, утверждаемых для соответствующих категорий работников данного предприятия или организации в пределах установленного фонда заработной платы. Согласно приказу Министерства промышленности строительных материалов РСФСР, предприятия марийского, мордовского и чувашского управлений с 21 марта 1969 г. были переведены на новую систему планирования и экономического стимулирования.

На предприятиях медленно осуществлялись мероприятия по повышению технического уровня производства, слабо развивались изобретательство и рационализа-

торство. Так, в 1966 г. на заводах Мордовского управления промышленности строительных материалов было подано 81 рационализаторское предложение, из которых внедрили в производство только 50; годовой экономический эффект от этого составил 2 337 руб. На Марийском заводе силикатного кирпича из 16 рацпредложений было внедрено только 9; годовой экономический эффект составил 1 203 руб. На Канашском заводе строительных материалов из 34 поступивших рацпредложений внедрили 19 [ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 9. Л. 32, 33, 33 об., 34, 34 об., 36, 36 об. ; ГИА ЧР. Ф. Р-332. Оп. 3. Д. 15. Л. 3 ; ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 2. Л. 10].

На 1966 — 1967 гг. в 15 областях РСФСР были намечены мероприятия по расширению сушильного хозяйства предприятий промышленности строительных материалов, подготовке карьеров и механизации трудоемких работ. На эти цели из резервного фонда российского правительства было выделено 24 млн руб. [ЦГА РМ. Д. 2. Л. 28 — 35].

В стране не хватало известняковой и доломитовой муки, строительного гипса и дренажных керамических труб. Особенно востребованы были последние. Реализация этой продукции обеспечивалась начавшейся мелиорацией земель в соответствии с Постановлением Совета министров РСФСР от 13 августа 1966 г. На предприятиях Марийской, Мордовской и Чувашской АССР планировалось произвести соответственно 1, 2 и 3 млн шт. дренажных керамических труб [Там же. Л. 153 — 166].

15 апреля 1967 г. Министерство промышленности строительных материалов РСФСР издало приказ «О переводе рабочих и служащих предприятий и организаций министерства на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями». Соответствующие распоряжения вышли в республиканских управлениях промышленности строительных материалов.

В условиях плановой экономики нормы распределения кирпича ежемесячно утверждались правительствами Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Среди потребителей этой продукции было 60 министерств, ведомств, предприятий, организаций, учреждений, колхозов и совхозов. Так, в Мордовии кирпич поставлялся трестам «Мордовпромстрой», «Саранскжилстрой», «Мордовсельстрой», «Коммунстрой» и воинской части № 32546. Реализацией кирпича населению занимались министерства торговли.

На основании Постановления Совета министров СССР от 30 июня 1967 г. были установлены розничные цены на продукцию, продаваемую в республиках. Так, 1 тыс. шт. глиняного обыкновенного и силикатного кирпича марки «200», изготовленного на предприятиях республиканского (РСФСР) подчинения, стоила 48 руб. 70 коп., марки «150» — 45 руб. 20 коп., марки «125» — 41 руб. 70 коп., марки «100» — 38 руб. 20 коп., «75» — 34 руб. 60 коп., марки «50» — 27 руб. 30 коп. Кирпич, изготовленный на предприятиях местной, топливной и бытовой промышленности, стоил дороже. За 1 тыс. шт. кирпича марки «125» платили 49 руб. 50 коп., марки «100» — 45 руб. 40 коп., марки «75» — 41 руб. 30 коп., марки «50» — 33 руб. [Там же. Д. 15. Л. 59 ; Д. 2. Л. 153 — 166].

В 1968 г. предприятия Управления промышленности строительных материалов Совета министров Марийской АССР выработали 146 млн шт. кирпича, в том числе 83 млн шт. силикатного и 63 млн шт. красного кирпича, 4 млн шт. стеновых крупных блоков (неармированные из плотного и ячеистого цементного и силикатного бетонов), 13,5 тыс. т строительной извести, 150 тыс. т известняковой и доломитовой муки,

27 тыс. м³ керамзита, 30 тыс. м² половой плитки, 8 тыс. м³ керамзитобетонных блоков и панелей, прочей строительной продукции на 47 тыс. руб.; добыли 60 тыс. м³ бутового камня, 75 тыс. м³ щебня, 240 тыс. м³ песка. Кроме того было изготовлено на 20 тыс. руб. товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода [ГА РМЭ. Л. 1 — 4, 6 — 7].

Предприятия Чувашского управления промышленности строительных материалов в том же году выработали 221,4 млн шт. кирпича, 90,5 тыс. т м³ керамзита, что превышало показатели 1967 г. Более устойчиво работали Вурманкасинский завод керамических блоков, Порецкий, Шумерлинский и Ибресинский кирпичные заводы. Эти предприятия удерживали переходящее Красное знамя Министерства промышленности строительных материалов СССР и ЦК профсоюза в 1967 и 1968 гг. [ГИА ЧР. Д. 220. Л. 114, 118].

Предприятия Мордовского управления промышленности строительных материалов изготовили за указанный период 9 тыс. т известняковой муки, в том числе класса «А» — 2 999 кг, 6 716 т строительной извести, 16,8 тыс. шт. шлако-цементных блоков, 68 652 тыс. шт. силикатного кирпича, 87 119 тыс. шт. красного кирпича, 61 956 м³ плит, 12 864 м³ минеральной ваты [ЦГА РМ. Д. 31. Л. 1.].

Плановыми заданиями на 1971 г. Мордовскому управлению было установлено произвести 167 млн шт. кирпича, 20 тыс. т известняковой муки, 10 тыс. т товарной строительной извести, 151,2 тыс. т минеральной ваты и изделий из нее, а также на 3 тыс. руб. товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения [Там же. Д. 21. Л. 137 ; Д. 54. Л. 12 — 13 ; Д. 56. Л. 14 ; Д. 64. Л. 2 об. ; Д. 67. Л. 6, 54].

В 1971 г. предприятия Чувашского управления промышленности строительных материалов выполнили план производства валовой продукции в объеме 12 187 тыс. руб., выработав 203,3 млн шт. кирпича, в том числе 47 млн шт. силикатного, 12 тыс. т строительной извести, 104 тыс. т керамзита, 391,4 тыс. м³ пиломатериалов, 167 тыс. м² керамической плитки; добыли 2,2 тыс. м³ щебня, а также изготовили гончарных изделий на 10,8 тыс. руб. [ГИА ЧР. Д. 389. Л. 2, 2 об.].

В 1972 г. в РСФСР планировалось произвести 5 413 тыс. т известняковой и доломитовой муки, в 1973 г. — 6 392 тыс. т, в том числе в Марийской АССР соответственно 275 и 278 тыс. т, в Мордовской АССР — 20 и 30 тыс. т и в Чувашской АССР — 40 и 41 тыс. т. [ЦГА РМ. Д. 21. Л. 103 ; Д. 55. Л. 65, 67].

В начале 1970-х гг. власть стала придавать большое значение реализации продукции промышленности строительных материалов населению, в связи с этим в рассматриваемых республиках были приняты правительственные постановления о развитии выпуска товаров широкого потребления. Так, в 1971 г. в МАССР Рузаевскому кирпичному заводу было предложено увеличить изготовление горшков для цветов на 7 143 шт. и реализовать их на 2 тыс. руб., а Атемарскому заводу строительных материалов — 38 т меловой муки на сумму 1 тыс. руб. В 1972 г. на Рузаевском кирпичном заводе должны были произвести цветочных горшков на сумму 5 тыс. руб., на Саранском комбинате теплоизоляционных изделий — 20 т молотой фасованной извести на 1 тыс. руб., на Атемарском заводе — такой же продукции на 1,5 тыс. руб. [Там же. Д. 67. Л. 55]. Марийский завод силикатного кирпича производил горшки, кринки и цветочные банки, Йошкар-Олинский кирпичный завод — изделия художественной керамики (сувениры, чайные, коньячные, винные наборы), Ронгинское карьерное управление — минеральные удобрения и строительную известь в мелкой расфасовке.

Продукция мордовских кирпичных заводов поставлялась за пределы республики. Так, на основании распоряжения Совета министров Мордовской АССР от 14 октября 1966 г. Совету министров Чувашской АССР с Ковылкинского завода силикатных блоков в счет плана межобластных поставок было отгружено 200 тыс. шт. силикатного кирпича, в том числе за счет невыбранных фондов — 100 тыс. шт. и за счет уменьшения фонда объединению «Мордовстрой» — 100 тыс. шт. В марте 1967 г. кирпич был отправлен Ульяновскому (600 тыс. шт.) и Пензенскому (380 тыс. шт.) облисполкомам. Планом 1967 г. Ковылкинскому заводу силикатных блоков предписывалось поставить в эти области 16 млн шт. кирпича, из них 11 млн шт. — в Ульяновскую область. В 1968 г. в эти регионы было поставлено 16 млн шт. силикатного кирпича, в том числе в Пензенскую область — 5 млн шт.; в 1969 г. Пензенская область получила 5 млн шт., Ульяновская — 11 млн шт.; в 1970 г. соответственно 3 и 11 млн шт. В январе — феврале 1971 г. Ковылкинский завод поставлял кирпич для Дагестана, где произошло землетрясение, а также военному предприятию ПЯ ЖХ-385 [ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 56. Л. 69 — 70, 95 ; Д. 67. Л. 55 ; Д. 3. Л. 21 ; Д. 13. Л. 6 ; Д. 14. Л. 23 ; Д. 22. Л. 2 ; Д. 46. Л. 3 ; Д. 35. Л. 24 ; ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 1. Л. 16].

Предприятия Мордовского управления промышленности строительных материалов в 1972 г. выпустили валовой продукции на 8 616 тыс. руб., а реализовали ее на 89,8 %. Было выработано 157,2 млн шт. кирпича, в том числе 75,3 млн шт. силикатного, 8,7 тыс. т известняковой муки, 12,3 тыс. т строительной извести, 180,3 тыс. м³ минеральной ваты и изделий из нее. На капитальный ремонт оборудования затратили 198,5 тыс. руб.

Предприятия Чувашского управления промышленности строительных материалов наращивали производство. Так, в 1972 г. было выработано 13 081 т строительной извести, 40 765 т известняковой муки, 254,8 млн шт. кирпича, в том числе 52,8 млн шт. силикатного кирпича, 1 307 м³ бутового камня, 115 136 м³ керамзита, 463,3 тыс. м² керамической плитки, на 11,3 тыс. руб. гончарной посуды и другой продукции в целом на 12 025 тыс. руб. [ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 15. Л. 24 об., 25 ; Д. 1. Л. 16 ; Д. 118. Л. 1 — 2 ; ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 6. Л. 1, 1 об. ; Д. 3. Л. 15, 45 об. ; ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 3. Д. 56. Л. 3, 10, 10 об., 11 ; Д. 55а. Л. 1 — 13 об. ; Д. 390. Л. 1 ; Ф. Р-2501. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2 об., 3, 4, 4 об.].

В 1966 — 1972 гг. инвестиции из централизованных источников финансирования и ссуды Госбанка СССР на развитие предприятий, выпускавших строительные материалы, значительно выросли.

В исследуемый период предприятия в Мордовской АССР отказались от использования в технологическом процессе дров и перешли на каменный уголь и электроэнергию, а Ковылкинский завод — на природный газ. Обеспечение электроэнергией предприятий в Чувашской автономной республике было более стабильным, так как существовали значительные собственные энергоресурсы. Энергетическая база заводов Марийской и Мордовской АССР, как и строительство жилья для работников, отставали от потребностей производства.

Что касается социальных вопросов, то лучше они решались на предприятиях ЧАССР, хуже — в МАССР и Марийской АССР.

Таким образом, возросшая мощь индустрии строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1966 — 1972 гг. позволила в целом обеспечить

потребности республик в кирпиче, извести, керамзите, цементе, керамической плитке и других строительных материалах. Часть их вывозилась в соседние области. Продукция мордовских кирпичных заводов была востребована в Пензенской и Ульяновской областях. Эти успехи были возможны только при модернизации строительной индустрии.

Библиографические ссылки

- ¹ ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. Далее ссылки в тексте.
² ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 3. Д. 1. Л. 138. Далее ссылки в тексте.
³ ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 14. Л. 24. Далее ссылки в тексте.

Поступила 12.08.2011 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 911.2:398.341/.345(470.345)

М. Н. Романова

M. N. Romanova

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЖИЛИЩНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

NATURAL AND GEOGRAPHIC CONDITIONS AS A FACTOR OF SOCIOCULTURAL PECULIARITY OF HOUSING COMPLEXES OF MORDOVIAN POPULATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: поселение, тип заселения, жилище, планировка, традиция, мордва, усадьба, географическая и природная среда.

В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на формирование мордовских поселений как одного из основных компонентов материальной культуры этноса.

Key words: settlement, the type of colonization, dwelling, layout, tradition, the Mordvins, farmstead, geographical and natural environment.

The factors, which influence the formation of Mordovian settlements as one of the main components of material culture of the ethnos, are considered in the article.

Этническая экология, или этноэкология, рассматривает этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, представляя их в виде сложной развивающейся системы. В этнической, как и в культурной экологии, делается акцент на изучении адаптации человеческого общества к окружающей среде, при этом культура рассматривается как механизм, посредством которого такая адаптация осуществляется. С помощью культуры люди не только приспосабливались со временем к той или иной новой природной среде («экологической нише»), но и преобразовывали ее, создавая «культурные ландшафты». Изучение проблемы адаптации подразумевает анализ пути, по которому пошло развитие человеческой общности (ее культуры, жизнеобеспечения и природопользования) в условиях выбора одной из нескольких доступных возможностей в данной среде обитания. Такой выбор принято обозначать термином «адаптивная стратегия». Разумеется, он всегда определяется не только особенностями среды, но и

уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями, внешним воздействием и множеством других социальных факторов¹.

Формирование материальной культуры любого народа зависит от естественно-географической среды, в которой она складывается, направлений хозяйственной деятельности, социальной структуры этноса, культурного взаимодействия с другими народами, живущими на одной территории. Поселения и жилища являются одними из составных компонентов материальной культуры этноса. Их формирование и развитие происходило под воздействием целого ряда факторов, которые оказывали существенное влияние на процесс функционирования этнобытовой культуры живших в них народов.

В силу ряда причин мордовский этнос расселен по всему евроазиатскому континенту России. Наиболее значительна его численность в Урало-Поволжской историко-этнографической области, занимающей территорию от равнинных районов Среднего Поволжья до гор Южного Урала и зауральских степей, с наибольшей концентрацией в Самарской, Пензенской, Оренбургской и Нижегородской областях, республиках Мордовия, Татарстан, Башкортостан, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Все эти регионы весьма существенно отличаются по структуре поселений и системе расселения.

Республика Мордовия расположена в центральной части Восточно-Европейской (Русской) равнины, в междуречье крупных притоков Волги — Оки и Суры, на стыке Приволжской возвышенности и Окско-Донской низменности, в пределах подзон смешанных и широколиственных лесов и лесостепи. Площадь республики составляет 26, 1 тыс. кв. км, протяженность с запада на восток — около 280 км, с севера на юг — от 55 до 140 км². Особенностью ее положения является наличие общих границ с экономически развитыми районами Центра и Поволжья. Республика Мордовия на севере и северо-востоке граничит с Нижегородской областью и Чувашской Республикой, на востоке и юго-востоке — с Ульяновской, на юге — с Пензенской и на западе — с Рязанской областями³. Природа Республики Мордовия, несмотря на небольшие размеры ее территории, характеризуется довольно большим ландшафтным разнообразием. По характеру рельефа территория Мордовии разделяется на две части, между которыми нет резких переходов: западная — низменная, с высотами 90 — 120 м (северо-восточная часть обширной Окско-Донской низменности) и восточная — холмистая и возвышенная, с высотами до 300 м (северо-западная оконечность Приволжской возвышенности)⁴. Границей между ними служит долина р. Мокши, прорезающая территорию республики с юга на север. Республика Мордовия входит в плотно заселенную и хорошо освоенную зону Российской Федерации.

Поселения как совокупность материальных форм обитания людей в пределах определенной территории, объединяя в себе места жительства, работы, отдыха и общения населения, образуют определенную социально-территориальную среду межэтнических взаимодействий. Она выступает в них двумя основными сторонами: территориально-поселенческой как место жительства этносов, субэтносов, этнических и этнографических групп — в системе поселений различных функциональных типов, величины, людности и статуса, и социально-организованной, обеспечивающей ту или иную интенсивность межнациональных контактов. Будучи материальной основой жизнедеятельности, территориальная среда создает соответствующую

базу для функционирования этнических образований. Данное обстоятельство имеет особенно существенное значение для мордвы (мокши и эрзи), марийцев (горных и луговых) и других этносов, поселенческая среда которых разбита на несколько этногеографических зон, каждая из которых, в свою очередь, делится на отдельные части вкраплениями инонациональных поселений⁵. В состав Республики Мордовия входят 20 сельских районов (Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Инсарский, Ичалковский, Кадошкинский, Кочкуровский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский, Чамзинский; 2 муниципальных образования (Ковылкино и Рузаевка); 3 города республиканского (Саранск, Ковылкино и Рузаевка) и 4 районного (Ардатов, Инсар, Краснослободск и Темников) подчинения; 19 рабочих поселков; 1 313 сельских населенных пунктов, объединенных в 421 сельскую администрацию⁶.

В системе расселения Мордовии преобладают поселения, связанные с сельскохозяйственной деятельностью. Сельские поселения с мокшанским населением численно преобладают лишь в Зубово-Полянском районе. Эрзянские населенные пункты бытуют наравне с русскими в Большеберезниковском, Большеигнатовском, Дубенском и Кочкуровском районах. В остальных административных районах большую часть составляют русские поселения. Населенные пункты татар-мишарей ни в одном из районов не составляют большинства, а в Ардатовском, Атяшевском, Большеигнатовском, Большеберезниковском, Ичалковском, Старошайговском и Чамзинском районах они совсем отсутствуют⁷.

Для мордовского населения Мордовии, так же как и для других народов Среднего Поволжья, были характерны приречный и приовражный типы заселения. Наиболее ранним был приречный тип заселения. Стремление мордвы обосновываться вблизи рек было обусловлено особенностями ее хозяйственной деятельности. Речные долины привлекали население своими плодородными почвами под пашни; лугами для сенокосов; лесами для охоты, сбора дикорастущих трав и ягод, заготовки дров и строительного материала; водоемами для рыбной ловли и в качестве водопоя для домашнего скота. Кроме того, на реках строили водяные мельницы, и они служили удобными путями сообщений. О существовании приречного типа заселения у мордвы находим подтверждение в «Кадомских дозорных книгах Афанасия Нармоцкого да подьячего Макара Внукова 122 (1614) г.» где написано следующее: «...деревня Теньгушево на речке на Ведяже, под нею ж река Мокша, а в ней Килдаш Паркин, Учан Пароватов, Кильсяр Четаев, Постничко Аверкиев русак, Андрюшко Третьяков русак же, Учай Вечкопяшга, Атян Налетаев, Парамза Чинаев, Чиндяс Азарапин, Алтай Налдянов, Атяй Пароксин, Томай Рузманов, Богдан Четьев, Бонш Мамолаев, да бобыльских вдова Каршнея Уразаевская жена, вдова руска Дарья и всего живущих пашенных 14 дворов, 2 двора бобыльских, обоево 16 дворов, а людей в них тож, в той же деревне мордовских же 10 дворов пустых. Пашни паханые добрые земли 90 четвертей, да перелогу то же земли 140 четвертей, да лесом поросли 40 четвертей...»⁸.

Анализ местоположения мордовских поселений на ландшафте, по материалам середины XIX в., также свидетельствует о преобладании приречного типа заселения. Около 80 % поселений располагалось по рекам, речкам или ручьям, из них 20 % — по таким большим рекам, как Мокша, Сура, Алатырь, Вад, Инсар и др.⁹

Мордовские селения, находившиеся по берегам крупных и малых рек, обычно получали названия этих рек: от речки Кемлятки — с. Кемля (Ичалковский район), Раксаженки — д. Раксажены (Большеигнатовский район), Чеберчинки — с. Чеберчино (Дубенский район), Шокша — с. Шокша (Теньгушевский район) и т. д.

Мордовские поселения нередко возникали вблизи постоянно действующих ключей, следовательно, не было необходимости рыть колодцы. Поэтому в мордовском языке нет эквивалента русскому слову «колодец», а термин «лисьмапря» означает «действующий ключ», «выходящая из-под земли вода» (лисьма — выходящая, пря — голова). Примером может служить с. Налитово Кочкуровского района.

Приовражный тип заселения был наиболее распространен в северной части Мордовии, отличавшейся резким рельефом и сильно развитой овражно-балочной сетью. Как отмечал Н. П. Макушин, «тяготение мордовских поселений к речкам и низинам было устойчивой традицией. Особенно наглядно это проявляется на примере селений Ардатовского, Атяшевского, Темниковского, Краснослободского районов. Форма приовражных селений определяется очертанием берегов оврагов, вдоль которых без всякого плана строились жилые дома. Поэтому формы приовражных поселений так же многообразны, как и сам рельеф. Чаще всего дома стоят в низине вблизи водоема, где наиболее удобные земли для огородничества, издавна являющегося излюбленным занятием мордвы»¹⁰. Корреспондент Русского географического общества, описывая с. Сузгарье Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне Рузаевского района Республики Мордовия) до его перепланировки, отмечал, что оно «... построено без всякого плана и состоит из одной улицы и одного на севере порядка, кои расположены от запада к востоку и разделены между собой оврагом с ключом Вилляйкою, по коему огорожены овощники. Кроме того, оно еще состоит из двух порядков, которые расположены от севера на юг и разделены от улицы ключом Кичкеморгою, а между собой оврагом с самым незначительным ключом, по коему простираются овощные огороды жителей этих двух порядков»¹¹. В настоящее время некоторые крупные селения полностью размещены в котловинах больших оврагов, например с. Кураево Теньгушевского района и с. Шугурово Большеберезниковского района. Вероятно, по мере расчистки земель из-под леса овраги постепенно высыхали, а ключи переставали действовать, и это обстоятельство вынуждало мордву спускаться в более низменные места, удаляясь на 1 — 2 км от старого места жительства. Такое перемещение связывалось с изменением природных условий. Об этом свидетельствует и распространенность топонимических терминов «ташто юр» (старое местожительство) и «ташто веле» (старое село)¹².

В XIX в. стали возникать новые поселения мордвы близ больших трактов, значение которых особенно возрастало с усилением экономических связей между районами. На тракте Москва — Саратов, построенном в XVIII в.¹³ и проходившем по территории современного Zubovo-Полянского района, крестьяне начали сооружать свои жилища, первые из которых служили пристанищем для ямщиков и проезжавших купцов. Постепенно количество домов увеличивалось, и селения разрастались. Таким образом появились с. Новые Выселки, Каргалы и Умет¹⁴. Подобный путь возникновения поселений был характерен для всего Среднего Поволжья¹⁵. Некоторые поселения, расположенные на торговых трактах, разрастались до огромных размеров, протягиваясь на несколько километров (с. Новые Турдаки Кочкуровского района и др.)¹⁶.

Как и другие народы Мордовии, мордва селилась вблизи лесных массивов, где можно было найти материал для строительства жилища, заниматься охотой и собирательством. В связи с этим И. Беляев писал: «...вся сторона Краснослободского уезда — это, как говорят старожилы, была одна, почти, сплошная чаща, где жило простодушное племя мордвы, исконные любители лесов и болот, в которой также жили волки, медведи, бобры, лисы и разная мелкая дичь»¹⁷. Н. Н. Костин также отмечал: «...живя в дремучих лесах, они с самых давних времен занимались земледелием, придерживаясь подсечной системы хозяйства. Масса зверей: дичи, пчел в лесах и рыбы в реках также с давних времен способствовали развитию среди мордвы звероловства, охоты, рыболовства, пчеловодства и впоследствии скотоводства — важных подспорьев мордовского хозяйства»¹⁸. В. И. Козлов отмечал: «Этническая территория мордвы располагалась в лесной зоне. Громадные массивы хвойных, смешанных и лиственных в южных районах лесов тянулись в то время с небольшими разрывами по всему пространству между Окой и Волгой...»¹⁹.

При выборе места для поселения учитывались и такие природные условия, как плодородие почвы и наличие пастбищ. Например, при основании с. Кученяева мордву «...привели сюда те природные богатства, которыми славился тогда этот край. Всего было вдоволь — тучные пастбища, плодородные поля, леса, населенные различными животными и птицами, дававшими богатую добычу...»²⁰. Стремление мордвы селиться в благоприятных местах отмечал и В. Ауновский: «Отличительные черты характера мордвы объяснить не трудно. Натолкнувшись на местность плодородную, довольно щедро наделенную дарами природы, защищенную густым лесом, богатую водой — мордва, естественно, должна была остановиться на ней...»²¹. Землю мордва, как и другие земледельческие народы, представляла женщиной, обладавшей плодородной силой и производившей все необходимое для людей. Поэтому к ней старались относиться с чрезвычайным почтением, устраивая многочисленные жертвоприношения. Во время них говорили следующее: «Мастор-ава, матушка, тяжесть земли держащая, вот пришли — собрались, твое имя вспоминаем, посмотри на наши поклоны. Что принесли — дай, что скажем — сделай. Просим хорошего урожая... дай хорошего здоровья. Мастор-ава, матушка, что бросаем на тебя, что сеем на тебе — подними, вырасти, наполни, помоги»²².

Исторически сложившимися типами мордовских поселений являлись деревня, село, сельцо, выселки и хутор. В летописях XIII — XIV вв. упоминаются три типа сельских поселений мордвы: «село», «погост» и «зимница»²³. «Селами» летописцы называли многодворные поселения, в которых после обращения мордвы в христианство стали строиться церкви, являвшиеся одним из основных отличительных признаков села. Селение без церкви и меньшее по размеру называлось деревней, а при наличии в нем помещичьего имения — сельцом. «Погостами» летописцы, по-видимому, называли своеобразные административные центры, которые позднее стали центрами летописных мордовских волостей, на их месте создавались города. Так, в 1372 г. на месте мордовской деревни возник г. Курмыш, а еще ранее таким же образом появились г. Рязань, Арзамас, Наровчат и др. «Зимницами» первоначально назывались однодворные поселения, строившиеся обычно на лесных полянках, используемых для хлебопашества. Их возникновение было вызвано необходимостью освоения новых участков земли и лесов, в которых мордва исстари занималась бортничеством и охотой. Так, К. И. Козлова отметила, что «...вплоть до XVIII в. зубовополянская

мордва-мокша строили свои дома в чаще леса на больших и малых лесных полянах»²⁴. С ростом населения зимницы превращались в починки и деревни²⁵. Первое упоминание о зимницах встречается в русских летописях 1228 г.: «Князь Игорь Всеволодович поганскую мордву отгнал от града (Нижнего Новгорода. — В. В.) и жилища их и зимницы разорил»²⁶. Объединение летописцем жилищ и зимниц позволяет говорить о том, что этимологически мордовские зимницы XIII в. можно отождествить с временными жилищами охотников-звероловов и бортников, устраиваемыми вдали от мест своих постоянных поселений. Выселки появились не ранее второй половины XIX в. в результате увеличения численности населения и как следствие этого — малоземелья. В период Столыпинской аграрной реформы у мордвы появились хутора, но их количество было невелико. Так, в начале XIX в. в Темниковском уезде числились: 1 мужской монастырь, 1 «пустынь», 2 слободы, 34 села, 3 «погоста», 34 сельца, 114 деревень и 1 хутор²⁷.

При характеристике мордовских поселений необходимо обратить внимание на их количественные показатели, или размеры. В этнографической литературе, как правило, таковыми являются дворность и людность поселений. Так, Н. Харузин считал, что малодворность являлась характерной особенностью поселений финно-угорских народов. Наличие же встречавшихся среди них крупных застроек он объяснял влиянием соседей²⁸. Среднее количество дворов, приходивших на одно селение, в XVII в. не превышало 50. Резкий рост величины и людности поселений произошел лишь в XVIII в., а в середине XIX в. часть их насчитывала уже до 200 дворов и до 1 500 жителей. Например, в Темниковском и Краснослободском уездах преобладали поселения в 6 — 75 дворов (201 — 500 жителей), Ардатовском, Саранском и Инсарском в 26 — 50 дворов (501 — 1 000 жителей), в Наровчатском, Алатырском и Спаском в 76 — 200 дворов (501 — 1 500 жителей)²⁹. Во второй половине XIX — начале XX в. наиболее массовыми типами поселений мордвы являлись деревни и села величиной 26 — 200 дворов и людностью 200 — 1 500 жителей³⁰.

Мордовские поселения отличались значительной типовой дробностью и разнообразием форм. По характеру планировки они подразделялись на беспорядочные, круговые, радиальные, рядовые и уличные. Наиболее древним видом была беспорядочная застройка селений, характеризующаяся отсутствием определенного плана в расположении построек. В структурном отношении такая форма застройки подразделялась на кучевую, гнездовую и концевую. Судя по замечаниям ученых-путешественников и исследователей XVI — XIX вв. (С. Герберштейн, Н. Витсен, И. П. Фальк, И. И. Лепехин, И. Г. Георги, П. И. Мельников, М. Мостовский и др.)³¹, у мордвы с давних пор господствовала беспорядочная кучевая форма поселений. Этот вид застройки сохранялся в пережиточной форме вплоть до начала XIX в. Участник этнографической экспедиции Академии наук И. И. Лепехин отмечал, что «деревни и села мордвы построены не улицами, как у русских, а кучею»³².

В процессе дробления больших семей в связи с переходом на новые селитебные участки получили распространение концевые и гнездовые беспорядочные формы, достаточно четко выделяющиеся в планах XVIII в. По мнению В. Ф. Вавилина, возникновение этих форм обуславливалось характером расселения патронимии, принадлежностью одного селения нескольким владельцам, совместным поселением нескольких групп переселенцев, пришедших из разных мест и, наконец, образованием этнически смешанных населенных пунктов. В XVIII — XIX вв. у мордвы продолжали

широко бытовать гнездовые (с. Потякши Краснослободского уезда Пензенской губернии) и концевые беспорядочные формы (с. Урусово Ардатовского уезда Симбирской губернии). Они были распространены повсеместно, но кое-где можно выделить преобладание одного или другого типа как местную особенность. В западных районах современной территории Мордовии, т. е. в зоне преимущественного расселения мокши, преобладали гнездовые, а в восточной части — зоне расселения эрзи — концевые беспорядочные формы. Кучевая беспорядочная форма в этот период встречалась довольно редко³³.

Примером беспорядочной застройки служит также один из старых концов с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района, где постройки стоят в беспорядке на небольшой площади и ориентированы в разные стороны. Здесь нет улицы, усадьбы крайне малы, одни расположены впереди дома, а не за ним, другие — вокруг гнезда построек, третьи — на пойме р. Суры³⁴. Подобная застройка представлена на одном из концов с. Новые Турдаки Кочкуровского района, носящем название «Гора». Здесь дома выровнены в более или менее прямую линию и приобрели вид рядовой прерывистой улицы, но примечательно то, что из 30 домов, составляющих данный конец села, 20 — принадлежат Герасимовым, у которых, по преданию, был общий предок Гара (Герасим). По-видимому, основателем этого конца являлся Герасим и от его имени было образовано название «Гара». Впоследствии это название претерпело некоторое изменение и конец села стал называться «Гора», так как он находится на возвышенности близ оврага. Расположение пяти-шести домов родственников рядом или один напротив другого было частым явлением в эрзянских и мокшанских селениях. Например, в с. Большое Игнатово Большеигнатовского района на одной усадьбе построились четыре семьи Полякиных. Такое же гнездовое расположение домов было и в с. Мокшалея Чамзинского района. По рассказам 78-летнего жителя этого села Г. Ф. Нуштайкина, с. Мокшалея имело неправильную планировку, дома ставились беспорядочно. На одной усадьбе находилась целая группа жилых построек. Такая планировка сохранялась до пожара, уничтожившего почти все село. После этого в конце XIX в. была произведена радикальная перепланировка, не допускавшая уже расселения гнездами³⁵.

Беспорядочная планировка поселений не являлась особенностью какого-либо этноса и была характерна для целого ряда народов, находившихся на определенном уровне социально-экономического развития и живших в сходных физико-географических условиях. Она была следствием того, что близкие родственники стремились селиться рядом, что, в свою очередь, было обусловлено особенностями ведения земледельческого хозяйства, требовавшего приложения больших сил³⁶.

Интересны мордовские деревни с круговой планировкой, также весьма старой. Круговые поселения создавались, как правило, вокруг какого-либо центра: озера, торговой площади, церкви или помещичьей усадьбы. Некоторые из них в прошлом играли роль «погоста» — центра для определенной округи, которая тяготела к нему торговыми и административными связями. В этих первоначальных административных центрах обычно находилась торговая площадь. К старым центрам следует отнести с. Луньгинский Майдан (тат. майдан — площадь) Ардатовского района и с. Мамолаево Ковылкинского района. Иногда в центре села стояла усадьба помещика, живописно расположенная на берегу пруда или на склоне оврага. Так, в центре с. Турдаково Дубенского района, где ныне расположены огороды и сады, в прошлом

была помещичья усадьба; то же и в с. Чукалы Ардатовского района. Примером поселений с круговой планировкой является сельцо Инелейка Ардатовского уезда, в центре которого находилась усадьба помещика Третьякова, окруженная домами зависимых от него крестьян. По плану конца XVIII в., д. Старая Пырма Кочкуровского района состояла из трех рядов построек, образовывавших треугольник. Центральную часть села занимал огромный пчельник местного зажиточного жителя. На площади также были расположены общественные здания³⁷.

Для селений, расположенных по берегам рек, была характерна рядовая застройка. Фасады домов в этих деревнях обращены к реке, особенно если сторона являлась солнечной (южной или восточной). Такая, например, планировка сохранилась в с. Семилей Кочкуровского района, где два ряда домов обращены фасадами не друг к другу, а в одну сторону — к реке. Рядовая планировка встречалась и в селениях, которые возникли сравнительно недавно и еще не успели разрастись. В этом случае улица состояла из одного ряда домов, перед окнами которых на другой стороне улицы располагались хозяйственные постройки — мазанки, амбары и бани. Такой пример застройки существует на одном из концов с. Кочетовка Инсарского района, известном под названием Шаталовка, а также д. Новотягловки Кочкуровского района и др.

Наибольшее распространение у мордвы получила уличная планировка, представленная тремя видами: линейным, квартальным и радиальным.

Линейно-уличный план был более характерен для притрактовых селений, состоявших из нескольких десятков или сотен домов, расположенных по обе стороны дороги. В таких селениях два ряда домов, обращенных фасадами один к другому, образовывали одну длинную улицу. Примером такой планировки служат улицы в с. Новое Синдрово, Потякши, Колопино Краснослободского района, Старое Дракино Ковылкинского района³⁸, Каргалы, Сбродовка Zubovo-Полянского района³⁹.

Нередко по обе стороны больших дорог располагались прерывистой лентой постройки нескольких деревень, иногда слившихся одна с другой (например, по дороге из г. Саранска в Кочкурово). Часто такая планировка встречается и в селениях, расположенных вдоль небольших ручейков или речек, например д. Новая Толковка и Новая Самаевка Ковылкинского района, с. Андреевка и Старые Селищи Большеигнатовского района, Чукалы Ардатовского района. В этих случаях расстояние между двумя рядами домов было обычно больше, чем в притрактовых селениях, так как сближению рядов построек мешает извилистое русло речек, заболоченность их берегов, чрезмерная пересеченность местности и другие особенности рельефа. По мере увеличения числа дворов в этих селениях создавались новые улицы и переулки, а село в целом приобретало квартально-уличную планировку. Примером служат с. Ичалки Ичалковского района, Старые Найманы и Шугурово — Большеберезниковского, Салазгорь — Торбеевского, Алькино — Ковылкинского, Умет, Zubова Поляна и Ширингуши — Zubovo-Полянского района⁴⁰.

Радиальными назывались селения, состоявшие из двух или нескольких улиц, расположенных под углом или пересекавшихся одна с другой (обычно в центре селения). Улицы почти всегда отходили от площади, где располагался хозяйственный и культурный центр села. Примером радиальной планировки служат с. Мамолаево Ковылкинского района, Кулдым, Вертилим — Старошайговского, Поводимово — Дубенского, с. Ачадово — Zubovo-Полянского района⁴¹. При такой пла-

нировке направление улиц часто определялось проходившими через селение дорогами, вдоль которых создавались улицы, иногда (если селение находилось при овраге) улицы располагались на отходивших от центрального оврага склонах его отвершков⁴².

Уличная планировка во всех ее разновидностях является наиболее поздней формой, заменившей традиционные в связи с указами правительства о перепланировке селений. Первый такой указ был издан в 1722 г., однако на исследуемой территории планировка селений началась лишь в 70-х гг. XIX в. Под воздействием правительственных указов 1873, 1877 и 1879 гг. разрабатывались проекты перепланировки старых селений и застройки новых. Согласно проектам, улицы выравнивались, усадьбы застраивались гнездами двуродного типа. Гнездо от гнезда отделялось переулком в 8 саженей, через 2 или 3 гнезда оставлялся проездной переулок в 6 саженей, а через 40 дворов, или 20 гнезд, устраивался прогон в 50 саженей для разрыва селитбы. Однако перепланировка селений далеко не всегда велась по разработанным планам. В большинстве случаев она заключалась лишь в поправлении изгибов застройки, «подтягивании» построек к более или менее прямой линии⁴³. Существенные изменения в соотношении различных типов селений, их взаимной группировке, а также в их планировке и внешнем облике произошли во второй половине XX в. Изменения в планировке селений заключались в упорядочении застройки улиц, переходе к правильной поквартальной планировке, соблюдении противопожарных интервалов между усадьбами и устранении скученности застройки.

Большинство названий мордовских поселений имеют антропонимическое происхождение и образованы от мордовских дохристианских личных имен первых поселенцев — глав патриархально-родовых семей, например, с. Судосево (Судозь веле) — от собственного имени Судозь, Атяшево (Отяшэле) — Отяш, Батушево (Батушэле) — Батуш, Темяшево (Темяш веле) — Темеш, Ардатово (Орданьбуе) — Ордат, Кулясово (Кулясбуе) — Куляс, Кечушево (Кеченьбуе) — от Кеча⁴⁴.

Вокруг вопроса о происхождении сел и их названий сложилось немало преданий. В частности, в них говорится о трех селениях, основанных якобы тремя братьями. Так, в с. Сабаеве существует предание о том, что землепашец Сабай основал с. Сабаево, а его братья: рыболов Давид — с. Мордовское Давыдово, лесоруб Налит — с. Налитово. Однако в с. Налитове имеет хождение и другое предание, согласно которому Налит не был братом Сабая и Давида. Он имел брата Кадыша (отсюда — с. Кадышево) и сестру Катю (с. Катяково). В с. Кабаеве Дубенского района существует аналогичное предание о том, что основателем села был некто Кабай. У него были братья Алой и Алтай, которые, отделившись, основали селения Алово и Алтышевка. По преданию, записанному в Ардатовском районе, основателем с. Чукалы был Чукай, его брат Игнат основал с. Игнатово, а другой брат Андрей — с. Андреевка⁴⁵.

Таким образом, в число основных компонентов материальной культуры любого этноса входят поселения, их территориальные группировки (система расселения), жилища и усадьбы. Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на процесс функционирования этнобытовой культуры, на темпы и направления этнических процессов, являются естественно-географические условия. Для мордовских поселений были характерны приречный, приовражный, а позднее водораздельный типы заселения. Развитие форм поселений мордвы соотносится со схемой

планировочной структуры поселений других народов региона. На начальном этапе господствовал беспорядочный вид застройки, затем шел постепенный переход к уличной. В результате увеличения населения произошел переход к улично-квартальной и улично-радиальной планировкам некоторых мордовских поселений. Яркими индикаторами жизнедеятельности народа являются мордовские топонимы, отражающие своеобразие среды проживания мордвы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Маркарян Э. С.** Культура жизнеобеспечения и этнос : Опыт этнокультур. исслед. (на примере армян. сел. культуры). Ереван, 1983. С. 27.
- ² См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 13.
- ³ См.: **Горцев В. И.** География Мордовской АССР. Саранск, 1968. С. 6.
- ⁴ См.: География Мордовской АССР : учеб. пособие. Саранск, 1983. С. 7.
- ⁵ См.: **Вавилин В. Ф.** Особенности социально-поселенческой среды мордовского этноса // Возрождение мордовского народа. Саранск, 1995. С. 22.
- ⁶ См.: Мордовия.
- ⁷ См.: **Вавилин В. Ф.** Особенности социально-поселенческой среды... С. 23.
- ⁸ Цит. по: **Ежова В. П.** О некоторых этнографических особенностях в культуре мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 213. (Тр. Мордов. этногр. экспедиции ; вып. 1.).
- ⁹ См.: **Вавилин В. Ф.** Формы сельских поселений мордвы в XVIII — середине XX века // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII — XX вв. Саранск, 1978. С. 65. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 62).
- ¹⁰ **Макушин Н. П.** Поселения мордвы на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа : тр. Мордов. этногр. экспедиции. М., 1963. Вып. 2. С. 151 — 152. (Тр. / Ин-т этнографии АН СССР : нов. сер. ; т. 86).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: **Бусыгин Е. П.** Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 385.
- ¹⁴ См.: **Балашов В. А.** К вопросу изучения современных поселений и жилищ мордвы-мокши // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск, 1970. С. 163. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 39).
- ¹⁵ См.: **Бусыгин Е. П.** Указ. соч. С. 187 — 188.
- ¹⁶ НА НИИГН. И-927. **Вавилин В. Ф.** Сельские поселения и жилища мордвы на территории Мордовской АССР : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 1976. С. 16.
- ¹⁷ НА НИИГН. И-885. **Тумайкин В. П.** Исследователи и путешественники о мордве : (Материал собран в 1974 г. научным сотрудником сектора археологии и этнографии НИИЯЛИЭ). Л. 33.
- ¹⁸ **Костин Н. Н.** Краткий очерк истории Краснослободского уезда и г. Краснослободска Пензенской губернии // Изв. КУОНО. [Краснослободск], 1921. С. 33.
- ¹⁹ **Козлов В. И.** Расселение мордвы : ист. очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 8. (Тр. Мордов. этногр. экспедиции ; вып. 1).
- ²⁰ **Масленников Н.** Из быта села Кученяева Алатырского уезда Симбирской губернии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1916. Т. 29, вып. 4. С. 189.
- ²¹ **Ауновский В. А.** Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869. С. 5.
- ²² Цит. по: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 21.
- ²³ См.: Мордва : ист.-этногр. очерки / отв. ред. В. И. Козлов. Саранск, 1981. С. 97.
- ²⁴ **Козлова К. И.** Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 162.

- ²⁵ См.: **Макушин Н. П.** Указ. соч. С. 146 — 148.
- ²⁶ Цит. по: **Вавилин В. Ф.** Поселения и жилища // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995. С. 154.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1350. Межевой департамент сената. Оп. 312. Д. 211. Л. 184.
- ²⁸ См.: **Харузин Н. Н.** Очерк истории развития жилища у финнов // Этногр. обозрение. 1895. № 1, кн. 24. С. 72.
- ²⁹ См.: **Вавилин В. Ф.** Мордовское народное зодчество. Саранск, 1980. С. 30 — 31.
- ³⁰ См.: Мордва : ист.-этногр. очерки. С. 99.
- ³¹ См.: **Герберштейн С.** Записки о Московитских делах / пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 99 — 100 ; **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 162 — 163 ; **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1. С. 30 — 31 ; **Мельников П. И.** Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отеч. зап. СПб., 1839. Т. 6. С. 63 ; **Мостовский М.** Этнографические очерки России. М., 1874. С. 44, 94, 99.
- ³² **Лепехин И. И.** Указ. соч. С. 22.
- ³³ См.: **Вавилин В. Ф.** Формы сельских поселений мордвы... С. 63.
- ³⁴ См.: Народы Европейской части СССР / под ред. В. Н. Белицер [и др.]. М., 1964. Ч. 2. С. 568.
- ³⁵ См.: **Макушин Н. П.** Указ. соч. С. 154.
- ³⁶ См.: **Харузин Н. Н.** Указ. соч. С. 68 ; **Козлова К. И.** Указ. соч. С. 50.
- ³⁷ См.: **Макушин Н. П.** Указ. соч. С. 152.
- ³⁸ НА НИИГН. И-221. Отчет о работе этнографической экспедиции 1955 года и этнографические карточки, составленные Макушиным и Глухой. Л. 90.
- ³⁹ См.: **Балашов В. А.** Указ. соч. С. 164.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: Народы Европейской части СССР ; **Макушин Н. П.** Указ. соч. С. 154 — 155.
- ⁴³ См.: **Вавилин В. Ф.** Формы сельских поселений мордвы... С. 67 — 68.
- ⁴⁴ Там же. С. 62.
- ⁴⁵ Там же.

Поступила 16.03.2011 г.

УДК 331.556(470.58)(=511.152):39

М. М. Фадеева

M. M. Fadeeva

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОРДВЫ В КУРГАНСКУЮ ОБЛАСТЬ И ЕЕ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

MIGRATION OF THE MORDVINS TO THE KURGAN REGION AND THEIR TRADITIONAL CULTURE

Ключевые слова: мордва, переселение, экспедиция, Южное Зауралье, Курганская область, численность населения, хозяйство, обряды и праздники.

В статье характеризуется переселение мордовского народа в Курганскую область, раскрываются причины миграционных процессов, описывается материальная и духовная культура переселенцев.

Key words: the Mordvins, migration, expedition, the Southern Trans-Urals, the Kurgan Region, population, economy, rites and holidays.

The migration of the Mordovian people to the Kurgan Region is characterized in the article, as well as the reasons for migratory processes are revealed and the material and spiritual culture of migrants is described.

Территория Урала издавна привлекала различные народы разнообразием ландшафтов и богатством недр. Его заселение продолжалось на протяжении XVIII — XX вв. Большое влияние на состав населения Урала оказали Первая мировая война и последовавшие за ней революция, индустриализация, коллективизация, Великая Отечественная война и поднятие целины. Большие массы народа перемещались с востока на запад и обратно. Часть переселенцев, среди которых была и мордва, оставалась на Урале¹. В 2010 г. сотрудники отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Т. Н. Охотина и М. М. Фадеева во главе с доктором исторических наук, профессором Л. И. Никоновой совершили этнографическую экспедицию на Урал — в Свердловскую, Челябинскую и Курганскую области с целью изучения мордовской диаспоры и выявления особенностей ее традиционной культуры.

В ходе экспедиции в Курганской области были исследованы три района — Кетовский, Юргамышский и Половинский. Данную территорию часто называют Зауральем, Южным Зауральем или «воротами Сибири», так как она расположена в чаше Западно-Сибирской низменности, за Уральскими горами².

С конца XVIII в. современная Курганская область была разделена между тремя губерниями: центральная и восточная части относились к Тобольской (Курганский округ), северная и северо-западная — к Пермской (Шадринский уезд), а западная и юго-западная — к Оренбургской (Челябинский уезд)³. Мордва начала активно заселять Оренбургскую губернию в начале XVIII в., переселяясь с территории Среднего Поволжья вместе с русскими, татарами и чувашами⁴. Это была крестьянская колонизация, происходившая в результате как правительственных мероприятий, так и воль-

ного крестьянского переселения в целинные степи с разрешения или без ведома властей. Особенно большие потоки мордовских переселенцев прибывали в последней четверти XVIII в. Мордва частично селилась в русских деревнях, возникших до их прибытия⁵.

К середине XIX в. Южное Зауралье имело устойчивое административное деление, изменения касались лишь внутренней структуры управления. Округа и уезды были разделены на волости, которые объединяли населенные пункты с центром в одном из сел. В 1858 г. территория Южного Зауралья насчитывала 37 852 кв. версты (43 078 км²), где выделялись 73 волости, из них на Курганский округ приходилась 21 851 кв. верста⁶ (24 868 км²).

Для Курганского края в 60 — 70-е гг. XIX в. основным источником пополнения населения была ссылка, а вспомогательным — переселение. Уже в 80 — 90-е гг. ведущим остался естественный прирост, усилилось переселение, а влияние ссылки ослабло⁷. В итоге сохранялось преобладание русскоязычного населения, но в то же время в ходе заселения региона появились новые этнические группы⁸. Так, по данным первой Всероссийской переписи населения, в 1897 г. в Челябинском уезде мордвы насчитывалось 610 чел.⁹, а в Шадринском — 1 чел.¹⁰

На рост численности населения Южного Зауралья в последней трети XIX в. повлияли такие причины, как улучшение медицинского обслуживания населения, отмена рекрутской повинности, развитие товарно-денежных отношений и др. Ситуация изменилась после 1907 г., когда началось проведение Столыпинской аграрной реформы, в результате которой в Курганском округе стали нарезать земельные участки для переселенцев, желавших их приобрести в частную собственность¹¹. Так, по данным переписей населения, в Курганской области уже в 1970 г. мордвы проживал 1 881 чел., в 1979 г. — 1 600, в 1989 г. — 1 569, в 2002 г. — 1 089 чел.¹²

В Курганской области мордовских переселенцев привлекали почвенно-климатические условия, благоприятные для сельскохозяйственного производства. Более трети почвенного покрова края занято черноземом, особенно распространенным в северной и западной его частях. Несмотря на то, что черноземы легко выдувались ветрами, вымывались грунтовыми водами и к началу XX в. в значительной мере были выпажаны, в Южном Зауралье сложились весьма благоприятные условия для произрастания традиционных для мордовского населения культурных растений. Лесостепной характер ландшафта, разнообразие сочных степных трав благоприятствовали развитию скотоводства. Подобное сочетание основных природно-климатических особенностей определило в течение веков главные хозяйственные занятия зауральских крестьян — земледелие и скотоводство¹³.

Почти все мордовские переселенцы проживали в сельской местности и занимались земледелием. Основными сельскохозяйственными культурами, выращиваемыми как в Южном Зауралье, так и в Мордовском крае, являлись: озимая и яровая рожь, пшеница, овес, ячмень, горох, картофель, лен и конопля. Преобладающее значение в земледелии имели пшеница, рожь, овес и картофель. Пшеница не только составляла основу пищевого рациона мордвы (ржаной хлеб считался менее престижным продуктом питания), но и шла на экспорт¹⁴.

Роль скотоводства в качестве второй по важности и доходности отрасли крестьянского хозяйства стала возрастать в конце XIX — начале XX в.: скот был необходим мордовскому населению для обработки почвы и производства необходимых

продуктов питания, а также для верховой езды. В крестьянских хозяйствах основной тягловой рабочей силой были лошади, волы и быки; для получения молока и мяса повсеместно держали коров. Разводили мелкий скот: овец, коз и свиней¹⁵.

Большое внимание мордовские женщины уделяли птицеводству. Кроме кур, которых разводили в каждом дворе, многие хозяева в большом количестве выращивали гусей, уток и индеек, так как уход за ними не требовал больших забот¹⁶.

Южное Зауралье издавна было богато лесами, использование которых имело большое значение при освоении края. В некоторых северных районах лесные массивы, распределяясь неравномерно, занимали более половины их территории. На базе леса развивались кустарные промыслы (смоло- и дегтекурение, плетение коробов, изготовление деревянного инвентаря), бондарное, колесное и кузнечное производства. Область применения леса была очень широкой — это и сенокосение по лесным полянам и прогалинам, и места для пчеловодства и пастьбы скота, рыболовства, охоты, добычи мха и т. д. Кроме того, лес был основным строительным материалом¹⁷. Так, в 1941 г. 167 190 га леса, расположенного по всей Курганской области борами и колками, использовались для строительства и топки, служили защитой от ветров¹⁸.

Духовная культура каждого народа представляет собой сложное явление. Она более других признаков этноса связана с этническим самосознанием, поскольку непосредственно им воспроизводится, оказывая влияние на остальные стороны жизни этноса (язык, материальную культуру и т. д.). Источником пополнения и обогащения духовной культуры в первую очередь является информационное поле, в котором находится этническая общность. Учитывая это обстоятельство, можно с уверенностью говорить о том, что за последнее столетие в духовной культуре многих народов нашей страны, и в частности народов Урало-Поволжья, произошли большие изменения, обусловленные возникновением и распространением массовой культуры, техническим прогрессом и другими факторами, в результате которых были утрачены многие обряды и обычаи.

Традиционно обряды подразделяются на две большие группы: семейные (свадебные, родильные, похоронно-поминальные) и календарные, связанные с трудовой деятельностью. Обряды рассматриваются также в зависимости от состава их участников: общественные (общесельские, межсельские), семейно-родовые и индивидуальные (обряды от порчи, болезней и т. д.).

Мордовский свадебный обряд является самым интересным и уникальным национальным торжеством, сохранившим свою значимость до настоящего времени. В научной литературе мордовский свадебный цикл представлен тремя этапами: предсвадебный, непосредственно свадьба и послесвадебный. Если свадьба проходила по предварительной договоренности, то вторым этапом являлось сватовство. Так, в с. Башкирском Половинского района Курганской области родители жениха отправляли сватов (обычно это были близкие родственники) в дом невесты с хлебом (шумбра кше — э.) и вином [ПМА: Наумова]. Крестьянская этика Курганской области требовала от родителей невесты не соглашаться с первого раза на предложение сватов, даже если им этого очень хотелось. Необходимо было поторговаться, «набить себе цену»¹⁹.

Традиционная зауральская свадьба длилась от трех до пяти дней с обязательным застольем. Утром в день свадьбы в доме жениха собирался «свадебный поезд

за невестой» [ПМА: Матвеев], который после выкупа отправлялся в сельский совет или церковь для регистрации брака молодых [ПМА: Лесовских]. Затем молодожены ехали в дом жениха, где их встречали хлебом-солью, песнями и выстрелами из ружей, осыпали хмелем и мелкими монетами [ПМА: Матвеева]. После обряда бракосочетания невесту «окручивали», т. е. расплетали ее девичью косу, расчесывали и заплетали волосы в две косы, укладывая их вокруг головы.

Для второго дня зауральской свадьбы было характерно обилие подарков и «отдарков» между сторонами жениха и невесты, что символизировало готовность на взаимопомощь в трудную минуту²⁰. Так, в с. Башкирском жених дарил отрез ткани крестной невесты, а невеста — крестной жениха [ПМА: Матвеев]. В этот же день свидетельница завязывала всем гостям красные ленточки на груди. Это свидетельствовало о том, что невеста вышла замуж «честной». Перед этим жених выпивал стопку и разбивал ее, доказывая этим, что невеста «честная» [ПМА: Матвеева]. Молодожены «продавали» гостям ложки, чтобы те смогли поесть уху, которая была обязательным блюдом второго дня свадьбы [ПМА: Сидорчук]. На третий день «тушили свадьбу». Родственники приходили к молодоженам в гости, разжигали под их окном костер, прыгали через него, веселились. После этого все вместе тушили огонь [ПМА: Гаранина].

У мордвы Курганской области сохранился обычай «возвращения», или «отступления». Так, в с. Горохове Юргамышского района через две-три недели после замужества невеста возвращалась в родительский дом на «простины». В этот день собирались все ее родственники и подруги, с которыми она окончательно прощалась [ПМА: Гаранина].

Таким образом, в ходе работы удалось выяснить, что в Курганской области мордовский свадебный обряд сохранил свою общую структуру.

В мордовской семье рождение детей издавна сопровождалось разнообразными обрядами, основной смысл которых заключался в стремлении обеспечить безопасность новорожденному и роженице, оказать благоприятное воздействие на нового члена семьи и приобщить его к традиционным устоям бытового уклада, к семейно-родовой единице. В Курганской области ребенка оберегали от «дурного глаза» вплоть до крестин, поэтому старались не показывать его посторонним. Через 40 дней после рождения ребенка, когда его уже можно было крестить, пекли пирог «салма пряка». Повсеместно первый выпавший зуб спускали в щелку пола, говоря при этом: «Мышке — гнилушку, а дочери (сыну) — золотушку».

Множеством ритуальных действий сопровождалось похоронные обряды, направленные на облегчение перехода в потусторонний мир, устранение возможных препятствий на этом пути, создание благополучных условий «жизни» на «том свете». По словам информаторов, умерших старались хоронить согласно мордовским обычаям. Так, в с. Башкирском мордва возле умирающего ставила стакан с водой, в которой «умывалась душа», только что покинувшая тело умершего. После смерти человека на стол ставили хлеб и соль, на стену рядом с иконой вешали полотенце [ПМА: Матвеева].

Вскоре после смерти тело умершего обмывали, как правило, на полу. Обмывальщиками обычно были люди пожилого возраста одного пола с покойником. Оставшуюся после обмывания воду выливали под яблоню или вишню. Мыло отдавали одинокой женщине. В доме закрывали зеркала и все отражающие предметы.

После обмывания умершему надевали новую одежду. Обычно «смертную одежду» готовили заранее, делая ее вручную. В настоящее время покойника одевают в покупную одежду [ПМА: Наумова].

Повсеместно в Курганской области во всех похоронных работах (изготовление гроба, копка могилы, участие в выносе гроба и т. д.) запрещалось принимать участие близким родственникам.

В доме гроб с покойником ставили на табуреты в середине комнаты ногами к двери. Раньше его располагали вдоль стены справа, там, по словам информаторов, было «мертвое место». Пока покойник не был похоронен, в доме жгли церковные свечи и над умершим читали молитвы. В это время запрещалось мыть или подметать пол, громко разговаривать, включать радио и телевизор. Умершего нельзя было оставлять одного ночью, кто-то из родственников должен был находиться в комнате [ПМА: Лесовских]. В с. Гагарье Юргамышского района умершего хоронили на второй день после смерти [ПМА: Сидорчук]. Гроб с телом покойника мужчины несли вплоть до кладбища, а женщины пели молитвы и причитали. Раньше при выносе умершего в некоторых селах брали с собой платок, завязанный узелком, в котором находились тарелка, нитки и что-то сладкое, и отдавали его первому встречному похоронной процессии [ПМА: Матвеева]. У могилы устраивалось последнее прощание родственников и знакомых с покойным. В с. Садовом Кетовского района вслед за опускавшимся в могилу гробом кидали сосновые ветки, цветы или зерно. После кладбища обязательно мыли руки и вытирали их полотенцем. Полотенце забирал тот, кто последний вытирал руки [ПМА: Агейкин].

В похоронном обряде ярко выражен уходящий корнями в глубокую древность суеверный страх мордвы перед мертвецом как перед чем-то опасным, нечистым. Об этом страхе свидетельствуют некоторые детали погребального обряда. Например, в доме во избежание повторной смерти после выноса покойника мыли полы и переворачивали табуретки, на которых стоял гроб [ПМА: Наумова].

После погребения всех приглашали в дом умершего. Поминальный обед устраивался обычно в том же доме, где находился покойный. Обязательными поминальными блюдами были: суп, лапша с мясом, пшенная каша, блины, пироги, компот и кисель [ПМА: Сидорчук]. В Курганской области мордва на похороны и на поминки с пустыми руками не ходила. Следует также отметить, что для участия в похоронах приглашение не требовалось, а на дни поминания обязательно приглашали [ПМА: Матвеева].

Отражением стремления удовлетворить нужды умерших и предотвратить их гнев, снискать расположение являлся поминальный обряд умерших²¹. Повсеместно в Курганской области поминки совершались на 9-й — 40-й дни, через полгода и в каждую годовщину смерти. Как и в дни похорон, накануне поминок, вечером, в доме закрывали зеркала, на стол в переднем углу ставили хлеб и соль, свечу, перед иконой зажигали лампаду. На поминки готовили то, что любил умерший, кроме того, обязательно — пшенную кашу, блины и кисель [ПМА: Сидорчук]. Участникам поминок на 40-й день дарили ложки и чашки; друзьям и близким покойника раздавали его одежду [ПМА: Лесовских].

Поминки у мордвы были как семейные, так и общеродовые. Например, в с. Башкирском общеродовые поминки проводились на Радоницу [ПМА: Наумов].

Конечно, похоронный и поминальный обряды мордвы, проживающей в Курганской области, не сохранились в полной мере: изменилось их содержание, упростились многие традиционные элементы.

Зимние календарные праздники мордвы приурочивались к декабрьскому солнцестоянию и следовавшим за ним дням. Кульминационными считались 25 декабря, 1 и 6 января, определявшиеся христианскими праздниками и гражданским календарем. Основной темой предновогодних и новогодних обрядов было предугадывание и обеспечение нового урожая. В этих целях практиковались различные способы колдовства, игры, гадания об урожае, о предстоящей судьбе людей на будущий год. В первый день Нового года мордва Курганской области ставила на стол сытную еду с набором ритуальных блюд (каша, хлеб, пироги, студень)²².

С вхождением в мордовскую обрядовую культуру христианства появился обряд колядования во время Рождества²³. Этот день у мордвы так и назывался «калядань ши» (м.), «калядань чи» (э.) — день коляды. Он олицетворял рождение солнца, сулил изобилие в предстоящем году²⁴. По словам информаторов, в некоторых районах Курганской области до сих пор на Святки дети и молодежь переодеваются в вывороченные шубы, разрисовывают лица и ходят колядовать [ПМА: Матвеева].

Святки завершались Крещением. Этот день считался предназначенным для изгнания нечистой силы, а также очищения людей от грехов. На Крещение ходят за водой на родники или к колодцам, крещенской водой освещают дома и хозяйственные постройки. В с. Башкирском в этот день, согласно обычаю, ложатся на снег [ПМА: Лесовских]. Кроме того, накануне Крещения обязательно ограждали дома от нечистой силы с помощью креста, который мелом рисовали на всех дверях и воротах двора, заслонах печи и наличниках [ПМА: Наумова].

Из числа зимних календарных праздников самой веселой была Масленица, которая приходилась на вторую половину февраля — первую половину марта. Информаторы подчеркивали, что масленичный стол всегда отличался особым изобилием. Традиционным блюдом на Масленицу были блины из манной крупы или пшена [ПМА: Наумова], которые многие исследователи считают символом возрожденного солнца.

С началом весеннего цикла курганское мордовское население отмечало праздник Благовещение. В этот день пекли «жаворонков». В с. Башкирском в печенье клали монетки — к богатству [ПМА: Четыркина].

Большая группа обрядов сосредоточивалась вокруг Пасхи — одного из главных христианских праздников. Перед Пасхой обычно мыли жилище, чтобы весь год в нем было чисто. Кроме того, ходили на кладбище убирать на могилах родственников [ПМА: Гаранина]. В «чистый» или «страстной» четверг мылись в бане. На праздник обязательно красили яйца, чаще всего луковой шелухой, пекли пироги с творогом, куличи с изюмом. За неделю до Пасхи в Вербное воскресенье ходили в церковь освещать ветки вербы, которыми потом окропляли святой водой дома и хозяйственные постройки. Кроме того, вербой «били» скотину перед выгоном со словами: «Верба крест, верба крест, третья на здоровье!», чтобы «велась» и домой возвращалась [ПМА: Сидорчук]. В с. Садовом веточки вербы многие информаторы хранят весь год: заваривают из них чай или настаивают воду, которой затем умываются [ПМА: Морозова].

Повсеместно среди мордовского населения Курганской области на Пасху принято обмениваться традиционными поздравлениями: «Христос воскрес!» — «Воистину

воскресе!», одаривая при этом друг друга яйцами. В некоторых районах Курганской области на Пасху ходят на кладбище, Например, в с. Башкирском мордва до сих пор в пасхальное воскресенье ходит на кладбище, взяв с собой крашенные яйца, «христосоваться с родителями» [ПМА: Четыркина], а в с. Садовом наоборот — не ходят на кладбище [ПМА: Агейкин].

Кульминацией весенне-летней обрядности был праздник Троицы, который впитал прежние дохристианские обычаи, связанные с почитанием растительности, расцветавшей в это время²⁵. Только на Троицу переставали говорить «Христос воскрес!» и прекращали красить яйца [ПМА: Гаранина]. Повсеместно во время праздника украшали дома, дворы и хозяйственные постройки ветками березы, зеленью и цветами. В с. Гагарье на Троицу и Красную горку вместе с детьми катают яйца, жарят яичницу [ПМА: Сидорчук].

В ходе работы удалось выяснить, что мордва, проживающая в исследуемых районах Курганской области, отмечает те же праздники, что и в Мордовии: Новый год, Рождество, Крещение, Масленицу, Пасху, Троицу и др. Кроме того, переселенцы продолжают отмечать престольные праздники своей малой родины: например, в с. Садовом почитают Михайлов день [ПМА: Морозова], в с. Горохове — Ильин день и Покров Пресвятой Богородицы [ПМА: Гаранина], в с. Башкирском — Сретение [ПМА: Лесовских] и празднование в честь иконы Божьей Матери «Знамение» [ПМА: Четыркина].

Таким образом, заселение Урала, в частности Курганской области, мордовским населением было добровольным. На это большое влияние оказали почвенно-климатические условия, благоприятные для ведения сельского хозяйства, обширные целинные земли и многое другое. Земледелие и скотоводство не только обеспечивали мордовских крестьян основными продуктами питания, но и определяли весь уклад крестьянской жизни. В результате экспедиции удалось выяснить, что обычаи и обряды мордвы, проживающей в Курганской области, сохранили традиционную структуру, хотя и утратили многие особенности.

Библиографические ссылки

- ¹ URL: http://www.protown.ru/russia/obl/articles/articles_1531.html (дата обращения 19.05.10).
- ² См.: Добро пожаловать в Зауралье! : (Кн. посвящается 65-летию Курган. обл.). Курган, 2007. С. 12.
- ³ См.: История земли Курганской : Ч. 2 : 1861 — 1917 : учеб. пособие по истории родного края. Курган, 1998. С. 8.
- ⁴ См.: **Федорова А. В.** Мордва в Оренбургском крае // Оренбургская мордва: этническая история и духовная культура : сб. ст. и тез. Оренбург, 1998. С. 4. (Многонациональный мир Оренбуржья ; вып. 8).
- ⁵ См.: **Герасименко Е. С., Герасименко Т. И.** Мордва // Там же. С. 35.
- ⁶ См.: История земли Курганской.
- ⁷ Там же. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28 : Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 56.
- ¹⁰ См.: Первая Всеобщая перепись населения... Т. 31 : Пермская губерния. 1904. С. 96.
- ¹¹ См.: История земли Курганской. С. 13.

- ¹² См.: Национальный состав населения Республики Мордовия : Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. : стат. сб. Саранск, 2005. № 932. С. 58 — 94.
- ¹³ См.: История земли Курганской. С. 5 — 8.
- ¹⁴ Там же. С. 16 — 17.
- ¹⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁶ Там же. С. 20 — 21.
- ¹⁷ Там же. С. 22 — 27.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп.1 Д. 52. Л. 8.
- ¹⁹ История земли Курганской. С. 141.
- ²⁰ Там же. С. 142.
- ²¹ См.: Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. С. 441.
- ²² URL: <http://5ballov.ru/referats/preview/91933/3> (дата обращения 26.09.2010).
- ²³ URL: <http://5ballov.ru/referats/preview/91933/4> (дата обращения 26.09.2010).
- ²⁴ См.: Мордва : Очерки по истории... С. 391.
- ²⁵ URL: <http://5ballov.ru/referats/preview/91933/6> (дата обращения 26.09.2010).

Полевой материал автора

Агейкин Виктор Николаевич, 1951 года рождения, с. Садовое Кетовского района, запись 2010 г.

Гаранина (Пиксайкина) Нина Григорьевна, 1956 года рождения, с. Горохово Юргамышского района, запись 2010 г.

Лесовских (Наумова) Раиса Дмитриевна, 1954 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Матвеев Семен Иванович, 1966 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Матвеева (Наумова) Зинаида Дмитриевна, 1947 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Морозова (Любезнова) Александра Николаевна, 1941 года рождения, с. Садовое Кетовского района, запись 2010 г.

Наумов Василий Дмитриевич, 1949 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Наумова Нина Дмитриевна, 1952 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Сидорчук (Нецына) Наталья Федоровна, 1957 года рождения, с. Гагарье Юргамышского района, запись 2010 г.

Четыркина (Чеснокова) Мария Николаевна, 1950 года рождения, с. Башкирское Половинского района, запись 2010 г.

Поступила 12.09.2011 г.

УДК 392.4/.5-053.6-055.2:37.017

Н. А. Буралкина

N. A. Buralkina

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ПОЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕВОЧЕК ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА*

ETHNIC FACTOR AND SEXUAL BEHAVIOR OF THE GIRLS IN TEENAGE PERIOD

Ключевые слова: сексуальный опыт, здоровье, половая активность, национальные традиции, девочки подросткового возраста.

В статье раскрывается влияние национальных традиций и культуры на репродуктивное поведение девочек подросткового возраста, который опасен ранним половым дебютом, появлением сексуальных партнеров, участием в незащищенных половых связях, потреблением алкоголя и наркотиков, приобретением заболеваний, передаваемых половым путем и незапланированной беременностью.

Key words: sexual experience, health, sexual activity, national traditions, the girl of the teenage period.

The influence of national traditions and culture on the reproductive behavior of the girls in the teenage period, which is dangerous with an early sexual debut, having first sexual partners and unprotected sexual intercourses, taking alcohol and narcotics, having illnesses, transmitted by means of sexual behavior, and unplanned pregnancy, is revealed in the article.

Здоровье подрастающего поколения, развитие и совершенствование его охраны является одной из приоритетных задач современного государства, так как от эффективности ее решения зависит дальнейший ход социально-экономического и культурного развития общества¹. Следует помнить, что именно в детстве происходит становление так называемого репродуктивного потенциала женщины (возможность в будущем иметь детей). Девочки-подростки обращаются к врачу очень редко. Это приводит к тому, что гинекологические заболевания своевременно не выявляются, а следовательно, и не лечатся. Хронические воспалительные заболевания матери, являющиеся причиной ослабления иммунной системы и, в свою очередь, возникающие на фоне несостоятельности защитных сил организма, в значительной мере отражаются на здоровье потомства. В связи с этим очевидно, что здоровью девочки, девушки должно быть уделено максимальное внимание со стороны педиатра, детского гинеколога и семейного врача, что является залогом здоровья будущих поколений².

Анализ научных и официальных источников показал, что при наличии значительного числа исследований тех или иных аспектов здоровья девочек-подростков в отдельных регионах России таких научных работ не достаточно. Подростковый возраст является периодом экспериментов, в том числе в сексуальных отношениях.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-16-13601 е/В.

Исследовательская группа ВОЗ поддержала большое количество работ по охране репродуктивного здоровья молодежи³. Серия биомедицинских и психосоциальных исследований показала, что для подростков развитых стран характерны начало половой жизни в возрасте 15 — 19 лет, относительно редкое использование противозачаточных средств, выбор аборта как способа регуляции рождаемости, низкая фертильность и высокая частота заболеваний, передаваемых половым путем⁴.

Получение достоверных сведений о начале половой жизни подростков — непростая задача, которая решается различными авторами по сей день. Результаты полученных исследований неоднозначны. Однако после 1990 г. доля сексуально активных подростков во всех возрастах стабилизировалась⁵. Было установлено, что первый половой опыт, например, среди девушек Африки и Латинской Америки, был в 15 — 20 лет, в Азии — в 18 — 20 лет⁶.

Кроме того, по данным отечественных и зарубежных литературных источников, особенностью полового поведения подростков является частая смена сексуальных партнеров. Это наблюдается в странах как с высоким, так и с низким экономическим развитием⁷. Так, 15 % девушек-студенток из Нигерии сообщили о наличии у них 2 — 3 партнеров⁸; 55 % сексуально активных девушек США в возрасте 15 — 17 лет имели 2 партнеров и более, а 13 % — не менее 6. Американские исследователи при изучении проблемы сексуального преследования детей и подростков выявили от 7 до 9 % случаев принудительного сексуального общения⁹.

В зарубежной литературе имеются сведения о том, что женщины более восприимчивы к генитальным инфекциям, чем мужчины, несмотря на то что у лиц мужского пола сексуальных партнеров, как правило, больше, чем у лиц женского пола¹⁰. Исследования показали, что распространенность ВИЧ-инфекции среди молодых женщин без детей выше, чем среди женщин, имеющих 2 детей и более. Кроме того, было отмечено, что у женщин с низким уровнем заработка заболеваемость ВИЧ-инфекцией ниже, чем у их более обеспеченных сверстниц¹¹. Согласно исследованиям, молодые девушки добровольно выбирают себе старшего партнера, ища в нем или финансовую поддержку, или сексуальную и эмоциональную безопасность, вместе с тем предпочитая моногамного партнера¹².

В Республике Мордовия, где в основном большинстве проживают русские девочки и девочки-мордовки, средний возраст начала половой активности зарегистрирован с $16,1 \pm 0,1$ года. В результате анализа было выявлено, что среди 353 девушек 14 лет сексуально активных было 6, или 1,7 %, среди 474 девушек 15 лет — 46, или 9,7 %, среди 520 девушек 16 лет — 93, или 17,9 %, среди 291 девушки 17 лет — 90, или 30,9 %. В среднем по Мордовии 14,4 % девушек начинали половую жизнь к 17 годам.

Научные работы Т. Е. Белокриницкой и М. Н. Мочаловой (г. Чита) свидетельствуют о том, что существование национальных традиций и буддизм являются значимыми факторами, определяющими сексуальное поведение и репродуктивные установки девушек-буряток. Так, в результате исследования было выявлено, что в 15 лет жить половой жизнью начали 3 % девочек, в 16 лет — 16 %, в 17 лет — 3 %¹³.

Исследования, проведенные в г. Южно-Сахалинске О. М. Ивановой и В. А. Пруд, показали, что опыт сексуальных отношений к 18 годам имели 68 % подростков, к 16 годам — 47 %, планировали половую близость после заключения брака и создания семьи 5 % подростков¹⁴.

По результатам исследований в г. Тюмени было установлено, что молодежь здесь начинает половую жизнь в 16 — 17 лет. Наиболее популярный метод контрацепции — презерватив¹⁵.

По данным анонимного анкетирования, проведенного в Республике Татарстан В. Ю. Альбицким и Т. И. Садыковой, было выявлено, что раннее начало половой жизни не только характеризует поведение современных подростков, но и является серьезным фактором роста заболеваний среди них. Средний возраст начала половых отношений составил 15,3 года, при этом 22,7 % сексуально активных девушек имели трех половых партнеров и более¹⁶.

В г. Самаре О. И. Краснянская и В. А. Мельников выявили статистически значимую зависимость уровня сексуальных контактов подростков от посещения ночных клубов как любимого вида досуга. Так, у 48,9 % студенток, имевших сексуальные контакты, любимым времяпровождением было посещение ночных клубов. По мнению исследователей, это связано с употреблением спиртных напитков¹⁷.

Этнические особенности репродуктивного поведения отметили также зарубежные исследователи¹⁸.

Таким образом, роль этнического фактора в половом поведении девочек-подростков не отвергается, но детальных исследований в этом направлении пока недостаточно.

Библиографические ссылки

¹ См.: Оценочные таблицы физического развития детей и подростков г. Н. Новгорода : метод. указания. Н. Новгород, 2004.

² См.: **Лопатина Т. В., Кохно Н. И.** Влияние здоровья женщины на здоровье потомства // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2006. № 5. С. 12 — 17 ; К вопросу об охране репродуктивного здоровья мальчиков в Российской Федерации / С. Н. Зоркин [и др.] // Вопросы современной педиатрии : Репродуктивное здоровье (прил. 2). 2006. Т. 5, № 5. С. 8 — 10.

³ См.: **Zabin L. S., Hirsch M. B., Emerson M. R.** When urban adolescent choose abortion: effects on education, psychological status and subsequent pregnancy // *Fam. Plann. Perspect.* 1990. Vol. 22, № 1. P. 48 ; **Contraceptive use in Matlab levels, trend and explanations / M. Koeng [et al.] // Stud. Fam. Plann.** 1992. № 23. P. 352 — 364 ; **A study of the sexual behavior of Teenagers in south Brazil / A. B. De Almeida [et al.] // J. Adolesc. Health,** 1993. Vol. 14, № 4. P. 336 — 339 ; **Female adolescent at the crossroads: sexuality, contraception and abortion in Mexico / N. Ehrenfeld [et al.] // Abortion in the developing world.** London, 1999. P. 368 — 386 ; **Pregnancies among New Zealand Teenagers trend, current status and international comparisons / N. Dickson [et al.] // N. Z. Med J.** 2000. Vol. 113. P. 241 — 245 ; **Meekers D., Ahmed G.** Contemporary patterns of adolescent sexuality in urban Botswana // *J. Biosos. Sci,* 2000. Vol. 32, № 4. P. 467 — 485 ; **Bott S.** Unwanted pregnancy abortion among adolescents in developing countries: finding from WHO case studies // *Sexual and reproductive health: recent advances, future directions.* New Delhi, 2001. Vol. 1. P. 351 — 366 ; **Mensh B. S., Clark W. H., Lloyd C. B.** Premarital sex, schoolgirl pregnancy and school quality in rural Kenya // *Stud. Fam. Plann.* 2001. Vol. 32, № 4. P. 285 — 301 ; **Sing S., Darroch J. E., Frost J. J.** Socioeconomic disadvantage and adolescent women's sexual and reproductive behavior : The case of five developed countries // *Fam. Plann. Perspect,* 2001. Vol. 33. P. 251.

⁴ См: Здоровье молодежи — забота общества : докл. исследоват. группы ВОЗ по проблемам молодежи в свете Стратегии достижения здоровья для всех к 2000 г. Женева, 1987. С. 15.

⁵ См.: **Caldwell J. C., Caldwell P., Pieris I.** The construction of adolescence in changing world: implications for sexuality, reproduction and marriage // *Stud. Fam. Plann.* 1998. Vol. 29, № 2. P. 137 — 153 ; **Understanding Changes in sexual activity among young metropolitan men: 1979 — 1995 / L. Ku**

[et al.] // *Fam. Plann. Perspect.* 1998. Vol. 30, № 6. P. 256 — 262 ; **Hogan D. P., Sun R., Cornwel G. T.** Sexual and fertility behaviors of American females aged 15 — 19 years: 1985, 1990 and 1995 // *Am. J. Public. Health.* 2000. Vol. 90, № 9. P. 1 421 — 1 425 ; **Lammers C., Ireland M., Blum R.** Influences on adolescents' decision to postpone onset of sexual intercourse: a survival analysis of virginity among youth aged 13 to 18 years // *J. of Adolesc. Health.* 2000. Vol. 26. P. 42 — 48 ; **Sing S.** Gender Differences in the Timing of First Intercourse : Data from 14 Countries // *Intern. Fam. Plann. Perspect.* 2000. Vol. 26, № 1. P. 26 ; Levels of sexual experience among US teenagers have declined for the first time in three decades / F. Althaus [et al.] // *Fam. Plann. Perspect.* 2001. Vol. 33. P. 180 — 181.

⁶ См.: Adolescent sexuality and fertility in Kenya: a survey of knowledge, perceptions and practices / A. A. Ajayi [et al.] // *Stud. Fam. Plann.* 1991. Vol. 22, № 4. P. 205 — 216 ; A study of the sexual behavior of teenagers in south Brazil / R. P. De Souza [et al.] // *J. Adolesc. Health.* 1993. Vol. 14, № 4. P. 336 — 339 ; **Gorden R., Maier B., Diesfeld H. J.** Problems related to schoolgirl pregnancies in Burkina Faso // *Stud. Fam. Plann.* 1993. Vol. 24, № 5. P. 283 — 294 ; Age of first intercourse and risk of sexually transmitted disease / S. Rosenthal [et al.] // *Adolesc. Pediatr. Gynecol.* 1994. Vol. 7. P. 210 — 213 ; **Adinma L.** Sexuality in Nigerian pregnant women: perceptions and practice // *Aust. N. Z. J. Obstet. Gynaecol.* 1995. Vol. 35, № 3. P. 290 — 293 ; **Chirinos J. L., Salazar V. C., Brindis C. D.** A profile of sexually active male adolescent high school students in Lima, Peru // *Cad. Saude Publica.* 2000. Vol. 16, № 3. P. 733 — 746 ; **Meekers D., Ahmed G.** Contemporary patterns of adolescent sexuality in urban Botswana // *J. Biosoc. Sci.* 2000. Vol. 32, № 4. P. 467 — 485.

⁷ См.: **Luster T., Small S. A.** Factors, Associated with sexual risk taking behaviours among adolescents // *J. Marriage and Fam.* 1994. Vol. 56, № 3. P. 622 — 632 ; **Cooksey E. C., Rindfuss R. R., Guillkey D. R.** The initiation of adolescent sexual and contraceptive behavior during changing times // *J. health. Soc. Behav.* 1996. Vol. 37. P. 59 — 74 ; **DiClemente R. J.** Preventing sexually transmitted infections among adolescent // *J. Am. Med. Assoc.* 1998. Vol. 279. P. 1 574 — 1 575 ; Risks factors for HIV and other sexually transmitted diseases among adolescent in St. Petersburg, Russia / Amirkhanian Y. A. [et al.] // *Fam. Plann. Perspect.* 2001. Vol. 33, № 3. P. 106 — 112.

⁸ См.: **Arrowjolu A. O.** Perception and practice of emergency by post-secondary school students in southwest Nigeria // *Afr. J. Reprod. Health.* 2000. Vol. 4, № 1. P. 56 — 65.

⁹ См.: **McCormack A., Janus M. D., Burgess A. W.** Runaway youths and sexual victimization: gender differences in an adolescent runaway population // *Child. Abuse. Negl.* 1986. Vol. 10. P. 387 — 395 ; The impact of a history of sexual abuse on high-risk sexual behaviors among females attending alternative schools / R. S. Buzi [et al.] // *Adolescence.* 2003. Vol. 38. P. 595 — 605 ; Sexual victimization among a national probability sample of adolescent women / R. Raghavan [et al.] // *Perspect. Sex. Reprod. Health.* 2004. Vol. 36. P. 225 — 232 ; **Irwin C. E., Rickert Jr.** Coercive sexual experiences during adolescence and young adulthood: a public health problem // *J. Adolesc. Health.* 2005. Vol. 36. P. 359 — 361 ; Youth risk behavior surveillance—United States, 2005 / D. K. Eaton [et al.] // *J. Sch. Health.* 2006. Vol. 76. P. 353 — 372 ; **Trent M., Clum Kathleen G., Roche M.** Sexual Victimization and Reproductive Health Outcomes in Urban Youth // *Ambul. Pediatr.* 2007. Vol. 7(4). P. 313 — 316.

¹⁰ См.: Sexual behaviour among youth at high risk for HIV-1 infection in Dar es Salaam, Tanzania / D. Mwakagile [et al.] // *Sex Transm Infect.* 2001. Vol. 77. P. 255 — 259 ; Age differences in sexual partners and risk of HIV-1 infection in rural Uganda / R. J. Kelly [et al.] // *J. Acquir. Immune. Defic. Syndr.* 2006. Vol. 32. P. 446 — 451 ; Trends in HIV infection: prevention-related attitudes and behaviors among secondary school students in western Uganda / A. H. Kilian [et al.] // *Ibid.* Vol. 44. P. 586 — 593 ; Patterns of sexually transmitted infections in adolescents and youth in Dar es Salaam, Tanzania / G. Chalamila [et al.] // *BMC. Infect. Dis.* 2006. P. 22.

¹¹ См.: **Kongnyuy E. J., Soskolne V., Adler B.** Hormonal contraception, sexual behaviour and HIV prevalence among women in Cameroon // *BMC. Womens Health.* 2008. Vol. 8. P. 19.

¹² См.: **Sobo E. J.** Inner-city women and AIDS: the psycho-social benefits of unsafe sex // *Culture, Medicine, and Psychiatry.* 1993. Vol. 17. P. 455 — 485 ; Sexual risk behaviors associated with having older sex partners: a study of black adolescent females / R.J. DiClemente [et al.] // *Sex. Transm. Dis.* 2002. Vol. 29. P. 20 — 24 ; **Eaton L., Flisher A. J., Aaro L. E.** Unsafe sexual behaviour in South African youth // *Soc. Sci. Med.* 2003. Vol. 56. P. 149 — 165 ; **Orji E. O., Esimai O. A.** Sexual behavior

and contraceptive use among secondary school students in Ilesha South West Nigeria // *Obstet. Gynaecol.* 2005. Vol. 25. P. 269 — 72 ; **Andrinopoulos K., Kerrigan D., Ellen J. M.** Understanding sex partner selection from the perspective of inner-city black adolescents // *Perspect. Sex. Reprod. Health.* 2006. Vol. 38. P. 132 — 138 ; **Monasch R., Mahy M.** Young people: the centre of the HIV epidemic // *World Health Organ. Tech. Rep. Ser.* 2006. Vol. 938. P. 15 — 41 ; Risky sexual behaviours of adolescents in rural Malawi: evidence from focus groups / B. L. Dancy [et al.] // *J. Natl. Black Nurses Assoc.* 2006. Vol. 17. P. 22 — 28 ; Risky sexual practices among youth attending a sexually transmitted infection clinic in Dar es Salaam, Tanzania / W. Urassa [et al.] // *BMC Infect Dis.* 2008. Vol. 8. P. 159.

¹³ См.: **Белокриницкая Т. Е., Мочалова М. Н.** Национальная культура как фактор, определяющий сексуальное поведение и репродуктивные установки девочек-подростков // *Репродуктивное здоровье детей и подростков.* 2006. № 6. С. 28 — 33.

¹⁴ См.: **Иванова О. М., Пруд В. А.** Репродуктивное и контрацептивное поведение населения Сахалинской области // *Проблемы репродуктивного здоровья : (Спец. вып. II Междунар. конгр. «Репродуктивное здоровье семьи»)*. М., 2008. С. 15 — 16.

¹⁵ См.: Репродуктивное здоровье и поведение молодежи тюменских вузов / В. А. Полякова [и др.] // Там же. С. 23 — 24.

¹⁶ См.: **Альбицкий В. Ю., Садыкова Т. И.** Проблемы репродуктивного здоровья девочек-подростков Республики Татарстан // *Вопросы современной педиатрии.* С. 17 — 20.

¹⁷ См.: **Краснянская О. И., Мельников В. А.** Оценка знаний студентов проблем репродуктивного женского здоровья // *Материалы VIII Российского форума «Мать и дитя»*. М., 2006. С. 638 — 639.

¹⁸ См.: **Harel Y., Kenny D., Rahav G.** Adolescence in Israel : Social Welfare, Health and Risk Behavior by International View // *Joint Brook dale institute and Bar-Ilan University press.* Jerusalem, 1997 ; **Lammers C., Ireland M., Blum R.** Op. cit. ; **Wellings K., Zhihong Z., Krentel A.** Attitudes towards long-acting reversible methods of contraception in general practice in the UK // *Contraception.* 2007. Vol. 16, № 3. P. 208 — 214.

Поступила 21.10.2011 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.152.2`373

В. П. Гришунина
V. P. Grishunina

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА *АВА* В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

THE LEXICAL UNIT *AVA* IN THE MOKSHA LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Ключевые слова: термин родства, дублет, синоним, двусловная конструкция, составляющий элемент, производный термин.

В статье рассматривается семантика лексической единицы *ава* («женщина», «жена», «мать») в современных мордовских языках и диалектах в качестве самостоятельной лексемы, а также в составе сложных слов и составных названий.

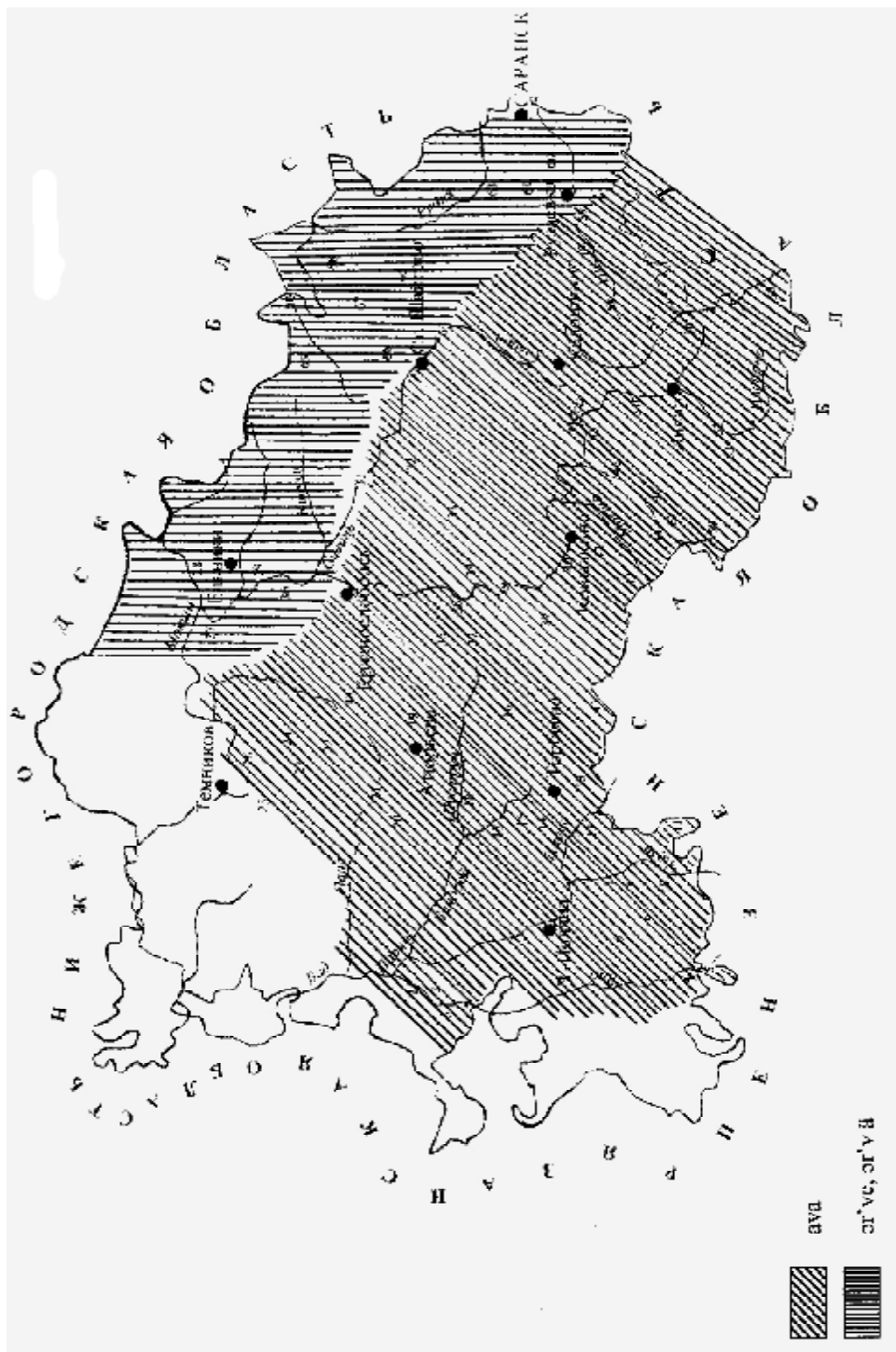
Key words: term of relation, a doublet, a synonym, a double-word construction, a component element, a derived term.

The semantics of the lexical unit *ava* («woman», «wife», «mother») in the modern Mordovian languages and dialects as a separate lexeme and as a part of compound words and compound names are considered in the article.

В современном мокшанском языке у слова **ава** отмечены следующие значения: 1) женщина; 2) жена; 3) (диал.) мать; 4) первая часть сложных слов, обозначающих самку животных или птиц¹.

Слово **ава** в значениях «женщина» и «жена» в современном мокшанском языке дифференцировалось. Только в отдельных говорах сохранилось прежнее состояние языка. Так, в центральном диалекте мокшанского языка абсолютным дублетом лексемы **ава** в значении «жена» выступает *ървя* (*ər'vā* / *ər've*) (карта 1).

В целом семантический объем лексемы **ава** намного шире. Лингвист Р. Нирви утверждал, что в финно-угорских языках понятие «жена» передается тем же словом, что и «женщина»²: *Авдю ащесь эзем лангса озада, сон венберьф ашезь мадонда ёфси: коль учсь, мзярда шаэфты авац*³ («Авдей сидел на скамье, он всю ночь не спал: все ждал когда родит его жена»); *Сембе велети кулевсь, бьта седть лангса колма ават ърьгягнесть Федяшев Саввань лангс* [Кирдяшкин, с. 151] («По всему селу прошел слух, как будто три женщины напали на Федяшева Савву»); *Ки лангса сатозе красивой вдовой авать Маринань* [Там же, с. 39] («По дороге встретил красивую вдовую женщину Марину»).

Карта 1

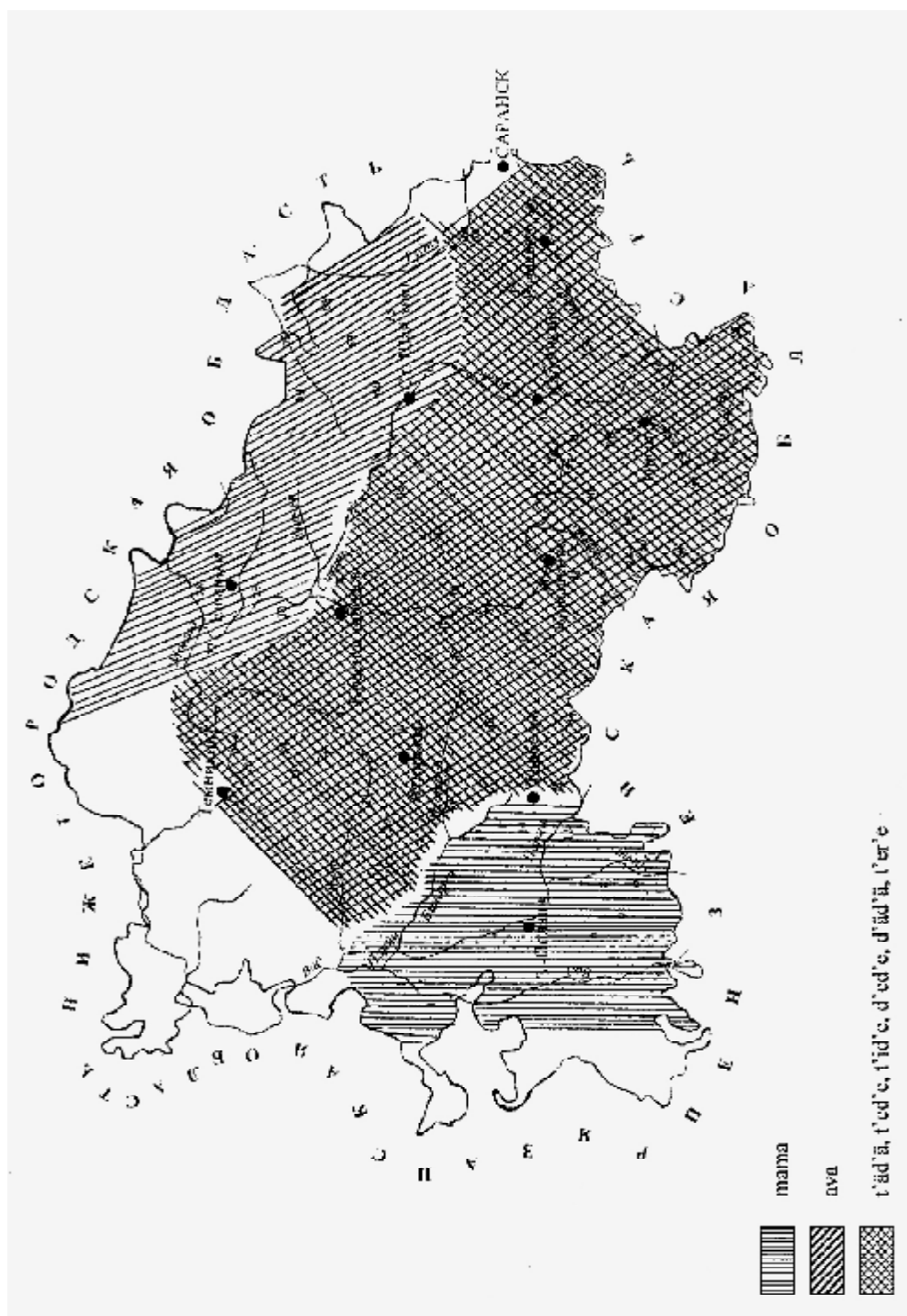
Мокшанская лексема **ава** в значении «мать» распространена в говорах Ельнинковского района и в большинстве говоров Старошайговского района Республики Мордовия: *Ох, авакай, авакай. Ох, авакай, кормилецкяй*⁴ («Ох, маменька, маменька. Ох, маменька, кормилица»). Однако в других мокшанских говорах она заменяется словом *tata* и его фонетическими вариантами: *t'äd'ä (t'äd'ä), t'ed'e (t'ed'e), t'id'ä (t'idä), t'er'e (t'er'e), d'äd'ä (d'äd'ä), d'ed'e (d'ed'e)* (карта 2).

Принадлежность к полу в мокшанском языке выражается обычно особыми лексемами, например **атя** «старик», **ава** «женщина»: *авакуда* «одна из поезжан на свадьбе, мать жениха, жена свата» (*ава* «женщина» + *куда* «сват, сваха»). В сочетании с названиями животных, птиц и растений данная лексема указывает на особь женского пола, женский экземпляр растений: *ававрьгаз* «волчица», *авамаци* «гусыня», *од авань шама лона* «мать-и-мачеха»; *Аш мьзярда кукуня, — чильнязевсь нармоньясь. — Монь ава нармоньязе кунара озаф нарвама*⁵ («Некогда мне, кукушечка, — защебетала птичка. — У меня жена-самка давно высиживает птенцов»).

Лексема **ава** сочетается с заимствованными существительными, обозначающими профессию. Если **ава** стоит в препозиции, например *ава маляр, ава бригадир, ава агроном*, то такие лексемы указывают на то, что носитель профессии женского пола. Если же компонент **ава** стоит в постпозиции, то он приобретает значение жена: *бригадир ава* «жена бригадира», *врач ава* «жена врача», *агроном ава* «жена агронома» и т. д.

Данная лексема является составным элементом многих этнографических названий, мифологических имен, а также национальности: *архиява* «женщина, жена старшего брата» (*арьхици* (этно.) «поезжанин (на свадьбе)» + *ава* «женщина»); *вирява* «богиня леса» (*вирь* «лес» + *ава* «женщина»); *ведява* «богиня воды» (*ведь* «вода» + *ава* «женщина»); *юрхтава* «хранительница дома, очага» (*юрхта* «двор, место для усадьбы» + *ава* «женщина»); *мокшава* «мокшанка» (*мокша* «национальность» + *ава* «женщина»); *эрзява* «эрзянка» (*эрзя* «национальность» + *ава* «женщина») и др.: *Кенкика лиссь сире рузава баба, сельмованоманза кепотьфт конязонза* [Кирдяшкин, с. 79] («Из двери вышла русская пожилая женщина, очки подняты на лоб»); *Опана ваймоцевок аф таргави. Мокшаватне тарвазса нуйхть розь*⁶ («Душно не продохнуть. Мокшанки серпом жнут рожь»). Х. Паасоненом зафиксированы следующие подобные названия с элементом **ава**: *t'ing'ä avan'ä* «мать гумна»; *tərga-avaj* «матушка запечья»; *kenkš-ava* «мать двери»; *masterava* «мать-земля»; *c'iganava* «цыганка»; *ruz-ava* «русская женщина»; *avalga s'orma* «вышивка по низу подола мордовской женской рубашки»; *avan'poza-ozks* «женский праздник»; *avakš* «курица-молодка»; *jurt-ava* «богиня местожительства»; *ava-kuda* «мать жениха»; *avaks-ši* «замужество»; *ava-loškət* «бабенка»; *ava-loman'* «женщина»; *od avəs'* «жена старшего брата»; *azər-ava* «госпожа, хозяйка»⁷.

Лексема **ава** встречается в составе сложных слов и двусловных конструкций, которые в основном являются названиями родства или семейного свойства: *альгявозь* «старший брат мужа» (*альгя* «старший брат мужа» + *авозь* «свекровь»); *келава* «жена старшего брата мужа» (*кел* (этно.) «невестка — жена одного брата по отношению к жене другого брата» + *ава* «женщина»); *kudazər-ava* «хозяйка в доме» (*kud* «дом» + *azər* «хозяин» + *ава* «женщина»); *авакуда* «сваха» (*ава* «женщина» + *куда* «сват, сваха»); *авафтома-аляфтома* «сирота»; *авафтомаши* «вдовство —

Карта 2

состояние вдовца»; *кумава* «кума (крестная мать (по отношению к родителям крестника))» (*кума* «кума» + *ава* «женщина, мать»).

Следует также отметить, что в перечисленных названиях элемент **ава** может стоять в качестве как определения, так и определяемого слова, например в словах *кудава* и *авакуда*, *кумава* и *ава* кум. В таких терминах значение не меняется от позиции компонентов.

Термины родства по свойству **маза**, **пава**, **вяжя** и **тязя** в современном языке воспринимаются как простые, далее не членимые лексемы. Вероятно, исторически их можно было рассматривать как двусложные наименования: *маза* < *мазы* «красивый» + *ава* «женщина» (букв.: красивая женщина); *пава* < *паро* «хороший» + *ава* «женщина» (букв.: хорошая женщина); *вяжя* < *веж* «маленький, младший» + *ава* «женщина» (букв.: маленькая (младшая) женщина); *тязя* < *таза* «сильный» + *ава* «женщина» (букв.: сильная женщина): *Мазай*, *мазай*, *матаняй*, *тонафтомак воргьодема*⁸ («Невеста, невестушка, посоветуй-ка, как сбежать мне»); *Кизефтьк вяжяцень*⁹ («Спроси невестку»); *Павай*, *иналемайть рьвакс — улят арьхциава-зе*¹⁰ («Невестка, выдай замуж, будешь свахой»).

Слово **ава** употребляется в парных словосочетаниях, например: *алят — ават* «муж с женой», *ават-стирхть* «мать с дочерью», *ават-цёрат* «мать с сыном», *авафтома-аляфтома* «сирота (букв.: без матери, без отца)» и др.

Обозначения населенных пунктов на картах

1. Подлясово Zubovo-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района; 3. Промзино Zubovo-Полянского района; 4. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района; 5. Новое Бадиково Zubovo-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского района; 7. Зарубкино Zubovo-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Потьма Zubovo-Полянского района; 9. Буддыгино Zubovo-Полянского района; 10. Пичпанда Zubovo-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжелай Торбеевского района; 18. Новая Пичеморга Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цыбаево Темниковского района; 25. Лесное Цыбаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пошаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пичингуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Паррапино Ковылкинского района; 43. Мордовское Веченино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трускляй Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарье Рузаевского района; 62. Мордовская Пишла Рузаевского района; 63. Перхляй Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдяй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулдым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

Обычно в рамках лексической системы одного языка трудно, а подчас вообще невозможно определить причины возникновения слов и развития значений. В таких случаях, по мнению М. В. Мосина, «ценнейшим материалом для объяснения фактов становятся данные родственных языков или результаты языковых контактов»¹¹.

С точки зрения словообразования слова *авозь* «свекровь», (диал.) «теща», форма обращения *авай* образовалось из собственно мокшанского: **ava** + суффикс **-ves'** с выпадением второго слога основы: **a-ves'**: *Пасиба, авай, тейть, пасиба пара валозт, — Авдюрясь лихтсь од руця и максозе Полька бабанди* [Кирдяшкин, с. 36] («Спасибо, свекровь, спасибо за хорошее слово. — Жена Авдея вынесла новый платок и отдала бабе Поле»).

Таким образом, диапазон семантики лексической единицы **ava** в мокшанском языке широк. В современном языке слово **ava** со значениями «жена» и «женщина» дифференцировалось. Принимая во внимание все выявленные значения, в какой-то мере связанные между собой, можно предположить, что основное значение слова **ava** — «мать», «родоначальница» по отношению ко всему живому.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М., 1998. С. 22.

² См.: **Nirvi R. E.** Synonyymitutkimuksia sukulaishimistöän alasta. Helsinki, 1952. S. 73.

³ **Кирдяшкин Т. А.** Кели Мокша : роман. Саранск, 1989. С. 5. Далее ссылки в тексте: [Кирдяшкин, с.].

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979. С. 43.

⁵ **Голенков Н. Б.** Зрянь сельмоветть : пьесат, сценкат, азкст, пеетькст. Саранск, 2005. С. 101.

⁶ **Левин В.** Ломань ширеса : повесть // Мокша. 2011. № 9. С. 67.

⁷ H. Paasonens. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1. S. 89, 90, 92.

⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965. С. 175.

⁹ Там же. С. 291.

¹⁰ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 5 : Частушки. Саранск, 1969. С. 67.

¹¹ **Мосин М. В.** Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках : (Семант. анализ). Саранск, 1985. С. 38.

Поступила 01.03.2011 г.

УДК 811.511.152.2`282.4`342

Г. С. Иванова, Н. Ф. Кукушкина
G. S. Ivanova, N. F. Kukushkina

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ МОКШАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

THE DEGREE OF STUDY OF THE PHONETIC SYSTEM OF MOKSHA DIALECTS

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, говор, фонетическая система, исследование, гласный звук, согласный звук, фонетический процесс.

В статье рассматривается история изучения фонетической системы мокшанских диалектов.

Key words: the Moksha language, a dialect, accent, phonetic system, research, a vowel, a consonant, the phonetic process.

The history of study of the phonetic system of the Moksha dialects is considered in the article.

Современный мокшанский язык представляет собой несколько диалектных типов, отличающихся друг от друга фонетической, морфологической и лексической неоднородностью. Выраженных границ между диалектами не существует. Территориальная разобщенность находится в прямой зависимости от миграций мордовского народа, в результате чего расселение мокшан и эрзян, утратив в основном компактный характер, становилось все более смешанным: «Миграции других народов, главным образом русских, на древние мордовские земли, с одной стороны, и переселения самой мордвы за их пределы — с другой, привели к тому, что уже к концу XVII в. удельный вес мордвы постепенно уменьшался»¹. Контакты мокши и эрзи с русским, татарским и чувашским народами привели к сложному характеру языкового общения². Однако говор вновь созданных населенных пунктов представлял собой конгломерат разных диалектов мокшанского и эрзянского языков, в них обнаруживались «явные следы ассимилированной эрзи и мокши»³. К таким говорам следует отнести, например, мордовско-давыдовский⁴ и шугуровский⁵ говоры эрзянского языка. Значительная часть территории их бытования была заселена мокшей, которая впоследствии подверглась ассимиляции со стороны эрзянского населения, и, наоборот, смешанные говоры — дракинский⁶ и наскафтымский⁷ образовались в результате ассимиляции эрзянского населения мокшанским. Интересное переплетение мокшанских и эрзянских элементов в области фонетики и морфологии обнаруживается в верхнеалатырских говорах (Горьковская, ныне Нижегородская область)⁸. Городищенский диалект (Пензенская область) мокша-мордовского языка представляет собой смешение разных диалектных типов мокшанского языка в эрзянском окружении: «Территория бывшего Городищенского уезда Пензенской губернии была заселена мордвой в основном в 17 веке, прилив мордвы в леса бывшего Городищенского

уезда не прекращался вплоть до XIX века»⁹. Особый интерес представляют в плане фонетики и морфологии смешанные мокша-эрзянские говоры на территории Татарстана, которые находятся в окружении татарских и русских селений¹⁰.

Диалектные особенности на разных уровнях привлекали внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. А. П. Феокистов писал, что мордовские диалекты впервые упоминались в письменных памятниках XVII — XVIII вв. (работы Н. Витсена, Ф. Страленберга, Г. Миллера и др.), где они представляли собой фиксацию мордовской речи в виде небольших текстов, словарей и отдельных слов¹¹. В работе голландского ученого Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1692) А. П. Феокистов обратил внимание на то, что в ауслaute некоторых слов употребляется **a**, как в мокшанском языке, в современном эрзянском ему соответствует **o**, например *kota*, э. *koto* «шесть»; *panda*, э. *pando* «гора»; *ofta*, э. *ovto* «медведь», вместе с тем имеются и такие слова, звучание которых ближе к эрзянскому: *piäme* «дождь», *toäero* «пшеница», *tele* «зима». Неоднородность состава собранной мордовской лексики и неточности в передаче звуков существенно затрудняют решение вопроса о диалектной базе словаря¹².

Во второй половине XVIII в. была организована научная экспедиция в Оренбургскую провинцию, в которой приняли участие И. И. Лепехин, П. С. Паллас, И. Г. Георги и др. Ими были представлены списки мордовских слов и небольшие связные тексты.

До сих пор не потерял научную ценность мокшанский перевод «Евангелия от Иоанна» священника с. Старое Пшенево Н. Барсова, который выбрал в качестве варианта перевода юго-восточное наречие мокшанского языка.

Однако в первых записях отсутствуют изоглоссы распространения конкретной мокшанской и эрзянской речи. В работах нет четкой транскрипции: одни и те же звуки обозначались разными буквами. Лингвистическая ценность этих материалов заключается в том, что они позволяют составить определенное представление об отдельных особенностях мокшанского и эрзянского языков.

Й. Буденц систематизировал и ввел в научный оборот образцы мордовской диалектной речи, собранные в полевых условиях на территории бывших Нижегородской и Казанской губерний в 1845 г. венгерским ученым А. Регули (Венгерско-угорский сравнительный словарь. Будапешт, 1873 — 1881; Сравнительная морфология угорских языков. Будапешт, 1884 — 1894). В начале 60-х гг. XIX в. финский исследователь А. Алквист в специальном приложении к «Опыту мокша-мордовской грамматики» (Исследования в области урало-алтайских языков. Ч. 1. 1861) дал мокшанские диалектные тексты.

Большой вклад в исследование мокшанских и эрзянских диалектов внес финский ученый Х. Паасонен, который по результатам нескольких экспедиций в мордовские села и деревни бывших Пензенской, Нижегородской, Тамбовской, Саратовской, Оренбургской, Самарской, Симбирской и Казанской губерний начал публикацию образцов речи¹³. Позднее по его материалам были изданы восемь томов текстов мордовской народной речи¹⁴. С 1990 г. начал издаваться «Мордовский словарь»¹⁵. Монография Х. Паасонена «Мордовская фонетика» является первым и самым внушительным трудом по сравнительно-историческому изучению фонетики мокшанских и эрзянских диалектов. Автор рассмотрел в ней состояние и историю гласных и согласных звуков первого и непервых слогов слова, обращая внимание на фонетические процес-

сы, которые привели к некоторым изменениям их качества. Отдельные разделы посвящены выпадению, примыканию и прогрессивной палатальной аттракции гласных¹⁶. В 1917 г. вышла работа Х. Паасонена, где на основании 371 сравнения он представил почти полную систему финно-угорских и самодийских звуковых соответствий, установил этимологическую общность десятков мордовских слов с соответствующими лексемами финского, эстонского, венгерского и других финно-угорских языков. Она в течение долгого времени была настольной книгой для финно-угроведов, занимающихся исторической фонетикой¹⁷.

В 1910 г. в г. Санкт-Петербурге был издан «Мордовский этнографический сборник», составленный А. А. Шахматовым. Сборник дополнили два приложения — «Очерк звуковых особенностей Сухокарбулакского и Оркинского говоров» и «Краткий очерк морфологии» с небольшими экскурсами в историю звуков.

Зарождение мордовской диалектологии как науки связано с именами М. Е. Евсевьева, И. Г. Черепкина и Д. В. Бубриха. М. Е. Евсевьев считал, что изучение говоров во всем их многообразии и диалектных отличиях, во всей сложности междиалектных отношений — это главная задача для национального языкознания. Результатом многолетних наблюдений над мокшанскими и эрзянскими говорами стал его труд «Основы мордовской грамматики» (1929).

Впоследствии отдельные аспекты синхронического и диахронического вокализма и консонантизма мордовских языков были объектом специального или попутного исследования в трудах зарубежных (Й. Синнеи, П. Равила, В. Штейниц, Э. Итконен, П. Хайду, Д. Лако, К. Редери, Л. Керестеш, Р. Бартенс) и отечественных (Н. С. Трубецкой, Д. В. Бубрих, Т. П. Миронов, М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов, А. М. Рот, Б. А. Серебренников, В. И. Лыткин, Д. В. Цыганкин, С. З. Деваев, А. П. Феоктистов, Д. Т. Надькин, Г. И. Ермушкин, М. В. Мосин, Г. С. Иванова, А. М. Харитонина, Н. Ф. Кабаева, М. З. Левина) лингвистов.

Изучение диалектов возобновилось в послевоенные годы. Интерес для фонетистов представили статьи о развитии общемордовского *ä* в отдельных говорах эрзянского языка М. Н. Коляденкова¹⁸ и об особенностях вокализма непервого слога Н. Ф. Цыганова¹⁹.

В 1953 г. Д. В. Бубрих предложил классификацию эрзянских говоров: простейший, регрессивно и прогрессивно-ассимиляторный. В ее основе лежал фактор распространения гласных в непервом слоге слова²⁰. Эта работа не потеряла своей ценности до настоящего времени.

Более детальное изучение фонетико-морфологической системы целого ряда мокшанских и эрзянских диалектов и групп говоров пришлось на 60-е гг. XX в. Первым крупным исследованием синхронного плана стала работа С. З. Деваева, где он рассмотрел группу мокшанских говоров, расположенных в западной части Мордовии, которые отличаются единством фонетической системы и происходящих в ней процессов. Здесь наряду с синхронным описанием фонетики и грамматики были освещены отдельные вопросы исторического вокализма и консонантизма. Из полусотни сел средневадского диалекта в качестве опорных были выбраны наиболее крупные (по р. Вад — с. Новое Бадиково, Старое Бадиково, Жуковка; по р. Лундан — с. Мордовская Поляна, Булдыгино; по р. Чиуш — с. Пичпанда, Ачадово, Тарханская Потьма, Зарубкино, Покровские Селищи, Новые Выселки, д. Крюковка, Сбродовка; по р. Парца — с. Новая Потьма, Старая Потьма). С. З. Деваев отмечал, что в

диалекте произошло последовательное сужение гласных переднего ряда: вместо фонемы *ä* находим гласный среднего подъема *e*, а вместо фонемы *e* — гласный верхнего подъема *u*²¹. Автор не разделял мнения Х. Паасонена и Д. В. Бубриха относительно происхождения мокшанской фонемы *ə* как результата редукции гласных полного образования *y*, *u* в безударном положении: «Можно предположить обратное, т. е. общемордовский гласный *ɤ* развился в эрзянском языке до гласных полного образования *y*, *u* (или *o*, *e*), а в мокшанском языке сохранился, однако несколько видоизменился». Признавая, что «в мокшанском языке в основном сохранилось общемордовское ударение, трудно объяснить, почему раньше не было редукции гласных полного образования, а впоследствии она появилась»²².

В работе также дан краткий анализ фонетических условий, в которых возможно функционирование гласных в первом и непервых слогах слова. Интересным, на наш взгляд, кажется точка зрения С. З. Деваева относительно качества гласного *e* вне первого слога.

О. И. Чудаева опубликовала диалектные тексты говора с. Старое Пшенево Ковылкинского района и в кратком фонетическом очерке сопоставила особенности старопшеневского говора с таковыми в средневадском диалекте и в мокшанском литературном языке, выделив их различия: «Особенность вокализма старо-пшеневского говора, отличающая его от литературного языка и средне-вадского диалекта, заключается в том, что в корне слова, особенно в безударном положении, вместо гласных *u*, *y* выступает гласный звук *ɤ*: *ɤрма*, м. лит. *урма* „болезнь“; *ɤрадъмс*, м. лит. *урадъмс* „околоть“; *ɤч'а*, м. лит. *уч'а* „овца“; *ɤрн'е*, м. лит. *урн'я* „белочка“; *ɤл'ц'е*, м. лит. *ул'ц'я* „улица“. Однако это явление происходит недостаточно последовательно, сравнить *пулай* „принадлежность женской одежды“, *увамс* „лаять“»²³.

Р. В. Бабушкина дала синхронное описание особенностей говоров с. Темяшево, Кулдым, Вертелим, Красновка, расположенных в северной части Старошайговского района, условно названных темяшевским диалектом. Они представляют собой своеобразное сплетение мокшанского языка с отдельными фонетическими и грамматическими признаками эрзянского языка. Причины такого симбиоза, вероятно, кроются в истории темяшевской мордвы. «Существенным фактором модификации гласных фонем является ударение, от которого зависит редукция в любой степени, выпадение некоторых фонем»²⁴. В некоторых словах наблюдается сужение широкого *a* в безударном положении, «вместо него произносится очень краткий *ы*-образный звук: *со:дъса* „знаю“, *ко:дъса* „свяжу, сотку“»²⁵. После твердой *c* встречается отодвинутый назад вариант фонемы *u* — *ы*, что совершенно нехарактерно для мокшанского языка. Объясняется это фонетическое явление влиянием эрзянского языка, например: *сыр'ъд'ъмс* «состариться», *сывъл'* «мясо», *сывъмс* «съесть», *сын'ъткс* «вышивка», *сыфт'ъм* «решето», *сий* «гниль», *сын'* «они»²⁶.

По фонемному составу гласных к темяшевскому диалекту близок говор с. Колопина Краснослободского района, которое находится в близком окружении русских сел. Фонетические особенности колопинского говора были описаны Ю. Н. Азрапкин. По употреблению гласных фонем в слове данный говор переключается с инсарским диалектом: вместо безударных *u*, *y* «находим гласный неполного образования»: *пъл'з'амс*, ср.-вад. *пул'з'амс* «изнемочь»; *шъван'я*, ср.-вад. *шуван'е* «тонкий»; *кър'фтамс*, ср.-вад. *кир'фтамс* «укоротить»; «*y*, *u* перешли в редуцированные несмотря на то, что находятся под ударением»: *пълф* «сноп», *кълдъм* «горло», *пътъмс*

«поставить», *лѣнѣд'ѣмс* «отлепиться», *пѣрѣм* «овод, слепень», *пѣсмѣ* «пучок», *мѣл'ѣ* «мешалка», *пѣль* «хвост», *пѣрѣмѣмс* «собратиться»²⁷.

В 1970-х гг. были исследованы рыбкинско-мамолаевские говоры мокшанского языка²⁸, эрзянские говоры верховьев р. Черемшана, Шешмы и Кичуя (Татарстан)²⁹, верхнеалатырские говоры³⁰ и городищенский диалект мокшанского языка³¹; в 2000-е гг. — северо-западные говоры³² и атюрьевский диалект мокшанского языка³³.

Анализу фонетических особенностей говоров мокшанских сел Ковылкинского и Краснослободского районов Мордовии посвящена работа С. И. Липатова. Данные территории с запада и с севера граничат с татарскими и русскими населенными пунктами. Исследуемые говоры в области фонетики имеют некоторое сходство с инсарскими и северо-восточными (шайговскими) говорами. Например, в говорах с. Волгапина и Кичатова Ковылкинского района вместо *a* в абсолютном начале слова выступает *йā*, которое характерно говору с. Колопина и шайговским говорам. В говорах с. Ржавцы, Родькино, Ежовка Ковылкинского района в первом слоге вместо *э* выступает диалектный *и*, как в инсарском и средневадском диалектах. В первом слоге после губных *п*, *м* и переднеязычных *т*, *с* вместо литературного *у* выступает *ѣ* или *и*: *пѣтѣмс* вместо *путѣмс* «положить, поставить»; *имамс* — *йумамс* «потеряться, пропасть». В говоре с. Старое Мамангино *ѣ* встречается и вместо *и*: *пѣл'ā* «ухо», *т'ѣд'āй* «мама»³⁴.

Фонема *ѣ* в абсолютном исходе слова выступает в виде гласного переднего ряда *ā* или заднерядного *ā̆*, которые близки к широким гласным *a* и *ā̆*. Ряд исходных редуцированных гласных зависит от качества предшествующего согласного или гласного предшествующего слога: *пекā* «живот», *тумā* «дуб». Конечные *ā* и *ā̆* в потоке быстрой речи или в закрытом слоге переходят в *ѣ*: *пич'ā* «сосна» — *пич'ѣн'* «сосновый», *тумā* «дуб» — *тумѣн'* «дубовый»³⁵.

Среди явлений вокализма С. И. Липатов выделил определенную роль сингармонизма гласных. Например, огласовка окончания изъятельного падежа находится в зависимости от вокализма основы³⁶.

В 1997 г. состоялась защита докторской диссертации О. Е. Полякова, где он рассмотрел гласные и согласные в обоих мордовских литературных языках с привлечением экспериментально-фонетических и статистических данных о звуковых единицах. В работе впервые выявлена возможность сочетаемости гласных с согласными. Ссылаясь на авторитетное мнение Х. Паасонена, Д. В. Бубриха и Д. Т. Надькина, О. Е. Поляков признает в общемордовском непервом слоге на месте мокшанского *э* (эрзянских *e*, *o*) гласные *i*, *u*: «Общемордовский *i* в непервых слогах сохранили некоторые эрзянские говоры юго-восточного и юго-западного диалектов: *piz'imi* „дождь“, *mol'ivl'in'* „я пошел бы“ — *piz'eme*, *mol'evl'in'*». В глагольных формах *i* (*ĭ*) возник из древних сочетаний *aj*, *uj*, *ij* (*ĭj*): *pel'i* «боится» < *pel'ij*, *mor'i* «поет» < *mor'ij*»³⁷.

До последнего времени не были предметом специального изучения мокшанские говоры, расположенные в северо-западной части РМ. Эти говоры граничат с эрзянскими говорами Нижегородской области. Т. В. Плаксина делит северо-западные говоры на три подгруппы: западную (Темниковский район), центральную (Ельниковский район) и восточную (Старошайговский район). С одной стороны, все они связаны общими изоглоссами, с другой — между подгруппами имеются различия

на разных уровнях³⁸. Согласно диалектной классификации А. П. Феоктистова все они входят в состав центрального диалекта, хотя по количеству гласных фонем неоднородны. Отличительной особенностью говоров является образование аллофонов смешанного ряда *e, i, ä* вместо гласных *e, i, ä* после непалатализованного *s*: *sɛn'əm* «синий», *sovil'* «мясо», *sAvəms* «взять». Т. В. Плаксина считает, что непалатализованный *s* перед гласными переднего ряда относится к явлениям инновационного порядка, возникшим в результате интенсивных контактов мокшан с эрзянским населением³⁹.

Ударение в северо-западных говорах преимущественно фиксируется на первом слоге, это касается и русских заимствований. При словообразовании и словоизменении автор выделяет следующие фонетические изменения в области гласных: редукцию *pil'gä* «нога» — *pil'gəva* «по ноге», *pil'gən'* «для ноги», *pil'ghsə* «за ногой» (З, В); выпадение — *lotka* «яма» — *lotk-stə* «из ямы» — *lotk-sə* «в яме» (З, В); вставку *sud* «кора» — *sud-əks* «в кору» (З); *saraz* «курица» — *saraz-əks* «в курицу» (В) — в других диалектах *sut-ks, saraz-ks*⁴⁰.

В 2005 г. особенности атюрьевского диалекта мокшанского языка были исследованы Т. Д. Блашкиной. В фонетическом плане этот диалект интересен тем, что в области вокализма его развитие пошло дальше остальных диалектов: в первом слоге редуцированный гласный употребляется как в безударной позиции, так и под ударением⁴¹. В 2006 г. диахронический аспект фонетической системы вокализма в диалектном плане рассмотрела Г. С. Иванова. Она выделила три типа мокшанских диалектов: *якающий, экающий и икающий*⁴².

Из говоров запредельной мордвы-мокси изучены городищенский диалект на территории Пензенской области (с. Дягилевка, Нижний Катмис, Камчак, Водолей, Вязовка, Пичелейка, Верхний Катмис, Новый Свет) и верхнеалатырский, распространенный на территории Лукояновского района Горьковской области (с. Печи, Санки, Кузнецкое, Курилиха, Новая Линия). Гласный *ä* «в городищенском диалекте уже, чем в мокшанском литературном... Часто *ä* заменяется звуком *e*». В первом слоге городищенского диалекта встречаются все гласные, а после твердых парных *s* и *m*, в отличие от мокшанского литературного языка и других диалектов, выступают заднерядные варианты фонем *u* и *e*: *сыр'ь* «старый», *сыр'е* «нитка», *сын'* «они», *сыр'нат* «золото», *тын'* «вы», *сэн'ьм* «синий», *сэр'и* «глубокий, высокий», *сэд'* «мост». В начале слова гласный *ä* «почти ничем не отличается от *e*», он не йотируется, например: *ей* «лед», *еР'кь* «река», *ел'бäd'ьмс* «ошибиться», *ес'кь* «гвоздь» и др. В первом слоге употребляемость некоторых гласных ограничена: чаще встречается гласный *u*, который образовался вследствие губной ассимиляции со стороны *v, f*, реже *m* на предшествующий согласный, например: *мир'д'уфтумь* «без мужа», *сэдуват'е* «идите-ка», *куч'уф* «посланный», *с'ин'д'ус'* «сломался», *кадус'* «остался», *т'ийумс* «сделать»⁴³.

Гласный *ь* встречается и в ударном первом слоге, например: *пътьмс* «положить», *бьсмь* «пучок», *пърьмьмс* «собратся», *с'т'ър'ьз'ь* «дочь — моя», *пль* «хвост», *пльс'ьмс* «жалить». «В этом диалекте *u, i* первого слога слова редуцируются очень редко», так как «при наличии узких гласных в первых слогах и широких гласных в непервых ударение может быть как на первом, так и непервом слоге одного и того же слова»: *л'у:кшт'äd'ьмс* и *л'укишт'ä:д'ьмс*, инсар. диалект *л'ькшт'е:д'ьмс*

«качнуть», *ул'ц'ä* и *ул'ц'ä:*; инсар. диалект *ъл'ц'е:* «улица», *ку:ндамс* и *кунда:мс*, инсар. диалект *кьнда:мс* «поймать»⁴⁴.

«Часто в заимствованных из русского языка словах русское ударение со второго слога переносится на первый, при этом звук *a* в первом слоге переходит в *o*. Здесь, очевидно, наблюдается влияние эрзянских говоров, например: *од'ъжа* „одежда“, *робота* „работа“, *обед* „обед“, *бол'н'иц'ä* „больница“, *погода* „погода“. При *ы* < *a* в непервом слоге слова ударение падает на узкий гласный первого слога: *с'и:мцыз'*, м. лит. *с'имца:з'* „поят они его (их)“; *му:с'ксыз'*, м. лит. „*мус'кса:з'* стирают они его (их)“»⁴⁵.

В городищенском диалекте «древние сочетания *ай*, *уй*, *ий* в связи с сохранением после них гласных *a*, *ь* встречаются чаще, чем в мокшанском литературном языке», например: *нуйъмс*, м. лит. *нумс* «жать»; *туйъмс*, м. лит. *тумс* «уйти»; *муйъмс*, м. лит. *мумс* «найти»; *кийал*, м. лит. *кел* «золотка»; *мийъмс*, м. лит. *мимс* «продать»; *с'т'р'апайамс*, м. лит. *с'т'р'анамс* «стряпать»⁴⁶.

Т. И. Ломакина обратила внимание на наличие гласного звука в начале и в первом слоге следующих слов: *умар'*, м. лит. *мар'* «яблоко»; *уталь*, м. лит. *фталъ* «позади»; *ифкä*, м. лит. *фкä* «один»; *ьшкай*, м. лит. *шкай* «бог»; *ис'камъндзъ*, м. лит. *с'камъндзъ* «он один»; *кистый*, м. лит. *ксты* «земляника». «В городищенском диалекте, очевидно, сохраняются более древние формы этих слов»⁴⁷. С влиянием эрзянского языка связаны многие фонетические явления и в верхнеалатырских говорах⁴⁸. В области вокализма это прежде всего оказывающий характер произношения: *комор*, м. лит. *комър*, э. лит. *коморо* «горсть». Абсолютное начало слова интересно тем, что в этой позиции на месте фонемы *ь* в одном случае выступает диалектный гласный *э* (<*у*), в другом — древний *у*, в третьем — *и*, в четвертом — *o* звука: *эр'вä*, м. лит. *ър'вä* «жена»; *урдаз*, м. лит. *ърдас* «грязь»; *мурдамс*, м. лит. *мърдамс* «вернуться»; *кир'н'ä*, м. лит. *кър'нä* «клубок»; *урчамс*, м. лит. *шчамс* «надеть»⁴⁹. Фонема *a* широко употребляется в любом фонетическом окружении, но в отличие от мокшанского литературного языка не удерживает на себе ударение: *ал'ä:* «муж», *кандь:мс* «нести». После *ж*, *ш*, *ч* и сибиллянта *с* вместо *и* выступает *ы*, это является характерной особенностью эрзянского языка: *чычав* «блоха», *шыр'ä* «стол», *сыфт'ем* «сито», *сыр'ä* «старый». Фонема *e* в безударной позиции не теряет своего качества: *эчкä:* «толстый», *вешн'е:мс* «искать». В первом слоге некоторых слов выступает диалектный *e*, соответствующий мокшанскому редуцированному гласному и гласным *э*, *и*, *у* эрзянского языка: *кер'вäs'т'емс*, м. лит. *кър'вäs'т'емс*, э. лит. *кирвас'т'емс* «зажечь»; *вер'газ*, м. лит. *вър'гас*, э. лит. *вер'гиз* «волк»; *эр'вән'ä*, м. лит. *ър'вән'ä*, э. лит. *ур'ва* «невестка». В верхнеалатырских говорах сохранились древние сочетания *уй*, *ий* в глаголах типа *нуйемс*, м. лит. *нумс* «жать», *пийемс*, м. лит. *пимс* «вариться». В непервом слоге регулярно выступает фонема *у:* в одном случае она сохранилась, в другом — образовалась в результате губной ассимиляции неогубленных гласных непервого слога перед губно-зубными *в*, *ф*: *лафтува* «по плечу», *содуван* «я в саже», *вад'н'уви* «испачкается», *пил'гува* «по ноге». Более частую реализацию находит и фонема *и:* *авиз'*, м. лит. *авьс'* «свекровь»; *нармин'*, м. лит. *нармън'* «птица»; *кел'гиз'ä*, м. лит. *кел'гъз'ä* «любил он ее (его)». Наличие гласных *и*, *у* вместо мокшанской редуцированной фонемы свидетельствует, вероятно, о сохранении более древнего вокализма⁵⁰. Ударение не связано с каким-то определенным слогом

слова и может перемещаться с одного слога на другой: *ава* «женщина», *утом* «амбар», *унду* «дупло», *ил'и* «прут», *с'ис'ем* «семь», *повомс* «попасть». В многосложных словах ударение может перемещаться к конечному слогу. Этой закономерности подчинены и заимствования⁵¹.

В настоящее время изучением мордовских диалектов занимаются Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин, О. Е. Поляков, Г. С. Иванова, Н. А. Агафонова, М. З. Левина, Н. Ф. Кабаева и др.

Итак, основные работы по фонетико-морфологическому строю мокшанских диалектов были изданы в середине XX в. В настоящее время под действием как внешних, так и внутриязыковых факторов наблюдаются изменения, которые в первую очередь затрагивают звуковую систему говоров. Перед исследователями мокшанских диалектов стоит задача выявить фонетические процессы, которые привели к изменению количественного и качественного состава основных звуков, комплексно изучить фонетику и морфологию мокшанских диалектов и, возможно, на основе фонетических, морфологических и территориальных признаков предложить новую диалектную классификацию мокшанского языка.

Условные обозначения

- м. лит. — мокшанский литературный
 ср.-вад. — средневадский
 э. — эрзянский
 э. лит. — эрзянский литературный

Библиографические ссылки

- ¹ Козлов В. И. Расселение мордвы : ист. очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. Вып. 1. С. 60. (Тр. / Ин-т этнографии АН СССР : нов. сер. ; т. 63).
- ² См.: Paasonen H. Ungarisch-türkische Etymologien. Budapest, 1902. Bd. 3. S. 3 — 51.
- ³ Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов : учеб. пособие. Саранск, 1979. С. 6.
- ⁴ См.: Обьедкин В. Д. Говор села Мордовское Давыдово бывшего Кочкуровского района Мордовской АССР // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 37 — 99.
- ⁵ См.: Цыганкин Д. В. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Там же. 1961. Т. 1. С. 294 — 395.
- ⁶ См.: Якушкин А. В. Дракинский диалект эрзя-мордовского языка // Там же. С. 197 — 294.
- ⁷ См.: Бибин М. Т. Говоры наскафтымской мордвы : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1966. 25 с.
- ⁸ См.: Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1974. С. 3.
- ⁹ Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. 1966. Т. 4. С. 289 — 330.
- ¹⁰ См.: Тураева Л. И. Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя на территории Татарской АССР : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1973. 21 с.
- ¹¹ См.: Феоктистов А. П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. 1963. Т. 2. С. 3 — 37.
- ¹² Там же. С. 9 — 10.
- ¹³ См.: Paasonen H. Proben der mordwinischen Volksliteratur. Helsingfors, 1894. 154 s.
- ¹⁴ См.: Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1938 — 1981. Bd. 1 — 8.
- ¹⁵ См.: H. Paasonens Mordwinishes Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1. 557 s.

- ¹⁶ См.: **Paasonen Н.** Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903. 123 s.
- ¹⁷ См.: **Paasonen Н.** Beiträge zur finnsch-ungrisch-samojedischen Lautgeschichte. Budapest, 1917. S. 13, 17.
- ¹⁸ См.: **Коляденков М. Н.** К вопросу об *ä* и *э* в первом слоге слова в говорах эрзя-мордовского языка // Филологические доклады. Саранск, 1948. Т. 1. С. 38 — 41.
- ¹⁹ См.: **Цыганов Н. Ф.** Из истории вокализма непервого слога эрзянского говора // Там же. Т. 2. С. 28 — 37.
- ²⁰ См.: **Бубрих Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. С. 7 — 37.
- ²¹ См.: **Деваев С. З.** Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 2. С. 262 — 269.
- ²² Там же. С. 272.
- ²³ **Чудаева О. И.** Старо-пшеневский говор мокша-мордовского языка // Там же. Т. 3. С. 30.
- ²⁴ **Бабушкина Р. В.** Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Там же. 1966. Т. 4. С. 49.
- ²⁵ Там же. С. 57.
- ²⁶ Там же. С. 42.
- ²⁷ См.: **Азрапкин Ю. Н.** Колопинский говор мокша-мордовского языка // Там же. Т. 4. С. 258.
- ²⁸ См.: **Липатов С. И.** Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
- ²⁹ См.: **Тураева Л. И.** Указ. соч.
- ³⁰ См.: **Ананьина К. И.** Указ. соч.
- ³¹ См.: **Ломакина Т. И.** Указ. соч.
- ³² См.: **Плаксина Т. В.** Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2002. 17 с.
- ³³ См.: **Блашкина Т. Д.** Особенности атюрьевского диалекта мокшанского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2005. 18 с.
- ³⁴ См.: **Липатов С. И.** Указ. соч. С. 9.
- ³⁵ Там же. С. 10.
- ³⁶ Там же. С. 11.
- ³⁷ **Поляков О. Е.** Фонетические системы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в синхроническом и диахроническом аспектах : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. СПб., 1997. С. 10.
- ³⁸ См.: **Плаксина Т. В.** Указ. соч. С. 3.
- ³⁹ Там же. С. 5 — 7.
- ⁴⁰ Там же. С. 8 — 9.
- ⁴¹ См.: **Блашкина Т. Д.** Указ. соч.
- ⁴² См.: **Иванова Г. С.** Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. С. 49.
- ⁴³ См.: **Ломакина Т. И.** Указ. соч. С. 292, 297 — 298.
- ⁴⁴ Там же. С. 306.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 311.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См.: **Ананьина К. И.** Указ. соч. С. 5.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 6.
- ⁵¹ Там же. С. 11 — 12.

Поступила 06.09.2011 г.

УДК 811.511.152.1`282.4`366

Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов

N. A. Agafonova, I. N. Ryabov

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МОРФЕМ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЭРЗЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА*

MORPHOLOGICAL MARKERS OF MORPHEMES OF CERTAINTY IN THE ERZYA DIALECTS OF THE VOLGA REGION AND THE SOUTHERN URALS

Ключевые слова: морфологический маркер, морфема определенности, указательный суффикс, парадигма склонения, вариация, эрзянский диалект.

В статье рассматриваются морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала. Выявлены в единственном числе указательного склонения пять типов парадигм, которые имеют различные морфологические маркеры и структуры падежных словоформ.

Key words: a morphological marker, morpheme of certainty, demonstrative suffix, paradigm of declension, variation, the Erzya dialect.

The morphological markers of morphemes of certainty in the Erzya dialects of the Volga Region and the Southern Urals are considered in the article. Five types of paradigms of demonstrative declension in the singular, which have different morphological markers and structures of the tense word-forms, are identified.

Среди мордовских диалектов и говоров эрзянские диалекты Поволжья и Южного Урала занимают особое место. Их формированию способствовали миграционные процессы мокши и эрзи с прежних мест жительства. Часто в одном и том же населенном пункте совместно жили переселенцы с разных мест обитания — эрзя и мокша совместно с переселенцами других национальностей. Так, до настоящего времени в некоторых селах один конец села условно считается эрзянским, другой — мокшанским (с. Пронькино Бугурусланского района Оренбургской области); один конец — мордовским, другой — русским (с. Узюково Ставропольского района Самарской области); один конец — татарским, другой — чувашским, третий — эрзянским (с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области). Мокшане и эрзяне Поволжья и Южного Урала, изначально говорящие на разных диалектах и говорах, выработали для общения свой смешанный диалект, в котором сохранились архаичные языковые элементы, и появились разные инновационные явления, характерные только этим говорам под влиянием устойчивого, интенсивного и мощного влияния экстралингвистических факторов.

В мордовских языках имена существительные с грамматической точки зрения образуют оппозицию определенности-неопределенности, в которой один из членов

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00485 а.

характеризуется наличием, а другой — отсутствием маркированности. Маркированные члены оппозиции содержат более конкретное и вместе с тем детализированное значение, чем немаркированные члены оппозиции. Детерминативные (указательные) суффиксы или морфемы определенности эрзянского языка восходят к *s-, *t-, *n-указательным местоимениям (э. *še* «тот», *tē* «этот», *ñe(t')* «эти») уральского языка-основы. Выбор именно этих местоимений в качестве морфемы определенности обусловлен частотой их употребления, этимологической простотой, большой обобщенностью их значения, большой сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся ранее. Переход указательных местоимений в грамматические морфемы — явление в финно-угорских языках не только чисто мордовское¹. Так, значение, свойственное определенному артиклю, в вепском языке может выражаться постпозитивными артиклями *še* (ед. ч.) и *ñe* (мн. ч.): *Kalan se teget kăzihe tartub naug*² («Рыбу эту чистишь, на руках остается слизь»); *Lapsed ne mänhet školha*³ («Ребята эти пойдут в школу»). Нужно отметить, что *kala se* «рыба — эта», *lapsed ne* «ребята — эти» произносятся как одно слово.

Реализация морфем определенности или указательных суффиксов в падежных парадигмах мордовских языков в разных диалектах и говорах неоднородна. Так, кодифицированными морфемами определенности эрзянского литературного языка считаются: в единственном числе в номинативе — **-сь**, в генитиве — **-ть**, в косвенных падежах — **-нть**; во множественном числе во всей парадигме — **-(т)не**. В эрзянском диалектном ареале Поволжья и Южного Урала нами зафиксированы следующие варианты указательных суффиксов, соответствующих кодифицированным морфемам определенности: **-ś, -t', -ñt', -(t')ñe; -ś, -t', -št', -(t')ñe; -ś, -ś/-ž, -št', -(t')ñe; -ś, -t', -(t')ñe**.

Структура падежных словоформ с указательным суффиксом в единственном числе в эрзянском литературном языке и во многих эрзянских диалектах и говорах различна. В косвенных падежах единственного числа падежные суффиксы предшествуют морфеме определенности. Сравните: номинатив э. лит. *кудо-сь*, д. форма *kudo-ś, kudi-ś, kude-ś, kut-ś* «дом-этот»; генитив э. лит. *кудо-н-ть*, д. форма *kudu-ñ-t', kudo-ś-t', kudi-ž-e-ñ, kudi-t'* «дома-этого»; датив э. лит. *кудо-нм-ень*, д. форма *kudu-ñt'-eñ, kudo-št'-eñ, kudi-ž-ñe, kudi-t'-i, kut-t'-i* «дому-этому»; аблатив э. лит. *кудо-до-нть*, д. форма *kudu-du-ñt', kudo-do-śt', kudi-ž-d'e, kudi-t' äzda, kut-t' ezda* «о доме-этом»; инессив э. лит. *кудо-со-нть*, д. форма *kudu-su-ñt', kudo-so-śt', kudo-ś-ñe, kudi-t' äsa, kut-t' esa* «в доме этом» и т. д.

Склонение имен существительных с морфемами определенности называется определенным или указательным. Семантической основой его является выделение предмета из ряда ему подобных, в отношении которого в нашем сознании исключается всякий выбор⁴. Морфема определенности, присоединяясь к падежным морфемам основного склонения, образует парадигму детерминативного или указательного склонения (табл. 1, 2).

Указательное склонение в исследуемом ареале характеризуется отсутствием единой системы падежей, разнообразием падежных форм. Одно и то же падежное значение может быть передано словоформой и аналитически, сравните: *vel'čevait'ci vel'čent'č ezga* «по селу-тому», *čoradošt'ci čorašt'čezda* «о мужчине-этом», *kudoškañt'č* и *kudot'češka* «с дом-этот». По мнению С. З. Деваева, отсутствие последовательности в образовании падежных форм указательного склонения свидетельствует о

Таблица 1

Парадигма указательного склонения *viř-e-ś* «лес-этот» (ед. ч.)

Падеж	I группа говоров	II группа говоров	III группа говоров	IV группа говоров	V группа говоров
Номинатив	<i>viř-e-ś</i>	<i>viř-ś</i>	<i>viř-ś</i>	<i>viř-ś</i>	<i>viř-e-ś</i>
Генитив	<i>viř-e-ń-t'</i>	<i>viř-e-ś-t'</i>	<i>viř-t'</i>	<i>viř-t'</i>	<i>viř-e-ż-i-ń</i> <i>viř-e-ś-t'</i>
Датив	<i>viř-e-ńt'-e-ń</i> <i>viř-e-ńt'-e</i>	<i>viř-e-śt'-e</i>	<i>viř-t'-i</i>	<i>viř-t'-i</i> <i>∅</i>	<i>viř-e-ż-ńe</i>
Аблатив	<i>viř-ǰe-ńt'</i>	<i>viř-ǰe-śt'</i>	<i>viř-t' āzda</i>		<i>viř-e-ż-ǰe</i>
Инессив	<i>viř-se-ńt'</i>	<i>viř-se-śt'</i>	<i>viř-t' āsa</i>	<i>viř-t'i-sa</i>	<i>viř-e-ś-ńe</i>
Элатив	<i>viř-st-e-ńt'</i>	<i>viř-ste-śt'</i>	<i>viř-t' āsta</i>	<i>viř-t'i-sta</i>	<i>viř-e-ż-ǰe</i>
Иллатив	<i>viř-e-ńt'-eń</i> <i>viř-e-ńt'-e</i>	<i>viř-e-śt'-e</i>	<i>viř-t'-i</i>	<i>viř-t'i</i>	<i>viř-e-ż-ńe</i>
Пролатив	<i>viř-ga-ńt'</i>	<i>viř-ga-śt'</i>	<i>viřgańt'</i>	<i>viř-t'i-g'e</i>	<i>viř-e-ż-ga</i> <i>viř-e-ż-i-ń ezga</i> <i>viře-ś-t' ezga</i>
Компаратив	<i>viř-ška-ńt'</i>	<i>viř-ška-śt'</i>	<i>viř-t' āzga</i> <i>viřškańt'</i>	<i>viř-t'i-ška</i>	<i>viř-e-ż-e-ška</i>
Абессив	<i>viř-t'eme-ńt'</i>	<i>viř-t'eme-śt'</i>	<i>viř-t' āška</i>	<i>viř-e-ż-i-ń ejška</i>	<i>viř-e-ś-t' ejška</i>
Каузатив	<i>∅</i>		<i>viř-t'-ftōma</i> <i>∅</i>	<i>viř-e-ś-t'em'e</i> <i>viř-t'i-ksa</i>	<i>viř-e-ż-i-ń-t'em'e</i>

Таблица 2

Парадигма указательного склонения *viřt'ńe/viř^hńe* «леса-эти» (мн. ч.)

Падеж	I группа говоров	II группа говоров	III группа говоров	IV группа говоров
Номинатив	<i>viřt'ńe</i>	<i>viřt'ńe</i>	<i>viřt'ńe</i>	<i>viř^hńe</i>
Генитив	<i>viřt'ńeń</i>	<i>viřt'ńeń</i>	<i>viřt'ńeń</i>	<i>viř^hńeń</i>
Датив	<i>viřt'ńeńeń</i> <i>viřt'ńeńe</i>	<i>viřt'ńeńđi</i>	<i>viřt'ńeńe</i>	<i>viř^hńeńđi</i>
Аблатив	<i>viřt'ńeđǎ</i>	<i>∅</i>	<i>viřt'ńeda</i>	<i>∅</i>
Инессив	<i>viřt'ńese</i> <i>viřt'ńeńse</i>	<i>viřt'ńeńesa</i>	<i>viřt'ńejsa</i>	<i>viř^hńeńeđista</i>
Элатив	<i>viřt'ńeste</i> <i>viřt'ńeńste</i>	<i>viřt'ńeńesta</i>	<i>viřt'ńejsta</i>	<i>viř^hńeńeđista</i>
Иллатив	<i>viřt'ńeńeń</i>	<i>viřt'ńeńdi</i>	<i>viřt'ńeńe</i>	<i>viř^hńeńeđi</i>
Пролатив	<i>viřt'ńeva</i>	<i>∅</i>	<i>viřt'ńeva</i>	<i>viř^hńeńeđig'e</i>
Компаратив	<i>viřt'ńeška</i> <i>viřt'ńeńška</i>	<i>∅</i>	<i>viřt'ńejška</i>	<i>viř^hńeńeđiška</i>
Абессив	<i>viřt'ńevt'eme</i> <i>viřt'ńeńt'eme</i>	<i>viřt'ńeńftima</i>	<i>viřt'ńeftuma</i>	<i>viř^hńeńftōme</i>
Каузатив	<i>∅</i>	<i>viřt'ńenksa</i>	<i>∅</i>	<i>viř^hńeńindinksa</i>

более позднем его происхождении и постепенном образовании падежных форм⁵. Данная точка зрения подтверждается языковым материалом смешанных диалектов и

говоров. О незавершенности процесса образования указательного склонения говорят такие факты, как неодинаковое количество синтетических падежных форм в рассматриваемой парадигме. В анализируемых смешанных говорах с мокшанской основой под влиянием эрзянской указательной системы увеличивается количество падежей, т. е. падежная система указательного склонения в исследуемых диалектах и говорах в количественном отношении богаче, чем, например, система падежей мокшанского литературного языка и диалектов, где всего три падежа (номинатив, генитив, датив).

Формы косвенных падежей с морфемой определенности **-ńt'** выступают во многих говорах группы I (с. Сиделькино, Старое Эштебенкино Челно-Вершинского района Самарской области, Новая Кармала, Степная Шентала Кошкинского района Самарской области и т. д.) и в группе говоров II. Они состоят из склоняемой основы имени + морфема падежа основного склонения + морфема определенности. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив. У датива и иллатива иная структура: склоняемая основа имени + морфема определенности + морфема падежа: *vel'eńt'e* (< *vel'e* + *ńt'* + *ńeń*) «селу-этому». В дативе в говорах парадигм I и II употребляется усеченная форма **-ńt'ε**: *kudońt'ε* «дому-этому», *paksańt'ε* «полю-этому», *išmeńt'ε* «лошади-этой» и т. д. Морфема **-ńt'**, возникшая из **-ń** (генитив ***-ń**) и **-t'** (***-t'v** — указательное местоимение) и утвердившаяся в сфере генитива, была перенесена в форму остальных падежей единственного числа. Таким образом, источником морфемы **-ńt'** явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ, и суффикс генитива **-ń** отошел к форманту **-t'**, составив вместе с ним морфему определенности **-ńt'**⁶. В говорах группы I (с. Лопатино Волжского района, Сускан Ставропольского района Самарской области, Сиделькино), как это можно увидеть из приведенных ниже примеров, в косвенных падежах параллельно встречаются две морфемы определенности — **-št'ε** и **-ńt'**, сравните: *moń skamon t'el'ėń beńt'ε erń kunškasońt'ε* («Я всю зиму жила в середине»); *svahańt'ε t'ejt'erendę mačtasińek* («Дочь свахи (возможно — дочерей) уложим спать»); *t'iraskašt'ε ĩaro ežik šla avaj* («Террасу сколько времени не мыла, мама?»); *kartiškań udopšt'ε purnik* («Картофельную ботву собрала?») (с. Сиделькино); *te veleseńt'ε ĩsto eržat* («В этом селе чистые эрзя»); *šešdes'at domov kadovs'ε vel'esen'ε* («Шестьдесят домов осталось в селе»); *kal pek vanctit' mińek ĩpsovhossost' kundatadiž štraf* («Рыбу (возможно — мн. числа) очень сторожат в нашем рыбсовхозе, поймают — штраф») (с. Лопатино). Морфема определенности **-s'**, утвердившаяся в сфере номинатива, в этих говорах проникла в форму косвенных падежей через генитив и не одна, а вместе с другим формантом **-t'**, образуя с последним новую морфему определенности **-št'**, ставшую грамматическим средством выражения определенности в косвенных падежах указательного склонения по линии единственного числа. Особенностью данной морфемы является то, что в генитиве она синхронно флективна: выполняет артиклевую и генитивную функцию, в остальных падежах только артиклевую⁷. По данным Л. И. Тураевой, говор с. Мордовское Афонькино, имевший в указательном склонении морфему определенности **-ńt'**, как и в говорах группы I исследуемого ареала, сохранил до настоящего времени формант **-št'ε**, однако он употребляется спорадически⁸. О спорадичности употребления форманта **-št'** в говорах с. Лопатино и Сускан нельзя сказать. Здесь, напротив, морфема **-ńt'** менее активна. Это говорит о том, что у

первопоселенцев этих мест была в речи для указательного склонения морфема определенности **-stʃ**, которая сохранилась и при изолированном развитии говора. Однако тесные контакты с жителями соседних сел (с жителями с. Новое Еремкино, Красная Дубрава, Узюково, Матюшкино Ставропольского района Самарской области и т. д.) способствовали, по-видимому, появлению в речи носителей этих говоров морфемы определенности **-ntʃ**.

Тип указательного склонения с морфемой определенности **-stʃ** имеет соответствия в большеигнатовском⁹, приалатырском диалектах¹⁰ и частично в говорах верховья реки Черемшан Республики Татарстан¹¹, а также в эрзянских говорах Шенталинского района Самарской области.

Для говоров, имеющих парадигму III (с. Верхнее и Нижнее Санчелеево, Узюково Ставропольского района и Новая Бинорадка Красноярского района Самарской области), характерно следующее: 1) отсутствие единой для всех падежей морфемы определенности — в номинативе **-s**, в косвенных падежах **-tʃ-ntʃ**; 2) флективность генитива — формант **-tʃ** одновременно выполняет функцию определенного артикля и морфемы падежа; 3) отсутствие аффикса **-n** перед **-tʃ** и его наличие. Употребление этих формантов в речи носителей данных говоров в косвенных падежах никакими языковыми факторами не регламентируется, сравните: *čorañeñdʃe moñs šormat šormadan alfajeñtʃsodasa* («Сыну-моему я сама письма пишу, алфавит-этот знаю»); *čorañetʃuskʃiz bolʃiicav* («Мальчика этого отвезли в больницу») (с. Верхнее Санчелеево). Формы генитива и датива однотипны с мокшанскими формами. Однако синтетические падежные формы инессива (*velʃetʃsa* «в селе-том»), абессива (*velʃetʃtima* «без села-этого») и каузатива (*velʃetʃksa* «из-за села-этого, за это село») выработались под влиянием соседнего эрзянского населения.

Говоры, обладающие парадигмой IV (с. Подстепки Ставропольского района, Шелехметь и Торновое Волжского района Самарской области), диахронно имеют мокшанскую основу. Определенность предмета выражается с помощью тех же суффиксов, что и в других мордовских диалектах и говорах, а также в литературных языках, но падежная система в них в количественном отношении разительно отличается. Подобно эрзянскому языку парадигма IV строится на основе девяти падежей, в мокшанском языке — на основе трех падежей. Формы номинатива, генитива, датива здесь совпадают с формами мокшанского литературного языка. Остальные падежи — инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив — имеют такие же формы, как и в эрзянском языке. Своеобразием парадигмы IV типа является то, что формы косвенных падежей, начиная с аблатива, образуются на основе датива. Непосредственно к форманту датива указательного склонения присоединяются соответствующие падежные морфемы: *valʃnatʃ-da* «об окне-этом», *valʃnatʃ-sa* «в окне-этом», *valʃnatʃ-sta* «из окна-этого», *valʃnatʃ-ge* «по окну-этому», *valʃnatʃ-ška* «с окно-это». Исключение составляет абессив, падежный суффикс которого присоединяется к генитиву того же склонения, сравните: *valʃnatʃ-ftama* «без окна-этого». Отметим, что подобные образования зафиксированы К. И. Ананьиной в верхнеалатырских говорах Горьковской области¹². Интересно, что в указательном склонении в говорах IV типа есть форма каузатива, образующаяся на основе датива: *valʃnatʃ-i-hksa* «из-за окна-этого»; *viitʃ-ksa* «из-за леса-этого».

Самой логичной падежной парадигмой единственного числа является та, в которой во всех падежах морфемой определенности является суффикс **-s/-z** (V тип).

Падежный формант в словоформах находится после морфемы определенности, как и в парадигме множественного числа. Слова легко поддаются расчленению на составные элементы, так как имеют ярко выраженный агглютинативный характер: так, генитивная форма *v'el'ežii* «села-этого», *v'itežii* «леса-этого» состоит из основы слова *v'el'e-*, *v'ir-*, указательного суффикса *-ž*, интерфикса *-i* и суффикса генитива *-ii*. В анализируемом диалектном ареале такая система характерна говорам с. Старая и Новая Бесовка, Александровка, Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, а также говорам нижнепьянского диалекта Нижегородской области. В указательном склонении оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех косвенных падежах. Формы множественного числа, как и в мордовских литературных языках, образуются с помощью двух суффиксов: универсального суффикса множественного числа *-t/-tʃ* и суффикса *-ne/-neʃ/-nə*, восходящего к указательному местоимению *-ne* «эти»: *lʃs'mat'ne* «колодцы-те», *gobikne* «погреб-те», *čorat'ne* «мужчины-те». Морфема определенности во множественном числе во всех падежах имеет в словоформе всегда постоянное место — перед падежными морфемами, характерными для основного склонения. Модель форм множественного числа указательного склонения следующая: склоняемая основа имени + суффикс множественного числа *-t/-tʃ* + морфема определенности + морфема падежа: *v'ir-t'-ne-se/v'ir-tʃne-ne-sa/viʰ-ne-ndʒ-sa* «в лесах-тех», *vile-tʃne-va/vile-tʃne-ndʒ-ge* «по селам-этим», *pia-tʃne-ška/ p̄a-tʃne-ndʒ-ška* «с голов-этих».

Б. А. Серебренников писал: «Формы косвенных падежей указательного склонения должны были бы состоять из трех основных компонентов — основы слова, постпозитивного артикля и падежного суффикса, например: *kudo-se* „дом определенный“, *kudo-se-n'* „дома определенного“, *kudo-se-nen'* „дому определенному“, *kudo-se-de* „из дома определенного“ и т. д. Однако такой порядок расположения составных частей осуществился только в формах множественного числа, ср. *kudo-t-ne* „дома определенные“, *kudo-t-ne-n'* „домов определенных“, *kudo-t-ne-stě* „из домов определенных“ и т. д.»¹³.

Проанализировав данные парадигмы, можно сказать, что система указательных суффиксов эрзянских диалектов Поволжья и Южного Урала имеет следующие структурные и морфемные особенности указательных форм:

1. В формах единственного числа внутри каждого типа, кроме V, налицо отсутствие единой модели построения словоформ: в номинативе, дативе — обычный порядок расположения морфем: склоняемая основа + морфема определенности + падежный суффикс; в генитиве, аблативе, инессиве, элативе, пролативе, компаративе, абессиве необычный порядок расположения морфем: склоняемая основа + падежный суффикс + морфема определенности или указательный суффикс.

2. Отсутствует единый детерминативный суффикс для всех падежей единственного числа, кроме V типа:

- I тип: номинатив *-s'*, генитив *-t'*, в других косвенных падежах *-n't'*;
- II тип: номинатив *-s'*, генитив *-t'*, в других косвенных падежах *-s't'*;
- III тип: номинатив *-s'*, генитив, датив, иллатив, абессив *-t'*, в других косвенных падежах (пролатив, компаратив) *-n't'*;
- IV тип: номинатив *-s'*, генитив, датив, иллатив, абессив *-t'*, в других косвенных падежах (аблатив, элатив, инессив, пролатив, компаратив, каузатив) *-t'i*;

— V тип: во всех падежах выступает один и тот же детерминативный суффикс **-s’/-z’**, восходящий к местоимению **s’e** «тот».

3. Различия между системами касаются как морфемного состава косвенно-падежных форм единственного числа **-n’t’, -s’t’, -t’, -t’i-, -s’/-z’**, так и их структуры: обычные или нормальные и необычные или аномальные.

Таким образом, в анализируемом диалектном ареале, наряду с кодифицированным сложным детерминативным суффиксом **-нтъ** в косвенных падежах единственного числа (*вир-де-нтъ* «о лесе-этом», *вирь-стэ-нтъ* «из леса-этого») нами зафиксированы:

— сложный указательный суффикс **-s’t’**, где плеонестически переплелись два дейктических суффикса **-s’** и **-t’** (*v’ir’-se-s’t’* «в лесу-этом», *v’ir’-ga-s’t’* «по лесу-этому») и т. д.;

— суффикс **-t’**, который характерен мокшанскому литературному языку, а также некоторым эрзянским говорам юго-восточного диалекта, в которых наличествуют мокшанские языковые элементы (с. Шугурово, Пермиси Большеберезниковского района; с. Сабаево, Качелай Кочкуровского района Республики Мордовия; с. Вышелей Городищенского района; с. Пазелки Бессоновского района; с. Чумаево Камешкирского района Пензенской области; с. Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка Северного района; с. Пронькино, Шестайкино, Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области и т. д.), сравните: *v’ir’-t’* «леса-этого», *v’ir’-t’-i* «лесу-этому» и т. д.;

— суффикс **-t’i-**, образованный на основе мокшанского датива (*v’ir’-t’i’sa* «в лесу-этом», *v’ir’-t’i-sta* «из леса-этого», *v’ir’-t’i’g’e* «по лесу-этому») зарегистрирован в говорах с. Шелехметь, Торновое Волжского района и с. Подстепки (бывшая Мордовская Борковка) Ставропольского района Самарской области, а также sporadически в верхнеалатырьских говорах Нижегородской области;

— суффикс **-s’/-z’-**, который характерен говорам с. Александровка, Старая и Новая Бесовка, Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, в говоре с. Багряж Никольское Альметьевского района Республики Татарстан, а также некоторым говорам нижнепьянского диалекта Нижегородской области (*v’ir’-e-z’-i-n’* «леса-этого», *v’ir’-e-z’-n’e* «лесу-этому», *v’ir’-e-z’-d’e* «о лесе-этом» и «из леса этого» и т. д.). Самым логичным и, возможно, самым древним является V тип, где структура словоформ с указательным суффиксом единственного и множественного числа была единой: основа слова + указательный суффикс + падежный суффикс, какими и должны были бы быть формы косвенных падежей единственного числа указательного склонения по предположению Б. А. Серебренникова.

Условные обозначения

- д. форма — диалектная форма
э. лит. — эрзянский литературный

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969. С. 126 — 134.
² Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1943. S. 392.

³ Ibid. S. 402.

⁴ См.: Грамматика мордовских языков : Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. С. 220.

⁵ См.: **Деваев С. З.** Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 341.

⁶ См.: **Бубрих Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. С. 79 — 80.

⁷ См.: **Цыганкин Д. В.** Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск, 1978. С. 22.

⁸ См.: **Тураева Л. И.** Фонетико-морфологический очерк эрзянских говоров верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя (Татарская АССР) // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1972. С. 34. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 42).

⁹ См.: **Давыдов М. М.** Большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. 2. С. 158 — 160.

¹⁰ См.: **Марков Ф. П.** Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Там же. 1961. Т. 1. С. 43.

¹¹ См.: **Тураева Л. И.** Указ. соч. С. 34.

¹² См.: **Ананьина К. И.** Верхне-алатырские говоры мокшанского языка : автореф. дис. на соик. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1974. С. 13.

¹³ **Серебренников Б. А.** Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. С. 45 — 46.

Поступила 02.09.2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.152

A. M. Katorova
A. M. Katorova

НЮАНСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (ОПЫТ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ А. АРАПОВА «В ЭТОМ ГОРОДЕ ИЗ ПЕНЫ...»)

NUANCES OF FICTION TEXT (EXPERIENCE OF THE ANALYSIS OF THE POEM BY A. ARAPOV «IN THIS TOWN OF FOAM...»)

Ключевые слова: анализ, идея, художественные средства изобразительности, интерпретация, лексический состав, лирический герой, композиция, проблематика, стихотворение, строфа, тема, философская лирика.

В статье с учетом современных тенденций развития литературоведческой науки анализируется стихотворение мордовского поэта А. Арапова «В этом городе из пены...», в котором через душевные переживания лирического героя передается восприятие общественной атмосферы в России 1990-х гг. Основное внимание уделяется интерпретации скрытых смыслов, установлению функций использованных автором художественных средств.

Key words: analysis, idea, artistic means of description, interpretation, the lexical structure, lyrical hero, composition, perspective, poem, verse, theme, philosophical lyrics.

The poem «In the town of foam...» by Mordovian poet A. Arapov, in which the perception of public atmosphere in Russia of the 1990s is taking into account through emotional experiences of lyrical hero, is analyzed in the article according to modern trends in literary criticism. Main attention is paid to the interpretation of implicit meanings, the identification of functions of artistic means used by the author.

Александр Васильевич Арапов (1959 — 2011) — яркий, многогранный и самобытный поэт, из-под пера которого вышли пять сборников стихов. Поэт одинаково талантливо создавал свои стихи на эрзя-мордовском и русском языках, о чем свидетельствует признание его творчества не только на общероссийском, но и на международном уровне. Стихи А. Арапова, написанные на русском языке, опубликованы в сборниках стихов современных поэтов в г. Москве, Самаре, Санкт-Петербурге, Саранске и других; в переводах на финский, эстонский и венгерский языки — в г. Хельсинки, Таллинне, Будапеште.

Основной целью нашей статьи является осмысление одного из наиболее репрезентативных стихотворений «В этом городе из пены...»¹, которое в силу своей специфики требует глубокого погружения в текст и в котором достаточно ярко проявилось индивидуально-авторское своеобразие лирики поэта. Стихотворение во многом отображает авторские ценностные ориентиры, его жизненный опыт, обнаруживает творческую манеру, передает в определенной мере атмосферу эпохи. Используемые поэтом словесные формулы, так называемые текстовые знаки, передают тончайшие нюансы душевных волнений и вместе с тем обуславливают недосказанность, приглашают читателя к сотворчеству.

Широкие круги читателей имели возможность познакомиться с анализируемым произведением в 2001 г. после выхода в свет сборника стихов «Взмах», вобравшего в себя русскоязычную лирику поэта 80 — 90-х гг. XX в. Стихотворение «В этом городе из пены...» отличается особым драматизмом мироощущения, обусловленным глубокими общественными изменениями, утратой духовности и своеобразным нравственным тупиком, в котором оказались современники поэта в 1990-е гг. Произведение относится к философской лирике, ему присущи глубина размышлений, лаконичность выражения и емкость мыслей, многозначность образов, аллегоричность, исповедальность, эмоциональная насыщенность, пронзительность лирического переживания. На основе сказанного жанр стиха можно определить как элегию.

Проблематика рассматриваемого стиха нравственно-эстетическая, поскольку на первый план выступает передача чувств лирического героя — поэта, остро реагирующего на все негативные явления жизни. В данном контексте особую актуальность приобретает известная поэтическая формула Е. Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт»: воистину «в ней суждено поэтами рождаться лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства, кому уюта нет, покоя нет»². Необходимо сказать о том, что тема поэта и поэзии в стихотворении А. Арапова не лежит на поверхности и в итоге она — не главная в тексте. О ней читатель догадывается по характеру мировосприятия лирического героя и по отдельным штрихам, своего рода намекам, например: *Так отчаянно молчишь?; Что ни слово — словно лепет, / До глагола, запятой...; Скрыться, спрятаться, закрыться / В память, в общую тетрадь. / Притаиться, отмолчаться...* Первостепенной задачей автора является трансляция обусловленных насущными проблемами чувств безысходности, тоски, печали, щемящего одиночества, решению которой подчинено содержание преобладающей части стихотворения (пять из шести строф — октав). В каждой строчке, в каждом звуке уже первой строфы ощущается крик души лирического героя:

В этом городе из пены	Глупой мухой в паутине
Потаканья и холуйства	Ждешь чего-то вроде смерти —
Что ты ходишь так печально,	Вроде счастья — и хрипишь
Так отчаянно молчишь?	[Арапов, с. 7].

Автор достигает этого в основном за счет подбора лексики, изобразительно-выразительных средств языка, поэтического синтаксиса и звукописи. Сочетание эмоционально-окрашенной просторечной, разговорной лексики (*отчаянно, глупой мухой*) с устаревшей (*потаканья, холуйства*), употребление неожиданных метафор (*город из пены потаканья и холуйства; отчаянно молчишь; ждешь и хрипишь*)

и сравнений (*глупой мухой в паутине ждешь*) придают произведению драматическое звучание и обуславливают гневно-сатирический пафос. Такое восприятие передаваемых поэтом эмоций усиливает наличие аллитерации (повтор звуков *ч, ш, х*), создающей ощущение хрипов, вздохов, стонов, а также градации (*ходишь, молчишь, ждешь, хрипишь*). Метафора *город из пены потаканья и холуйства* заставляет задуматься над средой обитания и окружения лирического героя, в которой на поверхности — попустительство, потворство недозволенному и предосудительному, раболепие, угодничество, низкопоклонство, отсутствие человеческого достоинства, проявление подлости ради достижения своих корыстных целей. В этих условиях срывает инстинкт самосохранения, и человек, не безразличный к происходящему, лишь *ходит печально и отчаянно (предельно напряженно) молчит*. Критичное отношение к собственной персоне, отнюдь не героической (*кулаком уже не стукнешь*), передается при помощи сравнения себя с запутавшейся в паутине *глупой мухой*, которая *ждет чего-то вроде смерти — вроде счастья* и хрипит.

Вторая строфа еще больше нагнетает эмоции:

В этом городе постылом,	И летит твой день тревожный,
В этом городе усталом	Весь продутый, весь порожний,
Хрустнешь веточкой и вздрогнешь:	Серый, пасмурный, ничтожный —
Неужели — только т а к?	Пятачок-молчок, пустяк... [Там же].

Передаче чувств лирического героя во многом способствует обилие эпитетов: *город постылый, усталый; день тревожный, продутый, порожний, серый, пасмурный, ничтожный*. В приведенном отрывке обращает на себя внимание редко употребляемое в современной речи слово «постылый», с ярко выраженной негативной, иронической окраской, обозначающее «нелюбимый, надоевший, вызывающий к себе неприязнь, отвращение». Подобное восприятие города, в котором живет лирический герой, обусловлено отрицательным отношением к общественной атмосфере, отображенной в предыдущей строфе, препятствующей созиданию. Оттого и пролетающие дни *продутые, порожние, ничтожные, пустяшные*. Следует сказать о том, что эпитеты, используемые со словом *день*, группируются по степени возрастания эмоционально-смысловой значимости и выполняют оценочно-экспрессивную функцию. Наряду с этим подчеркнем в данной строфе ключевую фразу: *Хрустнешь веточкой и вздрогнешь: / Неужели — только т а к?* Здесь значимо, наполнено важной смысловой нагрузкой все: и сама метафора, и риторический вопрос, и графическая разбивка, разрядка последнего слова «так». Так не должно быть, человек не должен бояться совершать поступки, говорить правду, высказывать открыто свое мнение и отношение к окружающему, творить, делиться сокровенными мыслями с окружающими, с читателем.

Мысль о том, что изображенная атмосфера препятствует развитию творчества, выражена в третьей строфе:

И подробен каждый выдох,	... И прекрасен в полусвете,
И смиренен каждый трепет,	В полумраке, в полумиге
Что ни слово — словно лепет,	Детский сон в глухой деревне,
До глагола, запятой...	Там, где купол золотой [Там же].

Смиренность, так же, как и вся атмосфера в городе, мешает творцу, что очень удачно подчеркнута сравнением (*что ни слово — словно лепет, / До глагола, занятой...*). На этом фоне вполне уместной представляется ретроспектива, обращение лирического героя к детским годам, проведенным в сельской местности. При этом сравнение города с «глухой» деревней отнюдь не в пользу первого. Деревня с золотым куполом, несмотря на полутона (*в полусвете, в полумраке*), воспринимается лирическим героем как нечто прекрасное.

В следующих двух строфах стихотворения продолжена эмоциональная характеристика города и представлена рефлексия лирического героя. Употребленные поэтом эпитеты (*в городе невзрачном, где плебейские ухмылки и холопские усмешки*) и метафоры (*доживать нелепый век; где проклят каждый божий одуванчик; закончится твой бег*) не только создают ощущение тоски и безысходности, но и обуславливают сатирико-драматический пафос. Передаче саркастического восприятия действительности способствуют устаревшие слова «плебей» и «холоп», содержащие намек на рабскую психологию и безнравственность, а также выражение *проклят каждый божий одуванчик*. Божьим одуванчиком принято называть тихого и слабого, обычно старого человека. О каком нравственном здоровье общества можно вести речь, если в нем проклинают пожилых людей? Рефлексия, удачно выраженная поэтом при помощи сравнения (*жил — как будто перед взмахом*) и метафоры (*жил на после, на потом*), приводит лирического героя к безрадостному выводу о том, что он не познал подлинного счастья (*лишь прожилками знакомо счастье тихое, чужое — отвернешься, как увидишь взгляд в автобусе «шестом»*).

Заключительная, шестая строфа содержит в себе трансляцию философского восприятия мира. Именно здесь выражена основная идея стихотворения *И... влюбиться в этот город перед тем, как умирать*. Поэт утверждает, что жизнь прекрасна и удивительна, но, к сожалению, мы слишком поздно это понимаем.

Итак, А. Арапов в анализируемом стихотворении выступает как поэт-философ, использующий немалый арсенал поэтических средств, как продолжатель литературных традиций и как талантливый новатор.

Библиографические ссылки

¹ Арапов А. В. Взмах : стихи. Саранск, 2001. С. 7 — 8. Далее ссылки в тексте: [Арапов, с.]

² Евтушенко Е. А. Молитва перед поэмой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evtushenko.net/051.html> (дата обращения 17.10.2011).

Поступила 28.10.2011 г.

УДК 141.2:811-1(470.345)

И. В. Бурносова

I. V. Burnosova

ВЛИЯНИЕ НАТУРФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ НА ПОЭЗИЮ МОРДОВИИ*

THE INFLUENCE OF NATURAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS ON THE POETRY OF MORDOVIA

Ключевые слова: национальная поэзия, природа, философия, пейзаж.

В статье рассматривается влияние натурфилософских концепций на развитие пейзажной лирики в поэзии Мордовии.

Key words: national poetry, nature, philosophy, landscape.

The influence of natural and philosophical concepts on the development of landscape lyrics in the poetry of Mordovia is considered in the article.

Одной из основных задач современной литературы является пробуждение в читателе эстетических чувств и умений, в числе которых — способность наслаждаться красотами окружающего мира, принимать их и соединять со своим сознанием. Особое разнообразие природно-философских концепций прослеживается в сравнительно молодых национальных литературах народов России, еще не утративших непрерывную жажду творческого поиска, стремление к переосмыслению достижений русской классики и воплощению их в своеобразном, национальном аспекте. В наибольшей степени это относится к литературе Мордовии, менее чем за сто лет прошедшей значительный путь развития и характеризующейся богатым жанрово-родовым спектром и разнообразием методов индивидуализации образов и тем.

Проблема человека и природы в творчестве поэтов Мордовии с учетом ее нравственно-философского и социально-исторического осмысления неоднократно затрагивалась литературоведами, такими как В. В. Горбунов¹, Н. В. Зиновьев² и др. Однако этот вопрос до сих пор остается недостаточно проясненным: во-первых, не четко сформулированы концептуальные положения литературоведения в Мордовии и теоретико-методологические позиции национальной литературоведческой науки; во-вторых, натурфилософские концепции активно развиваются и обогащают творчество современных поэтов, чьи произведения еще не стали объектом пристального внимания со стороны науки. Тем не менее необходимость обстоятельного изучения такого явления, как поэтическая натурфилософия в национальной литературе, продиктована закономерностями развития литературоведения, прогрессирующим упрочением интеграционных связей литературы и философии, а также непрерывностью эволюции литературного процесса Мордовии. В качестве начальной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 — 2013 гг., гос. контракт № П660.

формы натурфилософской поэзии выступает пейзажная лирика, которая является средством целостного постижения не столько самой природы, сколько национально-художественного мышления представителей литературы разных народов. Поэтому весьма интересно путем анализа конкретных поэтических текстов проследить воплощение устойчивых натурфилософских мотивов, характеризующих поэзию Мордовии.

Зарождение мордовской литературы (конец XIX — начало XX в.) было связано в первую очередь с лирикой, в которой значительное место занимал пейзажный пласт. Поэзия Мордовии раннего этапа во многом опиралась на фольклорные мотивы, ведущим из которых был мотив воспевания природы, а также на достижения русской пейзажной лирики. В сочетании с непрерывным поиском новых средств выражения эти составляющие обуславливали эмоционально-приподнятую поэтизацию природы. Пейзажная зарисовка являлась одним из основных жанров творчества поэтов довоенной эпохи. Особое развитие она получила в творчестве М. И. Безбородова, Я. П. Григошина, З. Ф. Дорофеева, И. П. Кривошеева, Д. Морского.

В 1920-е гг. поэты с максимальной точностью пытались передать природные явления с помощью ритма, цветописы и звуков. Часто звуковые образы, выходя на лидирующие позиции, вытесняли смысловые конструкции текста, заменяя их имитацией звуков природы, звукоподражательными междометиями, дополненными стихотворным ритмом:

Виснет в безмолвии
Туча угрюмо:

„Чифкь“ — вспышки молний,
„Цяр-рр“ — удар грома³.

В начале 1930-х гг. поэты стремились через осмысление природы родного края передать состояние человека, почувствовать его эмоциональный настрой: «...поэты стремятся через картины природы передать настроение, подметить то новое в чувствах крестьянина, что рождено изменениями его жизни»⁴. Природа сливается с душой лирического героя, становясь проводником его чувств и желаний:

Ивы в росах
Моют косы.
Всюду — благодать...⁵

На рубеже 20 — 30-х гг. XX в. в поэзии Мордовии, как и в русской лирике, господствовала тема тесной связи человека и его трудовой деятельности с природой. Например, стихотворения «На лугу», «Рожь», «Осень» М. И. Безбородова сочетают в себе детальное описание трудовых процессов с задушевностью лиризма. Такой подход позволяет целостно охватить детали из жизни людей в их философском многообразии:

А у леса, а у леса —
Звон летящих кос.

Песня эта — песня лета
Дорога до слез... [Безбородов, с. 53].

Ж. А. Конакова писала: «Почти в каждом стихотворении Безбородова огромное место уделяется картинам родной природы, пейзажам живописного мордовского края,

которые обычно выступают не только как фон для выражения лирического чувства, но и органически вплетаются в композицию стихотворения, без чего нельзя высказать переживания и создать эмоционально окрашенный образ. Дружный труд людей — как завершающий аккорд всего идейного и интонационно-эмоционального содержания стихотворения»⁶.

К середине 1930-х гг. в поэзии Мордовии постепенно сформировалось отношение к природе как к другу и союзнику человека. Необходимо отметить, что лирический герой на данном этапе не индивидуальный человек, а некий обобщенный образ, чувства и действия которого характеризуют широкий круг лиц. В итоге в стихах еще мало личных, индивидуализированных переживаний, а образы тяготеют к обобщению. В целом картины природы в творчестве поэтов Мордовии периода зарождения мордовской поэзии отличаются лаконичностью, яркой образностью и обобщенным эмоционально-психологическим подтекстом, нередко перекрывающим изобразительную ценность произведения. Пейзажная лирика этого периода характеризовалась стремлением к демонстрации и четкой обрисовке деталей. Этому способствовал прием перечисления:

Ветра осеннего бурный порыв	Холодом веет от серой реки.
Вывернул ветви повисшие ив.	Клены задумались, как старики... ⁷

В военные годы тема природы тесно переплеталась с гражданско-патриотической тематикой. В. В. Горбунов по этому поводу писал: «Поэты прибегают к пейзажной лирике для более полного и впечатляющего раскрытия внутренних переживаний лирического героя, кровной привязанности его к родине»⁸. Следует отметить, что при этом заметно усиливается степень индивидуализации лирического героя. Проникновенностью и смысловой концентрацией в это время выделялись стихотворения А. К. Мартынова, Никула Эркай, М. А. Бебана, Артура Моро, П. С. Кириллова и др. Несмотря на стремление поэтов к натурализму, произведения данного периода характеризуются оптимистическим пафосом восприятия жизни.

В послевоенные годы тема природы в творчестве мордовских поэтов стала средством выражения духовной связи между представителями разных национальностей. Так, в стихотворении «Чувашский мотив» (1958) Никул Эркай подчеркнул общность двух культур на фоне сходства природного ландшафта:

Одинаково желанны	И лазурные туманы,
И румяный небосклон,	И листвы зеленый звон... ⁹

В ряде случаев природный образ настолько слит с личностью лирического героя, что их чувственно-эмоциональные миры становятся взаимно проницаемыми. Человек — часть природы, но и природа в некотором роде является его частью. Особенно четко эта мысль прослеживается в стихотворениях «Мой светлый край» и «Тучке жаль с тобою расстаться...» А. К. Мартынова, например:

Люблю тебя, моя природа,	От милости и до напасти.
Всегда, в любое время года.	С тобою то трудней, то легче
Все-все в твоей великой власти:	Но вся ты — в сердце человечьем... ¹⁰

Следует отметить, что роль природы в жизни человека постепенно изменялась. Помощь природных сил человеку на данном этапе заключалась в предоставлении ему творческой энергии, вдохновения. Природа помогала отвлечься от житейских проблем, учила гармонии отношений с окружающими, терпению, упорству в достижении цели. В стихотворениях поэтов Мордовии 1940 — 60-х гг. звучит мысль о том, что человек еще не сумел до конца изучить природу и себя в ней. Укоренялась мысль о том, что интенсивно развивающаяся цивилизация не может превзойти природу, осознавая при этом свою сопричастность с ней.

Необходимо отметить, что вплоть до второй половины 1960-х гг. натурфилософское мироощущение не являлось ведущим в поэзии Мордовии. Тему человека и природы часто оттесняли темы коллективизации, социалистического строительства и т. д., непосредственно связанные с духом времени. Тем не менее пейзажная лирика, являясь по сути «вечным» литературным жанром, продолжала развиваться, изыскивая новые концепты. От оптимистических мотивов 1940 — 60-х гг. пейзажная лирика Мордовии постепенно перешла к реалистическим картинам, наполненным глубоким философским содержанием. По словам В. В. Горбунова, начиная с 70-х гг. XX в. пейзажная лирика занималась постижением гармонии природы и ее внутреннего смысла: шла «от частного к общему, от конкретной картины до широкого художественного обобщения»¹¹.

М. Н. Эпштейн писал, что «для поэзии 60 — 80-х годов характерно представление о природе как о высшей мере вещей, которой человек должен мерить и самого себя. Человек вырастает из своей бессознательной природы, чтобы потом дойти до нее уже сознательно и творчески»¹². Таким образом, поэт рассматривал своего героя как порождение природы, живущее по ее законам. Параллельно шло рассмотрение природы как источника бодрого духа поэзии, питающего поэтическое чувство. Природа в эти годы стала основным явлением в творчестве В. А. Гадаева, И. Н. Кудашкина, И. Д. Пиняева, А. П. Тяпаева и других поэтов Мордовии. Однако характер восприятия природы зависел от индивидуально-творческого сознания автора. Так, И. Д. Пиняев представлял ее в виде огромной одушевленной субстанции, способной устанавливать интуитивную связь с человеком («Ива», «Деревья», «Почки вновь в саду стреляют...» и т. д.). Природа выступала помощником человека, предупреждая его об опасности:

Нынче ни звезды на небе мгlistом,
Оглушает вьюга буйным свистом,

В окна ветер яростно стучится:
Мнится, что-то страшное случится...¹³

Эмоциональным размышлениям И. Д. Пиняева противопоставлены красочные, но спокойные картины в стихах В. А. Гадаева. В его лирике господствуют точность и ясность чувства, естественность и полнота выражения мысли. Большинство его стихи предметны, представляют собой цепь перечислений и нанизываний. Тем не менее они искренны и характеризуют особенности мировоззрения их автора, нередко являясь зеркалом его настроения:

Поле. Звезд мерцанье. Чутка ночи тень.
Светлое молчанье спящих деревьев.

Выйдешь на дорогу, глянешь, помолчишь.
Слышится далеко в эдакую тишь...¹⁴

Глубокая метафоричность окружающего мира лежит в основе авторской концепции философии природы И. Н. Кудашкина. Лаконичные строфы позволяют полностью раскрыть гамму чувств лирического героя в коротком стиховом отрезке. Примечательно, что вызываемые природой в человеке чувства: легкая грусть, беспричинная радость, счастливое волнение показаны через сложную систему образов. Внешне изобразительные стихотворения И. Н. Кудашкина наполнены глубокими философскими размышлениями. Через природу поэт слышит человеческие мысли («Родному краю», «Утешитель сердца, мой лесок» и др.). Н. В. Зиновьев отмечал, что «лирический герой И. Н. Кудашкина ведет себя не только как хозяин над природой, но и как заботливый сын, любящий свою мать-природу. Эта мысль сквозной идеей проходит через все его творчество»¹⁵, например:

Трубят к отлету журавли, Еще в кустах таится сумрак, А там, над благостью полей,	Их строй — как вышивка, рисунок Мокшанки, матери моей... ¹⁶
--	---

С конца 1980-х гг. в стихах мордовских поэтов начала звучать мысль о беззащитности природы перед алчностью человека. Все четче вырисовывалась концепция природы-матери, подразумевающая, что человек должен уважать и заботливо оберегать ее. Самые светлые чувства — любовь, гармония, счастье, патриотизм — в указанный период продолжали ассоциироваться с природным миром:

Всем, всему живущему — свободу! Утверждает так природа-мать. Не стремитесь покорять природу, Вы ее учитесь понимать... [Пиняев, с. 71].	Всех земля возьмет в объятия, Были — и не будем. Не забудьте, что вы братья, Лютики и люди ¹⁷ .
--	---

К концу XX в. человек стал ощущать себя важным звеном природы, ее необходимой частью. Новая философия пейзажа была обусловлена целым рядом внешних факторов: «во-первых, это расширение масштабов образного видения природы; во-вторых, обострение экологического сознания; в-третьих, возвышение природы на фоне кризисных, застойных явлений общественной жизни, как вековой правды, не зависящей от исторических коллизий»¹⁸. Природа располагает человека к раздумью о вечном. Во многих стихотворениях В. М. Юдиной пейзажная зарисовка преобразуется в ненавязчивое руководство к жизни, например:

А честно говоря, и нам пора На мир взглянуть светлей и проще.	Остановилась осень у двора, Последний рыжик затерялся в роще... ¹⁹
--	--

Мудрость природы, ее многовековой опыт обуславливают ее незаменимость в качестве наставника, утешителя, старшего товарища. Поэт Е. Е. Носов не скрывает, что именно у природы он заимствует нежность и радость, которыми впоследствии обогащает эмоционально-чувственную палитру своих стихотворений, например:

Мне сок березы жажду утолял, А крепости учили вяз и дуб.	Я нежность, мудрость у природы брал, Но никогда с природой не был груб... ²⁰
---	--

Многозначительна последняя строка. Читателю стоит задуматься о том, что природа не только оберегает человека от ошибок, но и сама нуждается в защите. Данное отношение к природе стало краеугольным камнем философских размышлений. Похожее отношение к природному миру развивается в творчестве другого поэта последних десятилетий — Ю. Б. Скрипкина (сборник «Долина жизни», 2005). Здесь природа помогает герою стать личностью, учит задумываться. В стихотворениях «Долина жизни», «Перед весной», «Сенокос» и многих других жизнь — отражение природы, выходящее из нее и в точности ее повторяющее.

В стихотворениях К. В. Смородина «Земля в летаргическом сне», «В самолете», «Время вновь обрело очертанья...» и других, наряду с изображением человека как порождения природы, появляется другая точка зрения. Следуя ей, природа является порождением человека, отражением психологических изменений в его сознании:

Черный лес, красных листьев метанья
Только срез моего состоянья...²¹

Стремление четко обозначить равноправие человеческого и природного миров обусловило разнообразие природно-философских мотивов в полужанровых стихотворных эскизах Н. А. Борисова, в эмоционально-экспрессивных миниатюрах С. Ю. Сеничева и в других произведениях современных поэтов Мордовии. Специфика природных образов, преломление среднерусского и экзотического пейзажей, а также опора на древние концепции — все это делает натурфилософскую лирику поэтов Мордовии достаточно оригинальным литературным явлением.

Многие исторические этапы развития натурфилософской мысли в общих чертах можно проследить и в развитии поэзии Мордовии. Так, античная концепция, сводящаяся к представлению природы в качестве мудрого разума, которому человек должен слепо подчиняться для его же блага, проявляется в поэтических мотивах, имеющих фольклорную основу (творчество З. Ф. Дорофеева, М. А. Бебана, И. Д. Пиняева и др.). Сюда же можно отнести тенденцию к «обожевлению» природы, характерную для натурфилософии эпохи Возрождения. Наделение таких образов, как солнце, месяц, ночь, день — некой злой или доброй сверхъестественной силой, свидетельствует о сохранившихся элементах языческого мировоззрения («Песнь солнцу» М. А. Бебана).

Начиная с 1970-х гг. наибольшее распространение в поэзии Мордовии получила натурфилософская концепция идеализма. Ее сущность сводится к тому, что природа вторична по отношению к человеческому сознанию. Эта позиция прослеживается в творчестве П. С. Кириллова, К. В. Смородина, Н. А. Борисова и других поэтов. Современная поэзия Мордовии предлагает свое учение, основанное частью на фольклорных истоках, частью на переработанных концептах идеалистической философии, частью на обострении экологического сознания, выработанного в последние десятилетия. Программой своего творчества это учение сделал, в частности, А. Н. Терентьев:

Нам всем природа — мать.
Во много раз трудней

С ней просто вровень встать,
Чем царствовать над ней... [Терентьев, с. 144].

Однако затруднительно говорить о единой концепции для всей поэзии Мордовии. Сложность заключается в индивидуальном своеобразии стиля каждого конкретного поэта, но возможно выявление некоего сверхаспекта, по своим характерным особенностям представляющего собой совокупность всех произведений поэтов Мордовии, объединенных общей тематикой и проблематикой.

М. Н. Эпштейн, рассматривая национальную поэзию в качестве целостного явления, писал о возможности выделения «устойчивых мотивов, которые выходят за рамки индивидуально-авторского сознания и принадлежат поэтическому сознанию всего народа, характеризуют его целостное восприятие природы»²². Наиболее устойчивыми мотивами, характеризующими поэзию Мордовии, являются растительные и анималистические образы. Значительная роль среди растений в лирике принадлежит деревьям, что обусловлено спецификой местной природы, фольклорной традицией и земледельческим укладом жизни мордовского народа. Каждое дерево имеет свое символическое значение: сосна — царица леса, ассоциируется с гордой и красивой девушкой («Утро на Суре» П. С. Кириллова); ива — со скромной и всегда печальной девушкой («Плакучие ивы» А. К. Мартынова); липа, черемуха и сирень являются ароматными спутниками влюбленных пар («Липы» Ю. Б. Скрипкина, «Под черемухой» М. А. Бебана); березы — ласковые утешители в житейских невзгодах («Березка» А. П. Тяпаева, «Березки» Е. Е. Носова, «Березы белой подвечность платья...» В. М. Юдиной). Деревья средней полосы России многократно воспевались поэтами Мордовии. Южные деревья вплоть до последних десятилетий не затрагивались («Пальма» Ю. Б. Скрипкина, 2003). Образы деревьев в основном напоминают лирическому герою о родных и близких, где бы он ни встретил их — в Мордовии или в Крыму:

В людской толпе, среди жары,	А словно с берегов Суры
Они [ивы] совсем не горожанки,	Сюда попавшие эрзянки... ²³

Образы животных несколько уступают растительным образам по многообразию и частоте употребления. Чаще всего они используются для выражения гуманистического отношения человека к природе. В основном животные изображаются в своей естественной среде, человек же выступает как восхищенный созерцатель («Жаворонок» Дмитрия Морского, «Ночной крик перепелки» В. А. Гадаева). Иногда человек выступает в роли злодея. Например, в стихотворении «Лось» Никула Эркая, красивый, гордый хозяин леса — лось может быть уничтожен единственной пулей, выпущенной из ружья человека:

Скорей бы молнию литую,	Как на себя ни негодую
В лесную кинуть темноту!	Убить земную красоту...
Нет! Видно, мне невоготу,	[Эркая, с. 105].

Итак, натурфилософские концепции различных временных эпох в поэзии Мордовии расширяли ее эстетические и дидактические возможности, помогая читателю осмысливать красоту окружающего мира, прочувствовать его ценности. Благодаря лирической натурфилософии поэзия получила возможность выступать выразителем

доминант этноса, составляющего среду развития мировоззренческой системы человека, более обстоятельно познать закономерности развития природного мира в силу приближенности изображаемого к окружающей реальности.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Горбунов В. В.** Пoesия — душа народа : О становлении, развитии и современном состоянии мордовской поэзии. Саранск, 1973. 295 с.
- ² См.: **Зиновьев Н. В.** Человек и время. Саранск, 1994. 272 с.
- ³ **Кривошеев И. П.** С облачной выси : стих // Антология мордовской поэзии. Саранск, 1987. С. 38.
- ⁴ История мордовской советской литературы / под ред. В. В. Горбунова, Б. Е. Кирюшкина. Саранск, 1968. Т. 1. С. 45.
- ⁵ **Безбородов М. И.** На лугу : стих // Антология... С. 51. Далее ссылки в тексте: [Безбородов, с.].
- ⁶ **Конакова Ж. А. М. И. Безбородов :** Очерк жизни и творчества. Саранск, 1987. С. 48.
- ⁷ **Моро А.** Ветка дуба векового : стихи и поэма. М., 1968. С. 23.
- ⁸ **Горбунов В. В.** Указ. соч. С. 281.
- ⁹ **Эркай Н.** Живу тобою : стихи. М., 1977. С. 101. Далее ссылки в тексте: [Эркай, с.].
- ¹⁰ **Мартынов А. К.** Полынный мед : стихотворения и поэма. М., 1986. С. 9.
- ¹¹ **Горбунов В. В.** Указ. соч. С. 289.
- ¹² **Эпштейн М. Н.** Природа, мир, тайник вселенной : Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 31.
- ¹³ **Пиняев И. Д.** Мой край заветный : стихи. Саранск, 2005. С. 32. Далее ссылки в тексте: [Пиняев, с.].
- ¹⁴ **Гадаев В. А.** Дума и судьба : стихи и поэмы. Саранск, 1980. С. 7.
- ¹⁵ **Зиновьев Н. В.** Указ. соч. С. 62.
- ¹⁶ **Кудашкин И. Н.** Песни журавлиного неба : стихи. Саранск, 1980. С. 51.
- ¹⁷ **Терентьев А. Н.** Заветная звезда : избр. лирика. Саранск, 1997. С. 114. Далее ссылки в тексте: [Терентьев, с.].
- ¹⁸ **Эпштейн М. Н.** Указ. соч. С. 31.
- ¹⁹ **Юдина В. М.** Уходит лето : стих // Антология... С. 409.
- ²⁰ **Носов Е. Е.** Свидания с природой : стихи-зарисовки. Саранск, 2006. С. 3.
- ²¹ **Сморозин К. В.** Золотые шары : стихотворения. Саранск, 1990. С. 15.
- ²² **Эпштейн М. Н.** Указ. соч. С. 34.
- ²³ **Мартынов А. К.** Плакучие ивы : стих // Антология... С. 148.

Поступила 20.06.2011 г.

УДК 821-055.2(470.345)

Е. В. Зубова

E. V. Zubova

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МОРДОВИИ*

THE IMAGE OF WOMEN IN THE FICTION OF MORDOVIA

*Творчество ценностей есть творчество образов,
и если образ творчества — человек, а форма его — жизнь,
то мы должны созидать образ и подобие героя в жизни:
для этого нужна личность.*

А. Белый

Ключевые слова: женский образ, художественная литература, художественное воплощение, эмоционально-оценочный смысл, репрезентация авторской модели мира.

В статье рассматривается женский образ в художественной литературе Мордовии сквозь призму проблемы авторского видения роли женщины в обществе. В основе осмысления данной проблемы лежит эстетический аспект.

Key words: woman image, fiction, artistic expression, emotive-evaluative meaning, representation of the author's model of the world.

A woman image in the fiction of Mordovia through the prism of the problem of author's vision of the role of women in society is considered in the article. The understanding of this problem is based on an aesthetic aspect.

В исследованиях литературоведов последних лет прослеживается тенденция к обобщению жизни и творчества писателей Мордовии, в результате чего иногда происходит некритическая оценка того или иного смыслополагающего конструкта, влияющего на построение самого произведения и закладывающего наиболее важные аксиологические ориентиры, рассчитанные на читательскую аудиторию. В статье мы рассмотрим один из таких конструктов — женский образ, через который автор художественного текста оценивает в процессе вербализации замысла свое переживание, ситуацию благоприятную или неблагоприятную для самого себя и для погруженного в нее героя, репрезентируя для читателя собственное видение модели мира, которую выстраивает вымышленный человек.

Основная трудность в этом исследовательском направлении — недостаточная разработанность на региональном и российском уровне теоретической, методологической базы в осмыслении проблемы женского образа и его аксиологии в современном обществе. Особенно остро эта проблема обнаруживает себя в приближении к курсу последних лет.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-13005 а/В.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель в своей концепции пола попытался переосмыслить и раскрыть преимущества «женского жизненного принципа». Автор отмечал, что жизнь женщины — это прежде всего жизнь (потенциальной или реальной) матери¹. Следует отметить, что женский образ, его жизнь в рамках текста обусловлены социальными, эстетическими и историко-культурными контекстами бытия.

С. В. Лурье отмечала, что «...процесс кристаллизации традиционного сознания любого общества сопряжен с формированием мифологии, художественной традиции, социальных институтов и других подобных категорий»². Проецируя данный тезис на процесс становления творческой индивидуальности писателя и как следствие на формирование художественной традиции в мордовской литературе, можно утверждать, что они тесно связаны с жизненными реалиями, тем социокультурным пространством, в котором оказывался автор — писатель в тот или иной период времени. Именно поэтому в работах таких литературоведов, как А. В. Алешкин, М. И. Малькина, Н. В. Зиновьев, М. И. Ломшин и других, часто встречается мысль о «созвучии» времени, «живом отклике» на проблемы общества. В частности, А. В. Алешкин писал: «...категория творческой индивидуальности является культурным достижением, художественным средоточием социальной психологии, основных особенностей народного мышления, самосознания народа, его миропонимания и основных эстетических и художественных потребностей»³. Соглашаясь с мнением ученого, отметим, что и сам образ — это прежде всего всеобщая категория художественного творчества, присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов. Исследователь И. Б. Роднянская дополнила понятие образа: «...самый способ существования произведения, взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и значимости»⁴. Следовательно, создаваемый писателем образ — это концентрированная творческая субстанция, совмещающая в себе, с одной стороны, насущные потребности современного общества, с другой — действенный объект (в семиотическом аспекте знак, средство смысловой коммуникации) передачи энергии созидательного начала читателю.

Первой, кто раскрыла женский образ в мордовской художественной литературе XX в., была К. С. Петрова. Она написала одну из лучших пьес 20 — 30-х гг. XX в. «Ташто койсэ» («По старинке», 1933). По своему жанру пьеса относится к социально-бытовой драме, где автор раскрыл глубокий социальный смысл тех конфликтов, которые были свойственны дореволюционной России. Лиза — главная героиня драмы — протестует против старых обычаев, отстаивая свое право на личное счастье. В ее образе воспеваются красота человеческого чувства, искренность и чистота настоящей любви, за которую она бросила вызов патриархальным деревенским порядкам.

Героиня драмы П. С. Кириллова Литова описана по канонам фольклорной поэтики. Она добра, отзывчива, отважна, решительна. Героиня представлена писателем как верная дочь своего народа, для которой служение людям превыше всего. Характеристика этого образа ориентирована на народные традиции поэтизации и гиперболизации. Автор наделил Литову богатым внутренним миром, представил мужественной и мудрой предводительницей. Она оставляет родной дом, живет в атмосфере постоянной тревоги за своего любимого, всецело отдается народной борьбе.

В 1970 — 80-е гг. писатели продолжили обозначенную тенденцию к героизации отдельных образов литературных персонажей. Ученый А. И. Брыжинский в статье «Положительный герой. Каков он?»⁵ привел ряд характерных примеров создания положительных героев. К таковым он отнес главную героиню романа «Ржаной хлеб» А. К. Мартынова⁶. Хрупкая, красивая девушка Таня Ландышева — человек труда, для которого общественное дело имеет важное значение: «На ней синий, хорошо подогнанный комбинезон, в нем она даже ростом выше кажется, в темных очках, предохраняющих глаза от пыли и горячих, слепящих лучей солнца. Бело-желтые, похожие на ржаную солому волосы ее повязаны красной косынкой, на руках старые кожаные перчатки. А уж пыли кругом столько, что одни только зубы и блестят. На ее комбайне полощется по ветру алый флажок передовика уборки — держит Таня слово... Таня сердится: опять не успевают автомашины. Остановив комбайн — не высыпать же зерно на жнивье, — она хмурится, даже на носках приподнимается, вглядываясь. „Не ездят, а как ошпаренные черви ползают!“». Наконец-то над дорогой появился клуб пыли, проступили очертания машины. Таня сорвала с головы косынку, стала размахивать ею, закричала, хотя, конечно, ее и слышать-то никто не мог:

— Сюда, сюда, скорее! Не видишь — стою... Выполняй вот с такими ротозеями обязательства»⁷. Отметим, что такие примеры характерны для мордовской литературы советского периода — времени всеобщего «подъема общественного сознания». А. И. Брыжинский писал о том, что «исследуя жизнь, мордовские писатели не копируют ее, а дают глубокое художественное обобщение; в характерах героев добиваются слияния типического и индивидуального (это наиболее заметно в произведениях А. С. Щеглова, А. К. Мартынова, И. М. Девина, И. Д. Пиняева, А. П. Тяпаева)»⁸.

Период второй половины XX в. в мордовской литературе — признанное время расцвета практически всех прозаических жанров*, появление кагорты писателей, в произведениях которых заметно не только освоение опыта русской литературы, но и реализация собственных принципов изображения действительности. Так, в 1977 г. Г. И. Пинясов издал повесть «Ветецесь» («Пятый сын»)». Автор воссоздал жизнь мордовской деревни послевоенного времени, когда во многих крупных поселках республики начали появляться промышленные предприятия. Центральный женский образ произведения — бабка Аксинья, оставшаяся после войны без четырех сыновей. Ее муж погибает на работе. Женщина не замкнулась в своем горе, не отвернулась от людей. Как родного сына она приняла в свой дом квартиранта, молодого инженера из Белоруссии, приехавшего на недавно созданный в этом поселке завод. Когда парня настигла беда — травма позвоночника, грозящая неподвижностью, материнские чувства с новой силой проснулись в женщине. Образ старой мордовки, написанный с особой авторской теплотой, мыслился как образ, «воплощающий в себе лучшие на-

* В работах исследователя литературного процесса Мордовии профессора А. М. Каторовой неоднократно справедливо подчеркивалась мысль о том, что индикатором зрелости художественной литературы стала активная разработка вопросов литературоведения в Мордовии. Ее начало ученый связывает с серединой 1950-х гг., когда в свет вышли первая монографическая книга Н. И. Черапкина «Современная мордовская литература» (1954) и «Очерки истории мордовской советской литературы» (1956).

родные черты женщины-мордовки, ее степенности, спокойствия, доброты, отзывчивости, жизнелюбия и стойкости»¹⁰.

Следует отметить, что мордовские писатели редко обращались к приему метафоризации для обрисовки характера женщины, ее внутреннего мира, характеристики ее как личности, например как у А. Т. Твардовского — «птица-мать». Однако за счет простоты и открытости своих героинь авторы достигают эффекта эмпатии у читателя, видения за всеми переживаниями и поступками героинь их заботы об окружающих, реализации своего женского начала.

Перечисленные примеры отчасти подтверждают нашу гипотезу о функциональной стороне женского образа в текстовом и затекстовом (эстетическое воздействие на читателя) пространстве произведения, однако для создания более весомой доказательной базы обратимся к крупной форме прозаических жанров — роману. В качестве объекта исследования нами выбран роман «Нардише» («Трава-мурава») И. М. Девина¹¹ как пример индивидуально-авторского подхода в реализации образа женщины, ее судьбы в послевоенное время. К творчеству писателя не раз обращались исследователи проблемы творческого метода в мордовской литературе Н. И. Черапкин и А. В. Алешкин¹².

В центре романа — образ главной героини Анны Пресняковой. Эта девушка в трудное послевоенное время приехала из Саранска на работу в с. Урань, где начала жить самостоятельной жизнью. Первое время девушка не понимала, почему ее желание открыть вновь медицинский пункт, не встретило понимания, ответного участия со стороны жителей Урани. Однако постепенно ее трудолюбие, простосердечие, мудрость и даже настойчивость в достижении поставленной цели привлекли к ней людей, нуждающихся в медицинской помощи: « — Спасибо тогда тебе, дочка, дай бог тебе добра в жизни. — Не за что, Анна-бабай!

— Да как не за что, дочка! Как ты стала у меня жить, будто солнышко в моей старой избе засветилось. И весело-то, и чисто, и люди-то ко мне ходят! Нет, нет, и не говори. Спроси-ка, как теперь все мне завидуют! Вот наемни Ульяна и говорит: „Сто лет Цямка проживет и не охнет — свой доктор, как у барыни какой“. — И Цямкаиха мелко, радостно посмеялась»¹³. Одновременно Анне приходилось бороться с невежеством и знахарством бабки Параскевы, которая, прикрываясь молитвами и статусом церковного «старосты» (до этого в Урани женщин старостой не выбирали), тянула деревню в закостенелое прошлое.

Условно всех женщин Урани можно разделить на старшее и молодое поколение. Для женщин старшего поколения (Прасковья, Анна-Цямкаиха, Иваниха, Полина Аблязова, Елена Васильевна, Глебиха и др.) война — это полное разрушение их довоенной жизни. Им нужно было жить дальше, кормить детей, попытаться вырвать из сердца свою любовь к убитым мужьям и сыновьям. Женщины верили гаданиям Прасковьи, вопреки коммунистическим идеалам ходили в соседнее село на службу, лишь бы им дали надежду на возвращение мужей и сыновей. Так, Полина Аблязова осталась одна с пятью детьми: мужа убили на войне. Налог платить и кормить детей ей было нечем. Во время работы на току она подставляла голенище сапога под разорванный мешок с зерном. За это Полину ругали на общем собрании, хотя каждый понимал, что сподвигло ее на это. Основной ее «порицательницей» была подруга — Федосья Пастухова (Иваниха), занимающая должность помощника председателя Лепендина. Иваниха одинока, у нее нет детей и мужа. Укоряя за проступок Аблязову,

ею двигала не только тревога за общее дело по сбору зерна, но и зависть к ее семейному счастью, пусть даже и без мужа: «Иваниха поднялась, одернула на плоской груди кофту, строгим и безразличным взглядом окинула помещение, на мгновение остановилась на портрете Сталина, висевшем в простенке, и, сдвинув в ниточку брови, без лишних слов приступила к обличению колхозницы Аблязовой...

— Я так считаю, товарищи, что тут надо серьезно еще разобраться. Может, тут вредительство, злой умысел. Все факты сходятся на то, что тут все обдуманно!..

Такого крутого поворота не ожидал никто. Даже Щетихин, и тот заволновался и делал знаки Сатину, чтобы тот осадил Иваниху, но изумленный и испуганный Сатин с открытым ртом глядел на Иваниху»¹⁴. Многие жители села понимали, что собрание, на котором укоряли за воровство Полину, скорее показательная мера для остальных. Ее освободили от налога и как многодетной матери, потерявшей кормильца, дали корову.

Автор с большой симпатией и нежностью дал образ Цямкаихи. И. М. Девин верил, что благодаря таким женщинам выстояла страна во время войны. Она никогда не жаловалась, не роптала, смиренно принимая удары судьбы. Но больше всего восхищало ее отношение к миру и людям. Для нее «все люди хорошие». Цямкаиха не стала хуже относиться к людям даже тогда, когда похитили ее сына, когда облили ее кислотой, когда осталась совсем одинокой. Ей всем хотелось помочь: добрым словом, делом. Она была настолько заурядной, что стеснялась пригласить в гости отца Ани, смущалась обращений к ней по имени-отчеству. Цямкаиха всегда прятала слезы от людей, вспоминая свою прежнюю жизнь. Этот образ является собирательным, после войны таких женщин в селах было очень много. Они брали на воспитание сирот, ухаживали за инвалидами. Им довелось вынести многое, однако они преодолеют все трудности и послевоенного времени: голод, непосильную работу, потерю самых близких — мужей и сыновей.

Основными заботами молодого поколения (Вера Качанова, Груша, Валентина, Лиза и др.) были, кроме выработки трудодней, будущее замужество (парней в Урань после войны возвратилось немного) и материнство.

Автор акцентировал внимание читателя на том, что многие представители молодого поколения еще также находятся во власти предрассудков и боятся изменений в жизни. Например, неожиданная смерть Веры Качановой. Свекровь и тетя запретили Вере ехать рожать в районную больницу. Она не захотела перечить им и отказалась от направления в больницу. Роды были очень сложными, Аня не смогла спасти роженицу. Люди в деревне обвинили в гибели Веры Преснякову.

Груша — молодая труженица испытывала безответную любовь к председателю Лепендину. Эта любовь привела девушку к пьянству, что полностью изменило ее жизнь. Она как будто умерла, от нее прежней ничего не осталось. Ей помог разговор с Лепендиным. Председатель убеждает девушку, что они могут быть друзьями и соратниками в деле восстановления села после войны, в спасении людей от голода. Вскоре Груша влюбляется в Бориса Качанова, выходит замуж и ждет ребенка. Пожалуй, это единственный образ в романе, чья женская судьба складывается удачно.

Образ Валентины является эпизодичным, ее характер лишь угадывается в отношениях с Семеном. Ей, школьной учительнице, хочется уехать в город к другому человеку, офицеру, более интеллигентному и серьезному, чем Семен Кержаев. Таки-

ми же мелкими штрихами автор рисует и Глебиху. Эту добрую женщину Девин жалеет, как и многих своих героинь, ведь ее трагичная история одна из многочисленных.

Автор очень тонко подметил, что, дождавшимся мужей с войны женщинам, жизнь опять преподносит испытания. Например, мать Ани, Елена Васильевна, пыталась наладить отношения с мужем, которого она считала погибшим. С войны к ней вернулся муж-калека, вечно недовольный, усталый человек, с комплексом неполноценности (из-за отсутствия рук) и осознанием своей ненужности как в семье, так и в стране. Как быть? Как убедить его в обратном? Как принять этого мужчину, который изводил Елену Васильевну ревностью?

Таким образом, мы приходим к выводу, что в мордовской художественной литературе писателями создавались многогранные женские образы, обладающие самоценностью «мира» с изнутри координированным пространством, через которое репрезентировалась авторская, несколько идеализированная модель мира, в котором должен жить человек. Вместе с тем подчеркнем, что, с одной стороны, проблема раскрытия женского образа — сложный процесс, который должен исключать взаимозаменяемость понятий (женский образ — это еще не однозначный признак женской литературы и не попытка противопоставления мужского и женского начала в творчестве писателей), с другой — сама проблема значительно расширяет исследовательское поле в разных гуманитарных науках за счет своей уникальной структурной организации, позволяющей и в частности, при разработке ее теории раскрыть самобытность многих феноменов художественной литературы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Зиммель Г.** Избранное : в 2 т. Т. 2 : Созерцание жизни. М., 1996. 607 с.
- ² **Лурье С. В.** Историческая этнология. М., 2004. С. 398.
- ³ **Алешкин А. В.** Творческая индивидуальность писателя и накопление художественных ценностей // Современная мордовская литература : 60 — 80-е годы : в 2 ч. Саранск, 1991. Ч. 1. С. 10.
- ⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 670.
- ⁵ См. **Брыжинский А. И.** Положительный герой. Каков он ? // Аспект — 1990 : Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1991. С. 75 — 80. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 102).
- ⁶ См.: **Мартынов А. К.** Ржаной хлеб : роман. Саранск, 1985. 216 с.
- ⁷ Там же. С. 89.
- ⁸ **Брыжинский А. И.** Указ. соч. С. 77.
- ⁹ См.: **Пинясов Г. И.** Ветецесь : повесть. Саранск, 1977. 96 с.
- ¹⁰ **Малькина М. И., Кубанцев Т. И.** Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература... С. 136.
- ¹¹ **Девин И. М.** Трава-мурава : роман. Саранск, 1988. 304 с.
- ¹² См.: **Алешкин А. В.** Земля родная песни мне дала. Саранск, 1973. 119 с. ; **Черракин Н. И.** Притоки. М., 1973. 198 с.
- ¹³ **Девин И. М.** Указ. соч. С. 93.
- ¹⁴ Там же.

Поступила 27.09.2011 г.

УДК 392.51(=511.152.2)

С. В. Пивкина

S. V. Pivkina

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МОРДВЫ-МОКШИ

WEDDING RITUALS OF THE MORDVINS-MOKSHA

Ключевые слова: мокша, свадьба, обряд, традиция, обычай, жених, невеста, культ, бог, Юрхтава, Банява, Ведява.

В статье рассматривается обряд сватовства как отдельный эпизод мордовской свадьбы, имевший обереговое значение.

Key words: moksha, wedding, rite, tradition, custom, groom, bride, cult, deity, Yurkhtava, Banyava, Vedyava.

The rite of matchmaking as a certain episode of Mordovian wedding, which had a talisman value, is considered in the article.

Мордовская свадьба представляет собой систему обрядов, формировавшуюся на протяжении длительного времени. При этом каждый ее отдельный эпизод выступает как синтез обрядовых, словесно-поэтических компонентов, представлений народа о семье и ее месте в окружающем мире.

В семейных обрядах мордвы большую роль играл культ богов-покровителей. К Нишкепазу, Шкаю, Ведяве и другим божествам она обращалась в повседневной практике. Их упоминали практически во всех эпизодах свадебного обряда, начиная со сватовства. В. И. Рогачев отмечал, что вера в языческих богов, поклонение им были неотъемлемым элементом духовной культуры народа, поэтому молитвы (пазморот), обращения-причеты невесты к покровителям можно считать естественной составляющей свадебной поэзии мокшан, ее самым древним реликтовым разделом. Особенно проявлялся этот культ при сватовстве невесты и подготовке к свадьбе¹.

Для мордвы-мокши была характерна тщательная подготовка к сватовству. Устраивались моления божествам и умершим предкам, накрывался стол, во время моления предпринимались меры оберегового характера. Все действие перед сватовством и само сватовство были окутаны суевериями и таинством.

Когда родители решались на сватовство, то всегда просили помощи у небесных и земных божеств:

Кудонь кирди, Кудава!
Юрхтонь кирди, Юрхтава!
Тиньге, кулоф радняньке,
Минь атяньке-бабаньке!
Лездода тейнек, лездода,
Лама пара арьседа!

Хранительница дома, Кудава!
Хранительница двора, Юрхтава!
И вы, умершие наши родичи,
Наши дедушки-бабушки!
Помогите нам, помогите,
Много добра пожелайте!²

Юрхтава занимала особое место в свадебных песнях. Мокшане считали, что все наиболее важные события, происходящие в крестьянской семье, — рождение человека, свадьба, смерть — были связаны с хранительницей дома. Считалось, что от ее благосклонного отношения зависела вся дальнейшая послесвадебная жизнь молодых. Мокшане считали, что Юрхтава появилась по воле самого Нишкепаза. На молениях в ее честь просили благополучия в семье, успехов в делах, защиты для членов семьи от болезней и несчастий³. В некоторых исследовательских работах отмечено, что Юрхтава говорит на человеческом языке. По своей природе она добрая, но если человек проявит пренебрежение к ней, то будет наказан либо тяжелой болезнью, либо другим несчастьем. Однако, покайся, он получит прощение и избавление от недуга и беды. Так, заносчивую девушку, поссорившуюся с ней, после покаяния Юрхтава за одно мгновение возвращает из башкирского плена, в котором та пробыла семь лет⁴. Юрхтава обладает сверхъестественной космической силой и неограниченной властью над человеком. Эта власть — гиперболизированное олицетворение действительной власти рода и семьи над человеком в условиях первобытного и раннеклассового общества⁵.

Заметное место в свадебном фольклоре занимала и покровительница бани Баява, к которой были обращены наиболее лиричные и богатые в поэтическом плане причеты и величальные песни⁶. Культ Баявы был тесно связан с водой, которой приписывались очистительные и лечебные функции, так как в бане люди лечились от многих болезней и очищались от грязи. Широко распространенным предсвадебным обрядом было мытье невесты в так называемой девичьей бане — стирень баня. Перед тем как пойти в баню, одна из подруг расплетала невесте косу и отдавала ее матери накосник, а волосы перевязывала лентой. Затем невеста в причитаниях давала наказы отцу купить на базаре доски для гроба, матери испечь поминальные блины, братьям созвать родственников и подруг для ее оплакивания, то есть свое замужество она приравнивала к смерти. Об этом свидетельствует и тот факт, что, возвратившись из бани, невеста садилась на то место, куда обычно клали покойников, а в причитаниях выражала желание умереть. Посещение невестой бани перед свадьбой являлось важным обрядовым действием и у других народов. Так, у русских оно также сопровождалось причитаниями просватанной девушки⁷. Существуют точки зрения, что девичья баня — не что иное, как пережиток древнего ритуального бракосочетания невесты с духом воды, которому она приносила в жертву девственность с целью обеспечить себе плодovitость⁸. В семье мужа посещение молодухой первый раз бани было своеобразным вхождением ее в круг новых родственниц. Для того чтобы женщины приняли ее в свою среду, молодая одаривала их, как и хранительницу бани, кольцами⁹.

Особо почиталась мокшанами богиня воды Ведява, которая также являлась покровительницей брака и деторождения. Во взглядах на Ведяву сохранились анимистические и антропоморфические представления. Она изображается и как владычица воды, и как сама вода. Как богиня любви Ведява представлена в виде молодой девушки необыкновенной красоты. Мокшане считали, что обустройством человеческих судеб, вопросами любви и создания семьи занимаются земные боги, в первую очередь богиня воды¹⁰. В. Н. Майнов писал, что «соединением любящих сердец и брачными делами ведает „Ведь-ава“ или „Ведень-азорава“, хозяйка воды; она прядет посконные нити человеческой судьбы в смысле брака и сватает людей»¹¹.

К Ведяве как покровительнице любви и деторождения во время свадьбы водили за благословением жениха и невесту. На берегу реки в честь Ведявы устраивали моление, на котором просили у нее для молодых счастливой жизни, много здоровых и красивых детей. Жених и невеста входили в реку, омывались водой, невеста в дар Ведяве бросала кольцо, после чего богиня подавала знак о благословении¹². Кроме того, жених и невеста молились Ведяве о даровании потомства. Для этого они тайно ходили на реку и бросали в нее хлеб, соль, говядину и холст; часть хлеба, соли и говядины съедали сами, сидя обнявшись на берегу реки¹³.

К культуре Ведявы относится и такое береговое действо во время свадьбы, как подпоясывание жениха и невесты куском бредня во избежание порчи. В. И. Рогачев писал: «С высокой долей вероятности можно утверждать, что комбоня — бисерная пелерина, укрывающая плечи мокшанской невесты в селе Кочетовка Инсарского района Мордовии и близлежащих селах это аймака (куста), тоже имеет отношение к культуре Ведявы»¹⁴. Поклонение богине воды отмечается у большинства народов Среднего Поволжья¹⁵. По мнению В. И. Рогачева, хронологически культовый обряд поклонения воде возник в глубокой древности, когда преобладало мифопоэтическое восприятие окружающей природы. Позже, с возникновением семьи, в обряде появился элемент приобщения молодой к новому для нее роду мужа¹⁶.

Мордва считала брак более счастливым, если он заключался на Масленицу, в период весеннего солнцестояния¹⁷. П. И. Мельников-Печерский отмечал, что «свадебные обряды мокшан (до принятия христианства) были отличны от обрядов эрзянских, как и вообще отличны были почти все условия их жизни. Они не похищали невест, но у них было особого рода сватовство с погоней»¹⁸. Он описал обряд сватовства, в котором родители жениха приносили жертву Юрхтаве. Пекли из теста изображения разных домашних животных и клали их под порог дома и под воротную веревку. Затем отец жениха отрезал горбушку от хлеба, которая лежала на столе во время жертвоприношения, выдалбливал ее и клал в нее мед. В полночь тайком он отправлялся верхом на коне к дому невесты, клал горбушку с медом на столб у ворот и, постучав в окно кнутовищем, кричал: «Сетя, монь Вешняк Мазакань — Старчень Кодайт цьоразети Урати вешан; севк ортань столбаста кшизень мед марта и озандт» («Сетя (имя), я Вешняк Мазяков. Девку твою Кодай (имя) сватаю за парня моего Уру (имя), возьми с воротного столба хлеб с медом и молись») ¹⁹. Сказав это, Вешняк должен был очень быстро ускакать домой. Если Сетя с родственниками догоняли его на дороге, то могли избить его до полусмерти и бросить ему в лицо горбушку — свадьбе не бывать. Однако не догнав его, преследователи подъезжали ко двору свата, стучали и спрашивали дома ли хозяин. Сват должен был показаться в окно для удостоверения, что действительно успел добраться до дома, в противном случае, предполагая, что Вешняк спрятался где-нибудь на дороге, Сетя мог бросить ему в окошко горбушку. Это тоже отказ. Если отец жениха показывался, уже не было другой возможности отказать жениху. Сетя возвращался домой и молитвами Юрхтаве и своим предкам приносил им в жертву свадебную горбушку²⁰.

В брачных обрядах и песнях мокшан встречаются воспоминания о том времени, когда невесты покупались и продавались. С вступлением мордвы в товарно-денежные отношения на смену насильственному похищению пришло узаконенное обрядом

сватовство невесты. Жених или его род покупали невесту, отец и весь ее род продавали: «...отец продает дочь как свою собственность; жених или его род покупают ее как вещь, которой может распоряжаться по усмотрению»²¹. За невесту платили цену (питне, калым, воявор, той «плата»). Деньги за продажу невесты у эрзян отдавались отцу и родственникам для пропоя, у мокшан — передавались невесте²². П. И. Мельников отмечал, что «Инятя (жрец на общественных моленьях) и Имбаба (жрица) назначали за невесту плату, которую должен был заплатить отец жениха ее отцу»²³. Об этом писал и В. Н. Майнов: «У нижегородской мордвы-мокши цену за невесту назначали всеми уважаемые старейшие представители рода — ине атя и ине баба, выполнявшие на озках функции организаторов и распорядителей»²⁴. Отражением свадебной сделки в виде покупки невесты является использование в поэзии и обряде слов *той*, *калым*; невеста определялась как «живой товар», «купленная сноха», а сваты именовали себя «купцами»²⁵. Кроме платы, назначенной жрецом и жрицей, отец невесты получал от жениха по сговору вино, пиво и говядину на свадебный пир. Провожая невесту из дома, отец благословлял ее и дарил свечу, напоминающую улиткообразную свечу высшего божества Солтана — штатол. В дом жениха невеста вступала с зажженным штатолом. Мать жениха (или в случае ее смерти ближайшая родственница) при встрече невесты в дверях своего дома ставила ей на правую ногу сковороду с зажженным хмелем, невеста три раза сбрасывала с ноги эту сковороду. Если сковорода скатывалась тихо, считали, что сноха будет послушная, если с шумом — сварливая; если же сковорода падала дном вверх, то ожидали несчастной жизни молодых, а если наоборот и хмель не высыпался — счастливой. В доме Имбаба совершала жертвоприношения Юрхтане и предкам, а потом гасила штатол в стакане вина или пива, чтобы новобрачные жили весело. Как при зажигании штатола, так и при его гашении призывали Солтана, прося его избавить молодую от всякого зла, от шайтана и от злых людей — колдунов. Свеча хранилась у невесты до самой смерти — ее клали с ней в гроб²⁶.

Затем следовал обряд имянаречения. У мокшан данный обряд был распространен повсеместно²⁷. Он был покрыт магическим таинством. Имбаба подводила новобрачную к печи, где свекровь клала ей на голову каравай хлеба, а Имбаба поддерживала его, чтобы он не упал. Свекровь, взяв другой каравай, ударяла им по караваю на голове новобрачной и громко говорила: «Мазайкс лемецень пуцан» («Нарекаю тебя Мазый „красивой“»). Это имя и носила новобрачная после брака, нередко она называлась девичьим именем с прибавлением слова *ава* («женщина»), например, Васинь становилась Васиновой, Ламака — Ламакавой²⁸. Подобный обряд известен и у русских, которые табуировали настоящее имя выдаваемой замуж, называя ее невеста («не весть чья»).

Итак, мокшанская свадьба представляет собой целую систему обрядов, сформировавшуюся на протяжении многих лет. Каждый отдельный эпизод представлен в ней как синтез обрядовых, словесно-поэтических компонентов, представлений народа о семье и ее месте в окружающем мире. Мокшане считали, что от благосклонного отношения божеств зависит дальнейшая жизнь молодоженов. Поэтому для них была характерна тщательная подготовка к сватовству, окутанная суевериями и таинствами. Они устраивали моления божествам и умершим предкам, предпринимали меры оберегового характера.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Рогачев В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004. С. 27.
- ² Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975. С. 44.
- ³ См.: **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 76.
- ⁴ См.: *Mordwinische Volksdichtung / desamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila.* Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3. S. 195 — 197.
- ⁵ См.: **Шаронов А. М.** Указ. соч. С. 77.
- ⁶ См.: **Рогачев В. И.** Указ. соч. С. 28 — 29.
- ⁷ См.: **Шаронов А. М.** Указ. соч. С. 96.
- ⁸ См.: **Кагаров Е. С.** Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1929. С. 152 — 193.
- ⁹ ЦГА РМ. ФР-267. Оп. 1. Д. 89. Л. 52.
- ¹⁰ См.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. Саранск, 2002. С. 30.
- ¹¹ **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. СПб, 1885. (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии ; т. 14, вып. 1).
- ¹² См.: **Шаронов А. М.** Указ. соч. С. 66.
- ¹³ См.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 127.
- ¹⁴ **Рогачев В. И.** Указ. соч. С. 40.
- ¹⁵ См.: **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. С. 93 — 94.
- ¹⁶ См.: **Рогачев В. И.** Указ. соч. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 31.
- ¹⁸ **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Указ. соч. С. 125.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 125 — 126.
- ²¹ **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 149.
- ²² **Рогачев В. И.** Указ. соч. С. 78.
- ²³ **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Указ. соч. С. 126.
- ²⁴ См.: **Майнов В. Н.** Указ. соч. С. 79.
- ²⁵ См.: **Борисов А. Г.** Мордовская свадьба как историко-этнографический источник // Этно-генез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 391.
- ²⁶ **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Указ. соч. С. 126.
- ²⁷ **Рогачев В. И.** Указ. соч. С. 261.
- ²⁸ **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Указ. соч. С. 127 ; ЦГА РМ. ФР-267. Оп. 1. Д. 33. Л. 25 — 26.

Поступила 23.06.2011 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:159.9

И. А. Мухамедзянова
I.A. Mukhamedzyanova

МЕНТАЛИТЕТ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

MENTALITY AS A COMPONENT OF CULTURAL ENVIRONMENT

Ключевые слова: менталитет, культура, мировоззрение, культурное пространство, язык. В статье рассматриваются взаимосвязь понятий «культурное пространство» и «менталитет». Особое внимание уделяется языку как важному способу передачи менталитета.

Key words: mentality, culture, worldview, cultural environment, language. The correlation of concepts «cultural environment» and «mentality» is considered in the article. Special attention is paid to the language as an important method of the transfer of mentality.

Взаимодействие народов влечет за собой взаимодействие культур, нередко существенно отличающихся друг от друга. Различия проявляются не столько в языке, одежде, национальной кухне, сколько в отношении к миру, к другим людям. Это объясняется тем, что у каждого народа существует свой способ восприятия мира, свой склад мышления, свой менталитет.

Человек не рождается с определенным менталитетом. Он формируется с течением времени. Это происходит при наличии определенных культурных условий, характерных для данного времени и для данного культурного пространства. Каждый народ живет в своем культурном пространстве. С приходом нового поколения возникают иные культурные условия, следовательно, и иное культурное пространство. Это объясняется тем, что новое поколение обладает новыми взглядами на жизнь, на окружающий мир, у него другие ценности и другой образ мышления. Новое поколение формирует свое культурное пространство, тем самым реализует свой способ видения мира. Определенный способ видения мира, склад мышления, образ мыслей — все это относится к определению менталитета. Таким образом, понятия «менталитет» и «культурное пространство» являются взаимосвязанными. Одно понятие вытекает из другого, т. е. менталитет является компонентом культурного пространства. Остановимся на каждом из этих явлений подробнее.

Менталитет (от лат. *mens* — ум, *alis* — другие) есть своеобразие жизни людей, принадлежащих к определенной культуре, своеобразие восприятия и оценки окружающего мира¹. Этот термин стал одним из общеупотребляемых в повседневной жизни. Он был введен в науку в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном. Однако существует мнение, что данный термин впервые упомянул в 1922 г. Л. Леви-Брюль в этнологическом труде «Первобытное мышление». Он использовал это определение для описания «пралогического мышления» дикарей и доказал, что нельзя воспринимать менталитет человека традиционной культуры как недоразвитое мышление современного.

В политологическом словаре дается следующее определение: «менталитет — обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума и даже умонастроения»². В англоязычных психологических словарях менталитет рассматривается как «способность или сила разума», «образ мыслей, направление и характер размышлений», «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов»³. В немецком толковом словаре под менталитетом понимается образ мысли и действия одной группы или одного народа. Там же приведены две группы словосочетаний-синонимов: к первой относятся словосочетания «образ мысли», «определенная позиция», «направленность ума»; вторую группу составляют словосочетания «точка зрения», «манера», «образ действия»⁴.

В российской научной литературе термин «менталитет» впервые был упомянут в начале 1990-х гг. Обстоятельный анализ этого явления представлен в работе И. Г. Дубова, где автор дает следующие определения менталитета:

— «особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы»;

— некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него;

— характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте⁵.

Согласно профессору А. А. Королёву «менталитет не стоит путать с общественным мнением, которое носит временный характер. В то же время нельзя его идентифицировать с архетипическим наследством отдельных индивидов и групп населения, хотя и просматривается органическая связь с бессознательным». Автор утверждает, что менталитет не нужно рассматривать как некую духовную субстанцию в пространстве, поскольку он «локализуется, функционирует в рамках конкретного отдельного этноса»⁶.

Профессор А. П. Огурцов считает, что «менталитет он и есть менталитет, он определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп. Анализ такого рода априорных структур сознания, инвариантных слоев в жизневосприятии и сознании человека предполагает, что именно эти „глубинные“ слои определяют и рефлексивные акты, и осознанное поведение»⁷.

Ю. Л. Чернявская сравнивает менталитет с глиняной вавилонской табличкой, где «под первым, поверхностным слоем находится второй, более тайный и давний, причем их содержание может совпадать или не совпадать. Для того, чтобы узнать подлинную суть вавилонского документа, следовало разбить верхний слой и прочитать то, что содержится внутри»⁸.

Во многих источниках термины «менталитет» и «ментальность» являются синонимами. Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Так, В. В. Козловский высказывает мнение о необходимости различать эти понятия. Он полагает, что «менталитет — это способ, тип мышления, склад ума, проявляющийся в познавательном, эмоциональном, волевом процессах и характере поведения, дополняемый системой ценностных установок, присущих большинству представителей конкретной социальной общности». Ментальность, согласно его мнению, есть «способ повседневного воспроизводства, сохранение привычного уклада жизни и деятельности»⁹.

Менталитет базируется на определенных образцах, стереотипах мыслей, действий, представлений. Это особый механизм, определяющий характер поведения человека. Менталитет часто характеризуется своеобразным отношением к семье, труду, политике, религии. Он является конструктором моделей мышления и поведения. Эта мысль прослеживается в работе известного немецкого историка П. Динцельбахера, который утверждал, что менталитет — это определенный образ и содержание мысли и чувства, присущие определенному коллективу в определенный период времени¹⁰. Менталитет, по его мнению, проявляется в действиях, поступках. Он воздействует на мировоззрение людей, принадлежащих к одной группе, одной исторической эпохе, является составной частью определенной культуры, определенного культурного пространства.

Следует отметить, что на сегодняшний день при определении понятия «менталитет» нет единой методологии. У каждого исследователя свое понимание и видение данного явления.

Как было указано выше, менталитет формируется под влиянием определенных социальных и культурных условий в ходе длительного исторического развития этноса и определяет национальную модель поведения. Однако тот факт, что менталитет обладает определенными устойчивыми особенностями, не означает, что он остается неизменным. Менталитет меняется, хотя и очень медленно. Этот процесс осуществляется путем наслаивания новых пластов на уже существующие. Формируют, поддерживают, а в некоторых случаях видоизменяют менталитет одновременно следующие факторы: во-первых, естественно-географические условия проживания (своеобразие национального и экономического развития во многом определяет природа); во-вторых, контакты и соседство одного народа с другими (часто происходит заимствование элементов быта, языка, верований); в-третьих, культурные условия (в качестве системного ядра выступает сама культура, а в значении отдельных элементов — всевозможные жизненные явления в ее рамках, такие как бытовые привычки, религиозные верования, нравственные, политические и прочие нормы). В связи с этим выделяют определенные виды менталитета. Так, по географическому признаку менталитет можно подразделить на западный, восточный, северный и южный; по геополитическому — на американский, африканский, европейский, евразийский и т. д.

Что касается пространственных представлений культуры, следует отметить, что их формирование началось еще во времена древнего человека. Большую роль сыграла при этом строительная деятельность. Палка и топор стали первыми строительными инструментами формирования пространства человеческого жилья.

Каждый народ живет в своем культурном пространстве и обладает своими формами культуры, которые он наполняет в процессе деятельности. *Народ сам создает свое культурное пространство*. В этом заключается смысл культуры. Эта мысль прослеживается в книге «Реквием по этносу» В. А. Тишкова. Автор убежден, что культура существует в пространственно-временном измерении. Он указывает на тот факт, что «каждое новое поколение конструирует свое время, т. е. сегодняшние потребности и интерес овладевают обществом и служат отправной точкой дальнейшего развития»¹¹. Употребляя выражение «осмысленное пространство», В. А. Тишков полагает, что оно существует благодаря людскому сообществу, члены которого (не обязательно все до одного и в равной степени) считают себя принадлежащими к данному пространственному сообществу. Например, каждое поколение россиян признает и познает свою Россию, однако этот процесс базируется на зафиксированном образе прошлых поколений и на памятниках культурной среды. То же происходит и с другими пространственно обозначенными воображаемыми сообществами.

Культурное пространство содержит в себе множество различных объектов. А. С. Кармин полагает, что к таким объектам можно отнести и отдельные феномены культуры, и «целые культурные миры — национальные культуры»¹². Ученый проводит аналогию между культурным пространством и физическим, поскольку в последнем также существует множество объектов, в том числе целые космические миры. *Культурное пространство является хранилищем человеческой жизни*. Оно содержит в себе не только физическое (ландшафт, поселение с инфраструктурой), но и символическое (ценности, обычаи, традиции, ритуалы и т. д.) начало. Символ является важной составляющей любой сферы жизни.

Один из важных признаков культурного пространства — преемственность. Культурное пространство постоянно расширяется, вбирая в себя культуры предшествующих поколений.

Формируя культурное пространство, человек имеет возможность реализовать свой способ видения мира. Н. М. Инюшкин определяет культурное пространство как «пространство объективно-субъективное, воспринимаемое человеком, в него включенным, пространство небезразличное, способное рождать активную неприязнь и вместе с тем чувство ответственности за его судьбу, стремление собственными силами придать ему желаемые новые качества»¹³.

Пространство постоянно вовлечено в поле деятельности человека. Так, по мнению А. Н. Быстровой, культурное пространство — это пространство «осуществления социальных программ, целей и интересов, распространение идей, взглядов, языка и традиций, верований и норм и т. д.»¹⁴.

Язык придает бытие культурному пространству. Он является вторым началом культуры. Кроме того, язык есть самый важный способ передачи менталитета. Он несет на себе отпечаток ментальности конкретного народа. Известный немецкий философ В. фон Гумбольдт писал: «Так как языки неразрывно сращены со внутреннею природою человека и скорее самодеятельно вытекают из нее, чем произвольно

создаются ею, то на таких же основаниях можно было бы назвать духовную особенность народов действием языков (как и наоборот). Истина — и в том, и в другом вместе: характер народа и особенности его языка вместе и во взаимном согласии вытекают из неисследимой глубины духа»¹⁵. Он утверждал, что язык это внешнее проявление духа народов, язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное.

Таким образом, можно говорить о том, что язык визуализирует дух народа. *Визуализация* (от лат. *visualis* — зрительный) есть свойство человеческого сознания, способное воспроизводить видимые и невидимые образы визуального ряда (картины, символы, сюжеты и т. п.). Синонимами этого слова являются «образное представление», «позитивная фантазия». Наряду с термином «визуализация» употребляется словосочетание «визуальные средства», к которым можно отнести рисунок, форму, пластику и некоторые другие характеристики. Язык как визуальное средство воздействует на человека, вызывая в его памяти и воображении конкретные образы, визуализированные конкретными словами. С помощью слова можно описать любое явление. Слово рождает в нашем восприятии представления об этом явлении.

Неоспоримым является тот факт, что в разных языках преобладает разная лексика. Это имеет непосредственное отношение к характеру народа. Анализ лексики конкретного народа позволяет сделать выводы об особенностях его культуры, занятий, местности, в которой он проживает. Так, в арабском языке насчитывается более шести тысяч слов для обозначения верблюда, частей его тела и снаряжения; у эскимосов существует более тридцати названий снега (для обозначения рыхлого снега употребляется одно слово, для обозначения липкого — другое).

В. фон Гумбольдт утверждал, что «язык — это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию»¹⁶. Ученый также сравнивал язык с иероглифами, в которые человек заключал мир и свое воображение.

На протяжении многих лет существовало ошибочное мнение, что различие между языками — досадное препятствие. Язык, несмотря на всевозможные воздействия, остается индивидуальным и используется в следующих целях: во-первых, он является посредником в процессе понимания; во-вторых, с его помощью мы выражаем свои чувства (язык выражает мысли и чувства как предметы и, кроме того, следует движениям мысли и чувств, их скорости, повторяет равномерность и неравномерность их хода, своеобразные избирательные отношения, в соответствии с которыми различные народы соединяют свои мысли и чувства).

Язык является воплощением своеобразия целого народа. До сих пор нет единого мнения о том, возник ли народ раньше своего языка или же язык создан народом, которому он принадлежит. Во всяком случае, невозможно установить, в какой именно момент язык возник у народа. В. фон Гумбольдт придерживался мнения о том, что язык развивается только в обществе, ведь человек начинает понимать себя тогда, когда убеждается, что его речь понятна другим людям. Он писал: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же

звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы»¹⁷. Язык заложен в самой природе человека, он необходим для развития его духовных сил. Народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности.

Следует отметить известный факт, что языки отличаются друг от друга. Однако эти различия заключаются не в разных обозначениях одного и того же предмета, а в разном его видении. Главное различие выражается в особенностях обозначения, толкования предмета, понятия. Человек может правильно использовать слово, но не всегда верно объяснить его значение. Слова одного языка могут содержать больше духовности, слова другого — больше образности и т. д. Одинаковыми по значению будут лишь те понятия, которые не могут содержать ничего другого, кроме того, что в них заложено. Смысл языка заключается не в объяснении значений слов, а в общении, выражении своих мыслей.

Язык есть бесконечное множество элементов: слов, правил, аналогий, исключений. Каждый ребенок, осваивая родной язык, опирается на аналогии. Законам аналогии подчиняются все языки. Однако прежде чем приступить к изучению другого языка, необходимо исследовать особенности народа, говорящего на этом языке.

Язык несет в себе символический смысл. *Символ* является важной составляющей любой сферы жизни. Символ — это механизм памяти культуры. Символы переносят тексты, сюжетные схемы из одного пласта культуры в другой. А. Ю. Ивлева выделяет ряд моментов, отличающих символ:

- символу присущи все свойства знака, он имеет знаковую природу;
- «символ — самостоятельное, обладающее собственной ценностью обнаружение реальности»;
- символ основывается на культурных доминантах общества, на его картине мира¹⁸.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что в языке, являющемся одним из оснований человеческой культуры и главным источником истории народа, отражается его менталитет, который, в свою очередь, является компонентом культурного пространства.

Библиографические ссылки

¹ **Перевязкин Д.** Либеральный проект в России или мифология в отечественной политике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sensusnovus.ru/opinion/2010/11/28/2871.html> (дата обращения 05.09.2011).

² Политологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Slovar-politologadict16.html> (дата обращения 9.09.2011).

³ **Лучков В. В., Рокитянский В. Р.** Англо-русский словарь — минимум психологических терминов. М., 1993. С. 89; **Никошкова Е. В.** Англо-русский словарь по психологии. М., 2008. С. 112.

⁴ Немецкий толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.geschichtstheorie.de/3_12.html (дата обращения 12.09.2011).

⁵ См.: **Дубов И. Г.** Феномен менталитета: психологический анализ // *Вопр. философии*. 1993. № 5. С. 20.

⁶ **Королёв А. А.** Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. М., 2011. С. 16.

- ⁷ Огурцов А. П. Трудности анализа ментальности // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 52.
- ⁸ Чернявская Ю. Л. Народная культура в национальной традиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumer.info> (дата обращения 10.09.2011).
- ⁹ Козловский В. В. Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. СПб., 1997. С. 35.
- ¹⁰ См.: Dinzelsbacher P. Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 2008. S. XXI.
- ¹¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исслед. по социально-культур. антропологии. М., 2003. С. 263.
- ¹² Кармин А. С. Культурология. СПб., 2003. Вып. 3. С. 201.
- ¹³ Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 111.
- ¹⁴ Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Филос. науки. 2004. № 12. С. 39.
- ¹⁵ Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 63.
- ¹⁶ Там же. С. 349.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ См.: Ивлева А. Ю. Культурное пространство художественного текста. Саранск, 2008. С. 5.

Поступила 23.08.2011 г.

УДК 130.2:172.1

О. В. Кирсанова
O.V. Kirsanova

УЧЕНИЕ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАСЛЕДИИ И. А. ИЛЬИНА

THE DOCTRINE ABOUT JUSTICE IN THE WORKS BY I.A. ILYIN

Ключевые слова: справедливость, добро, духовность, равенство, совесть.

В статье рассматриваются этические взгляды русского религиозного философа И. А. Ильина на проблему справедливости. Раскрывается нравственное содержание данной категории. Особо подчеркивается ее духовная составляющая.

Key words: justice, goodness, spirituality, equality, conscience.

The ethical ideas of Russian religious philosopher I. A. Ilyin about the problem of justice are considered in the article. The moral content of this category is revealed. Its spiritual component is especially emphasized.

Проблема справедливости является одной из центральных в творческом наследии выдающегося русского мыслителя и православного философа И. А. Ильина (1883 — 1954). Пытаясь как можно более полно и всесторонне осмыслить проблему справедливости, ученый уделил изучению данного вопроса особо пристальное внимание, и это не случайно.

Период жизни Ильина — это время больших надежд и великих разочарований, оно выдалось очень сложным, что не могло не наложить свой отпечаток на

творчество мыслителя. Первоначально проблемы социальной философии были на периферии философских интересов Ильина. Однако драматические события, потрясшие Россию, резко изменили его предпочтения и устремления.

Коренной переворот в мировоззрении Ильина произошел после революции 1917 г. До этого события Ильин был верующим человеком, но его вера не была церковной — при всем видимом сходстве с христианством, она была далека от него. По его мнению, главное достоинство и оправдание религии заключалось в том, что она призвана соединять личность человека с Божественной сферой, пробуждать начала индивидуализма. Никакие «соборные» (церковные) истины, не пережитые лично человеком, Ильин не признавал как таковые, а всю эпоху Средневековья, когда водительницей европейского человечества была Церковь, он считал периодом крайнего упадка и извращения самой сути религии.

С таким религиозным мировоззрением Ильин вступил в сложную для России эпоху войн и революций. По свидетельству философа, его религиозное обращение к христианству и Церкви состоялось в 1919 г. Встав в оппозицию к большевикам, Ильин оказался в положении, когда ему могла ежедневно грозить смерть. По его словам, он три года мысленно готовился к своему расстрелу. Лишение всех благ (включая самые необходимые), постоянное ощущение близости смерти, неожиданные события (когда случайные люди доставляли провизию и дрова) и столкновение с разгулом самых темных страстей — вот предпосылки духовного обращения Ильина к изучению вопросов добра и справедливости. Судя по его письмам данного периода, он стал более внимательно изучать Евангелие, чаще обращаться к молитве, а также пересмотрел свое понимание взаимоотношений индивидуума и социума, личности и Церкви и пришел к необходимости принятия церковного опыта, а потом и самой Церкви¹.

Ильин является автором многочисленных работ по истории философии и религии, в которых значительное внимание уделяется проблемам этики, добра и зла, добродетели и порока. В первой значительной работе, написанной в период его эмиграции и опубликованной в Берлине в июне 1925 г., автор объяснял необходимость обращения к разработке вопросов справедливости падением нравственности, тем, что современному поколению опыт зла дан с особенной силой. В этой данности многие проблемы духовной культуры и философии, особенно те, которые имеют непосредственное отношение к проблемам нравственности, требуют предметного пересмотра².

Учение Ильина о справедливости представляет собой категориальное исследование, на основе которого выделяются существенные признаки данного феномена. Концепция справедливости ученого базируется на христианской мировоззренческой установке по поводу природы человека как духовно-нравственного существа. Поэтому именно нравственная идея является квинтэссенцией справедливости, так как она делает ее не абстрактным понятием, а духовным императивом человеческой деятельности.

В основе справедливости лежат совесть и любовь к человеку. Это есть особый дар, который предполагает в человеке доброе, любящее сердце, готовность всегда прийти на помощь окружающим. По мнению Ильина, «справедливость есть начало художественное: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого

человека, старается оценить его верно и обойтись с ним *предметно*. Она „внимательна“, „бережна“, „социальна“; она блюдет чувство меры; она склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много общего с „тактом“. Она тесно связана с чувством ответственности. Она по самому существу своему *любовна*: она родится от сердца и есть живое проявление любви»³.

Русский мыслитель говорил о том, что люди будут осуществлять справедливость в жизни тогда, когда все или по крайней мере очень многие станут ее живыми художниками и усвоят искусство предметного неравенства. Следует отметить, что и тогда справедливый строй будет сводиться не к механике справедливых учреждений, а к органическому интуитивному нахождению предметных суждений и предметных обхождений для непрерывного жизненного потока человеческих своеобразий. Справедливость не птица, которую надо поймать и запереть в клетку. Справедливость не отвеченное правило для всех случаев и для всех людей, поскольку такое правило уравнивает, а не «опредмечивает» жизнь. Она не «система», а жизнь. Ее нужно представлять себе в виде потока живой и предметной любви к людям, способной творить жизненную справедливость⁴.

Для Ильина важнее всего живое сердце, желающее творческой справедливости, а также всеобщая уверенность в том, что люди действительно искренно хотят творческой справедливости и честно ищут ее. Тогда люди будут легко мириться с неизбежными несправедливостями жизни — условными, временными или случайными, и будут охотно покрывать их жертвенным настроением, «ибо каждый будет знать, что впереди его ждет *истинная, т. е. художественно-любовная, справедливость*»⁵.

Для того чтобы более предметно изучить проблему справедливости, мыслитель исследовал данный феномен во взаимодействии с такими понятиями, как добро, духовность, совесть, свобода, равенство и право. Справедливость, по мнению Ильина, не сводится к формальному уравниванию граждан, а состоит в беспристрастном их разграничении, признании и ограждении каждого духовного субъекта, учитывая присущие ему свойства и притязания. Она не утверждает одинаковости людей, но требует правового неравенства⁶. Справедливость включена в диалектику внешнего, объективного, высшего духовного начала и духа народа и внутреннего, индивидуального духа. Она неотделима от правосознания с его влечением к верховному благу и выступает как необходимое требование реализации добра.

Ильин выделил два смысловых среза феномена справедливости: идеальный, предполагающий духовность, конституируемую идеалом справедливости, и рациональный, где рациональность выступает в виде нормотворчества, выражающего императивное значение справедливости.

Духовность человека, по мнению философа «отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее»⁷. Речь идет о воле к совершенству, о силе самоопределения к лучшему, о благодатной необходимости возрастания в Боге. Ильин считал, что «духовным надо быть, надо испытывать духовную жажду, чтобы создавать художественные медитации высшего порядка. Надо иметь поющее сердце, переполненное божественным восторгом»⁸.

Ильин полагал, что именно духовность лежит в основе справедливости, в связи с чем он неоднократно говорил о необходимости человека встать на путь духовного обновления.

Для этого личность должна сконцентрировать все свои усилия на самом важном и существенном и определиться в том, что же является определяющим началом в человеке. Результатом размышлений Ильина стало то, что глубинным и содержательным в человеке является дух, духовное состояние, в котором он живет своими стремлениями, благородными помыслами, направленными на познание истины, на созерцание красоты, на совершение добра и справедливости, на общение с Богом, т. е. на все то, что объективно значимо и ценно в душе и является искренней внутренней потребностью и выступает источником правосознания и подлинного патриотизма.

Следует сказать, что сама по себе идея добра и справедливости открыта всегда и всем людям, но для полной ее реализации необходим акт совести. Совесть представляет собой внутренний акт самоосвобождения от зла, живой и могущественный источник справедливости, с ее исчезновением человек теряет всякий интерес к справедливости⁹.

Ильин отмечал, что совесть «есть один из чудеснейших даров Божиих, полученных нами от Него. Это как бы сама Божия сила, раскрывающаяся в нас в качестве нашей собственной глубочайшей сущности. То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, есть нравственно-совершенное; не „самое приятное“, не „самое полезное“, не „самое целесообразное“ и т. п., но нравственно-лучшее, совершенное»¹⁰. Совесть — творческая энергия любви и воли, высший источник нравственности, выражает чувство собственного достоинства и ответственности, неутоленной духовной любви к максимальному добру. Совесть нужна каждому человеку, и не только в переломные моменты его жизни, но и в ежедневных делах и в обыденных отношениях¹¹.

Рациональная сторона феномена справедливости предполагает: во-первых, общечеловеческий характер норм и требований; во-вторых, их объективную реальную наличность в жизни общества и человека. Очевидно, что феномен справедливости в силу своей духовно-этической природы и нормативной сущности сопряжен с контекстом естественного права. Поэтому для Ильина естественное право является исходной категорией в анализе справедливости. В философской системе мыслителя категория «естественное право» имеет общеправовой характер, поскольку определяет наиболее общие принципы существования любой из сфер общественного бытия: социальной и политической справедливости, духовного достоинства, соответствия правовых норм нормам нравственности. По Ильину «естественное право — это право, нормы которого находятся в согласии с моралью и справедливостью»¹².

Именно в рамках теории «естественного права» русским философом определены исходные положения его концепции справедливости: во-первых, признание природной индивидуальности и неодинаковости людей, предполагающей естественное неравенство людей; во-вторых, соответствие прав и обязанностей человека его природным особенностям (принцип соразмерности — «кому больше дано, с того больше и взыщется»); в-третьих, признание за каждым человеком безусловного духовного достоинства (если люди различны по своим реальным свойствам, то они равны по

своему человеческому достоинству); в-четвертых, признание того, что всякое отступление от уравнивающей справедливости в пользу распределяющей должно иметь предметное основание в свойствах индивидуального духа и объективный предел в духовной автономии лица¹³.

Методологическое значение для справедливости и права имеет внутреннее противоречие права, которое по своей природе может состоять лишь в применении равной меры и одновременно должно быть неравным. Основой справедливости Ильин как религиозный мыслитель считал внимание к человеческой индивидуальности. Он отмечал: «*На самом деле люди не равны от природы и не одинаковы ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола; они имеют от природы не одинаковый возраст, не равную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга и телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами — люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно неодинаковы: все они — различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во всех отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые обязанности: старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые права: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя взыскивать со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди *неравны* от природы, *неравны* по своей силе и способности, *неравны* и по своему социальному положению; и что *справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми*; напротив, она требует *неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей**»¹⁴.

Ильин справедливо считал, что люди, совершившие однородные преступления, должны одинаково привлекаться к суду; люди с одинаковым доходом — платить одинаковый подоходный налог, а государственные должности — даваться талантливым, умным и честным людям и т. д.¹⁵

По мнению Ильина, справедливость не предполагает равенства, она требует предметно-обоснованного неравенства: ребенка необходимо охранять и беречь, слабого следует щадить, уставшему подобает снисхождение, к безвольному надо относиться строже, честному и искреннему следует оказывать больше доверия, с болтливым нужна осторожность, с одаренного человека справедливо взыскивать больше, герою подобают почести, на которые не-герой претендовать не должен. И так — во всем и всегда¹⁶. Исходя из этого ученый сделал следующий вывод: «справедливость есть *искусство неравенства*. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям»¹⁷.

Сущность справедливости, по мнению Ильина, состоит именно в неодинаковом обхождении с разными людьми. Если бы все люди были действительно равны, т. е. одинаковы телом, душой и духом, то жить было бы легко, а искать справедливость было бы чрезвычайно просто. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям — одинаковую долю», или «всем всего поровну» — и вопрос был бы разрешен. В этом случае справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы, как равные атомы, как механически перекатывающиеся с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне и внешне. Что может быть наивнее, упрощеннее и пошлее этой теории?¹⁸

Воплощение справедливости в трактовке Ильина представлено идеей ранга, предполагающей различное обхождение с различными людьми, когда социально-политический статус (должность, авторитет, власть) должен соответствовать духовному состоянию (праведность, талант, политическая дальновидность, воля, сила характера) каждого индивида. Ранг, по мнению Ильина, представляет собой некое качество, преимущество одного лица перед другим, обусловленное обладанием им подлинными человеческими ценностями. Философ выделил две стороны ранга — действительную и социальную¹⁹. Присущие человеку такие качества и свойства, как доброта, служение долгу, честность, талант, храбрость, сила характера стремление всегда и при любых обстоятельствах поступать справедливо и др., определяют его внутреннее качество, степень духовного и нравственного превосходства над другими. Социальный авторитет и положение, государственная должность, признаваемые за человеком со стороны общества и государства, определяют его социальный ранг. Реальным осуществлением идеи ранга и, следовательно, воплощением справедливости, по мнению Ильина, является фактическое совпадение двух сторон ранга в каждой личности.

Философ полагал, что на высших ступенях общественной лестницы должны стоять интеллектуально развитые и нравственно обогащенные лучшие люди, к числу которых русский мыслитель относил прежде всего аристократию. Это в свою очередь позволяет предположить, что концепция Ильина носит элитарный, аристократический характер. Выделяя историческую и духовную аристократию, он отдавал предпочтение последней, хотя роль исторической аристократии также признавалась им довольно значительной. Справедливости ради необходимо отметить, что Ильин рассматривал ведущий слой не как замкнутую «касту» или «потомственное сословие», а как нечто подвижное, постоянно пополняющееся новыми людьми, готовое освободиться от неспособных²⁰. Концепция ранга И. А. Ильина основана на ответственности и справедливости, она духовна, склонна к традиции и предполагает отбор лучших людей для управления государством. Справедливость, в свою очередь, является тем главным критерием, который позволяет определить существование истинного ранга.

Итак, тема справедливости является основной в творчестве И. А. Ильина. Философ не только дал подробный анализ этого феномена и выявил различные смыслы его понимания, но и предложил средство достижения справедливости, что, на наш взгляд, представляется весьма важным. Раскрывая нравственное содержание справедливости через ее воплощение в добре, всепрощении и милосердии, мыслитель особо подчеркнул духовную составляющую данного понятия.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Ермишин О. Т., Ермишина К. Б.** Духовный путь и религиозно-философский идеал И. А. Ильина // *Филос. науки.* 2008. № 4. С. 90 — 92.
- ² См.: **Ильин И. А.** О сопротивлении злу силою // *Путь к очевидности.* М., 1993. С. 7.
- ³ **Ильин И. А.** Поющее сердце : Книга тихих созерцаний // *Религиозный смысл философии : три речи 1914 — 1923.* М., 2007. С. 111.
- ⁴ Там же. С. 112.
- ⁵ Там же. С. 113.
- ⁶ См.: **Ильин И. А.** О сущности правосознания // *Собр. соч. : в 10 т.* М., 1994. Т. 4. С. 307.
- ⁷ **Ильин И. А.** *Путь к очевидности.* М., 1993. С. 301.
- ⁸ Цит. по: **Тарасова М. Р. И. А.** Ильин о «Серебряном веке» и модернизме // *Филол. науки.* 2005. № 3. С. 97.
- ⁹ См.: **Ильин И. А.** Путь духовного обновления // *Путь к очевидности.* С. 181.
- ¹⁰ **Ильин И. А.** Путь духовного обновления // *Собр. соч.* 1996. Т. 1. С. 110.
- ¹¹ См.: **Васильев В. А. И. А.** Ильин о добродетелях, пороках и сопротивлении злу // *Социально-гуманитар. знания.* 2006. № 1. С. 181.
- ¹² **Ильин И. А.** Общее учение о праве и государстве // *Собр. соч.* Т. 4. С. 80.
- ¹³ См.: **Ильин И. А.** О сущности правосознания // Там же. С. 197 — 198.
- ¹⁴ **Ильин И. А.** Поющее сердце. С. 110.
- ¹⁵ См.: **Ильин И. А.** О монархии и республике // *Собр. соч.* Т. 4. С. 484.
- ¹⁶ См.: **Ильин И. А.** Поющее сердце. С. 110 — 111.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ Там же. С. 109.
- ¹⁹ См.: **Ильин И. А.** Наши задачи // *Собр. соч.* 1993. Т. 2, кн. 1. С. 352 — 359.
- ²⁰ Там же. С. 272 — 273.

Поступила 09.09.2011 г.

УДК 005.44:316.614.2

Л. Ф. Айзятова

L. F. Ayzyatova

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СОЦИУМОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

MODERNIZATION TRANSFORMATIONS OF POLYETHNIC SOCIETIES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Ключевые слова: социум, модернизация, индустриализация, регион, реформа, развитие, конфликт, политика, идеология.

В статье рассматриваются региональные модернизационные процессы, происходящие в условиях глобализации и играющие существенную роль в современном общественном развитии.

Key words: society, modernization, industrialization, region, reform, development, conflict, politics, ideology.

The regional modernization processes, taking place under conditions of globalization and playing the significant role in modern social development, are considered in the article.

Современные условия наложили на общий ход процесса этногенеза (и в целом исторического развития) ряд специфических черт, связанных в первую очередь с формирующимся глобальным единством мира. Рассмотрим генезис этого формирующегося единства с точки зрения двух равноправных подходов — формационного (линейного) и цивилизационного, так как при сочетании данных подходов можно получить наиболее полную картину данного генезиса.

Говоря о линейном подходе к истории, следует отметить труды М. С. Кагана¹, где показано, что уже на выходе человека из первобытного состояния возникла бифуркация, наметившая три ветви исторического процесса, связанные с доминированием: 1) скотоводства, 2) земледелия, 3) ремесленного производства и торговли. Эти варианты были реализованы: первый — многими народами Евразии и Америки, второй — на плодородных землях Ближнего и Дальнего Востока, третий — древними греками и римлянами. В результате образовались разные типы стабильных, длительно существовавших социальных систем. Однако общество скотоводов-кочевников, живущих всегда «в дороге» и не склонных к созданию вокруг себя «второй природы», устойчивой материально-технической среды, и общество земледельцев со свойственным ему замкнутым и консервативным образом жизни оказались неспособными к выходу на новый аттрактор. В конус нового аттрактора — в «зону притяжения» будущей научно-технической цивилизации, базирующейся на принципах открытого общества — попала лишь траектория развития третьего типа, берущая

начало в античности. Путь, наметившийся в античном мире, вел к росту городов и превращению их в хозяйственные, торговые и культурные центры, к совершенствованию техники и расширению масштабов ремесленного производства до последующего перехода от него к крупной машинной индустрии.

Новая цивилизация родилась в Европе. Правда, и здесь не обошлось без социальных катаклизмов. Римская империя пала. Варварское нашествие на несколько столетий задержало продвижение общества по намеченному в античности пути. Однако возникшее в средневековой Европе на развалинах Римской империи феодальное аграрное общество стало «строительной площадкой», на которой постепенно возводился фундамент будущего здания — индустриального общества. По этому поводу М. С. Каган писал: «...именно город вернул феодальное общество на тот путь, который начала прокладывать античная цивилизация»².

Сокрушив Римскую империю, варвары не смогли уничтожить сохранившиеся на ее руинах элементы античной культуры. Варварские обычаи лишь временно прикрыли их, но они упрямо выступали наружу — в виде римского права (в том числе, что очень важно, права частной собственности на землю), городского самоуправления и гражданских свобод. Сложившиеся в этих условиях феодальные государства средневековой Европы не могли распоряжаться территорией и подданными как своей собственностью. Рядом с государством находились самостоятельные, не подвластные ему силы — наследственная аристократия, городские общины, ремесленные цеха и церковь. Культура и экономика развивались независимо от государства. Это способствовало взлету эпохи Возрождения, за которой последовал век Просвещения, принесший идеалы социального прогресса и ставший истоком быстрого роста капиталистической промышленности в западноевропейских странах.

Вместе с переселенцами из Европы через Атлантический океан в Северную Америку была перенесена и тенденция движения к индустриальному обществу открытого типа. Там это движение, освобожденное от груза сословных и иных ограничений, существовавших в европейских странах, пошло в ускоренном темпе и вывело США в XX в. на передние рубежи в мировой экономике и политике. Этому немало способствовала открытость американского общества для вливания в него других культур, и в особенности активное заимствование достижений западноевропейской культуры.

Конечно, в разных странах новый тип общества обретал национальные особенности. Развитие его, как и всякое историческое развитие, шло через большие и малые, локальные и глобальные бифуркации и кризисы. Однако сила притяжения к аттрактору преодолевала центробежные силы.

Другим было развитие в обществах Востока (скотоводческих и земледельческих). Города в восточных государствах не имели самоуправления и не могли стать, как это было в Западной Европе, носителями нового типа общественных отношений. При скованном неизменными традициями образе жизни, созерцательно-пассивном отношении к миру, деспотизме и всеобщем бесправии не мог появиться тип свободного гражданина, члена самоуправляющейся городской общины, не было пространства для социального и научно-технического новаторства.

Переход к индустриальному открытому обществу в подобных условиях стал возможным только благодаря контакту с европейской цивилизацией и усвоению ее достижений. Однако расширение этих контактов вело к постепенному формированию

единого мирового культурного, экономического, политического и этнического пространства и вхождению путей развития различных стран в зону притяжения к индустриальному открытому обществу.

На этом этапе история вновь привела к возникновению разных траекторий эволюции, однако сходящихся в направлении к единому аттрактору. Если Западная Европа проложила один вариант пути к индустриальному открытому обществу, то Япония прокладывает другой, Россия — третий и т. д. «Зов аттрактора» неодолим, и раз траектории эволюции вошли в его конус, движение к нему остановить невозможно.

Закономерным следствием выхода человечества на общий, единый аттрактор стала глобализация, порождением которой в этнической сфере явилась глобализирующаяся этносфера. Глобализация несет новый уровень самоорганизации человечества во всепланетном масштабе. Исторической эпохе разрозненного существования народов и стран приходит конец. Наступает эпоха их объединения и сотрудничества во всемирном масштабе. Мировой экономический рынок, международное право, непрерывное передвижение через границы государств людей, товаров, денег, информации, стандартов образования и т. д. — все это постепенно формирует глобальное человеческое общество, сплачивает человечество в единый социальный организм. В сущности, лишь в современную эпоху человечество обретает не только антропологическое (биологический вид), но и социальное (целостная социальная система охватывающая весь мир) единство.

Глобальный человеческий мир как единое целое не может двигаться к будущему по разным путям. Развитие методом проб и ошибок становится очень рискованным: выбор ошибочного пути может завести человечество в эволюционный тупик, непоправимая ошибка грозит гибелью уже не одному народу, а всему миру. Найти безошибочный путь развития человечество может лишь при детальном философском (историософском) исследовании сущности и закономерностей исторического пути мирового социума. Исходя из исторического опыта человечества можно сделать вывод, что генеральное направление (вектор) развития заключается в переходе от доиндустриальных относительно замкнутых этносоциальных систем к более масштабным и открытым индустриальным системам, а в итоге к единой общемировой постиндустриальной этносоциальной системе. При этом большие этносоциальные системы нередко копируют (на более высоком уровне экономического, технического и социального развития) предшествующие им малые формы. Так, анализируя древнеримскую историю в период от пунических войн до Октавиана Августа и его преемников, Б. Рассел писал: «...повторение... в широких масштабах тех событий, которые в Греции не выходили за пределы небольших зон»³. Следует отметить, что формирующийся глобальный социум, несмотря на всемирный ареал распространения и на повышенную усложненность своей структуры, в целом подчинен общим закономерностям развития этносоциальных систем. Для предотвращения ошибок был необходим учет опыта других этнических общностей, в особенности крупных суперэтнических систем, соединявших в свое время народы Запада и Востока, различные по уровню социально-экономического, технического и духовного развития. К числу таких этнических систем относятся империя Александра Македонского и Римская империя, а также Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация. Опыт России как суперэтнической системы пред-

ставляется нам особенно значимым. Россия, имеющая своих европейцев и азиатов, своих христиан, мусульман, буддистов, язычников и атеистов, представленная множеством регионов (нередко резко различающихся уровнем социально-экономического развития), может рассматриваться как своеобразная уменьшенная копия глобального мира, как его будущая модель. Появление такой общемировой федерации в будущем весьма вероятно, так как глобализация объективно способствует дальнейшей политической, экономической и этнической консолидации народов.

Опыт развития этнических общностей может быть полезным в вопросах дальнейшего строительства глобального мира. Рассмотрим его на примере генезиса самого формирующегося глобального социума. Сделать это лучше всего в сопоставлении с другими этническими системами в рамках цивилизационного подхода. Описывая генезис глобального мира с точки зрения цивилизационного подхода, мы опираемся на воззрения Л. Н. Гумилева⁴, которые дополняем собственными выводами касательно глобальных процессов.

Этническая история подвижна. Часто в ее ходе более мелкие единицы этнической иерархии перерастают в более крупные (например, субэтнос переходит в этнос, а этнос может перейти в суперэтнос). Формирующийся глобальный социум имеет свое начало, из которого он вырос. Им, по нашему мнению, является западный суперэтнос, благодаря которому в конце XIX — начале XX в. возникло экономическое (базисное) единство мира, положившее позднее, с 1960-х гг., начало единству (крайне мозаичному) в информационной, культурной и идеологической сферах надстройки, что вызвало формирование глобального мира. Поэтому, исследуя генезис последнего, не возможно не коснуться истории западного суперэтнуса, под которым понимаются Западная Европа и ее «заокеанские продолжения» — Америка, Австралия и Южная Африка.

Как отмечал Л. Н. Гумилев, начало западному суперэтносу было положено в конце I тыс. н. э., когда после разрыва «железного обруча империи Каролингов», этого «последнего реликта эпохи великого переселения народов»⁵, на ее обломках образовались независимые народы, составившие западный суперэтнос, которые, ограничиваясь долгое время исконной западноевропейской территорией, с рубежа XV — XVI вв. приступили к колониальным захватам чужих земель (в Америке, Африке, Австралии и Азии).

Общие закономерности развития западного суперэтнуса удивительным образом совпали с общими закономерностями развития его духовных и этнических предтеч — античных цивилизаций Греции и Рима. В рамках западного мира, согласно Б. Расселу, после окончания «героической» эпохи Средневековья, начиная с Нового времени «подобно тому, как это было в Древней Греции, бразды правления народами находятся на первых порах в руках королей», которые затем (как и в античности) «постепенно заменяются демократиями и тиранами». Здесь и там «...аристократия... утрачивает сначала политическое, а затем экономическое значение... наблюдается тенденция к переходу богатых купцов в ряды аристократии». «Со времен же американской и французской революций» в странах западного суперэтнуса, как и в античном мире со времен реформаторов-тираноборцев Клизфена и Брута Старшего (конец VI в. до н. э.), «значительной политической силой становится демократия»⁶. Это сходство в развитии трех этнических систем (Древней Греции, Древнего

Рима и суперэтнуса Запада) объясняется тем, что все они проходили сходный в общих чертах путь эволюции — от аграрного к торговому обществу, и соответственно этой эволюции в рамках их базисов происходила эволюция в их надстройках, которая порождала сходные для всех трех цивилизаций формы модернизации общественного устройства: переход от автократических монархий, от произвола властителей к демократиям, к верховенству права и т. п. В связи с этим продолжим рассмотрение западного суперэтнуса и современного его порождения — формирующегося глобального социума, в сопоставлении с античными цивилизациями, с тем чтобы, имея под рукой законченные этнические процессы в сходных с западным миром античных этносоциальных системах, вывести закономерности перехода западного суперэтнуса в глобализирующийся мир современности, пока еще не проявившиеся до конца, но имеющие возможность проявить себя на момент окончательного вызревания глобализма, тем более что эти черты, присущие всему глобальному миру, могут быть частично отнесены и к входящим в него частям: суперэтнусам и этносам, в частности к российскому суперэтнусу и этносам многонациональной Мордовии.

С XI в. западный мир вступил в полосу интенсивного развития, длящегося около 900 лет: «1000 год, — писал по этому поводу Б. Рассел, — удобно принять как веку, знаменующую завершение процесса упадка цивилизации Западной Европы, которая достигла к этому времени самой низшей точки. С этого момента началось движение по восходящей линии, которое продолжалось вплоть до 1914 года»⁷. В XIX — начале XX в. суперэтнос Запада фактически являлся мировым гегемоном, так как страны, входящие в него, фактически поделили между собой мир. Возникновение этой первой в мире мировой гегемонии (пусть не одной страны, а ряда стран, входящих в один суперэтнос) было связано с таким явлением социально-экономического развития, как индустриальный капитализм, который в отличие от предшествующих формаций, носил не локальный, а всемирный характер.

Мир Запада с началом Первой мировой войны вступил в полосу кризиса, который был вызван борьбой стран — членов суперэтнуса за гегемонию на планете. Этот кризис во многом был сходен (с социальной и политической точек зрения) с кризисом этноса Древней Эллады, начавшимся событиями Пелопонесской войны (431 — 404 гг. до н. э.), когда отдельные эллинские субэтноты (афиняне, спартанцы, фиванцы и др.), подобно этносам западного суперэтнуса (англичанам, французам, американцам, немцам, австрийцам и др.), сражались за собственное господство внутри этнической системы. Первая, а затем Вторая мировые войны подорвали силы западного суперэтнуса так же, как Пелопонесская война свела на нет расцвет Древней Греции, открыв собой эпоху кризиса и эрозии этнической системы. Последствия вышеназванных военных событий были и для греков и для западного мира сходными. Как эллины, так и западные люди начали трансформироваться в этнические целостности большего масштаба: греческий этнос — в эллинистический суперэтнос, а суперэтнос Запада — в формирующийся глобальный социум.

Этот процесс был вполне закономерным. Первая и Вторая мировые войны подорвали экономико-политическое могущество западного мира, если не сломали, то поставили под вопрос его мировую гегемонию. Это проявилось в падении колониальной системы, в массовых миграциях представителей других суперэтнот (ин-

дийского, исламского, российского) в страны Запада. К тому же срок пребывания западного мира в инерционной фазе (согласно Л. Н. Гумилеву, последней достаточно энергетически насыщенной фазе этногенеза) ныне достигает 400 лет (хотя обычный срок инерции — 300 лет), что говорит о неумолимости дальнейшего ослабления данного суперэтноса, входящего сегодня в системный кризис — обскурацию⁸. Ослабляет западную этносистему потеря собственных традиций (корней), что проявляется в отходе от традиционных религий (католичество, протестантизм) или от атеистических воззрений, от традиционного рационализма в сторону повального увлечения мистическими иррациональными учениями, «импортными религиями» и суевериями, проистекающими из маргинальной и безэтнической массовой культуры. Наступает этнический регресс, когда рушится складывавшаяся веками суперэтническая система Запада. Однако сохраняется созданная этим суперэтносом мировая экономическая и политическая система (структура), не терпят упадка созданные им (или при его участии) государства и организации (НАТО, ООН). Только инициатива в управлении этими сохраняющимися элементами начинает уходить из рук представителей западного суперэтноса, переходя к представителям созревающего глобального социума.

Являясь порождением западного мира, данный социум содержанием и наполнением похож на своего европейского предшественника в гораздо меньшей степени, чем эллинистический суперэтнос был похож на эллинский этнос, ибо его переход в эллинистический суперэтнос приходился на начало инерционной фазы развития, при которой эллины могли транслировать свою культуру и поведенческую доминанту покоренным народам, сделав последнюю (хотя и видоизмененную) основным или ведущим началом в культурном коктейле эллинизма⁹. Западные же люди, находясь в стадии перехода в обскурацию (этническое ничто), не в силах привить формирующемуся на их основе глобальному социуму собственную культурную и поведенческую доминанту, так как сами ее утратили¹⁰. Здесь под сопоставлением с современными западными людьми гораздо более подходят римляне, которые также при переходе в этническую целостность большего масштаба (в их случае из этноса в суперэтнос) находились в стадии обскурации¹¹. Что из этого вышло, показывает история: римский этнос (который мы вслед за Л. Н. Гумилевым обозначим термином *Popilius Romanus*), переросший в III в. н. э. в суперэтническую целостность (которую Л. Н. Гумилев обозначил термином *Rex Romana*), сохранил лишь внешние черты (государственность, умение администрировать и т. д.), утратив при этом основополагающие черты (республиканские традиции, древние традиционные институты, менталитет, образ мысли, поведения и мировосприятия). *Rex Romana*, таким образом, достигнув наиболее законченных форм на рубеже III — IV вв. (при императоре Диоклетиане), явил себя полной противоположностью этноса *Popilius Romanus*, из которого он вырос. То же самое, вероятно, произойдет и с суперэтносом Запада, который способен передать возникшему на его основе глобальному социуму лишь наиболее поверхностные, но не глубинные (составляющие его суть) черты. На большее ему, подобно римлянам III в., не хватит сил. Из вышеизложенного следует, что формирующийся глобальный мир возникает на основе западного суперэтноса так же, как *Rex Romana* возник на основе *Popilius Romanus* и подобно тому как *Rex Romana* при достижении своих наиболее законченных форм на рубеже III — IV вв. явил

себя одновременно и как продолжение, и как сильнейшее отрицание римской сущности — этноса *Popilius Romanus*, так и складывающийся глобальный мир, являясь продолжением западного мира, есть в то же время глубочайшее его отрицание. Все это свидетельствует о невозможности формирования поведенческой доминанты членов рождающегося глобального социума на западной основе. Говорить же о сущности формирующихся поведенческих императивов членов глобального социума более детально не представляется возможным из-за неоконченности процесса формирования глобального мира, находящегося сегодня в зоне бифуркационной нестабильности. Однако вследствие его всемирной сущности можно предположить, что формирование данной поведенческой доминанты будет осуществляться в тесной связи с процессом глобализации, что означает постепенное стирание границ между западной и восточными цивилизациями, между суперэтнсами и этносами. Это стирание границ может стать возможным в результате постепенного «подтягивания» стран «третьего мира» к уровню развития государств «золотого миллиарда», катализаторами чего могут явиться миграция населения, дальнейшая экономическая интеграция государств мира, окончательное оформление единого информационного пространства и т. д. (хотя вероятен и обратный сценарий — деградация «золотого миллиарда» до уровня развития «третьего мира», либо сценарий унификации развитых и развивающихся стран на базе усредненного жизненного уровня населения: более низкого, чем сегодня в государствах «золотого миллиарда» и более высокого, чем сейчас в «третьих» странах).

Можно сказать, что глобализация как стремление к универсальному противоположна мультикультурности как ориентации на сохранение и развитие самобытных этнических культур. Разрешение этого противоречия может быть найдено в культурной символизации универсального, императивом которой является, на наш взгляд, толерантность. В этих условиях культура толерантности в полиэтническом модернизирующемся обществе формируется в рамках рационально организованного коллективного сознания. Рациональность ценностных установок предполагает их включенность в пространство дискурса, анализа, понимания и рефлексии. Продуцирование культуры толерантности все более выступает следствием осознанности общей надэтнической, надконфессиональной составляющей индивидов различных социальных групп, которая соединяет их в гражданские нации на уровне отдельных государств глобального мира. Данные гражданские нации, создающиеся в результате взаимодействия граждан разных этносов, имеющих гражданство одной страны, также интегрируются друг с другом и ведут к возникновению единого человечества.

Становление единого человечества, вызванное процессом глобализации, необходимо и для решения глобальных проблем: экологических, военно-стратегических, экономических и др. В связи с этим в основу формирующейся поведенческой доминанты членов глобального социума в будущем может быть положена та или иная стратегия выживания людей в глобализирующемся мире. Примером такой стратегии может служить Концепция устойчивого развития, принятая на конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 г.

Под термином «устойчивое развитие» следует понимать непрерывно поддерживаемое развитие, которое должно прийти на смену стихийному развитию, ставшему особенно опасным в условиях глобализации различных сторон жизни.

Речь идет о фактическом налаживании управления со стороны человечества историческим процессом. Попытка «управлять историей» и прекратить стихийное в ней есть не стремление к сверхъестественному, а закономерный результат объективно-стихийного развития исторического процесса, когда он, достигнув определенного, достаточно высокого уровня, объективно готов к отрицанию собственной стихийности. В то же время, отрицая стихийность истории и вводя ее в управляемые рамки, человечество должно считаться с ее объективными закономерностями, без учета которых управлять историческим процессом невозможно.

«Устойчивое развитие» есть стратегия безопасности для всего человечества, суть которой сводится к совместному решению глобальных проблем — экологических, военно-политических, демографических, технологических и прочих, что в свою очередь можно рассматривать как важный консолидирующий фактор, в том числе в этническом аспекте.

Выживание человечества и продолжение его истории не возможно без коренной экологической перестройки, которую разработчики Концепции устойчивого развития именуют «экологической революцией». Последняя, согласно их воззрениям, должна открыть человечеству дорогу в так называемое экологическое общество, переход в которое, согласно американскому исследователю П. Расселю, имеет столь же большое значение, как возникновение жизни на Земле. П. Рассель уверен, что «человечество быстро приближается к своему решающему часу» и что его ждет либо гибель, либо новый уровень развития¹².

Экологическое общество (если оно будет создано) потребует высокой экологической культуры от своих членов, обретения не просто экологизированного, но и экологического сознания. Следует отметить, что экологическое сознание — это не только сознание человека, исходящего из экологических императивов, представляющих собой совокупности правил, норм и регуляторов общения человека с природой, не только усвоение широкими массами населения уже имеющегося экологического знания, но и его коренная перестройка от обретения экологической грамотности к экологической культуре всего общества. В широком смысле экологическая культура является той частью культуры, которая обуславливает соответствие человеческой деятельности жизнепригодности природной среды. Она включает в себя экологические знания, экологически продуманную технологию, всю систему поведения людей, направленную на сохранение природных условий¹³. Короче говоря, экокультура охватывает всю жизнедеятельность человека.

В развитии экологической культуры большую роль играет экологическая этика. Речь идет об отказе от нанесения ущерба природе, принятии экологически грамотных решений во имя будущих поколений, недопустимости любых природопреобразующих действий, ставящих под угрозу возможность существования. Для этого необходимо специально выделить экологический аспект гуманизма, названный О. К. Флехтаймом *экогуманизмом*¹⁴.

Концепция устойчивого развития, по воззрениям ее разработчиков, должна реализоваться во всех государствах и регионах мира с учетом их специфики, для чего необходимо принимать на уровне отдельных государств и их субъектов собственные концепции перехода к устойчивому развитию. В Российской Федерации такая концепция была принята в 1996 г., а некоторое время спустя на ее основе была

разработана программа перехода к устойчивому развитию Республики Мордовия. Устойчивое развитие, таким образом, со временем может выступить как один из факторов интеграции стран и регионов в единое глобальное целое.

С целью более детального освещения процесса глобализации на этническом уровне рассмотрим его влияние на локальную этносистему. Примером такой этносистемы является мордовская этническая система (мордовский этнос как часть формирующейся гражданской нации полиэтнической Мордовии и как часть российского суперэтноса).

Исторический опыт развития этнических систем показывает, что этнические формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Культурная сокровищница каждого народа все больше обогащается творениями, приобретающими общеземной (глобальный) характер.

Формирование глобального мира означает новый этап в развитии национальных отношений, характеризующийся сближением этносов и суперэтносов. Суть процесса глобализации заключается в преодолении раздробленности человечества и уничтожении обособленности народов. К этой цели идет и развитие исторического процесса. Развитие экономики, возрастающее хозяйственное и культурное общение между народами способствуют появлению общих черт в культуре, морали, быту, усиливают экономическую общность государств в пределах всего земного шара. Экономика каждой отдельной страны развивается как неотъемлемая часть единой экономики глобального мира. В рамках же отдельных государств идет интенсивный процесс смешения этносов. Теряют былое значение такие признаки этноса (этно-нации), как общность территории и экономической жизни.

Общностью территории, экономической жизни и языка характеризовались нации периода XVII — первой половины XX в., главным образом, в государствах, сложившихся как однопациональные¹⁵. В многонациональных государствах (например, в России) национальная экономика выходит за рамки национальности. Для современной эпохи, при всем значении этнически особенного, характерно преобладание тенденции к интернационализации всей общественной жизни. Реальное существование отдельных этнических систем (народностей и наций) без общности территории и языка убеждает нас в обратном — в необязательности проявления признаков во всех случаях и во все времена в форме некой «общности». Так, уже в 1960-е гг. из 1 285 116 чел. мордвы на этнической территории было расселено лишь 357 978 чел. и более 280 тыс. чел. считали родным языком русский. Однако мордва не перестала быть этносом (нацией). Башкиры бытуют как нация без общности языка, а эвенки как народность — без общности территории¹⁶. «Общность территории, — писал известный советский этнограф С. А. Токарев, — конечно, очень важна, она необходима как условие образования этнической общности (ни один народ не мог бы сложиться без территориального общения всех его частей между собою), но в дальнейшей истории народа территориальная общность может ослабеть или даже исчезнуть, вовсе не уничтожая этим и даже не всегда ослабляя этническое единство данного народа: например, мордва, башкиры, якуты, узбеки давно уже не имеют сплошной этнической территории, и отдельные части этих народов почти или совсем не соприкасаются между собой, но это нисколько не нарушает их этнического единства»¹⁷.

В условиях XXI в. глобальное не отделимо от этнического: этнично то, что глубоко глобально. В современную эпоху нет ни одной сферы жизни и быта мордвы, которые бы не претерпели изменения. В настоящее время в характеристике духовного облика мордовского народа определяющее значение имеют также общие черты, формирующие глобальное единство поведенческих доминант, стереотипов мышления, жизненных установок и принципов, которые объединяют его с другими народами РФ и зарубежных стран и отражают их морально-ценностное единство, общность жизненных интересов и целей в формирующемся глобальном мире.

Обычно этносы говорят на одном языке, но в условиях глобализации увеличивается и будет увеличиваться число народов, которые говорят на двух-трех языках. Мордовский этнос развивает свою культуру на двух литературных языках — на эрзянском и мокшанском, вместе с тем мордва хорошо владеет и русским языком. По этому пути идут марийцы и некоторые другие, особенно малые, народности РФ, которым по каким-то причинам трудно преодолеть большие различия в диалектах и создать на базе одного из них единый литературный язык. Следует отметить, что они развивают свою национальную культуру на своих литературных языках, вышедших из диалектов, и на русском литературном языке, который используется как средство не только межнационального, но и внутринационального общения.

Использование русского языка как средства внутринационального общения при тесных экономических, политических, культурных связях и при повседневном общении с русским народом естественно и закономерно сближает мокшанский и эрзянский субэтносы друг с другом, а также с русским и другими народами РМ. В итоге русский язык служит одним из средств интеграции мордовского этноса в глобальное мировое сообщество.

Двуязычие (знание, помимо мордовского, еще и русского языка) представляет собой одно из наиболее характерных явлений языковой жизни мордовского народа на современном этапе. Русский язык стал фактически «вторым родным языком» мордовского народа.

В условиях глобального мира безразлично, какой язык используется для взаимопонимания. Однако существуют определенные закономерности, своего рода «разделение» общественных функций между мордовским и русским языками.

В Мордовии государственная, общественно-политическая и экономическая деятельность в республиканском, районном, городском и сельском масштабе (проведение собраний, конференций; ведение документации) осуществляется на русском языке. Мордовские языки (эрзя и мокша) сохраняют за собой области быта, художественной литературы и искусства.

Интеграция мордвы в составе РФ в глобальные мировые процессы требует освоения иностранных языков — английского, немецкого, французского, а также с учетом связи РМ с финно-угорским миром, — финского, венгерского и эстонского языков.

Важной составляющей интеграции в глобальные мировые процессы является информатизация общества, широко осуществляемая в РФ и РМ как на государственном уровне (разработка, принятие и внедрение соответствующих программ и национальных проектов), так и стихийно (например, резко возросшее за последнее

десятилетие число «компьютерно грамотных» людей, появление новых специальностей, связанных с информатизацией, а также множества пользователей персональных компьютеров с выходом в Интернет).

На протяжении XX — начала XXI в. мордва в значительной мере ассимилировалась с другими народами. Так, в раннесоветскую эпоху в Мордовской АССР преобладало сельское население, с ростом производительности сельскохозяйственного труда в республике высвобождались рабочие руки, и часть населения переезжала в другие районы страны, где ассимилировалась с местными жителями. В результате не только в Мордовской АССР, но и в целом по стране численность мордвы уменьшилась на 11,8 %¹⁸. В ходе углубления и расширения взаимного общения народов СССР (с 1991 г. — РФ) большое распространение получили межнациональные браки, наиболее резко разрывающие этнические связи. Численность мордвы с середины XX до начала XXI в. неуклонно падала по причине смешивания этносов, являющегося следствием все усиливающейся глобализации¹⁹.

Предотвратить депопуляцию мордовского этноса возможно путем построения гибких программ вхождения мордвы в формирующийся глобальный мир, путем возрождения и осовременивания мордовского этнического своеобразия. В сохранении мордовского этноса большую роль может сыграть возрождение промышленного потенциала Республики Мордовия, построение экономического благополучия ее многонационального населения.

Несмотря на отдельные отрицательные моменты, процесс смешения национальностей в условиях глобализации является в целом явлением прогрессивным, вытекающим из закономерностей социально-исторического развития. Через всесторонний расцвет и неуклонное сближение народов с целью их будущего слияния в рамках глобального мира — таково содержание современного витка исторического развития. При этом важно, чтобы на пути к будущему глобальному единству человечества каждый этнос смог сохранить максимум собственного своеобразия и внести его в общечеловеческую культурную сокровищницу будущего.

Из этого следует, что интеграция в глобальные процессы мордовского этноса должна сопровождаться опорой на этнические и геополитические связи. Опора мордвы на связи с родственными этническими системами (как в рамках России, так и в рамках глобального мира — связи с Финляндией, Венгрией и другими странами) позволяет мордовскому этносу входить в глобальный мир не теряя собственной этнической идентичности. Эти связи основаны на культурном и научно-гуманитарном взаимодействии, а также на экономическом и политическом сотрудничестве. Вместе с тем прочность этих связей зависит от устойчивости РМ как компонента целостной системы — РФ, так как лишь в рамках данной системы возможно существование и функционирование как мордовского этноса, так и всей многонациональной Мордовии. Исторически и геополитически РМ неотделима от суперэтнического единства народов Евразии, объединенных рамками российской государственности. Примерами геополитического взаимодействия Мордовии с другими звеньями российской суперэтнической системы могут служить участие республики в ассоциации «Большая Волга», а также тесное сотрудничество с федеральным центром, ее конструктивное взаимодействие с другими субъектами РФ в рамках Приволжского федерального округа и за его пределами.

Таким образом, опора на этнические и геополитические связи является необходимым инструментом сохранения мордовским этносом собственной идентичности при его интеграции в глобальные процессы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Каган М. С.** Философия культуры. СПб., 1996. 516 с. ; **Его же.** Введение в историю мировой культуры. СПб., 2000. Кн. 1 — 2.
- ² **Каган М. С.** Философия культуры. С. 346.
- ³ **Рассел Б.** История западной философии. СПб., 2001. С. 335.
- ⁴ См.: **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. 640 с.
- ⁵ Там же. С. 42.
- ⁶ **Рассел Б.** Указ. соч. С. 583.
- ⁷ Там же. С. 476.
- ⁸ См.: **Гумилев Л. Н.** Указ. соч. С. 80.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: **Рассел Б.** Указ. соч. С. 94 — 95.
- ¹¹ Там же. С. 583.
- ¹² См.: **Кемкин В. И.** Общество на пути к устойчивому развитию. М., 1996. С. 185.
- ¹³ См.: **Мамедов Н. М.** Экологический аспект современного образования // Пед. образование. 1993. Вып. 10. С. 39 — 42.
- ¹⁴ См.: **Яцунский В. К.** Историческая география. М., 1955. С. 185.
- ¹⁵ См.: **Тишков В. А.** Реквием по этносу. СПб., 2003. С. 103.
- ¹⁶ См.: **Яшкин И. А.** К вопросу развития мордовской социалистической нации на современном этапе // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии, 8 — 10 дек. 1964 г. Саранск, 1964. С. 122.
- ¹⁷ Там же. С. 124.
- ¹⁸ Там же. С. 129.
- ¹⁹ См.: **Мокшина Е. Н.** Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Саранск, 1998. С. 98.

Поступила 14.07.2011 г.

УДК 94(470.345):008

А. В. Ломшин

A. V. Lomshin

**РОЛЬ СЕЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА
В УДОВЛЕТВОРЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА МОРДОВИИ В 1975 — 1982 гг.***

**THE ROLE OF RURAL CULTURAL COMPLEX
IN THE SATISFACTION OF CULTURAL NEEDS
OF THE VILLAGERS IN MORDOVIA IN 1975 — 1982**

Ключевые слова: село, культурный комплекс, учреждение культуры, партийное руководство, культурное обслуживание.

В статье показано место клуба, библиотеки и кино в удовлетворении культурных потребностей жителей села Мордовии в указанный период.

Key words: village, cultural complex, the establishment of culture, party leadership, cultural service.

The place of the club, the library and the cinema in the satisfaction of cultural needs of the villagers of Mordovia in the indicated period is represented in the article.

В середине 70-х — первой половине 80-х гг. XX столетия основной формой удовлетворения культурных потребностей жителей села являлся сельский культурный комплекс, который включал в себя клубы дома культуры, библиотеки и передвижные киноустановки.

Наиболее массовым учреждением культуры на селе был клуб, обеспечивавший присущими ему средствами, формами и методами работы пропаганду политической и практической деятельности партии и государства, советского образа жизни, достижений передовой науки, техники, опыта новаторов социалистического производства. Основными функциями клуба являлись следующие:

- коммунистическое просвещение и воспитание трудящихся;
- развитие самодеятельности, инициативы и творчества трудящихся масс в процессе социалистического и коммунистического строительства;
- содействие максимальному развитию разносторонних дарований тружеников села;
- организация разумного отдыха и развлечений.

Министерства культуры и сельского хозяйства Мордовской АССР, руководители колхозов и совхозов, общественных организаций, объединив усилия, способствовали совершенствованию и качественному улучшению работы клубных учреждений. Так, в 1978 г. бюро Мордовского обкома КПСС и Совет министров Мордовской АССР одобрили инициативу трудящихся Ардатовского района о проведении «трехлетки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-13011 а/В.

культуры», посвященной 50-летию Мордовской АССР, которую поддержали в трудовых коллективах колхозов и совхозов. «В итоге за 3 года было построено 28 клубов и домов культуры на 5 600 мест... приобретено большое количество оборудования, музыкальных инструментов...»¹. Наиболее успешно «трехлетка» была организована в Ковылкинском, Темниковском и Инсарском районах. К концу 1980 г. все клубные учреждения республики могли принять одновременно около 112 тыс. человек. Практически все они были обеспечены музыкальными инструментами и техническими средствами культурно-просветительной работы. 574 клуба имели стационарные киноустановки².

Большое место в клубах отводилось проведению массовых мероприятий. Так, только в 1980 г. сельскими клубными учреждениями культуры МАССР было организовано 12 322 тематических вечера, в которых приняли участие 1 157 тыс. чел.; прослушано 29 122 лекции по различным темам; проведено 11 368 спектаклей и концертов художественной самодеятельности³. Многоплановую деятельность клубных учреждений обеспечивали клубные работники.

Особая роль в подъеме культуры и образования сельского населения отводилась библиотекам. Массовые сельские библиотеки успешно осуществляли важные социальные функции — воспитательную и просветительную, оказывали всемерную помощь жителям села в организации чтения профессиональной литературы. При этом, постоянно обогащались содержание и формы работы в зависимости от характера задач, которые вставали перед сельским сообществом⁴.

Обеспеченность сельских библиотек книгами была выше, чем в городе. Заметно росло число выдаваемых книг читателям. Так, если в 1975 г. одному читателю было выдано 17 книг, то в 1980 г. — 19, а в 1981 г. — 21 книга. Заслуживает внимания и тот факт, что несмотря на сокращение в этот период сельского населения, а значит, и числа жителей, приходящихся на одну библиотеку, количество читателей не только не уменьшилось, а, наоборот, заметно выросло. Практически читателями являлись 87 % жителей села. К не читающим относились люди преклонного возраста или с низким уровнем образования⁵. Начавшиеся сложные демографические процессы во второй половине XX столетия в сельской местности России и особенности расселения на ее территории способствовали организации и созданию разветвленной сети нестационарных библиотек, которая включала в себя автобиблиотеки, передвижки, пункты выдачи и т. д., работающие в составе централизованных библиотечных систем или на базе крупных районных библиотек. Только в Нечерноземной зоне насчитывалось около 142 тыс. сельских населенных пунктов, половина из которых имела 50 жителей и менее. Естественно, что в таких поселениях стационарных библиотек быть не могло и заботу об обеспечении жителей этих населенных пунктов книгами брали на себя нестационарные библиотеки.

Среди читателей большое место занимали школьники и молодежь в возрасте до 20 лет включительно — 52 % от всех читателей; в возрасте 25 — 29 лет — 9 %; в возрасте 30 — 49 лет — 26 %; в возрасте 50 — 59 лет — 10 %; в возрасте 60 лет и старше — 3 %⁶. Следует отметить, что падение интереса к книге у сельских жителей в возрасте 25 — 29 лет, вероятно, можно объяснить изменениями в жизненной ситуации: образование семьи (женитьба или замужество), создание нового домашнего хозяйства.

Среди читателей сельских библиотек лиц с неполным средним образованием было 42 %; с общим и средним специальным образованием — 26 %; с высшим и незаконченным высшим — 5 %; школьники и учащаяся молодежь составляла 27 %. Приведенные данные говорят о большой читательской активности сельских жителей, уже имевших образование и стремившихся к его повышению⁷.

С точки зрения социально-профессиональной занятости читателей сельских библиотек самую многочисленную группу составляли рабочие и колхозники — более 50 % от количества всех читателей. В следующую группу входили учащиеся с отрывом от производства, затем — учителя, работники культуры и сельские специалисты⁸.

Потребность в чтении проявлялась в приобретении жителями села литературы для личных библиотек. Желание сельских жителей иметь личные библиотеки фиксировали многие участники социологических исследований. Например, в ходе такого исследования, проведенного сотрудниками Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, было выявлено, что из 68 % опрошенных семей являлись владельцами «карликовых» библиотек, имеющих до 50 книг; 37 % из них хотели бы купить книги и пополнить свои библиотеки; 11 % — совсем не имели книг⁹. Однако основная трудность в приобретении книг заключалась прежде всего в дефиците книжной продукции в магазинах, обслуживающих сельскую местность.

Большой интерес представлял характер читательских предпочтений. В 1981 г. сельские библиотеки выдали 772,6 млн книг (т. е. 21 книгу в расчете на одного человека), при этом 20 % выданных книг относились к общественно-политической литературе, около 15 % — к технической и сельскохозяйственной. Согласно данным статистики в Мордовской АССР в 1981 г. сельскими библиотеками было выдано около 6,5 млн книг¹⁰. При выборе книг, предпочитаемых сельскими жителями, определяющую роль играли: место работы человека, т. е. характер и содержание труда; уровень образования; количество свободного времени и др.

Естественно, что уровень потребности в чтении специальной литературы находился в прямой зависимости от характера и содержания труда сельского жителя. Наиболее предпочитаемой была историческая и художественная литература. Однако следует отметить, что отдельные отрасли знания почти не пользовались спросом — это естественно-научная и искусствоведческая литература. В среднем на каждую сельскую библиотеку приходилось 300 книг по естествознанию, математике, медицине и около 200 книг по искусству¹¹.

Бурный рост общеобразовательного и культурно-технического уровня сельского населения, дальнейшее развитие потребности в чтении и получении новой научно-технической информации соответственно требовали и совершенствования библиотечного обслуживания.

В связи с этим в середине 70-х гг. XX столетия библиотеки направили усилия на информационное обслуживание читателей, которое заключалось в дифференцированном обеспечении различных категорий специалистов информацией о новинках литературы; наглядной пропаганде достижений науки и передового опыта на производственных участках колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

Неотъемлемой частью духовной жизни жителей села было кино. Оно было доступно широким слоям населения, разным по уровню образования, возрасту и положению. Во второй половине 1970-х гг. наблюдалось повышение интереса к кинематографу. Если в 1975 г. на одного сельского зрителя приходилось 14 кинопосеще-

ний, то в 1980 — 18¹². В 1982 г. в селах Мордовской АССР действовали 767 стационарных и 22 передвижные киноустановки, число посещений киносеансов составляло 6 212 тыс. чел.¹³ По сравнению с предыдущими годами уменьшилось число киноустановок и снизилось количество посещений киносеансов. Это объясняется сокращением числа мелких сел за счет их укрупнения, а также увеличением количества приобретенных сельскими жителями телевизоров. Помимо обозначенных причин снижения престижа кино в исследуемый период, следует отметить, что репертуар в основном состоял из повторных фильмов, новые поступали на село со значительным опозданием.

Кино как массовое искусство пробуждало и удовлетворяло высокие запросы различных социальных групп населения. В деревне его значение было велико, однако необходимо было заниматься организацией сельского кинопроката, учитывать особенности, культурные запросы и потребности ее жителей.

Таким образом, сельский культурный комплекс, состоявший из клубов (домов культуры), библиотек и передвижных киноустановок, играл большую роль в сельской жизни. Он удовлетворял потребности человека в общении, создавал благоприятную атмосферу для развития его культурного потенциала.

Библиографические ссылки

¹ Житаев В. Л., Седина И. В. Культурное строительство на селе Мордовии : 1945 — 1995 гг. Саранск, 2006. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ НА НИИГН. Ф. И-1117. Л. 36.

⁴ См.: Задачи библиотек в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 31.

⁵ НА НИИГН. Ф. И-1117. Л. 38 ; Книга и чтение в жизни советского села : исслед. Гос. б-ки им. В. И. Ленина. М., 1975. Вып. 5. С. 4.

⁶ См.: Селигерский А. П. Книжные фонды массовых библиотек. М., 1981. С. 31 — 37.

⁷ Там же.

⁸ См.: Осипова И. П. Чтение в жизни села. М., 1981. С. 38.

⁹ См.: Книга и чтение... С. 5.

¹⁰ НА НИИГН. Ф. И-1117. Л. 42.

¹¹ Там же. Л. 44.

¹² См.: Житаев В. Л., Седина И. В. Указ. соч. С. 114.

¹³ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985 гг. Саранск, 1986. С. 193.

Поступила 25.05.2011 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

В

ВА́РДА (В а р д ы н е; м. варда «чёрт, злой дух, нечистая сила», э. вардо «раб, невольник; враг»), полумифич. существо, олицетворяющее нечистоту, демонич. силу и способное перевоплощаться в различные образы. В одном случае — это хитрая и злая девочка, коварная девушка, в др. — злая женщина, старуха в лохмотьях. У мордвы-мокши В. — сверхъестеств. существо в образе человека с рогами и хвостом (см. также *Атпаро*, *Афпар*).

В ряде сказок о чудесном бегстве термин «варда» фигурирует как синоним слова «уре» (м., э.), имеющего значение «раб». А. И. Маскаев предполагал, что в образе В. нашло отражение наличие семейного рабства, где рабом являлся иноплеменный человек. Проявив хитрость и коварство, В. может обмануть человека, завладеть его одеждой, украшениями, деньгами и т. д. В эрз. свадебных причитаниях словом «вардокс-чи» (рабство) наз. замужество: «Ужодо, ялган, ёвтниса, кода манявинь вардокс-чис» — «Подождите, подружки, расскажу, как я далась в обман замужеству» (Евсевьев М. Е., Эрзянь-рузонь валкс,

Мордовско-русский словарь, М., 1931, с. 60). Замужество, отождествляемое с рабством, приходит к невесте в образе брата, сестры или отца: «Васьня сакшность вардокс-чись диринь тетянь тускесэ...» — «Сначала приходило замужество в облике батюшки родимого...» (Там же, с. 60 — 61). В сказках В. отнимает у сестры двух братьев одежду и выдаёт себя за сестру. Её разоблачают, привязывают к хвосту семилетнего жеребца, к-рого пускают бегом: «Жеребца выпустили, голова Варды отлетела, как помело, руки, как грабли, ноги, как крючья, живот, как корыто» (УПТМН, т. 3, ч. 2, с. 269). На спине у В. метка — железная ложка. Изображение В. с пренебрежением, враждебно, без всякого сострадания к её неприглядной участи показывает отношение к олицетворяемому ею явлению — рабству.

Оберегом от В. служила *вышивка* на рубахе (на груди и по подолу) или материнские слёзы (вариант — плевки), приобретающие магич. силу.

В рус. сказке отдалённое сходство с В. имеет Лихо, предстающее в облике худой женщины без одного глаза.

При иллюстрировании мордов. сказок образ В. попытались представить

* Начало в № 2 — 3, 2011.

Л. В. Попов и Ю. В. Смирнов. В их трактовке В. — полулысая худая старуха в лохмотьях.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Эрзянь ёвкст / сост. М. Е. Евсевьев. М., 1928; Мордовские народные сказки / сост. А. И. Маскаев. Саранск, 1954; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2; Эрзянские сказки. Саранск, 1967; Мордовские народные сказки / сост.: А. И. Маскаев, К. Т. Самородов. Саранск, 1970; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985; Народные сказки / сост. Т. С. Баргова. Саранск, 1996. (Сказание о мордвях; т. 3).

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М., 1931; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947.

А. М. Шаронов.

ВАРМА́ВА (м., э.; варма «ветер», ава «женщина»), божество жен. рода, повелительница ветра, олицетворяющая его благотворную и разрушительную силу. Появилась из яйца Иненармунь (см. *Великая птица*), её сёстрами являются богиня урожая Норовава и богиня леса *Вирява*: «Колмонинест патят-сазорт роднойнеть: / Норовава, Вармава, Вирява» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 5, S. 68) — «Втроём они родные сёстры: / Норовава, Вармава, Вирява». Образ В. не приобрёл определённые черты. Она изображается не имеющей ног, рук, крыльев и языка: «А пильгинеть, а кедеть, / а крылынеть, а сёлмткетъ. / Пильгевтеме тон якат, / сёлмовткеме тон ливтнят. / Кош тонь кельнеть а корты, / тонь вайгелеть маряты» (Ibid., Bd. 6, S. 144) — «Ни ног, ни рук, / ни крыль-

ев, ни перьев у тебя. / Без ног ты ходишь, / без крыльев ты летаешь. / Хотя язык твой не говорит, голос твой слышен». При тихой погоде В. спит, при непогоде — поднимается. В хорошем настроении приносит тучи на поля с благодатным дождём, разбушевавшись по к.-л. причине, вихрями и ураганами губит посевы, разрушает дома, раздувает пожары, разносит *болезни*. Злой нрав свой В. проявляет по отношению к тем, кто её не почитает, не обращается к ней с молитвами.

В. живёт на небе, в четырёх бочках по четырём углам Земли, за морями и лесами. У неё есть дети, к-рые также пребывают в бочках и собираются на её голос. Ветры В. держит под замком, на засовах и время от времени выпускает. Место действия В. и её ветров — небо и земные просторы. Когда В. зовёт своих детей — ветер дует со свистом, когда дети играют — возникает ураган, когда В. накрывает их — метёт. В. находится в непосредств. подчинении Нишкепаза. На жалобу своей снохи, что В. засорила ей глаза, он говорит: « — Ватта молян вармати, / Монь апак кизефтть ков якась. / Вармавась пешкодсь тяфттане: / — Тонь апак кизефтть ков молян!» — « — Вот я скажу тому ветру, / Чтоб не шлялся без нашего ведома. / Отвечает мать ветра так: / — Без твоего ведома куда я пойду!» (УПТМН, т. 1, с. 67 — 68, 70).

Отсутствие в образе В. антропоморфных и социально окраш. признаков указывает на то, что он не претерпел заметной ист. трансформации и сложился в то время, когда сила ветра ещё не получила хоз. применения.

В. имеет сходство с мар. божеством ветра Мардеж ава.

К образу В. обращались худ. Н. С. Макушкин, С. В. Нестерова.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5, 6.

Лит.: Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВАРМАЗЭЙ (э.), мифол. персонаж. Упоминается в молениях: в одних случаях — как самостоят. божество ветра («Нишкепазонь, Шкайпазонь, / Верепазонь, покш пазонь, / ули путонь кудозо, / ули вельтянь керезэ. / <...> / Вармазеень томбале, / сисем немель удало» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 6, S. 210) — «У Нишкепаза, Шкайпаза, / у Верепаза, великого бога, / есть дом, / есть крыша. / <...> / Далеко от Вармазей, / за семью небесами»), в др. — как синоним обозначения божества ветра *Вармавы* («Вармава-Вармазей, / Вармава-Пувазей! / <...> / Пильгевтеме тон якат, / сёлмовткеме тон ливтнят» (Ibid., S. 144) — «Вармава-Вармазей, / Вармава-Пувазей! / <...> / Без ног ты ходишь, / без крыльев летаешь»). Данное обстоятельство говорит о том, что обозначения «Вармазей» и «Вармава» окончательно не дифференцировались и первое сохранилось как субстанциональный эпитет второго. В мокш. яз. словом «вармазей» наз. колдун, злой дух.

Тексты: Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВАСАЛЬГЕ (м.), земная девушка, к-рая становится снохой Верховного бога мокши Шкай. Гл. героиня одного из многочисл. вариантов мифоэпич. песни о Литове, с сюжетом о похищении земной девушки одним из небесных божеств.

Песня о В. имеет традиц. зачин, характерный для песен о Литове: рождение долгожданной дочери у старика и старухи, у к-рых уже есть семь сыновей. Однако рождение дочери не приносит родителям радость, т. к. она плачет днём и ночью. Отчаявшись найти способ успокоить ребёнка на земле, мать обращается к Богу: « — Ухай, Оцю Шкай, мярьган Шкабаваз! / Пине лоткафтсы — а сонь пиненди, / Тува лоткафтсы — а сонь тувонди» — « — Ох, всевышний! Скажу: господи! / Пёс ребёночка, что ль, остановит? / Пусть собаке тогда он (достанется), / А свинья его остановит, — / Пусть тогда он свинье (достанется)» (УПТМН, т. 1, с. 72, 74). Услышав эти слова, Бог спускается на землю в образе белого борзого пса и, качнув хвостом зыбку, успокаивает плачущего ребёнка. С тех пор В. перестаёт плакать и вырастает красивой девушкой.

Мать, помня о своём обещании, оберегает В. и в то же время страшится того часа, когда Бог заберёт её к себе. Однако этот день настаёт и, несмотря на неустанный надзор братьев, Бог забирает В. на небо. Так, когда мать отпускает В. на улицу, братья сажают её на качели, «вверх качнули её — ветерок пахнул, / Полетела вниз — полил тихий дождь. / Ещё раз качнули, грянул тихий гром, / Засверкала тихая молния. / Опустились качели пустые. / Повенчалась Васальге

с сыном вышнего бога» (Там же, с. 75). Бог мог забрать В. в любое время, т. к. она была ему обещана, но он ждал, когда она станет взрослой, чтобы выступить в роли снохи или жены в небесной семье, как и в сказках, где змей похищает девушек, достигших определённого возраста.

Размеренная и спокойная жизнь В. на небе нарушается из-за её ослушания: открыв запретный амбар, она видит внизу земной мир и родительский дом. Тоска и печаль охватывают В. Бог, узнав о причине слёз снохи, отпускает её на землю к родителям с условием возвращения на небо в назнач. срок.

В этой песне прослеживается мифол. сюжет, в к-ром осн. внимание сосредоточено на личной судьбе мокш. девушки, безропотно принимающей свою участь, когда она становится снохой Верховного бога. Несмотря на тоску по земному дому, она не просится на землю, Бог сам отпускает её в гости к родителям. Такое поведение В. объясняется тем, что она рождается по благословию Бога и с младенчества обещана матерью ему в снохи. По традиции девушка подчиняется воле родителей.

Песня о В., несмотря на наличие в ней мифол. персонажа, воспринимается во многом как реалистич. В ней реалистически изображаются семейные отношения в мордов. деревне, противоречивое отношение родителей к дочери, её глубокие переживания.

По мнению исследователей, в песне о В. представлены мотивы сказки об обещанном сыне (по Аарне — Андрееву сюжет № 313).

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964; Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001.

А. М. Шаронов.

ВАСИЛЬЕВ (К р и в о в, К р и в о й) Несмеян (дата рождения неизв., д. Б. Сескино Нижегородского у. Нижегородской губ. — 1744), рук. и идеолог нац.-религ. *восстания мордвы Терюшевской волости 1743 — 45*. По мнению А. Е. Захаркиной, задолго до восстания принимал участие в действиях отд. повстанч. отрядов и групп. Один из авторов прошения владельцу земель волости царевичу Бакару Вахтанговичу (апр. 1743), в к-ром отстаивал ценности языкч. мордов. религии: «...христианской веры принять не можем, а желаем быть в своей старой мордовской вере по-прежнему, а мечетей у себя никаких не имеем, а молимся по своей старой мордовской вере в полях и лесах» (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, Саранск, 1940, т. 2, с. 289). Активно выступал против политики насильств. христианизации. В мае 1743 встал во главе мордов. крестьян, выступивших в защиту языкч. кладбища, разоряемого под руководством епископа Нижегородского и Алатырского Дмитрия (Сеченова). В знак отступничества от христианства и возвращения к родной вере сорвал с себя крест и расколол икону. В свящ. роще у д. Б. Сескино был организован штаб восстания, принявший решение об активной обороне. При этом «мордва из всех сёл и деревень, оставя дома свои, и пожитки, и всякое движимое и недвижимое имение без охранения, с жёнами своими и детьми, от престарелого до сущего младенца, бежали в леса и разные места» (Там же, с. 297). В нояб. 1743

отряды крестьян под руководством В. были разбиты правительств. войсками у д. Лапшиха. Сам В. добровольно сдался властям и был отправлен в г. Москву. Как «нераскаявшийся еретик и бунтовщик» был сожжён на костре у с. Сарлей. Возвыш. оценку В. дал В. К. *Абрамов*: «Подвиг этого простого крестьянина чист и прекрасен. Призванный своим народом, он не уклонился от тяжкой доли вождя „в борьбе без надежды на успех“. Его не смутили величие и мощь императорской власти, не испугали штыки и пушки карателей, не сломили многомесячные пытки и ожидание страшной казни. Он принял смерть под кликушество церковников о вечных муках, ожидающих его в аду. И не изменил ни себе, ни своему народу» (*Абрамов В. К.*, По следу времени, Саранск, 1991, с. 114).

Тексты: Рус. обозр. 1893. № 8, 10; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2.

Лит.: **Можаровский А.** Терюшевское действо // Нижегород. губерн. ведомости. 1892. № 2 — 4; **Титов А.** Терюшевский бунт // Рус. обозр. 1893. № 9; **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; **Захаркина А. Е.** Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг. // Зап. / НИИЯЛИ. Саранск, 1952. Вып. 15; **Абрамов В. К.** Несмеян Васильев // Просторы: лит.-художеств. сб. Саранск, 1989; **Его же.** По следу времени: очерки об изв. ист. деятелях. Саранск, 1991; **Юрчёнков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991; **Его же.** Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Ч. 1; **Kappeler A.** Russland erste Nationalitäten: der Zalenreich und die Völker Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jh. Köln; Wien; Böhlau, 1982.

В. А. Юрчёнков.

ВА́СТОЗАЙ (м.), **ЭЗЕМОЗА́Й** (э.) (м. васта «место», э. эзем «лавка, скамья»; м. э. озамс «сесть»), человек, замещающий умершего на поминках.

Своеобразное проявление культа предков у мордвы — присутствие на поминках человека, выполняющего ритуально-магич. роль покойного. В этом обычае налицо не только двойств. отношение к умершим со стороны сородичей, но и представления, указывающие на связь между покойным и его родовой группой после физич. смерти, а также на сверхъестеств. возможности, к-рые он приобретает. Этногр. материалы представляют многообразные варианты проведения поминок с участием В., Э. на 3, 9, 20 и 40-й дни. При этом характерными для всех поминок являлись осн. структурные части: приглашение В., Э. родственниками, приход В., Э. в дом, угощение В., Э., беседа с В., Э. и проводы В., Э. Данные структурные части в содержательном плане имели локальные особенности, присущие определённым насел. пунктам. Самыми значит. являлись поминки на 40-й день, т. к. предполагалось, что душа умершего до этого дня находится дома, а потом переходит в иной мир. Поэтому на поминках 40-го дня роль В., Э. существенно возрастала и все церемонии, связ. с ним, соблюдались особенно тщательно.

В качестве В., Э. выступал родственник, имевший тот же возраст, пол и внеш. сходство с умершим, или др. человек, к-рого ещё при жизни выбирал сам покойный. Для большего сходства с умершим В., Э. одевался в его одежду. Впоследствии он принимал участие в др. важных семейных обрядах. В нек-рых случаях покойного могли представлять его носильные вещи: костюм, из к-рого делали чучело и ставили в передний угол; одежда и обувь, располагавшиеся на том месте, где до похорон находился труп,

причём в том порядке, в каком они обычно надеваются на человека. Потом эти вещи отдавали бедным или нищим.

Выполнение функций В., Э. начиналось с момента приглашения его в дом на поминки. До этого времени он должен был находиться на кладбище — у могилы умершего и, прячась, дожидаться приезда его родственников. В., Э. мог показаться только после обращения к покойному с просьбой выйти из могилы. Появление В., Э. сопровождалось со стороны приглашающих бурным выражением эмоций и различными почестями. В нек-рых случаях В., Э. приглашали и встречали у *ворот* дома умершего.

В ряде местностей к поминкам забивали лошадь покойного. Иногда во время поминок хозяин приводил к дому осёдл. лошадь умершего. В., Э. садился на неё и сначала проходил небольшой отрезок пути, потом увеличивал расстояние, а дойдя до конца улицы, скакал галопом. Все присутствующие на поминках встречали его у ворот и чествовали как самого покойного. В др. местностях В., Э. на лошади, принадлежавшей когда-то умершему, скакал до могилы. Здесь он вырезал из хвоста лошади пучок, кидал его на могилу и приговаривал: «Для тебя эта лошадь, пользуйся ею, не отдавай никому». Срезанное символизировало само животное, якобы приносимое в жертву.

В доме, где проводились поминки, В., Э. занимал обычно место покойного, иногда его сажали на подушку или перину, на к-рой тот умер. Если умершего представляла только его одежда, свёрнутая в виде куклы, её клали на лавку, где когда-то лежал покойный. В., Э. усердно угощали, откладывая по ложке из каждого поминального блюда и отливая от каждого напитка, осведомлялись о его «жизни на том свете» и ранее умерших. Члены семьи покойного тоже ухажива-

ли за ним, а дети наз. отцом. В течение ночи В., Э. находился среди поминающих и рассказывал о «своей загробной жизни» и о «жизни» ранее умерших родственников: «...у кого хорошие лошади, кто занимается извозом, кто увеличил своё состояние, кто занимается пчеловодством, кто пьянствует, кто женился и т. д.» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 85). Содержание рассказов В., Э. свидетельствовало о своеобразных воззрениях мордвы на загробную жизнь, к-рая представлялась им подобием земной.

В отд. случаях сидящего на стуле В., Э. относили на гумно и там он имитировал срубание дерева, к-рое якобы будет переправлено с ним в иной мир. Иногда для этого ездили с В., Э. в лес, срубали там дерево, а его ствол, обёрнутый в холст, привозили домой. Позднее из него делали к.-л. предмет домашнего обихода. В др. случаях В., Э. вели на гумно, где ему давали лопату и молотильную цепь, к-рые он без слов отбрасывал и возвращался в дом. В Пензенской губ. практиковалось участие В., Э. в уборке несжатой полосы для покойного (мужчины — зерновые, женщины — конопля). В., Э. сжинал оставленное и участники поминок благодарили его.

Важным моментом беседы с В., Э. являлись его наставления и пожелания, обращ. к живым родственникам и присутствующим: он советовал им жить по законам и обычаям своих предков, беречь своё хоз-во, желал благополучия и хороших урожаев, а главное — помнить и почитать предков. В этот момент старшие участники поминок становились ближе, младшие — позади них и все одновременно падали ему в ноги.

Исходя из представлений о смерти, мордва считала, что покойный после 40-го дня в загробном мире присоединяется к умершим предкам своего рода,

поэтому при проходах В., Э. родственники просили передать им приветы. В., Э. кланялся всем и обещал выполнить порученное.

Проводы В., Э., составляющие осн. элемент поминок 40-го дня, имели множество вариантов. В одних случаях В., Э. выносили из дома на руках или сидящего на табурете. За воротами он одаривал всех родственников подарками, после чего под плач женщин его провожали до кладбища. В др. случаях В., Э. отвозили на кладбище на лошади. Там он переодевался в свою одежду и один возвращался в деревню. Иногда В., Э. доставляли на кладбище на телеге, а до могилы несли на руках и сажали здесь на подушку. При прощании он благодарил провожающих, быстро вскакивал на ноги и бросал подушку в телегу. В отд. случаях В., Э. брали под мышки, несли на поле далеко от деревни, оплакивали и оставляли одного. Есть примеры, когда В., Э. провожали только за ворота. Вытаскивая его за ворота, вслед бросали мусор и помои, при этом наказывали больше не приходите к ним и ничего не брать. При прощании В., Э. дарили или предметы одежды из холста, или мелкую медную монету, а чаще скоблили по монете ножом, что тоже символизировало подарок.

Иногда проводы имели продум. сценарий, в к-ром В., Э., отойдя немного от дома, должен был вернуться за пирогом, оставл. ему под забором крайнего дома. По договорённости он появлялся неожиданно, а пожилая женщина, находившаяся там, быстро убежала, опасаясь, что её укусит «покойный». Все остальные участники поминок, собрав остатки еды, спешно расходились. Характерно, что при проходах В., Э. на 40-й день его просили больше не появляться среди живых и не беспокоить их.

В., Э. имеет сходство с мар. замещающим покойника Вургем чийыше.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания. Саранск, 1979.

Лит.: **Ауновский В. А.** Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Плачи восточных финно-угорских народов : (Сравнительно-типологич. изучение). Минск, 1990 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Тойдыбекова Л. С.** Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.*

ВАЧАЙКА, персонаж героико-ист. песни, отец девушки Саманьки, прославившейся подвигом, соверш. при взятии г. Казани. В. — добрый и любящий отец, полный решимости встать на защиту дочери, когда ей угрожает опасность. Ещё одно достоинство В. — богатство, он «деньги сгребал лопатой» (УПТМН, т. 1, с. 290). Лит. версия образа В. разработана А. М. Шароновым в «Мастораве». Здесь В., прежде чем отпустить дочь под Казань к царю Ивану Грозному, подвергает её испытанию на смелость, как это делает эрзянин Мурза в одноим. песне. Испытание дочери отцом — В. обращается диким медведем и преграждает ей дорогу — мифологизирует его образ, привнося в него элементы тотемизма.

* Статьи Н. Г. Юрчёнковой подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 11-11-13005 а/В).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010.

А. М. Шаронов.

ВЕДЬГЁВСЭ (э.; «на водяной мельнице»), нар. игра, основ. на представлениях мордвы о мельнице как о месте сосредоточения покровителей *воды* и нечистой силы. Л. В. Седова записала в с. Канаклейка Ардатовского р-на Мордовии быличку, к-рая повествует о том, что при стр-ве водяной мельницы необходимо было приносить жертву *Ведяве*, чтобы она не сорвала запруду и не оставила мельницу без воды. Для этого хозяин мельницы нанимал человека, умеющего хорошо нырять. Он должен был якобы спросить у Ведявы, какая жертва ей нужна, — девушка или молодая сноха. За это хозяин должен был заплатить ныряльщику столько, сколько тот запросит.

В наст. время у мордвы встречается народно-обрядовое игровое действие В., опис. В. С. *Брыжинским*. В игре принимают участие: хозяин мельницы, чёрт, два мальчика, изображающих водяное колесо, четыре девочки, изображающие жернова, и помольщики. Действующие лица собираются на лужайке, где расположена мельница, а рядом с ней — овраг с водой. В нём до начала игры прячется чёрт. Приходит хозяин мельницы, бросает вожжи и приводит в движение водяное колесо. Мальчики, изображающие его, начинают крутить верёвку (лопасти колеса) по вертикальному кругу. Следом за водяным колесом приходят в движение жернова, т. е. девочки начинают ходить по кругу. Через нек-рое вре-

мя собираются помольщики, изображая поклажу на спине. Они подходят к жерновам с разных сторон и как бы высыплют в них зерно, а затем встают вокруг них. За всем происходящим на мельнице наблюдает, высунувшись из воды, чёрт. Дождавшись, когда мельник куда-нибудь уйдёт, он подходит к одному из помольщиков и, похлопывая его по плечу, заставляет обернуться и выйти из круга. Помольщик, как загипнотизиров., идёт за чёртом и вместе с ним уходит под воду. Т. о. постепенно все помольщики оказываются под властью нечистой силы, а вместо них появляются черти, к-рые образуют вокруг жерновов свой круг. Они начинают бесноваться и заставляют вдвое быстрее крутиться водяное колесо и жернова. Неожиданно возвращается мельник и, увидев, что творится вокруг водяного колеса, развязывает вожжи, бросает один конец мальчикам, второй оставляет у себя и начинает стягивать вожжами беснующихся чертей к жерновам. Когда черти оказываются настолько близко к жерновам, что уже касаются их плечами, у них отпадают рожки и хвосты и они превращаются в людей. Только один, первым вышедший из воды, остаётся чёртом. Вырвавшись из стянутого круга, он бежит к оврагу и скрывается в воде. Мельник же тем временем собирает вожжи в моток, водяное колесо и жернова начинают крутиться в прежнем ритме, а помольщики, расширив свой круг, продолжают двигаться вокруг жерновов.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

ВЕ́ДЬМА, персонаж демонологии, сочетающий в себе черты реальной женщины, обладающей сверхъестеств. способностями от природы или получившей их в процессе жизни, и демона. Само назв. характеризует В. как «ведающую, обладающую особыми знаниями» (ведьмачить, ведьмовать означает «колдовать, ворожить»). Сочетание в В. чело-веч. и демонич. начал может пониматься как наличие двух душ: обычной, чело-веч., и злой, демонич.

По воззрениям мордвы, В. отличаются от обычной женщины особые приметы — горб, хромота, бельмо на глазу или др. физич. недостаток. Кроме того, у неё хмурый взгляд, воспалённые глаза, она не смотрит человеку в лицо. В. могли считать одинокою, неприветливую, со странностями женщину, живущую на краю села.

В отличие от знахарок (по большей части пожилых женщин, занимающихся врачеванием) В. имеют более разнообразные способности и умения. Обладание ведовской силой может быть или врожд., получ. от матери-В., или приобрет. — от умирающей В.

Согласно распростран. представлениям, за связь с нечистой силой В. наказывается трудной смертью: она не может умереть и страшно мучается, пока не передаст к.-л. свои знания. Поэтому, умирая, В. может наделить своими умениями ничего не подозревающих родственников, знакомых — через чашку, *веник* и др. оказывающиеся под рукой предметы.

В. умеет быстро передвигаться (летать) на палке, на хоз. утвари. В доме имеет особую связь с очагом, печью, обычно колдует возле неё. Если опрокинуть у печи ухват, то В. потеряет способность колдовать, если же повернуть печную заслонку дужкой внутрь, то покинет дом и не сможет в него вер-

нуться. В. летает (вылетает из трубы) дымом, вихрем, а чаще — птицей. Вообще труба — излюбл. путь В. из дома и в дом.

В. иногда оборачивается иглой, клубком, мешком, копной сена. Однако чаще всего она принимает облик птицы (сороки), свиньи, лошади, кошки, собаки, а также стремительно катящегося колеса. В *быличках* В. представляется свиньёй или чёрной собакой. В виде свиньи она гоняется за прохожими, кусает их, рвёт на них одежду, а также сбивает с ног и катает по земле, не давая подняться до тех пор, пока не удастся ударить её чем-л. наотмашь, — тогда В. пропадает. В виде чёрной собаки она запрыгивает на человека и заставляет носить её до изнеможения по деревне. В. колдует, оборачивается, летает или бежит в образе животных обычно в сумерках, вечером, ночью, чаще в полночь.

Согласно поверьям мордвы, В. властна над разнообразными проявлениями бытия природы и человека. От неё могут зависеть урожай и неурожай, *болезнь* и выздоровление, благосостояние скота и часто даже перемена погоды. В. может напускать порчу на людей, преследуя их в образе животных, пугая, кусая и даже заедая, «заезжая», а также через ветер, *воду*, разные предметы и посредством прикосновения или взгляда.

Область чело-веч. чувств (любви и нелюбви, привязанности и т. п.) традиционно считается особо подверж. ведовству и открывает простор для действий В. Только знающие и избр. В. не на ветер пускают заговорные слова, а закладывают в наговорённые вещи, именно в то, что потом будет врачевать, успокаивать и утешать, по желанию. В. могут устраивать свадьбы, насыпать порчу на новобрачных. В таких случаях, чтобы не дать В. проникнуть во двор и в

дом, использовали различные обереги: рисовали на дверях кресты, в столбы ворот и косяки дома втыкали ножи, топоры, дверные щели затыкали крапивой или ветками сосны, *берёзы*, клёна. Если В. всё-таки удавалось проникнуть в дом, она вела себя очень беспокойно и не могла совершить задуманное.

Мордва верила, что В. даже после смерти не успокаивается и по ночам навещает свой дом. Чтобы предотвратить такие посещения, её надо хоронить лицом вниз или пробивать осиновым колом её гроб.

В мордов. нар. сказках в роли В. выступают *Варда* и Яга-баба.

В изобразит. иск-ве образ В. создал А. С. *Алёшкин*, представив её в виде старухи в нац. одежде с клюкой на свинье.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Эрзянь ёвкст / сост. М. Е. Евсевьев. М., 1928; Мордовские народные сказки / сост. А. И. Маскаев. Саранск, 1954; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2: Эрзянские сказки. Саранск, 1967; Мордовские народные сказки / сост.: А. И. Маскаев, К. Т. Самородов. Саранск, 1970; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982; Устно-поэтическое творчество мордовского народа Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985; Народные сказки / сост. Т. С. Баргова. Саранск, 1996. (Сказание о мордве; т. 3).

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947; **Виноградова Л. Н.** Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме // Балканские чтения. Т. 1: Образ мира в слове и ритуале. М., 1992; **Мишле Ж.** Ведьма. Женщина. М., 1997; **Эстес К. П.** Бегущая

с волками: Жен. архетип в мифах и сказаниях. М.; Киев, 2003; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

ВЕДЬМАСТОРАВА (м., э. ведь «вода», мастор «земля», ава «женщина, мать»), мастор «земля», ава «женщина, мать»), божество *воды*. Образ В. в отличие от *Ведявы* не имел повсеместного распространения. Зафиксирован в с. Теризморга Инсарского у. Пензенской губ. (совр. с. Ст. Теризморга Старошайговского р-на РМ), с. Козловка Бугульминского у. и с. Вечканово Бугурусланского у. Самарской губ. В. живёт в дальних местах и ходит под землёй. Она изображается бурлящей серебром и текущей золотом. При бесплодии, а также при родах, полагая, что покровительница воды может смягчить боль и защитить новорождённого, ей адресовали следующие слова: «...Ведьмасторава, матушка, простик Матрянь шкафтонзо-тряфтонзо, нолды светс лисинзэ одс шачинзе, можоть сон прась, стясь, можоть пильгезэ нававсь, можоть алтазь-ёвтазь, и простик, и милостик, нолдык шкафтонзо-тряфтонзо» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 3, S. 66) — «...Ведьмасторава, прости ребёнка Матрёны, пусть он появится на свет, может быть, она упала, может быть, поскользнулась, прости её и будь милостива к ней». При лечении глазных болезней знахарка промывала глаза больному и произносила заклинание: «Ведьмасторава, матушка... кода шлясыть берёкот, кода шлясыть ашо кевнеть, истя шлить Грунянь сельмензэ, можоть (паряк) сась цёрасто, можоть сась тейтерьстэ, можоть сась авасто, можоть сась сырестэ, можоть одсто, апаро сельместэ, апаро мельстэ, можоть кулонь пингстэ, можоть сась вармасто, можоть бурансто. Тон, Ведьмасторава, матушка,

Грунянь сельмстэ-чамасто шлить и нардыть, чудить и кандыть» (*Ibid.*, S. 104 — 105) — «Ведьмасторава, матушка... как ты омываешь берега и белые камни, так омой глаза Груни, может, её болезнь перешла от парня, может, от девушки, может, от женщины, может, пришла от старого, может, от молодого, от дурного глаза, от злого умысла, может, от умирающего, может, от ветра или бури. Ведьмасторава, матушка, омой и вытри глаза Груни».

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин*.

ВЕДЬМАСТОРПАЗ (В е д ь п а з ; э. ведь «вода», мастор «земля», паз «бог»), божество муж. рода, покровитель воды всей Земли. В нижегородской теогонии — сын покровительницы полей Паксявы, третьей дочери *Анге Пятяй*. В. Н. Майнов привёл описание моления в честь В., к-рое совершалось 15 сент. или в следующую после этой даты пятницу. Во время жертвоприношения в воду бросали голову только что забитого гуся. Её нужно было обязательно отрывать, а не отрезать. Оставшуюся часть птицы съедали члены семьи.

Ряд учёных считает ошибочными высказывания о существовании В. Так, по мнению Н. Ф. Мокшина, В. — это искаж. образ *Ведявы*.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ;

Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск, 2005 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

Д. Ф. Ильин.

ВЕДЯВА (В е д ь а в а, В е д ь а з о р а в а ; м., э. ведь «вода», ава «женщина, мать»), божество жен. рода, хозяйка воды, покровительница плодородия, а также любви, брака и деторождения. К В. обращались: «Тон, Ведява, матушкинем, / Вай, Ведява, корьминецькем...» — «Ты, Ведява, матушка наша, / Ой, Ведява, кормилица...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 153). Нередко в представлениях мордвы В. выступает одновременно как хозяйка воды и непосредственно вода («сия лацо тон ней лисят, / Сырне лацо тон кеверят» — «словно серебро ты выходишь, / Словно золото ты катишься» (Там же)). Об этом свидетельствует использование при обращении к воде или к.-л. источнику слова «ава». Существует легенда о происхождении В., согласно к-рой Михаил Архангел столкнулся с неба пом. Шайтана. «Упали: кто в воду — то Ведява, кто на сухое место — шайтаном стал» (Там же, т. 10, с. 154).

Образ мордов. В. имеет определённые сходства с вост.-слав. русалкой, проявляющиеся как во внешности, так и в отд. функциях и характеристиках. Как и русалка, В. имеет антропоморфный образ — это либо юная красивая девушка с длинными распущ. волосами, обнаж. или одетая, либо страшная, уродливая женщина с отвисшими грудями. Однако она может менять свой облик: превращаться в большую рыбу, вокруг к-рой вьётся много мелких рыбёшек; в маленькую птичку с блестящими крыльями, парящую над водой; в прибрежную корягу.

* Статьи Д. Ф. Ильина подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 10-03-23306 а/В).

В мордов. фольклоре есть единичные примеры, в к-рых В. изображается сидящей на скамье у своего дворца, прядущей серебряную пряжу и ткущей шёлковую нить. Возможно, манипуляции с нитками, связ. с образом В., заимствованы у вост. славян по аналогии с русалкой, к-рая покровительствовала ряду домашних работ, особенно прядению и ткачеству. Нить, как и сам процесс прядения, имеет непосредств. отношение к представлениям о судьбе и человечес. жизни, на к-рые В., как и русалка, могла влиять.

Место обитания В., подобно русалке, вода. Мужем В. считается *Ведятя*.

К В. как покровительнице плодородия обращались за помощью во избежание засухи. Пытаясь вызвать дождь, мордва, подобно др. народам, прибегала к магич. средствам и действиям, а именно: обрызгиванию водой, жертвоприношениям, молениям у водоёмов, освобождению засорённых родников как источников дождя. Магич. действия, производимые В., напр. расчёсывание волос, означало высвобождение влаги, а значит, увеличение урожая.

Во время свадебного обряда невеста просила у В., покровительствующей семье, благословения на счастливую брачную жизнь и рождение детей. На второй день свадьбы подобные просьбы со стороны невесты сопровождались жертвоприношениями в виде денег или курицы, к-рую топили в воде. При этом невеста говорила: «Ведьазор с серебряной бородой, Ведьазорава с шёлковыми волосами, я пришла к вам с хлебом, солью, холстом и деньгами, чтобы пожертвовать их! Будьте ко мне благосклонны! Дайте мне в моей супружеской жизни счастья, здоровья и много сыновей и дочерей! Если приду я к вам, защитите меня от всех несчастий!» (цит. по: Narva U., Die religiösen Vorstellungen der

Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 244). Необходимым обрядом считалось обливание водой невесты, к-рую вели к реке иногда прямо с брачной постели. Это, по мнению мордвы, способствовало удачному деторождению.

К В. обращались при бесплодии супругов. Предполагалось, что его причины кроются, прежде всего, в обиде В. В этом случае жертву ей обычно приносили мужчина и женщина вместе, причём глубокой ночью, тайно пробираясь к реке. В нек-рых регионах бесплодные супруги жертвовали В. петуха, перевяз. шёлком и с бубенчиком. В случае жен. бесплодия использовали гомеопатич. магию. Для усиления эффективности воздействия знахарка лепила куклу из теста или делала её из тряпок и вместе с женщиной шла на берег реки. Нашёптывая над лежащей на берегу женщиной заклинание, знахарка бросала куклу в воду. Веря в целительную силу воды, мордва полагала, что она может излечить бесплодие не только у людей, но и у животных.

Мордва обращалась к В. при родах, считая, что, покровительствуя деторождению, она может смягчить боль и защитить новорождённого от злых духов.

В случаях, когда возникало подозрение, что человек заболел от соприкосновения с водой, также использовали гомеопатич. магию. В воду бросали символич. жертву — сдел. из теста куклу: муж. — если болел мужчина, жен. — если болела женщина. Такой обряд возник на почве убеждения, что В. исподволь пожирает больную ипостась человека. Кроме того, считалось, что, упав в воду, человек получал водяную болезнь (м. ведь нарфоть). Чтобы вылечить его, ходили утром на реку или приносили домой особую воду (м., э. ведьпря; см. «Водяная голова») и шептали заклинание: «Ведява, матушка, / Варштак сак Куля

лангс, / Содык Кулянъ орманзо. / Можот, чалгась эйдеть лангс... / ... / Простик паро мельсэ... / <...> / Шумбрачинзэ велявтык, / Парочинзэ туик!» — «Богиня воды, матушка, / Иди посмотри на Акулину, / Узнай болезнь Акулины. / Может быть, наступила на твоих детей... / ... / Прости всей душой... / <...> / Здоровье возврати, / Доброе здоровье принеси!» (УПТМН, Т. 7, ч. 3, с. 208 — 209).

К В. обращались за помощью при глазных заболеваниях. В этом случае знахарка и больной с ковшом шли к роднику. Перед тем как зачерпнуть воду, знахарка произносила шёпотом заклинание: «Мон сынъ лангзот, / Ведень кирди авакай, / Исцеления вешан, / Чистения, прощения» — «Я пришла к тебе, / Хранительница воды, матушка, / Исцеления прошу, / Очищения, прощения» (Там же, с. 202). Потом знахарка зачерпывала воду и мыла глаза больному.

В эпич. песнях В. выступает как покровительница животных, заповедной рыбы; в ряде песен и сказок — чудесный противник героя, иногда коварный. По мнению Н. Ф. Мокшина, в песнях, воспевающих земледелие, В. является наставником человека, заставляющим неразумного охотника или рыболова бросить свой промысел и стать земледельцем, поняв, что земледелие более выгодно, чем этот промысел.

Генетически и функционально мордов. В. близка к мар. божеству воды Вуд ава и удм. — Ву-мурт.

В изобразит. иск-ве к образу В. обращались худ. Н. С. Макушкин, М. С. Шанин, В. В. Митина, А. В. Гераськина.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Устно-поэтическое творчество мордовского народа.

Т. 3, ч. 2: Эрзянские сказки. Саранск, 1967; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Мифы народов мира: в 2 т. М., 1980. Т. 1; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; **Тойдыбекова Л. С.** Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ВЕДЯ́ТЯ (В е д ь а т я, В е д ь а з о р а т я; м., э. ведь «вода», атя «старик, муж»), божество муж. рода, в мифологии функционирует наряду с *Ведявой* и считается её мужем. Местом их жительства являются глубокие омуты, где часто тонут люди. В. представляется человекоподобным существом с нечётко выраж. чертами, свойствами и функциями. В сказках и заклинаниях его наз. «серебрянобородым», однако данный эпитет можно расценивать как поэтич. В. способен к оборотничеству: может превращаться в рыбу или находящуюся у воды корягу. К нему обращаются обычно только наряду с жен. божеством. Одним из доказательств существования в мифологии самостоят. образа В. явля-

ются предметы жертвоприношения, адресов. непосредственно ему. Как правило, В. жертвовали деньги, а весной — лук и табак.

В. появился в мордов. мифологии значительно позднее, чем Ведява. Сформировавшиеся в эпоху матриархата жен. божества, в т. ч. Ведява, прочно закрепили за собой определённые функции. Поэтому появившиеся в процессе эволюции муж. божества, в т. ч. В., осознавались человеком как мужья соотв. жен. божеств, они не наделялись к.-л. доп. функциями и были пассивными.

В сказках В. изображается коварным существом. Он хватается за бороду и отпускает его с определённым условием: отдать в жертву то, чего тот не знает в своём доме.

Зрительный образ В. создан худ. А. С. Алёшкиным в сер. «Куда ушли боги мордвы».

В. имеет сходство с мар. божеством воды Вүд ача.

Тексты: Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ВЕЗОРГО, младшая дочь Верховного бога Нишкепаза, живущая в его небесном доме; покровительница красоты. В мифе о сотворении человека по поручению Верховного бога она приглашает на совет «бога Микулу» («Микола пазонь»), благодаря чему становится участницей процесса творения: «Вай, тердекшнине Верепаз / омботькс тяканзо Везоргонь — / сон Микулань кис кучизе, / Микула пазонь сон кисэ» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 5, S. 2) — «Ой, позвал Верепаз / вторую дочь свою Везорго — / он за Микулой её послал, / за богом Микулой». В др. мифах и обрядовых молениях её образ функционирует самостоятельно. В одном мифе она становится женой бога грома Пурьгинепаза, в др. — земного парня Левонтия. В обоих случаях выходит замуж впервые, будучи юной девушкой. За Пурьгинепаза её сватает богиня земли Масторава, стараясь сделать добро повелителю дождя и грома. За Левонтия, не сумевшего найти невесту среди девушек своего села, её выдаёт сам Нишкепаз. В. и Левонтий растят семь сыновей и берут семь снох.

В песне о В. влюблённый в неё юноша описывает её красоту: «Виде килей рунгинеть, / мазый умарь лицинеть, / равжо лёмзэрт сельминеть, / пеште лукшке кургинеть» (Ibid., S. 108) — «Прямая берёза твой стан, / красивое яблоко твоё лицо, / чёрная смородина — глаза, / ореховая скорлупка — ротик». В то же время в его характеристиках В. — хитрая и ловкая, три года его обманывала, сердце ему измучила, разума лишила, силу ног отняла, как дерево иссушила. Он хочет жениться на ней, но она отказывает ему. Тогда юноша насылает на дочь Нишкепаза проклятия за её пренебрежение к нему. Происходит бытовизация образа, лишение его подлинного смысла.

В молениях имя В. упоминается вместе с Нишкеавой и старшей сестрой Кастарго. Они всегда находятся при Нишкепазе, поэтому знают обо всех его делах и помыслах. Молящиеся обращаются к ним и как к самостоят. богиням, и как к посредницам между людьми и Верховным богом.

Лит. интерпретация образа В. представлена А. М. Шароновым в «Масторава», где она изображается женой Мельседея (персонаж оригинального текста — Левонтий). В. говорит: «Инешкипазось монь тетям, / Инешкиавась монь авам. / Мон — вечкема сынст тейтерест» (Масторава, Саранск, 1994, с. 78) — «Инешкипаз мой отец, / Инешкиава — моя матушка. / Я — их любимая дочка».

В. как покровительница красоты свидетельствует о месте эстетич. категорий в абстрактно-мифол. и обыденно-практич. сознании мордов. народа.

К образу В. обращался худ. Н. С. Макушкин.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВЕЛЕПАЗ (Велень паз, Велень кирди, Велень кирди паз; э. веле «село», паз «бог»), божество муж. рода, покровитель села; эквивалент *Велявы*.

Мокшане наз. его Велятя («старик села»), что отражает связь культа предков с покровителями сельской общины, однако данных о нём как о самостоят. покровителе села практически не сохранилось.

П. И. Мельников трактовал это божество неоднозначно. Так, опираясь на сведения, собр. священником с. Сивухи Терюшевской вол. Нижегородского у. Нижегородской губ. у терюшевских эрзян, он привёл имя «Свет-Вирь-Нишке-Велень-паз» и видел в этом божестве обладателя земли и устроителя человек. обществ, второго сына *Анге Патяй*. Мельников также отметил, что св. Георгия Победоносца мордва отождествляла со Свет-Вирешки-Нишке-Велень-пазом, богом земли и трав. Отрывочные данные об этом божестве размывают границы его влияния и возможностей, что подтверждается неоднозначностью позиционирования В. во время общесельского моления (велень озкс), когда Свет-Вирь-Нишке-Велень-паз упоминался в ряду с др. божествами, в т. ч. Чипазом и Нишкепазом, и у него просили сохранить народ, а также заботиться о спасении и здоровье «Белаго чаря» (имеется в виду рус. царь).

Ф. Бутузов писал о связи В. у эрзян с божеством дома, имя к-рого иногда упоминалось в молитв. обращениях наряду с божеством села в конструкте «Велень кирди велень Юртава» (держательница села — сельская Юртава). Описывая верования мордвы с. Живайкина Жадовской вол. Карсунского у. Симбирской губ., автор отметил, что В. есть нечто вроде домового.

В Городищенском у. Пензенской губ. В. получил новое христ. качество — он был приближен к святому, к-рого жители селений просили молиться за них и защищать тем самым места их обитания от эпидемий и злых людей.

Боязнь разгневать В., к-рому, как и большинству мордов. божеств, приписывались дуальные свойства, в мокш. песне ретранслирует его умышленно уничтожит. внеш. вид (вербальный приём, призыв. улучшить те или иные качества объекта или напомнить о необходимости поклонения ему) и добавляет ему новые эпитеты: «вель оцюня» (глава деревни), «велень кирди» (держатель деревни). В песне божество находится на склоне большого оврага, где сходятся две долины, плачет, одетое в холщёвое одеяние, и посылает на деревню проклятие, чтобы не уродился урожай и скот. Характерно, что противопоставление зачина песни («Вель оцюня нет дома, велень кирди не здесь» (цит. по: Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*, Helsinki, 1952, S. 297), из-за чего люди плачут и ищут его) её продолжению не только уверенно обозначает границы обитания сельского божества, но и усиливает драматизм ситуации, отражает пример отступления о традиции почитания, к-рый приводит к тяжёлым последствиям для общины.

Генетически близким к В. является божество улицы, части селения Ульцяпаз, в честь к-рого эрзяне Алатырского у. Симбирской губ. на Троицу устраивали братчинные праздники, совершали жертвоприношения, прося его защищать их. В заговоре от падения, запись Х. Паасоненом, упоминается божество Мастор кирди Ультява, интерпретируемое как держатель земли, у к-рого просили здоровья и прощения за обиду, причинённую «упавшим» на него человеком.

Лит. интерпретация образа В. представлена А. М. Шароновым в «Мастораве».

Худож. воплощение образ В. получил в творчестве Н. С. Макушкина.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; *Proben der Mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingfors, 1894. Bd. 1, N. 2.*

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Бутузов Ф. Из быта мордвы села Живайкина Карсунского уезда Симбирской губернии // Изв. ОАИЭ. Казань, 1893. Т. 11, вып. 5 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010 ; Harva U. *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.*

И. В. Зубов.

ВЕЛИКАНЫ, мифоэпич. персонажи. По представлениям мордвы, первые люди на Земле, общие предки человечества, от к-рых впоследствии произошли разные народы (трансформация ветхозаветного сюжета). В. — антропоморфные существа (см. *Антропоморфизм*) огромного роста, доходившего, по преданию, до девяносто девяти аршинов, и богатырской силы. Доказательством этого служила их возможность делать то, что было не по силам для обычного человека: они могли выдёргивать из земли с корнем деревья и делать из них дубины, держать на ладони пахаря с упряжкой, ходить сорок вёрст одним махом. Для В. характерно долгожительство: продолжительность их жизни могла составлять пятьсот лет и более, поэтому они женились в лет триста. В. не пахали землю и не сеяли хлеб. Жили охотой. Любили погулять, выпить хмельного вина. Часто выясняли отношения между собой с помощью кулаков и дубины и даже пытались воевать с *богами*. К обычным людям относились невраждебно. В предании рассказывается, как однажды сын В. пошёл

на охоту и увидел на земле букашек. Взяв одну из них, он принёс её домой в кармане и показал матери. Рассмотрев принесённое, она сказала, что это не букашка, а человек с лошадьё и попросила отнести их обратно. В. отнёс пахаря на место, где нашёл, и отпустил. Исчезновение В. объясняется всемирным потопом, в результате к-рого весь их род ушёл ко дну. Дети уцелевших В. становились всё меньше и меньше ростом, сокращались и годы их жизни.

В мордов. лит-ре осмысление образа В. содержится в поэме «Легенда о серебряном всаднике» В. К. *Абрамова*, где представлена авторская интерпретация легенды о В. и войнах между ними. Развивая эту тему, Абрамов показал, что война между богами и В. произошла из-за происков *Анамаза*, сумевшего внушить последним мысль о виновности богов во всех их бедах.

В мордов. иск-ве к образу В. обращался худ. А. С. *Алёшкин*, создавший неск. вариантов их графич. изображения.

Тексты: Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1982 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Криничная Н. А.** Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Н. Г. Юрчёнкова.

ВЕЛІКАЯ ПТІЦА (э. **Иненармунь**), птица-демиург, принимавшая участие в творении мира; посредница между Верховным богом Нишкепазом и людьми. В. п. наз. также Великой птицей большой воды, чем подчёркивается её связь с первородным океаном. В качестве В. п. могли выступать лебедь (см. *Ашо Локсей*) и утка (см. *Ашо утка*). В ми-

фол. песнях она характеризуется как «хорошая», «славная», «прекрасная» (УПТМН, т. 1, с. 41; т. 9, с. 11, 12). В одном из мифов В. п. сносит Мировое яйцо (Ине ал), из к-рого создаётся мир: из зародыша — земля, из скорлупы — небесная и земная твердь. В др. мифе из трёх яиц, снес. В. п., рождаются богиня урожая Норовава, богиня ветра *Вармава* и богиня леса *Вирява*. По заданию Нишкепаза В. п. находит белую берёзу, выросшую «посреди земли», к-рая олицетворяет *Великое дерево*, строит на ней гнездо, сносит три яйца и в течение трёх недель высиживает их. В одной из песен говорится, что из трёх яиц, снес. В. п. на кочке на лугу, рождаются три обычных птицы: соловей, кукушка и пташка, каждая из к-рых имеет своё назначение. В эст. эпосе подобное действие совершает сказочная птица с синими перьями, к-рая в поисках места для гнезда находит три куста: синий, красный и золотой. Она выбирает последний, кладёт яйца и высиживает трёх сыновей: одного делает солнцем, др. — месяцем, третьего — звездой.

Помимо выполнения функций творения мира В. п. выступает в роли божеств. птицы, испытывающей мудрость мордов. старейшин путём загадывания загадок. Под белой берёзой, растущей на вершине большого холма посреди бескрайнего поля, стоит стол, накрытый яствами. За ним сидят седобородые старейшины. Гостей угощает девушка-красавица. На макушке берёзы сидит В. п. и загадывает старикам загадки: какая птица без крыльев летает, какой зверь без ног бежит, какая трава без корней растёт. Старики не могут разгадать загадки, с заданием В. п. легко справляется девушка: «Сёлмовтомо ливти лиси чи пазось, / Пильгевтеме чии сон, чуди ведесь, / Корёнтомо касы ломанень телась» — «Без крыльев летает солнце, /

Без ног бегаёт быстра реченька, / Без корней растёт человек» (Там же, т. 1, с. 335, 336). Испытание мудрости стариков божеств. птицей есть следствие влияния сказочного фольклора, посрамление девушкой старцев перед В. п. — собственно мифол. мотив, заключающий в себе идею приоритета молодости перед старостью и в красоте, и в уме.

Функция В. п. как посредницы между Нишкепазом и его народом, вероятно, более поздняя по происхождению. На это указывает, в частности, сюжет эрз. песни «Нармунесь паро — лебедесь» («Птица хорошая — лебедь»), в к-рой В. п. выступает в роли посланницы Бога на земле с целью «жизнь людей посмотреть, / Испытать их правду и кривду» (Там же, с. 41). Выполняя задание, В. п. побывала в доме бедняка и богача. Возвратившись к Богу, она поведала ему: «Мастор лангсо арась видечись, / Вай, арась справедливостесь: / Веенст ломанть эрить сюпавсто, / Омбонст ломанть эрить беднойстэ» — «На земле нет... правды, / Нет пока на земле порядка. / Одни-то живут богато, / Другие живут очень бедно» (Там же, с. 41, 42).

В. п. в мордов. мифах и эпич. песнях может рассматриваться как символ восхождения к Богу, благодаря чему устанавливается активная связь между небом и землёй, между человеком и Богом.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982 ; *Mordwinische Volksdichtung.* Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: **Евсеев В. Я.** Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и

герои. Саранск, 2001 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

А. М. Шаронов.

ВЕЛІ́КИЙ (Б о л ь ш о й) **ЗМЕЙ** (з м е я) (м. **Инекуй**, э. **Инегуй**), злой дух, умеющий перевоплощаться, как и др. низшие злые духи; символ нечистой силы. В ранних представлениях мордвы — чёрный змей; в поздних мифах — Великая змея, царь змей, общее назв. змей. По воззрениям мордвы, В. з. может быть белого или чёрного цвета, многоглавым, искрящимся, огненным или извергающим огонь, умеет летать; является олицетворением хитрости и зла.

В мифол. сюжетах В. з. живёт далеко, куда птицы не летают, в замке за смоляным морем на высокой чёрной скале. В саду на башнях — змеи из золота. Замок охраняют три гл. змеи. Прилёт В. з. сопровождается громовым шумом.

В волшебных сказках человек познаёт языки животных, съедая мясо белой В. з. В поединке с ней обычно побеждает чудеснорождённый (от брака медведя и женщины) юноша. Охотник, убивший В. з., передразнивающего раскаты грома, получает в награду от высших сил необыкновен. удачу в своём промысле. В фольклоре часто встречаются сюжеты с говорящей змеей, к-рая направляет охотника домой и заставляет его стать земледельцем. В нек-рых случаях змея представляется беспомощной: имея большую силу, не может спуститься с горящего дерева; выбраться из ямы с водой или колодца. Сидя на горящем дереве, на кочке (пне), окруж. водой или огнём, она просит помощи человек. голосом, обещая за это

наградить или превратиться в девушку и выйти замуж за избавителя, при этом нередко обманывает человека, платит злом за проявл. доброту — съедает своего спасителя.

В фольклоре есть сюжет, где В. з. олицетворяет власть, превращаясь в грозного повелителя, дающего земледельцу жену.

В свадебной поэзии В. з. символизирует быстроту свадебного поезда, коней.

Предполагалось, что язык змей понимали и использовали в магич. целях нек-рые колдуны. Последние якобы могли превращаться в огненных змей. Покойники прилетали домой через печную трубу также в виде огненного змея. Образ В. з. использовался в проклятиях: чтобы образовался семиголовый фурункул (м. сисем пряс).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Митропольский К. Мордва : Религ. верования, их нравы и обычаи // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12 — 13 ; Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 1998 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. В. Зубов.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ, воздержание от скоромной пищи, сексуальных отношений и развлечений, продолжающееся в течение семи недель (от Масленицы до Пасхи); в обрядовой практике — магич.

приём. Во время В. п. самый строгий (полный) пост (с отказом от пищи и воды) соблюдается в первые три дня, а также в конце, в Страстную пятницу.

Последняя неделя В. п. наз. Страстной. Наиболее мифологически и ритуально насыщ. днями на этой неделе являются Страстная (Великая) среда, Страстной (Великий) четверг, Страстная (Великая) пятница и Страстная (Великая) суббота. В эти дни мордва поминает умерших, а также готовится к Пасхе: женщины пекут пасхальный хлеб, красят яйца, запекают мясо; мужчины раньше строили качели и карусели, заготавливали дрова и др. По поверьям, в Великую пятницу затихают птицы и вся природа скорбит вместе с людьми.

В великопостных обрядах мордвы особенно ярко сказалось её «двоеверие». Во время В. п. мордва не ела скоромной пищи, но, несмотря на то что христ. церковь запрещала в этот период все увеселения, в мордов. селениях в *Вербное воскресенье* и почти каждый вечер, даже на Страстной неделе, звучали своеобразные песни частушечного типа (см. *Великопостные магические корильные песни-притчи*).

На Страстной неделе мордва д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ. три раза парилась в *бане* — в Великую среду, Великую пятницу и в Великую субботу.

Великий четверг в д. Кардафлей считался днём очищения, когда вода обладает свойством очищать от кожных болезней. В этот день такие больные купались в реках и ручьях. В др. селениях в этот день мордва старалась задобрить божество холода Морозатю, к-рый иногда неожиданно возвращается и может побить посевы, в особенности яровые. В каждой семье для него варили кисель, часть к-рого на сковороде или на ложке клали на открытое волоковое окно и зва-

ли поестъ, прося при этом не повредить только что посеянный хлеб. Мордва Пензенской губ. в Великий четверг ставила на подоконник кисель для Христа. По её предположению, в этот день он сходит с неба и через волоковое окно проникает в каждый дом. Вечером кисель съедали.

В Великую субботу в каждом доме пекли *блины* и «приглашали» предков на Пасху. В этот же день каждый род готовил в доме, где хранилась в течение года родовая свеча (э. атянь штатол), хмельную брагу из мёда (э. атянь пуре). Мёд покупали на собр. со всего рода деньги. Каждый дом вносил по 10 — 15 коп. за каждого члена своей семьи. От взносов освобождались вышедшие в этом году замуж женщины, а также девочки и девушки; представители муж. пола, даже дети грудного возраста, должны были делать взнос.

Лит.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Славянская мифология : энц. слов. М., 2002.

И. И. Шеянова.

«ВЕЛИКИЙ ХОЗЯИН» (м. **Канзор** «владыка, правитель», **Оцзор** «царь, государь, император», э. **Инязор** «царь»), обозначение высшей должности правителя народа, страны. Возникло в ходе политогенеза, с формированием у мордвы государственности в условиях перехода от первобытных отношений к феодализму; соотв. понятиям «князь» и «хан». Рус. летописи содержат сведения о двух мордов. князьях — мокш. Пуреше и эрз. Пургасе.

Мордов. легенды и предания рассказывают о мокш. нар. царях и довольно точно указывают места их обитания: один (Тэйнеш) жил где-то на Мокшереке, др. — на Цне, а остальные двое — на Суре. Они имели большие дерев.

дворцы и не знали горя до прихода чужеземцев; правили мудро, жили дружно с народом, поэтому он характеризовал их эпитетом «добрые».

В героико-мифол. песнях сохранился образ одного инязора — Тюшти (Тюштяна), к-рый в отличие от исторически достоверных кн. Пуреша и Пургаса, управлявших отд. частями мордов. земель, являлся правителем всего мордов. народа. Тюштя имел божеств. происхождение и при исполнении своих обязанностей опирался на покровительство Верховного бога Нишкепаза и бога грома Пурьгинепаза; олицетворял нар. идею о справедливом и мудром гос. деятеле. В 18 — 19 вв. мифолого-эпич. образ Тюшти трансформировался под воздействием ист. реалий, в него проникли отд. признаки рус. царей, вследствие чего произошла его частичная деидеализация.

В числе персонажей мордов. легенд есть мокш. кн. Нарчатка, погибшая в борьбе с иноземными завоевателями. Её действия соотносимы с функциями инязоров.

Появление должности инязора как гос.-полит. института указывает на относительно высокий уровень развития обществ. отношений у мордвы, зарождение объединит. тенденций среди мокш. и эрз. племён в кон. 1 — нач. 2 тыс. н. э.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Легенды и предания / сост. Л. В. Седова. Саранск, 1996. (Сказание о мордве ; т. 1) ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Циркин А. В.** Русско-мордовские отношения в X — XIV вв. Саранск, 1968 ; **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы (XIX — XX вв.).

Саранск, 1977 ; **Юрчѐнков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001.

А. М. Шаронов.

ВЕЛІ́КОЕ ДЭРЕВО (М и р о в о е д е р е в о, Д р е в о м и р а), воплощение универсальной концепции мира. Воспринималось мордвой как наиболее конкретное отображение мироздания. В. д. могли быть дуб (м. эчке тума, э. эчке тумо), берѐза (м., э. келу), липа (м. пѣше, э. пекше) или яблоня (м. марлю, э. умарина). Характерные признаки В. д. — ветви до неба, пышная крона, могучий ствол, корни, пронизывающие всю землю. На его ветвях собираются *боги*, чтобы решать судьбы людей и Вселенной. Образ В. д. связан с космогонич. мифом о *Великой птице*.

Конкретным воплощением В. д. у мордвы были свящ. деревья, к-рые являлись культовым средоточием того места, где совершались моления. Одной из осн. функций В. д. в представлениях мордвы было покровительство плодородию. Существовали специальные «куриные моляны» о хорошем урожае, приплоде скота и т. д., для проведения к-рых желательным было наличие трёх деревьев — дуба, берѐзы и липы, растущих рядом. Во время таких молений устраивались жертвоприношения. Кровь жертв животного выливали под корни свящ. дерева, а шкуру вешали на ветви. Этот ритуал символизировал своеобразное кормление свящ. дерева — обители богов.

Как символ плодородия В. д., согласно мифам, олицетворяло жен. производит. начало. Многочисл. праздники и обряды (в них участвовали только девушки или женщины), связ. с воспеванием и украшением берѐзы (совпадают с рус.

Семиком), обрядовое хлестание берѐзовыми ветвями воплощали представления о В. д. как об источнике рождения. Это нашло отражение в ряде песен, толковании снов, различных моментах мордов. свадьбы. В. д., совмещая в себе культ жен. начала с др. функциями, получило особое смысловое преломление — Древо жизни. Универсальный мотив рождения от (из) дерева, широко изв. в урало-алт. мире, в мордов. мифологии сохранился лишь как остаточное явление. Возможно, отголоском его является миф о происхождении человека из древесного пня.

Нек-рые детали похоронного обряда указывают на существование представлений о непрерывной связи между человеком и В. д. после смерти. В этом случае оно имеет прямое отношение к круговороту жизни. Обычай погребения умерших в развилке дерева или подвеш. на ветвях связан с мифол. воззрениями о душе, отправляющейся на тот свет с помощью дерева, соединяющего между собой все миры Вселенной.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982.

Лит.: **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Юрчѐнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Еѐ же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчѐнкова.

ВЕЛИКОПÓСТНЫЕ МАГІ́ЧЕСКИЕ КОРІ́ЛЬНЫЕ ПѢСНИ-ПРІ́ТЧИ, (м. Доямат, Толиямат, Эвиямат, э. Вайханат, Лиянамат, Позярамат, Увямат), небольшие поэтич. монологи, в

к-рых создаётся положительный либо отрицательный образ того или иного конкретного лица, основ. на своеобразных свойствах его характера. По форме В. м. к. п.-п. состояли из 2 — 4 или 5 — 8 строк. Каждая песня начиналась припевом. В отд. районах припев пелся хором, а сама песня складывалась экспромтом (импровизировалась) запевалой. В. м. к. п.-п. исполнялись в начале *весны* (в *Великий пост*), что первонач., видимо, было связано с идеей пробуждения природы и установления контакта с ней с помощью хвалебной песни, а также с моральной подготовкой человека к весенним полевым работам, заключавшейся в высмеивании ленивых и воздаянии хвалы трудолюбивым.

Если в далёком прошлом исполнение В. м. к. п.-п. имело магич. направленность, то в кон. 19 в. они утратили этот смысл и стали исполняться как увеселит. песни величального и сатирич. характера. Петь обычные лирич. песни во время Великого поста считалось большим грехом, а исполнение В. м. к. п.-п. разрешалось. Период Великого поста являлся тем узакон. временем, когда можно было говорить друг другу неприятности и высказывать личное и общественное мнение о каждом человеке. Из-за озорного характера В. м. к. п.-п. традиция их исполнения существовала очень долго. Одной из гл. идей этих песен являлась «переделка» человека, приведение его жизни. принципов в соответствие с осн. обществ. морально-этич. нормами, и воплощалась эта идея с помощью юмора или сарказма. Исполнители В. м. к. п.-п. и их «герои» не имели непосредств. контакта друг с другом. «Герои» находились на улице или у себя дома, а исполнители (вместе со зрителями) где-то рядом с ними, напр. под окнами их дома.

По содержанию В. м. к. п.-п. подразделяются на три группы: любовные, добродушно-сатирич. и злые. Любовные В.

м. к. п.-п. исполнялись в адрес влюблённых. Каждый вечер Великого поста молодёжь обходила всё селение и перед каждым домом, где были юноша или девушка, пела одну из песен «уянамат». В них юноши величались женихами, девушки — невестами, при этом юношам желали невест, девушкам — женихов и обязательно таких, к-рые были бы достойны их. Юношей и девушек в песнях сравнивали с боярскими сыновьями и боярышнями, а также с белками и ручными птицами. Большинство из этих песен адресовалось определённым юноше и девушке, когда считали, что они подходят друг другу как жених и невеста. Молодые женщины и девушки затрагивали тему любви в песнях «лиянамат», а женщины среднего возраста пели о мужчинах и семье в песнях «вайханат».

Добродушно-сатирич. песни были адресованы семьям, где недавно сыграли свадьбу. Две группы исполнителей вечером объединялись и, расположившись под окнами дома, где была молодая жена, в резких, порой неприличных выражениях, обращ. к ней, к её мужу, свёкру и свекрови, давали ей характеристику как человеку без всяких достоинств, стараясь подобрать наиболее смешные и обидные сравнения: бедна («одна рубашка и та из ржаной соломы»), ленива («нет желания даже рот открывать»), плохо сложена («ноги — половая тряпка», «песчаного поля — овсяной сноп»), внешне безобразна («кривая курица», «лицо — тёрка», «нос — башмаком») и т. д. Эта «ругань» в данном случае имела противоположный смысл. Так, если говорили о лениности, это означало, что молодая была трудолюбивой, о бедности — значит жила в достатке, о безобразной внешности — отличалась красотой и т. д.

Злые В. м. к. п.-п. были направлены против тех, кто своим поведением вызывал в селении всеобщее осуждение. Послушать эти песни собиралось большое

кол-во людей. Обычно они исполнялись на крышах надворных построек и были посвящены или женщинам, или мужчинам. Резкие, оскорбительные выражения вызывали обиду со стороны «героев», поэтому крыша была для исполнителей не только своего рода сценой, но и местом защиты от возможной негативной реакции. Смех зрителей служил поддержкой и похвалой для исполнителей.

К концу Великого поста предметом сатирич. осмеяния становились уже не отд. люди, а целые улицы и даже селения. В этом случае между группами людей (представителями разных улиц и селений) происходили целые сатирико-драм. импровизиров. состязания. Местами их проведения являлись возвышенности, мосты, берега реки, разделяющей улицы или селения. Большую активность проявляли дети, к-рым отводилась роль иллюстраторов содержания В. м. к. п.-п. Они должны были с помощью пантомимы и звукового изображения представлять текстовый материал песен. Подобные сценки показывались обычно на видимом для противника месте. Осн. их темой был труд. Создавались своего рода коллективные образы и один противопоставлялся др.: «вы — лодыри, работать не любите, а вы — драчуны, не делом богаты, а скандалами»; «ваши женщины криворукие — прядут верёвки, а ткут ватолу, а ваши мужчины — сони и храпуны, в навозе лошадей утопили» и т. д.

Тексты: Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1.

Лит.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Имайкина М.** Обрядовый календарь зимнего сезона у мордвы // Учен. зап. МГУ. Саранск, 1968. № 64 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

И. И. Шеянова.

ВЕЛ'ЯВА (Велень кирди азорава, Велень кирди юрхтава; м. велень «село», ава «женщина, мать»), божество жен. рода, покровительница села. Муж. эквивалентом В. является *Веленаз*. Функции В. в мифологии мордвы недостаточно конкретизированы. В. имеет сходство с божеством дома, поэтому иногда её наз. Юрхтава (м.), Юртава (э.), а в сказках и молитвах мордвы упоминается Веле-Юртава. Сходство В. с божеством дома частично обусловлено тем, что они оба тесно связаны с предками. В молитвах, как правило, имя В. упоминается наряду с покойными основателями селения, рода, у к-рых просили: «Пусть растёт урожай, пусть родится он в избытке, чтобы было чем вас поминать! Пусть женщины родят мальчиков! Ешьте и пейте!» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 295). В отд. случаях имя В. фигурирует рядом с именем Верховного бога. В подобных молитвах высказываются просьбы более широкого диапазона действия: «...охраняй нашу деревню, наше жильё от огня, от злых людей, дай полям урожай, а работающим доброго здоровья!» (Ibid., S. 296). К В. обращались во время проведения различных сельских обрядов и праздников, прежде всего — общинного сельского моления (м., э. велень озкс). Существовал страх чем-л. прогневать В. и получить за это наказание.

Лит. интерпретация этого образа представлена А. М. Шароновым в «Мастораве».

Худож. воплощение образ В. получил в творчестве Н. С. Макушкина.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск,

2010 ; **Его же.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ВЭНИК (м. **Тяльме**, э. **Тенсть**), предмет домашнего обихода; в нар. верованиях — объект дуального восприятия, способный накапливать и отдавать отрицательную энергию и одновременно выступать в роли оберега (см. *Амулет*). Во мн. ритуалах осмысливался как символ счастья. Активно использовался в комплексе оздоровительных обрядов.

Применение В. как предмета, способного воспрепятствовать воздействию колдовства, встречается в мордов. свадебной обрядности. Во 2-й пол. 20 в. в с. Подбельское Похвистневского р-на Куйбышевской (совр. Самарской) обл. по завершении печения свадебных пирогов сваха пела песню, в к-рой просила выгнать банным В. душмана (колдуна), а вместе с ним всё зло, к-рое могло быть причинено участникам свадьбы. Для реализации этого пожелания устраивали небольшой обряд с элементами театрализации: участницы печения пирогов переодевались, изображая медведя, брали В. и с шумом изгоняли нечистую силу.

Одна из гл. обязанностей дружки на мордов. свадьбе — тщательно охранять молодожёнов от вреда, к-рый могли причинить злые силы (навести порчу, расстроить свадьбу и др.). С этой целью дружка с В. в руках обходил молодых и свадебный поезд. Кроме того, В. (впоследствии стал заменяться кнутом, ножом, саблей, иконой) подметали дорогу перед молодыми, расчищали путь

свадебному поезду или невесте, к-рую вели в баню.

Человек, переодетый в традиц. персонажа свадебной обрядности — медведя, как тотемный первопредок встречал молодых после *венчания* с В. в руках, к-рым хлестал по спине сначала молодожёнов, затем всех остальных в целях оберега и ниспослания плодородия. Молодая, подметая первый раз пол в доме мужа, должна была отдать В. своей золовке «на счастье», чтобы та, если ещё не была замужем, вышла замуж.

С переездом семьи в новый дом связана традиция переноса в него В. из старого дома, чтобы вместе с В. на новое место жительства перешёл домовый. В семейной обрядности ветки из В. клали в качестве оберега в дет. колыбель. Считалось, что, если домочадцы или скот случайно наступят на старый В., они могут заболеть, поэтому его выбрасывали в специальное место, как можно дальше от дома, или на перекрёсток дорог, причём левой рукой. С этой же целью В. после обмывания покойника топили, сжигали или выбрасывали за пределами селения, поскольку он считался дурным предметом, впитавшим в себя потустороннее начало, и человек, живущий на этом свете и случайно наступивший на него или использующий в к.-л. целях, мог заболеть или умереть. Вместе с тем укладывание В. под голову покойника и застилание дна гроба его листьями воспринимались как вполне естеств. действия, символизирующие окончательное расставание с умершим.

Мордва верила в то, что В. может передавать определённые свойства людям. В частности, считалось, что маленьких девочек нужно парить берёзовым веником, чтобы они по аналогии с деревом выросли красивыми и стройными, а мальчиков — дубовым, для крепости здоровья и силы.

У эрзян д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ. на Страстной неделе было принято трижды париться в бане. Вторую баню (*баню предков*) топили перед Пасхой в Великую пятницу. Начиная париться, каждый призывал духов умерших, для к-рых приносили воду и В., чтобы те могли попариться и знали, что о них помнят их родственники.

По представлениям мордвы, *Банява* со своими детьми, как и люди, моется в бане, для чего ей оставляли там воду, мыло и В. В противном случае она могла разбросать вещи в бане, навести угар на следующее мытье или причинить вред здоровью.

При родах, проходивших в бане, В. ставили в угол, чтобы защитить роженицу от воздействия нечистой силы.

Широко использовался В. как атрибут лечебной магии: больного били им, прикасались к больному месту, выпаривали *болезнь*, применяли др. многочисл. приёмы. С В., как и в христ. традиции, связана положительная семантика числа три, проявляющаяся в лечебной магии: трижды перейти через В., трижды окропить его перед тем, как прикоснуться к больному. По поверью, если попарить больного три раза в бане, предварительно взяв воду из трёх источников, В. из веток трёх берёз, камни из трёх бань — больной выздоровеет. Троекратное прикладывание В. к каменке символизировало сжигание болезни, порчи. Сходные традиции есть у коми, где знахарка для лечения больного использовала В., втайне приготвл. из веток трёх карликовых берёз, к-рым впоследствии выпаривали болезнь или сглаз.

По тому, как человек начинал искать В., когда его тошнило, определяли, что он — ведун и его колдовству что-л. препятствует. Перед смертью ведуны иног-

да использовали В. для передачи своего умения колдовать тем, кто брал его в руки. Народ верил, что такой человек сам мог стать ведуном. После ухода колдуна или плохого человека В. подметали пол, поскольку считалось, что таким образом дом и люди избавляются от его дурных помыслов или заговоров.

Апотропейные свойства В. проявлялись в локальном способе защиты от града, когда вместе со сковородой через окно или дверь выбрасывали В., для того чтобы град прекратился.

Распар. берёзовые В. использовались мордвой в период зимних календарно-обрядовых праздников. С берёзовыми В. девочки ходили колядовать. Очистительное свойство В. просматривается в рождественской обрядности: водой, в к-рой запаривали В., поили жертв. животное.

Вера в опасность неправильного использования В. породила ряд запретов: нельзя было бить В. детей, поскольку считалось, что после этого мог прекратиться их рост; погонять домашних животных — заведутся черви.

У мордвы есть приметы, связ. с заготовкой В.: их готовят перед жатвой, с Троицы до Ильина дня; с В., заготовл. после Ильина дня, листья осыпятся.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12: Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Евсеев М. Е. Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004; Девяткина Т. П. Мифология мордвы:

энциклопедия. Саранск, 2006 ; **Корнишина Г. А.** Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н.** Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект. Саранск ; Пенза, 2010 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ВЕНО́К (м., э. **Каштаз**; м. **Панчфонь коняфкс, Панчфт**, э. **Прясуре**), обрядовый предмет, изготавливаемый из трав, цветов, вечнозелёных растений, хвои, веток, соломы, бумаги и т. п. Будучи элементом убранства участников обрядов или домашних животных, жилых и хоз. построек, В. служит чаще всего оберегом от нечистой силы, сглаза. Ритуальное использование его связано с осмыслением В. как круга, что сближает В. с др. имеющими отверстие предметами (кольцо, обруч, калач). В обрядах и играх весенне-летнего цикла В. служил обязат. головным украшением девушек. Во время летних праздников (Троица, Петров день) шли в лес к молодой *берёзе*, закручивали ветки кольцами, связывали их и через такие «венки» целовались и менялись крестиками, т. е. кумились. Самый большой В. делали для той девушки, к-рая изображала Весну. В конце троицкой недели девушки бросали свои В. в реку. Если В. плыл по течению, то считали, что девушка вскоре выйдет замуж; если В. тонул, то она заболит или умрёт. Особое внимание уделялось В. Весны. Если он быстро шёл ко дну, это предвещало несчастье всей общине. Т. о., с судьбой В. связывалась собств. судьба. Часть В. сохраняли, используя затем для лечения больных;

относили в огород для защиты от града и др. Кроме ритуальной роли В., естественно, имел эстетич. значение, к-рое постепенно стало преобладающим.

Лит.: **Виноградова Л. Н., Толстая С. М.** Славянская мифология : энц. слов. М., 1995 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

Т. Н. Охотина.

ВЕНЧА́НИЕ (м. **Венцяма**, э. **Венчамо**), христ. обряд возложения венца (короны) на головы вступающих в церк. брак, после к-рого разрыв считается невозможным; один из осн. элементов свадебного обряда у мордвы, утвердившийся в связи с её массовым обращением в христианство в сер. 18 в.

В обряде реализуется мифол. мотив преодоления границы, символизирующей заключение брака. Отсюда внимание к пространств. границам, к-рые преодолеваются участниками обряда: порог дома, *ворота* двора, граница селения, порог церкви, алтарь (аналог). Ряд действий во время В. носит характер скрепления брачных уз: молодым связывают руки вместе; они одновременно крестятся, задувают свечи и встают на один «подножник» перед аналоем, так, чтобы их ноги были на одной половине, и т. п. Мн. действия имеют целью повлиять на будущие роды.

Согласно правосл. канонам, В. совершается единообразно. Различия, обусловл. местной спецификой, не носят принципиального характера и чаще всего касаются обрядов, предшествующих В. Типичный пример церк. В. — обряд, запис. К. Т. Самородовым в кон. 1960-х гг. в Ковылкинском р-не Мордовии. По прибытии свадебного поезда к церкви невесту первонач. вели в сторожку, где её ждал жених с крестным отцом и др. родственниками. Родители

жениха, так же как и родители невесты, в церковь не входили. Жениха вёл его крёстный отец, невесту — её крёстная мать. Все четверо шли рядом. За ними следовали поезжане с иконами жениха и невесты. Икону невесты ставили к *Богородице*, икону жениха — к Спасу и зажигали перед ними по свече. Сразу после В. свадебный поезд с новобрачными возвращался в дом жениха.

Обряд В. у языч. мордвы, зафиксирован К. Ф. Фуксом в 30-х гг. 19 в., имел специфич. особенности. Он проводился уважаемой в селе пожилой женщиной (свахой) по приезду свадебного поезда во двор жениха. Она выводила невесту из кибитки, жениха сопровождал дружка. Их вели в специальное помещение, где над ними читали молитву, в к-рой вымаливались молодым благословение божеств: счастье, богатство, изобилие в приплоде скота и урожае хлеба, а также большое кол-во детей. По окончании молитвы молодые кланялись «в землю». Сваха становилась на колени, клала обе руки на головы новобрачных, и обряд В. завершался. Сваха поднимала с колен новобрачную, дружка — её мужа, потом их уводили: первую — в избу, второго — в клеть. С новобрачной снимали девичью одежду и надевали жен., затем приводили мужа и оставляли молодых одних.

И. И. Дубасов зафиксировал др. способ В. языч. мордвы-мокши, к-рый также совершался пожилой женщиной. Она брала у жениха шапку, у невесты — ленту, водила тем и другим неск. раз над их головами и потом надевала на невесту шапку, а на жениха — ленту. На этом В., символизирующее бракосочетание, заканчивалось.

Однако ряд исследователей отрицает наличие у некрещёной мордвы обряда, соотв. церк. В. Так, И. Н. Смирнов отмечал, что «в языческую пору» невесту из родительского дома везли непосред-

ственно в дом жениха. М. Е. Евсеев также сомневался в достоверности обряда, опис. Фуксом, т. к. следов языч. В. в бытующем свадебном обряде и в памяти народа не сохранилось. Не в пользу существования обряда В. свидетельствуют и часто встречавшиеся у мордвы браки девушек с грудными детьми, а также то, что новобрачная, приобрет. путём похищения или покупки, входила в дом мужа в качестве рабыни. Старшие по возрасту члены семейства наз. её «урьва», что значит «рабыня» (м., э. уре «раб», ава «женщина»), а те, кто был моложе её, — «уряж». Первая встреча молодых, исключая навяз. христианством при В. в церкви, нередко происходила в грубой форме. Постель для молодожёнов за неимением в доме отд. комнат готовили в конюшне или амбаре. Жених приходил туда заблаговременно, следом приводили новобрачную и вталкивали её к мужу со словами: «Волк, вот тебе овца!». В Саранском у. Пензенской губ. жених, прятаясь во время свадьбы у соседей, приходил домой только по завершении свадьбы, ночью, и ложился к жене в постель.

С В. было связано множество обрядов-оберегов и примет, основ. на мифол. воззрениях мордвы. С целью защиты невесты от воздействия демонич. сил, к-рые якобы могли лишить её способности к деторождению, дружка перед В. обходил три раза свадебную повозку и ножом очерчивал символич. круг, рисовал в воздухе кресты, стрелял в воздух из ружья, хлестал кнутом вокруг повозки. Кроме того, молодых снабжали оберегами: к изнаночной стороне ворота или подбору пиджака прикрепляли иголки и булавки, вешали на шею мешочек с углём или луковой шелухой. Большое значение придавалось приметам, указывающим на благополучие совм. жизни: если по дороге на В. опрокинется повозка с

молодыми, не к добру; если по пути в церковь колдун бросит стручок гороха с девятью горошинами перед лошадьми и они останутся, счастья не будет. Плохой приметой считалось, если перед свадебным поездом проходили с пустыми ведрами. При входе в церковь на В. невеста бралась за дверную скобу, чтобы во время беременности муж исполнял все её прихоти. Когда молодые подходили к аналою, сваха стелила им под ноги кусок холста, считалось, кто первым наступит на холст, тот и будет главенствовать в доме. Смотрели на свечи в руках у молодожёнов: у кого свеча быстрее сгорит, тот меньше проживёт. Если во время В. у невесты упадёт кольцо, её век короткий.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: **Фукс К. Ф.** Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 г. // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1839. № 10, ч. 3 ; **Дубасов И. И.** Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 1 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Милькович К.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск. 1966. Т. 5 ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004.

Д. Ф. Ильин.

ВÉРБНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ (м. **Вербань ши**, э. **Эрьбань чи**), дохрист. весенний календарный праздник в честь матери вербы *Вермавы*; с принятием христианства трансформировался в один

из двенадцатых праздников правосл. церкви. Проводился в последнее *воскресенье* перед Пасхой. Участвовала в нём в осн. молодёжь. Празднование В. в. было обусловлено верой в чудодейств. свойство распускавшейся *весной* раньше др. деревьев вербы и её животворную силу. Считалось, что прикосновение веткой вербы способствует деторождению, укреплению здоровья человека, а также плодovitости скота.

Весенний обряд хлестания вербой с незначит. различиями был распространён на всей этнич. территории мордвы. По свидетельству М. Е. Евсеева, в д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ., молодёжь делилась на две половины, по протекавшей через деревню реке, и каждая половина устраивала праздник отдельно. Накануне В. в., в субботу вечером, девушки готовили кашу, пельмени с рыбой и ближе к полуночи накрывали столы. Затем зажигали перед иконами свечи и начинали молиться. Специально приглаш. пожилая женщина произносила молитвы, в к-рых просила Вермаву дать девушкам здоровье, защищать от дурной славы, а также обеспечить хороший урожай и приплод скота. После молитвы все садились за столы и начинали есть. Незадолго до рассвета молодёжь с ветками вербы отправлялась по домам участвовавших в праздновании. Подходя к каждому дому, девушки пели вербные песни: «Стяка, урькай, стякая! / Кели ортань панжема! / Тейтерь тякань нолдама! / Иляка п'аль, урякай! / Верминеса чавдадызь, / Омбонь те шкас прафттадызь» — «Вставай-ка, невестушка, вставай-ка! / Широкие ворота отворять, / Девиц-молодиц впускать! / Ты не бойся, невестушка! / Вербой мы тебя похлещем, / До другого года здоровья дадим» (цит. по: Евсеев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 366). Войдя в дом, девушки хлестали

всех спящих вербой и при этом пели: «Вай, удыда, удыда! / Иляда п'аль сыр-гыстяд! / Верминеса верматадызь, / Омбонь те шкас прафттадызь, / Чачи сюронь чачемга, / Чумбра чининь улемга» — «Ой, спите, спите! / Не бойтесь, что проснётесь! / Вербой мы вас побьём, / До другого года здоровья дадим / Для хорошего урожая, / Для доброго здоровья» (Там же). Вербой хлестали скот в хлевах. При этом заклинали лошадей: «Ронгцень киртьке справнаста, / Пилькне улест нардонят...» — «Держи себя справной, / Ноги были бы крепкие...»; коров: «Эрь тялоня вазыяк / Кафтонь, кафтонь скалнят. / Эрь кизоня лофцыяк...» — «В каждую зиму отелись / По два телёнка. / В каждое лето будь молочной...» (цит. по: Самородов К. Т., Мордовская обрядовая поэзия, Саранск, 1980, с. 75). Когда т. о. были обойдены дома всех участвовавших в празднике, молодёжь направлялась на берег реки. Здесь девушки выстраивались друг против друга, и каждая группа начинала хулить противоположную песней: «Тона пелень тейтерьтне / Ватэла сурень щердитьне, / Полэк коцтэнь кодытьне, / Лавча арфэнь викшнитьне» — «На той стороне девушки / Прядут нитки, годные для ватолы (толстой, грубой ткани), / Холсты ткнут, что полога, / Вышивают узоры слабые (т. е. неплотные)» (цит. по: Евсеев М. Е., Указ. соч., с. 366). В др. местах традиционно каждая группа девушек попеременно пропевала песни, в к-рых звучал призыв весны, обращ. к Вермаве. После этого молодёжь возвращалась в дом, где происходило празднование. В нём повторялось моление. Утром сюда приходили дети, к-рых тоже хлестали вербой, а потом угощали кашей.

А. Снежницкий отмечал, что праздник сопровождался «соблазнительными играми», плясками «не без жестов, оскверняющих христианское чувство» (Пенз.

епарх. ведомости, 1871, № 19, с. 594). На это указывал и В. Н. Майнов: «Девушки... исполняют... танец, сопровождаемый двусмысленными жестами» (J. de la Société Finno-Ougrienne, Helsingissä, 1889, vol. 5, p. 129). Они создавали круг и пели, что перед ними деревенская улица, а на небе светит солнце. Затем в середину круга выходили две девушки. Одна из них имитировала страсть, давая понять, что во имя Вермавы готова влюбиться. Остальные в это время пели: «Катерина вышла на улицу, вы, молодые люди, хотите её?». Вторая девушка изображала испытывавшего вожделение юношу. Они бросались в объятия друг друга и разыгрывали эротич. сцены, имитируя половой акт. Эти сцены сопровождалась словами: «Катерина отдалась молодому парню и скоро забеременеет. Ведява помоги ей, дай ей ребёнка». Когда девушка заканчивала исполнение своей роли, в середину круга выходила др., и действие повторялось.

На В. в. в качестве гостей приглашали женатых. После ужина их «прогоняли сквозь строй»: юноши и девушки становились в два ряда, а гостей проводили между ними, ударяя при этом один раз вербой, чтобы Вермава дала им здоровье.

Сходное обрядовое действо «Вербань салмат», проводившееся мордвой в ночь на В. в. и имевшее такое же ритуально-магич. значение, зафиксировано в 19 в. в Самарской губ. Наз. по готовившемуся в этот день блюду (м., э. салмат). Описано У. Харвой. Накануне В. в. юноши и девушки ходили по домам и хлестали ветками вербы всех, кто встречал их. При этом они произносили: «Мы бьём вас прутьями вербы белыми добрыми руками, чтобы вы прожили до этого времени будущего года здоровыми, пусть бог даст вам жизни, чтобы вы дожили до этого времени нового года!»

(цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, с. 336). Затем молодёжь собиралась в доме, где девушки готовили салмат, и происходило празднование, к-рое продолжалось до утра В. в. Данное описание онтологически и структурно сходно с описаниями В. в., сдел. Снежницким, Майновым, Евсевьевым и др., что позволяет идентифицировать их как обряды, имеющие общий генезис и рассматривать в пределах единого смыслового поля.

После крещения мордвы празднование В. в. усложнилось элементами христ. религии. Ветки вербы стали освящать в церкви и хранить до следующего В. в. около икон.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры, 1981.

Лит.: **Снежницкий А.** Мордовский праздник «Вермавы» («Вербное воскресенье») и «Вирь-авы» // Пенз. епарх. ведомости. 1871. № 19; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин.

ВЕРЕПАЗ (э. вере «вверху, наверху; верхний», паз «бог»), один из теонимов Верховного бога мордвы-эрзи. Выступает как синоним теонима «Нишкепаз»: «Нишкепаз, Верепаз, / весемеде покшпаз!» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 6, S. 62) — «Нишкепаз, Верепаз, / самый большой бог!», а также как обозначение самостоят. божества: «Нишкепаз, покшпаз, / Пурьгинепаз, Верепаз...» (Ibid., S. 58) — «Нишкепаз, большой бог, /

Пурьгинепаз, Верепаз...». Две ипостаси В. являются следствием близости функций, выполняемых им и Нишкепазом, что породило тенденцию к слиянию этих богов в один образ.

В пантеоне в ведение В. отданы души людей, их помыслы и желания. В. заботится о том, чтобы человеку было свойственно стремление к доброте, красоте, справедливости, миру и покою; защищает его душу и разум от проделок Идемевся. К В. обращались с просьбами о богатом урожае, плодоносных конях, здоровье, успехах в делах, защите от плохих людей.

В. как самостоят. божество представлен А. М. Шароновым в «Масторава»: «Тумонть сисем тарадонзо. / <...> / Ве тарадсонть Инешкипаз, / Омбоцесэнтъ Анге-патяй, / Колмоцесэнтъ Пурьгинепаз, / Нилецентъ лангсо Верепаз...» (Масторава, Саранск, 1994, с. 172) — «У дуба семь ветвей. / <...> / На одной ветви — Инешкипаз, / На второй — Анге-патяй, / На третьей — Пурьгинепаз, / На четвёртой — Верепаз...».

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: Масторава. Саранск, 1994; 2001; 2003; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВЕРМАВА (м., э.), божество жен. рода, мать вербы; покровительница девушек, брачующихся, беременных женщин, а также плодородия; символ *весны*. Имеет

тридцать сестёр. Поэтому, обращаясь к ней с молитвой, тридцать раз поднимали вверх руки. В её честь в ночь на *Вербное воскресенье* устраивали праздник, в центре к-рого находились обряды, связ. с приходом весны: «Ой, Вермава, Вермава! / Сась ни, сась тундоньясь, / Тусь тундонь шадоньясь» — «Ой, Вермава, Вермава! / Пришла, пришла весна, / Пошло весеннее половодье» (цит. по: Самородов К. Т., Мордовская обрядовая поэзия, Саранск, 1980, с. 76). По описанию В. Н. Майнова, на празднике в честь В. важную роль играли любовно-эротич. мотивы, напоминавшие о существовании некогда обычая свободной любви до вступления в брак. У В. просили помощи беременным женщинам, приплода скота, богатого урожая, благоденствия в жизни.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Mainpof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

А. М. Шаронов.

ВÉРЬДЯ ШКАЙ (В е р д е Ш к а й, В я р и Ш к а й; м. вярде «сверху; верхний, находящийся на верху чего.-л.», вяре «вверх, наверху», вяри «высоко, наверх», шкай «бог»), один из теонимов Верховного бога мордвы, Верховный бог мордвы-мокши; творец мира. Согласно мифу, В. Ш. плыл в лодке по первородному океану и плюнул в воду. Из плевка

произошёл злой дух в виде птицы, к-рому В. Ш. предложил принять участие в сотворении мира и послал его на дно моря за землёй. Злой дух исполнил повеление В. Ш., но при этом скрыл у себя во рту частицу земли. Когда на поверхности воды стала образовываться суша, начала увеличиваться и земля во рту у злого духа. Он сознался в своём проступке и выплюнул изо рта украденное, из него образовалась высокая гора. Сотворив мир и человека, В. Ш. условился со злым духом, что живые люди будут принадлежать ему, Богу, а мёртвые — дьяволу. Однако в результате действий злого духа люди стали быстро умирать. Тогда В. Ш. был вынужден принять меры для спасения человек. рода. Он повелел одному из своих слуг притворно покориться дьяволу, войти в доверие к нему и похитить у него условие, заключ. с В. Ш., к-рое хранилось на дне моря в камне. В. Ш. создал себе пом.: он ударял один камень о др. и из них вылетали разные *боги*. Его примеру последовал дьявол, но из его камней вылетали злые духи. Увидев это, В. Ш. произнёс заклинание, и тогда вместо злых духов из камней стали вылетать огненные искры. Сюжет о сотворении мира В. Ш., зафиксиров. у мордвы-мокши, совпадает с аналогичным сюжетом у мордвы-эрзи, где творцом мира выступает Чипаз.

Мордва-мокша считала В. Ш. недоступным для людей, поэтому почти никогда не молилась ему. Если же обращались к В. Ш., то просили у него прежде всего здоровья, урожая хлеба и многочисл. скота.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 1 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифо-

логия мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВЕСНА́ (м. **Тунда**, э. **Тундо**), время года, к-рое в нар. представлениях ассоциируется с возрожд. воспроизводит. силой земли; самый продолжит. период весенне-летнего цикла обрядов, идея к-рых заключалась в провоцировании с помощью обрядовых песен и театрализов. действий пробуждения репродуктивной функции земли и природных стихий, находившейся во время зимы в статичном состоянии. Осн. объектами поклонения становились *боги*, способные повлиять на будущий богатый урожай и приплод скота.

Весенне-летний цикл мордов. обрядов начинался с моления первого выгона скота (э. ливтема-совавтома озкс), к-рое обычно проводилось в нач. апр. Следующими были обряды, связ. с севом яровых хлебов, в частности общинное моление сохи, плуга, пахотного орудия труда, имеющего непосредств. отношение к урожаю (э. кереть озкс, кереть «соха»). Желание подвигнуть природу к плодородию реализовалось в молитве, адресов. «кормильцу» Шкаю, где содержалась просьба дать урожай хлеба, чтобы были «широкий колосок», «толстая соломушка», «полное зёрнышко». У Шкая просили также дождя, тёплой росы, долгого светлого дня и некончающегося *богатства*. В кон. апр. — нач. мая совершалось общинное моление сараз озкс (м., э. сараз «курица»), посвящ. божеству поля Паксяве (Нороваве), к к-рой обращались с просьбой о возрастающем богатстве — хлебе, таком, чтобы солома была толстой, а колос тяжёлым. В молитве, адресов. божеству поля, час-

тично реализовалась идея воспроизводства, закрепл. в просьбе взять старое (о жертвоприношении), дать новое и наполнить гумна.

Весенний цикл календарной поэзии, сопровождавший обряды, начинался 1/14 марта, в день памяти св. Евдокии, и продолжался до 29 июня/12 июля, дня св. апостолов Петра и Павла, Петрова дня. Сюда входили песни, посвящ. призыву В. (тундонь сееремат), масленичные (ивавама морот), *великопостные магические корильные песни-притчи*, песни *Вербного воскресенья* и посвящ. проводам В.

Одним из самых ярких эпизодов призыва В. было стремление ускорить её приход, обратить внимание на свои проблемы, решение к-рых зависело от данного процесса. Для этого выпекали из теста фигурки птиц — жаворонков или ласточек, к-рые помещали на крыше домов, после чего исполняли песни-веснянки, содержащие мотив плодородия: «Пзьгатавят, кулемасть, / Сяда куронок няемасть! Курок лиеда тинь тязя, / Пиземсь сидеста ни праза, / Тишенясь касоза, / Сёронясь шачеза. / Жаворонканят, кулемасть, / Осал шида ваномасть! / Андость вача пеконьконь, / Щасьте галошлангоньконь, / Аф якайнди туда яканят, / Аф корхтайнди — валнят-кяльнят, / Аф няиенди — няеманят, / Аф кулиенди — кулеманят, / Сярядиенди — шумбрашинят» — «Ласточки, услышьте нас, / Скорее заметьте нас! / Скорее прилетите сюда, / Чтобы часто дожди были, / Чтобы травы много выросло, / Чтобы уродились хлеба. / Жаворонки, услышьте нас, / Спасите от нужды нас! / Накормите голодных, / Оденьте раздетых-разутых, / Безногим дайте ноги, / Немым — речь, / Слепым — зрячие глаза, / Глухим — добрый слух, / Больным — здоровье» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 74).

Завершали цикл весеннее-летних обрядов проводы В. Гл. их участниками были девушки, выходявшие в первое *воскресенье* после Троицы за околицу села, где совершалось прощание с В., сопровождаемое пожеланиями-песнопениями, сходными с таковыми при её встрече: «Тунда, тунданяй, / Тунда мазыняй! / Мастор ланга тон / Пижень казиняй, / Мастор лангу тон / Лямбонь максыняй! / Вов ни сась пинге — / Тонь прважамот. / Минь тонь васьфнедязь / Кши-са-салняса, / А меки кучтядязь / Пяк ужалъдезне, / Седи ваксканя, / Кельгом валняса» — «Весна, весна, / Весна-красавица! / Ты всю землю / Зеленью одела, / Ты всей земле / Тепло принесла! / Вот пришло время / Провожать тебя. / Мы встречали тебя / С хлебом-солью, А обратно провожаем / С сожалением / И сердечностью, / Со словами тёплыми» (Там же, с. 156).

В нар. театрализов. действиях мордвы-мокши Старошайговского и Рузаевского р-нов Мордовии в 20 в. бытовало образное воспроизведение В. в виде мифол. существ, в роли к-рых выступали мальчики и девочки, с ног до головы покрытые зелёной растительностью. В этих же районах во время проведения нек-рых молодёжных игр В. представлялась как коллективный образ природы. Её изображали девушки, переодетые в мужчин, и юноши, переодетые в женщин. Вместо костюмов участники этих игр надевали рваную одежду, украш. листьями папоротника и всевозможными издающими звуки металлич. предметами. Лица ряженных закрывали специальной маской, головы опутывали зеленью. Их наз. «калинат» или «спужалат». По наблюдениям В. С. *Брыжинского*, их игры отличались танственностью и эротич. элементами, осн. задача к-рых, по представлениям народа, заключалась в содействии увеличению семьи

и рода, размножению скота, повышению урожайности полей.

Многолетние наблюдения породили ряд нар. примет, связ. с В.: гром гремит ранней В. — к тёплой В. и хорошему лету; В. снег колючий — урожайный год будет; май жаркий — лето будет сухое, май холодный — к урожайному году; если птицы В. летят низко — год будет неурожайный и др.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

ВИРЬВА (м., э. вирь «лес», ава «женщина, мать»), божество жен. рода, хозяйка леса, покровительница произрастания и сохранения растений и животных. Имеет антропоморфный облик, обладает челоуеч. свойствами и качествами: одевается как женщина, способна переживать, страдать, радоваться, гневаться (см. *Антропоморфизм*). В. родилась из яйца, снес. Иненармунь (см. *Великая птица*). В космогонии нижегородской мордвы В. — четвёртая дочь *Анге Патяй*. Высокий статус божества по происхождению подчёркивает роль леса в жизни мордвы: ему отводилось третье место после пчеловодства и земледелия.

У В. нет постоянного внеш. образа. В одном случае она изображается в жен. облике, ростом в три сажени, с большими, как решето, глазами, издающая пугающие звуки; в др. — она худая, с длинными тёмными волосами, с грудями, свисающими до колен или переброш. через плечи. Жители д. Дубёнки (Симбирская губ.) представляют В. громадной красивой женщиной с длинными вьющимися волосами и толстыми, как воротные столбы, ногами. Она способна оборачиваться и являться огнём, вихрем, в селение может прийти собакой, кошкой, волком, конём. У нижегородской мордвы В. — молодая женщина, часто не одетая, с длинными рыжими волосами, большими грудями, толстая и весёлая. В ряде случаев её наз. лесной русалкой. В лесу она ростом до верхушек деревьев, среди людей — с человека; может оборачиваться птичкой. Способность изменяться под влиянием окружающей среды — наиболее постоянное свойство В., что подтверждало редкую возможность видеть божество: «Вирьга-укшторга тон якат — / вирень сэрьсэ тееват. / Кода вирьстэ тон лисят — / тикше марто вейкиндыят» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 3, S. 41 — 42) — «По лесу, кустарнику ходишь — / ростом с лес становишься. / Как из лесу выйдешь — / с травой равной станешь»).

В. живёт в дупле дерева, в шалаше и избушке, в холодные ночи может прийти погреться к охотничьему костру. Обладает даром предвидения, о чём говорит приводимый И. Н. Смирновым рассказ: пошли девушки в лес за ягодами и разговорились о том, кто кого возьмёт в повитухи, когда в замужестве придёт время родить. Одна наз. В., та согласилась. Вышла девушка замуж, пришла пора рожать, а ребёнку хода нет. Позвали повитуху — толка нет. Вспомнила роженица о В. и послала в лес за ней. При-

шла В. — ребёнок родился. В. окунула его в воду — он сразу умер. Через год пришла пора родить второго ребёнка. В. приняла его и бросила в горящую печь. Пришла пора родить в третий раз. В. приняла ребёнка, завернула в пелёнки и отдала матери. Мать спросила: «Зачем же ты одного ребёнка утопила, а другого бросила в печь?» — «А затем, — ответила повитуха, — что первый бы выросши утонул, второй сгорел бы в пожаре, и тебе было бы жалче, чем теперь» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 200).

Когда идут в лес за чем-л., просят у В. благословения, т. к. она может усыпить человека, вскружить ему голову, и он заблудится, или его хлопоты будут напрасными: «Вирень кирди Вирява, / чувтонь-кандонь паз корминець, / баславамак, чентямак / тонь вирезэтэ совамо, / вирьга-укшторга якамо, / вирень умарень кочкамо. / Иляк ёмавт ёном, / илить сайтэ превем. / Чавонь кедьстэ нолдамак, / пешксень кедьстэ ливтимак» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 3, S. 42 — 43) — «Владычица леса Вирява, / богиня деревьев и брёвен, / благослови меня, / помоги в твой лес войти, / по лесу, кустарнику ходить, / лесные ягоды собирать. / Не дай мне заблудиться, / не отними у меня разум. / С пустыми руками дай войти, / с полными руками дай выйти».

Функции, выполняемые В., сродни человек. Она требует бережного и разумного отношения к лесу, т. к. только в этом случае он сохранится, будет произрастать и сможет удовлетворять потребности человека. Обязат. поклонение и почитание В. должно вызвать бережное отношение к лесу.

Как воплощение стихийной силы В. считается весьма опасным для человека существом, встреча с к-рым может привести к несчастью. В. передвигается быстро — от её прыжков трясётся земля, и издаёт грозный хохот, от к-рого

сгибается лес, а человек может погибнуть. В. также способна насмерть защекотать. Её появление предчувствуют лошади и пугаются. Путник в лесу может заблудиться, наступив на след В. При этом если он начнёт кричать «ау!», то откликаться ему будет В., заманивая дальше в лес. Поэтому у большеболдинской мордвы существует поверье, запрещающее кричать в лесу «ау!»: следует наз. человека, к-рого ищут, по имени, иначе будет откликаться В.

Сюжетные рассказы о В. посвящены встрече с ней и чудесному спасению: она приходит на поляну к отдыхающему там юноше, и он начинает рисовать кресты вокруг себя — В. негодуяще хохочет и убегает; лесорубы, к костру к-рых она выходит вечером из чащи, защищаются от неё, очертив себя кругом. Изв. рассказ о благодарной В.: женщина, проходившая через лес, успокоила и одела её плачущего ребёнка, за это В. подарила ей кошелёк, запретив открывать его до возвращения домой. Однако женщина из любопытства открыла его тут же, и деньги превратились в листья. Человека, собравшегося зарубить В. топором, она унесла в лес — больше его не видели, но из чащи неск. дней доносились страшные стоны.

Считается, что В. может строго наказать лесорубов, к-рые рубят её любимые — самые большие и красивые — деревья; охотников, к-рые допускают перепромысел; людей, к-рые шумно ведут себя в лесу, недобро отзываются о нём или ругаются. Нарушение заповедей грозит виновному гибелью — он заблудится в лесу и не выйдет оттуда или его защекочет В. Изв. рассказы о том, что в прошлом охотники старались вести себя в лесу нешумно, а вечером в охотничьем домике, разведя огонь, тихо пели или рассказывали сказки и длинные истории, имея в виду, что их слушает В., и

если их поведение, песни и сказки понравятся ей, то они будут вознаграждены хорошими трофеями.

На восьмой неделе после Пасхи в с. Кисленка Пильнинского р-на Нижегородской обл. проводился обряд, посвящ. В.: юношу или девушку наряжали ветками и цветами, угощали, водили вокруг них хоровод и шли с ними до леса. Очевидно, это следы древнего жертвоприношения В. с целью получить её расположение.

С В. связаны изв. у рус. и мордов. населения юга Нижегородской обл. представления о лесной женщине. По рассказам, она появляется в безлюдных местах на дорогах скачущая на лошади и может напасть на одинокого путника или даже на людей, едущих в машине.

В образе В. воплотились традиц. представления мордвы о лесе как о стихии, с одной стороны, щедрой, дающей человеку добычу, грибы, ягоды, древесину, с др. — постоянно опасной для него.

В 17 — 19 вв. под влиянием христ. религии и демонологии образ В. начал разрушаться, он стал приобретать отрицательные черты, искажающие первичное восприятие природы этого божества. В нём появились признаки лесной нечистой силы, угрожающей человеку *болезнями*, пугающей его криками и агрессивными действиями, различными перевоплощениями. В таком виде В. предстаёт и в устном поэтич. творчестве — *быличках* и сказках.

В изобразит. иск-ве Мордовии В. являлась тематич. персонажем творчества М. С. Шанина, Н. С. Макушкина, А. С. Алёшкина, Н. В. Рябова и др.

Из аналогичных божеств др. народов мордов. В. наиболее близка к мар. хозяйке леса Чодыра кува.

Тексты: Эрзянь ёвкст / сб. пурнызе ды лит. обработканть теизе А. Маскаев. Саранск, 1940 ; Мордовские народные сказки /

сост. А. Маскаев. Саранск, 1954 ; Мокшень народнай ёфкст / кочказень К. Т. Самородов. Саранск, 1952 ; Мокшень ёфкст / сост. К. Т. Самородов. Саранск, 1964 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Снежницкий А.** О Вирявах // Пенз. епарх. ведомости. 1871. № 20 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Зеленин Д. К.** Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мифы народов мира : в 2 т. М., 1980. Т. 1 ; **Морохин Н. В.** Фольклор в традиционной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Тойдыбекова Л. С.** Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВИРЯ́ТЯ (м., э. вирь «лес», атя «старик, отец»), божество муж. рода, покровитель леса. По представлениям мордвы, имеется в каждом лесу. Чаще выступает как муж *Ви́рявы*, надел. такими

же функциями и могуществом. На общесельских, общинных и индивидуально-семейных праздниках и молениях, где вспоминали покровителей леса, его имя звучало редко, однако каждый, кто заходил в лес, обязательно молился В. наряду с Ви́рявой, прося защитить от подстерегающих там неприятностей. Наиболее распростран. жертвоприношениями В. были хлеб, соль и деньги.

Особое почитание В. имел у охотников, к-рые кроме хлеба оставляли для него в дупле дерева — предполагаемом месте обитания божества — деньги, подарок из шёлка и гуся. При этом считалось, что охотнику больше повезёт с добычей, улучшатся зоркость, слух и т. д.

К В. обращались в случае заболевания человека, если полагали, что оно к.-л. образом связано с лесом или если человек не мог выздороветь с помощью обычных способов лечения. Больной со знахарем шёл в лес в глухую полночь. Время суток выбиралось не случайно: чтобы соблюсти сакральность процесса общения с божеством. Приносимые В. жертвы — хлеб, соль и деньги, клали на землю, больной вставал на колени, и, скобля по монете, что символизировало большую ценность жертвы, просил прощения у В. за предполагаемую причинённую ему обиду и лишь после этого просил о здоровье, рождении детей и т. д.

К В. обращались в случаях непредвиденных происшествий. Так, если в лесу потерялся ребёнок, то В. призывали спасти его, вывести из леса, не дать ему пропасть.

В фольклоре В. изображается пом. человека в тяжёлой работе, связ. с лесом, — рубке и перевозке дров, корчевании пней и др.: «Вирень тетейкай, Вирь-авкай, / Садо мартон эрямо / ... / Вирьэз пенгень керямо. / Карматано керямо, / Лучи ули эрямость» — «Вирь-атя, Вирь-ава, / Идите со мной жить / ... / В лесу

дрова рубить. / Будем рубить, / Лучше будем жить» (цит. по: Мокшин Н. Ф., Религиозные верования мордвы, Саранск, 1998, с. 48).

В мордов. волшебнo-фантастич. сказках В. репрезентируется как «вирь тейтй» — лесной отец, хозяин и хранитель своих угодий.

В. имеет сходство с мар. хозяином леса Чодыра оза.

Тексты: Евсеев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1964. Т. 3 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967.

Лит.: Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995 ; Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007.

И. В. Зубов.

ВІТСЕН Николас (1641 — 1717), гол. политик, дипломат и купец, автор трактата «Северная и восточная Тартария» (Амстердам, 1692). В молодости проявлял интерес к вост. странам, в т. ч. России. В 1664 по своей просьбе был прикомандирован к свите посольства Я. Бореля. Встречался с Патриархом Моск. и всея Руси Никоном, со слов к-рого составил первый гол.-мордов. словарь. Позднее бургомистр Амстердама, один из директоров Ост-Индской компании. Содействовал миссии Петра I в Голландии во время «Великого посольства» (1697 — 98).

В трактате «Северная и восточная Тартария» В. выделил специальный раздел «Мордвины», в к-ром дал обобщающие сведения о терр. размещении мордов. края, быте и культуре мордвы. Наибольший интерес представляет описание им религ. верований и обрядов мордвы. В. писал: «Молятся редко, но преиму-

щественно этим занимаются, когда они пьют или когда режут животных, тогда они молятся богу, который создал небо и землю и всё, что там есть. Они благодарят его, что он даёт возможность жить. Молятся, чтобы у них не было недостатка, чтобы он их по окончании этой жизни повёл в вечную радостную жизнь. Они живут мирно и без священников.

Они верят в воскресенье через 1 000 лет и в превращение их в другие тела» (цит. по: Феокистов А. П., Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв., Очерки мордовских диалектов, Саранск, 1963, т. 2, с. 5). Продолжая мысль о почитании бога мордвой, В. указывал: «Живут по законам природы. Верят в единого бога, создателя всего мира, которому они жертвуют при еде и питье первые куски и глотки, бросая всё это к небу.

Они делают то же самое по отношению к тому, что собирают» (Там же).

В. зафиксировал веру мордов. народа в Верховного бога, к-рая шла на смену языч., в принципе, верованиям в божества, олицетворяющие силы природы. Этот процесс подтверждается этногр. (У. Харва), фольк. (Х. Паасонен) и ист. (Я. Ердоди) материалами.

В. описал мордов. погребальный обряд: «При погребении ставят знак, показывающий профессию умершего. Кладут в могилу топоры и кремни, чтобы мертвецы ими могли бы воспользоваться; для всадника кладут лошадиный хвост, для пчеловода — улей и т. д.» (Там же). Несмотря на краткость, описание передаёт наиболее существ. в обряде — почтение к умершему и стремление снарядить его в дорогу в иной мир. В трактате В. есть момент, связ. с отношением мордвы к идолопоклонничеству: «Они не молятся идолам, но шкуры убитых животных ве-

шают на деревья и перед ними становятся на колени» (Там же). Сообщение соотносится со свидетельством И. Барбаро о культе коня у мордвы.

В. описал внеш. вид мордов. девушек: «Дочери украшают свои волосы головами змей, кораллами, напёрстками, копейками, которые являются русскими деньгами, и продырявленными монетами; они волосы носят свободно, сплетая их в косы, и под ними вешают коровий или лошадиный хвост, также деревянную дощечку и различные украшения. Они красивы и опрятно одеты. Мордовские женщины красят в чёрный цвет свои ногти, чтобы быть красивыми» (Там же). Описание В. свидетельствует о существовании определённого отношения к чёрному цвету, змеям, крупному рогатому скоту, лошадям и т. п., поскольку связь с этим элементы относятся к пониманию девичьей и жен. красоты.

Исследователи высоко оценивают источниковую значимость трактата В., лишь Харва отмечает краткость сведений о религ. представлениях мордвы. Однако до наст. времени работа В. детально не изучена.

Тексты: **Феоктистов А. П.** Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2 ; **Николас Витсен** о мордовском народе // Центр и периферия. [Саранск]. 2011. № 1 ; **Witsen N.** Moscovische Reyse 1664 — 1665. S'Gravenhage, 1966 — 1967. Bd. 1 — 3.

Лит.: **Ловягин А. М.** Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона (Из неизвестной голландской рукописи XVII века) // Ист. вестн. 1899. Т. 77. Сент. ; **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII — XVII вв. Иркутск, 1941 ; **Полевой Б. П.** О картах северной Азии Н. К. Витсена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. М., 1973. № 2 ; **Юрчёнков В. А.** Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в

соч. западно-европ. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995 ; **Stipa G. J.** Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus. Helsinki, 1990.

В. А. Юрчёнков.

ВЛАДИМИРСКАЯ ЦАРИЦА, одно из гл. действующих лиц эпико-героич. сюжета о подвигах Тюшти.

Существует неск. вариантов изложения событий, связ. с В. ц. По одной из версий, представл. В. Рогозиным, Тюштя пришёл в зап. сторону, нашёл во Владимирской губ. царицу и пошёл на её царство войной. Увидев, что дворец падает от семипудовой стрелы Тюшти, царица бросилась с башни. Перепуг. войско безымянной царицы с позором бежало. Тюштю пригласили занять её место, но он отказался, попросив проводить его на восток.

По др. версии, излож. в песне, опубл. В. Майновым, говорится, что Тюштя, преследуемый рус. царём Иваном Грозным, пошёл просить помощь у В. ц. Вместо помощи она хотела убить пришельца. Мирное настроение Тюшти было поколеблено грубостью иноземки и выстрелом в него из лука. Оскорбл. инязор в свою очередь выпустил из лука семипудовую стрелу и разрушил дворец В. ц. Увидев свой дворец падающим, она выпрыгнула из окна и разбилась о камни. Тюштя отказался от предложения владимирцев принять их под свою власть и направился на восток.

В сказании о В. ц. есть мотив гибели женщины в результате посягательства на её честь или вторжения в её страну чужеземных завоевателей, изв. в фольклоре и произв. письм. лит-ры мн. народов. В др.-рус. «Повести о разорении Рязани Батыем» рязанская кн. Евпраксия, стоявшая с ребёнком на руках на высокой башне, узнав об убийстве кн.

Фёдора Батыем и о намерении хана призвать её к себе на ложе, бросилась вниз вместе с ребёнком и разбилась, предпочтя смерть позору. В арм. эпосе «Давид Сасунский» жена Давида бросилась с башни и разбилась, когда получила известие о гибели мужа и увидела назойливые ухаживания труса Верго: лучше умереть гордой и свободной, чем быть опозор. Этот же по сути фолькл. мотив звучит в сказании о В. ц., но реализуется в др. ситуации.

Лит. версия сюжета о В. ц. представлена А. М. Шароновым в «Мастораве».

Лит.: **Рогозин В.** Волга. СПб., 1881. Т. 3; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964; **Масторава.** Саранск, 1994; 2001; 2003; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; **Его же.** Масторава. Саранск, 2010; **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса. Саранск, 2007; **Mainof W.** Les festes de la muthologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Е. А. Шаронова.

ВОДА́ (м., э. **Ведь**), одна из осн. стихий мироздания, первочастица, «первоатом»; опора, на к-рой держится Земля; источник жизни и средство магич. очищения.

В космогонии В. ассоциируется с первоначалом, исходным состоянием всего сущего, выступает как эквивалент первобытного хаоса. Об этом свидетельствует, в частности, запис. в 1853 г. священником с. Вечканово Бугурусланского у. Самарской губ. Ф. Шаверским мордов. миф о рождении мира, в к-ром указывалось: «...когда ещё ничего не было на свете, кроме одной воды» (цит. по: Мельников П. И. (Андрей Печерский),

Очерки мордвы, Саранск, 1981, с. 45). Тамбовский краевед кон. 19 в. И. И. Дубасов, характеризуя мировоззрение мордов. крестьян, зафиксировал то же самое: «Сперва не было земли, повсеместно разливалась вода» (Дубасов И. И., Очерки по истории Тамбовского края, Тамбов, 1890, вып. 1, с. 123). И. Н. Смирнов в очерке «Мордва», касаясь мордов. космогонии, указал на существование в нар. представлениях «предвечной материи» — В., покрытой ею Земли и первых представителей жизни — трёх рыб, поддерживающих Землю. В 1899 г. в с. Степная Шентала (Самарская губ.) Х. Паасонен записал эрз. песню «Мастор чачсь» («Земля зародилась»), в к-рой ставился вопрос и давался ответ: «Мезе светсэ васенцекс чачсь? / Иневедне, сон покш ведне» — «Что на свете явилось вначале? / Большая вода, великая вода (океан)» (УПТМН, т. 1, с. 25, 26). В оценке Л. С. Кавтаськина В. — «первоначальный субстрат» (Там же, с. 379). Аналогичные суждения фиксировались Н. Г. Юрчёнковой во время полевых исследований кон. 1980-х гг. В качестве первонач. субстрата В. вычленяется и в мордов. нац. эпосе «Масторава»: «...Было всё кругом темно и пусто: / Не было ещё земли на свете — / Лишь вода, разлитая повсюду, / Лишь одна вода была на свете» (НА НИИГН, ф. Л-754, л. 8). При характеристике В. используются эпитеты «великая» («ине ведне») и «огромная» («покш ведне») (Там же, л. 19, 75). В связи с этим не случаен мотив поднятия мира (земли) со дна первичного океана. Упорядочение хаоса, т. о., шло посредством вычленения из В. иного элемента — частицы земли, к-рая позднее разрослась.

Интерпретация В. как первоосновы мироздания позволяет, по мнению А. Ф. Лосева, «видеть здесь не индукцию, а нечто совершенно иное, какой-

то другой, своеобразный метод мышления и созерцания... Здесь небывалый полёт мысли и фантазии, интуитивное сведение хаоса вещей и предметов, событий и переживаний в одно всеединство, мистическая формула разбросанного и пёстрого мира» (Лосев А. Ф., Очерки античного символизма и мифологии, М., 1993, с. 103). С. Н. Трубецкой говорил о великой смелости того мыслителя, к-рый впервые дерзнул «отвергнуть полноту естественного природного явления и свести его к одной простой субстанции, как к пребывающему нечто, невозникающему и неуничтожающемуся» (Трубецкой С. Н., Метафизика в древней Греции, М., 1910, с. 141). В нар. мировоззрении в результате сформировалась идея единства всего, идея всеединства, поскольку всё происходит из В. Параллельно возникла идея, спекулятивно заложенная в той же формуле, — идея неуничтожимости всего.

В. как бы связывает мир, упорядочивает землю. Неслучайно один из героев мордов. эпоса, обращаясь к В., говорит: «По своей течёшь дороге, / Много доброго свершаешь, / Много за свои деянья / Благодарности ты видишь. / Ты серебряной выходишь, / Дальше льёшься — золотою. / Ты струишь разнообразно / Удивительное тело — / Одинаковой в дороге / Никогда ты не бываешь: / По одним местам — со звоном, / По другим — тихонько, молча / По земле ты протекаешь. / Если катишься со звоном — / Камни до бела ты моешь, / Если молча путь свершаешь — / Покрывают дно богато / Разноцветные оттенки» (НА НИИГН, ф. Л-754, л. 150). Подобное мышление, говоря словами того же Лосева, «не есть ни наука, ни религия, ни отвлечённая философия. Это — мистический опыт, зацветающий роскошным покровом мифа... Мы находим под мифическим покровом ска-

заний о воде целую систему идей, за которыми не мог угнаться эмпирический и индуктивный рассудок» (Лосев А. Ф., Указ. соч., с. 111).

В. выступает в мордов. космогонии как среда, принцип всеобщего зачатия и рождения. Она — символ жен. начала, аналог материнского лона и чрева. По утверждению Юрчёнковой, В. — это «...среда, содержащая в себе зародыш земли. В этом смысле она воплощает в себе женское начало» (Юрчёнкова Н. Г., Мифология в культурном сознании мордовского этноса, Саранск, 2002, с. 109). В то же время В. — плодотворящее муж. начало, заставляющее землю «рожать». Т. о., В. характеризуется двойностью функций.

Пространственно-геогр. представления мордвы включали понятия об осн. реках Земли — Волге (Раве), Сура и Мокше. Особенно выделяются характеристики Суры и Мокши. Сура в мордов. эпосе светлая и бурная, течёт-струится между высокими горами, среди густых лесов и широких полей, «с водами реки великой Волги / Бурная Сура мешает воды» (НА НИИГН, ф. Л-754, л. 116). Не менее красочна Мокша: «Ох, и широки просторы Мокши! / Ох, и глубоки её глубины! / Ох, глубокие струятся воды, / Омутами жуткими темнея! / Хоть и глубоки пучины Мокши, / Да чиста вода в провалах этих! / В ней высокое сверкает небо, / Безмятежной синью отражаясь; / В ней резвится огненное солнце, / Ой, с утра до вечера купаясь. / Загораются ночами в Мокше / Яркие бесчисленные звёзды / И со dna глядят они на небо» (Там же, л. 142). В., прежде всего река, — устойчивый символ движения, дороги, и в этом смысле жизни-судьбы.

В. населена многочисл. божествами-покровителями: *Ведьмасторав*, *Ведьмасторпаз*, *Ведява*, *Ведятя*, *Равава*, *Кумбава* и т. д. По мнению Н. Ф. Мокшина,

каждый водный объект — море, река, озеро, родник или пруд в представлениях мордвы имеет собств. Ведяву, как и Ведятю, их столько, сколько водных источников.

В. наделялась магич. свойствами. Так, в сказках есть сюжет о «живой» и «мёртвой» В., в к-ром соединяются мотивы рождения и плодородия с мотивами смерти. «Живая» В. ассоциируется с движением, быстрым течением, дождём. Отсюда почитание ключей, ручьёв, дождевой воды. С ритуальными омовениями (см. «Вода для души») и очистительными оберегами (баня, хождение к роднику, к В.) связывались рождение, свадьба и похороны. Очистительные функции В. просматриваются во мн. обрядах: обливание людей и животных, построек; заговаривание В., предназнач. для лечения больных; питьё, а также использование особой В. (см. «Водяная голова»); опускание в В. венков и их сплавление по реке и т. п. Опасной считалась В., в к-рой омывали новорождённого, больного или умершего. К В. обращались в многочисл. заговорах. С принятием христианства распространилось поверье о святой В., набираемой из источников в ночь на Крещение. Обрядовые функции В. в значит. степени обусловлены представлениями об этой стихии как о микроэманации или знаке-символе, равно как и о границе между мирами.

Символика В. связана с её природными свойствами: свежестью, прозрачностью, быстрым течением, способностью растворять и очищать. В то же время В. рассматривалась как «чужое» пространство, связ. с потусторонними силами.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-754 ; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1963. Т. 2 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7,

ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Аверинцев С. С.** Вода // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1 ; **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Дубасов И. И.** Очерки по истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. Вып. 1 ; **Смирнов И. Н.** Мордва. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Его же.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Holmberg U.** Die Wassergottenheiten der finnisch-ugrischen Völker // Suomalais-ugrieschen seran toimitaska. Helsinki, 1913. Bd. 32.

В. А. Юрчёнков.

«ВОДА ДЛЯ ДУШИ» (м. **Ваймеведь**, э. **Оймеведь**; э. **Оймелисема ведь**), один из традиц. магико-вещных атрибутов похоронного обряда мордвы, отмеч. высокой степенью бытования в прошлом и в наст. время. Представляет собой стакан (чашку) с водой, предназнач. для покидающей тело в момент смерти души. Его ставят на подоконник сразу после того, как человек умрёт или перед самой смертью, если она угадывается по определённым и явным признакам, мучает человека, но никак не наступает. В данном ритуале нашли отражение религ.-мифол. представления народа о смерти как о неизбежном и необратимом процессе отделения души от тела и о воде как о стихии, имеющей сакрально-очистительные свойства.

Существуют различные версии толкования функционального назначения «В. д. д.». По одной из них она нужна для того, чтобы душа, покинувшая тело

покойника, имела возможность сразу омыться, очиститься от земных грехов в специально подготовл. для неё воде и улететь чистой на тот свет. Находились даже очевидцы того, как якобы плескалась вода, в к-рой купалась душа их умершего родственника. Можно, однако, предположить, что смысл омовения души первонач. был иным. Душа очищалась не от грехов, а от соприкосновения со смертью или, что ещё более вероятно — данное омовение символизировало ритуал некоей онтологич. инициации, по аналогии, напр., с тем, как этнографы трактуют ритуал омовения только что родившегося ребёнка или *баню девицества* перед свадьбой.

По др. версии стакан с водой предназначается не для души покойного, а для «задабривания» смерти. Последняя якобы «омывает» в нём своё оружие — косу, нож или пальцы, к-рыми по поверьям вытаскивает душу из горла умирающего человека. Ещё в недалёком прошлом поверх стакана с водой клали щепку, символизирующую мост, по к-рому душе умершего легче перейти в загробный мир. В нек-рых мордов. селениях эта деталь ритуала сохранилась, но щепку, как правило, заменяет маленькая ложка, полож. поперёк стакана и предназнач., по уже трансформиров. представлениям совр. информаторов, для питья душой воды из стакана.

Представления о «В. д. д.» как о средстве утоления жажды, выставляемом для души покойника, повсеместно вытесняют первонач., более древнюю трактовку ритуала. Стакан с водой как питье обычно ставят на божницу, рядом кладут блин с мёдом (канон) или посоленный кусок хлеба. Всё это, ежедневно обновляясь, находится рядом с горящей свечёй и иконами, иногда на специальном столике, рядом с портретом умершего в течение 40 дней, для того чтобы

его душа, посещая родной дом, имела возможность угоститься и утолить жажду. В то же время в данный вещный комплекс практически повсеместно входит повеш. в красном углу чистое полотенце, видимо, предназнач. для обтирания омывшейся в воде души.

Совр. информаторы, как правило, уже не могут объяснить функций данного ритуала. Примечательно, что у народа коми, также во многом утратившего первонач. смысл ритуальных действий с водой, сохранились и это ритуальное полотенце, и закрепившийся за ним в древности семантически прозрачный термин «лов иышкөд» (букв. «полотенце души»). Идущий из мифол. древности обычай ставить стакан с водой для души только что умершего человека изв. мн. вост.-европ. народам. Нек-рые исследователи считают, что прибалтийско-фин. народы переняли его у русских.

Лит.: Памятная книжка Саратовской губернии. Саратов, 1858 ; **Белореченский И.** Исторический очерк села Лабаз Бузулукского уезда // Самар. епарх. ведомости. 1875. № 19 ; **Минх А. Н.** Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии // Зап. РГО. Отд-ние этнографии. СПб., 1890. Т. 19, вып. 2 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Зеленин Д. К.** Русский фольклор. Берлин ; Лейпциг, 1927 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; *Mordwinische Volksdichtung.* Helsinki ; Turku, 1939. Bd. 2 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

С. Г. Девяткин.

«ВОДЯНÁЯ ГОЛОВÁ» (м., э. **Ведь-пря**), по представлениям мордвы, *вода*, подобно живым существам, имеет голову, под к-рой подразумевается её верх. слой в реке, колодце, роднике и т. д., обладающий магич. свойствами. После полуночи к воде никто не прикасался, не зачерпывал её и не перемешивал слой.

«В. г.» обладает сверхъестеств. силой. Поэтому, когда берут воду из колодца или реки, в целях предосторожности стараются зачерпнуть её как можно глубже, чтобы не захватить «В. г.», а зачерпнув, начинают пить, предварительно немного отлив её. При искусном использовании знахарями «В. г.» может принести пользу человеку, очистить его от различных *болезней*. По поверьям, особенно действенна «В. г.» при глазных заболеваниях. Эта вода также употреблялась при снятии порчи. Большой целебной силой обладают «В. г.», собр. из семи источников или рек. Эту воду наз. «сисемь ведьпрат» («семь водяных голов»).

В воззрениях на «В. г.» отразилась интуитивная догадка о том, что в верх. части воды концентрируется некая энергия, обладающая особой силой воздействия на человека, растения и др. живые существа.

«В. г.» у мордвы соотв. представлениям русских о целебной силе «неначатой воды», к-рую также использовали в лечебных целях.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс = Мордовско-русский словарь. М., 1931; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВОЗДВÍЖЕНИЕ Креста Господня (м. **Свиженгя**, э. **Жижения**), праздник правосл. календаря, установл. 14 / 27 сент. в память о воздвижении для общего почитания и поклонения найден-

ного св. Еленой после 300-летних гонений подлинного креста Христова. В нар. календаре — начало осени; связывается с движением земли, сменой времён года. На В. солнце играет, переливается всеми цветами радуги. Птицы готовятся к отлёту, а змеи — к зимовке. По поверьям мордвы, змеи забираются на деревья, чтобы напоследок погреться на солнце, сплетаются в большой клубок, а затем прячутся под землю, к-рую Господь замыкает вплоть до *Благовещения*. Змеи могут уйти и под воду, поэтому с В. купаться запрещено. Мордва Старошайговского р-на Мордовии говорит, что в этот день ёж сходил в туалет в воду, поэтому больше купаться нельзя.

По приметам на В. мордва прогнозировала погоду на осень. Мокша считала, если на В. день ясный, то осень будет долгой; эрзя — если день дождливый, то осень будет ненастной.

В. считается пограничной датой для начала или окончания сева озимых, сбора фруктов и посадки деревьев.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Славянская мифология : энц. слов. М., 2002.

И. И. Шеянова.

ВÓЗДУХ (м. **Кожф**, э. **Кошт**), одна из фундаментальных стихий мироздания; сфера пребывания душ и невидимых мифол. и демонич. существ. В нар. верованиях сближаются представления о В. и дыхании, ветре. На В. «покоится» или «висит» небо.

Несмотря на то, что космологич. представления мордвы достаточно расплывчаты и противоречивы, В. наряду с *водой* может считаться первичным эле-

ментом. Однако прямого указания на извечное существование воздушной атмосферы нет. Отсутствие упоминаний В. в мифол. преданиях о сотворении мира свидетельствует о том, что его наличие предполагалось изначально. Примером может служить вариант мифа, запись К. Митропольским: «Сначала... была одна только вода, и земли, кроме небольшого количества её, скрытого под водою, не было. Злой дух носился в воздухе...» (Мирское слово, 1877, № 3, с. 19). Очевидно, такое представление возникло в силу аморфности, безразмерности, безграничности, но прежде всего невидимости В. Данные физич. свойства предопределили символику В., к-рый выступает в качестве тонкой материальной реальности между земным и духовным, олицетворяя невидимый мир. Становящийся доступным органам чувств благодаря движению, В. описывается в виде дыхания или ветра, что в свою очередь позволяет наделять его доп. символикой и рассматривать, во-первых, как элемент, дающий жизнь; во-вторых, как явление природы, оказывающее на бытие человека существ. влияние. Дыхание выступает в качестве основы жизни, как духовной, так и физич. П. И. Мельников привёл миф, согласно к-рому Бог, слепив человека из глины, ушёл за душой для него. В это время Шайтан стал вдвухать в человека своё злое дыхание. Вернувшись, Бог прогнал Шайтана, а в человека вдух своё доброе дыхание. Когда человек был т. о. создан, Шайтан сказал Богу, показывая на человека: «В нём половина души моей и половина твоей...» (цит. по: Мельников П. И. (Андрей Печерский), Очерки мордвы, Саранск, 1981, с. 54).

По В. передвигаются *боги*: *Атям*, *Пурьгинепаз* и др. По В. к богам на небо возносятся их избранницы *Литова*, *Сыржа* и др.

Единство восприятия дыхания и жизн. начала отчётливо проявляется во взглядах мордвы на первопричину жизни — душу, дух (м. вайме, э. ойме), к-рые первонач. означали дыхание. Когда человек перестаёт дышать, умирает, то говорят «душа ушла» (м. ваймось лиссь, э. оймесь лиссь) или «испустил дух» (м. ваймонц нолдазе, э. оймензэ нолдызе). Полагают, что душа представляет собой нечто светлое, поэтому в нар. поэзии для её определения, как правило, используется слово «светлый» (м. валда, э. валдо): «Кода монень ёвтась, авакай, / Оймась пайстомо сэзнеть, / Лиссь тонь валдо ойминеть...» — «Когда сказали мне, матушка, / Что ты ушла из жизни земной, / Что улетела твоя светлая душа...» (УПТМН, т. 7, ч. 1, с. 84, 89).

Мордва верила, что душа может превратиться в голубое облачко или бабочку, к-рая символизирует её воздушность. Покинув тело человека, душа удаляется на небо, символика к-рого до нек-рой степени соотносится с лёгкостью В., с его духовным началом.

Перемещение В. в пространстве создаёт ветер, причём это не просто передвижение воздушных масс, а сверхестеств. явление, выражающее замыслы богов. Сильный ветер либо похищает и доставляет девушку на небо к Богу, либо выступает предвестником его появления, что фиксирует, напр., эрз. песенная традиция: «Вай, виев варма пуватотсь. / Ух, виев пельне кепететьсь... / <...> / Нишке паз нолдась сиянь лавсь» (Там же, т. 1, с. 47) — «Ой, подул сильный ветер, / Ух, сильный вихрь поднялся... / <...> / Бог Нишке опустил серебряную люльку».

В. является проводником, средой, через к-рую насыщается порча, распространяются *болезни*. Они могут иметь облик воздушного столба, ветра или пара.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Proben der Mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingfors, 1894. Bd. 1, H. 2.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Митропольский К. Мордва : Мироззрения их, нравы и обычаи // Мирское слово. 1877. № 3 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин.

ВОЗНЕСЕНИЕ Г о с п о д н е, праздник церк. календаря, установл. в память о вознесении Спасителя на небеса. Отмечается на 40-й день после Пасхи и всегда приходится на четверг. У мордвы, как и у вост. и юж. славян, связан с представлением о посмертном пребывании души на земле и её вознесении на небо через 40 дней после смерти. В. замыкает собой пасхальный цикл, в течение к-рого небесные врата якобы остаются открытыми для всех. В это время души умерших могут посещать своих близких. После В. св. Пётр крепко запирает врата рая. В период от Пасхи до В. вместо обычного приветствия говорят друг другу: «Христос воскрес!»». По мордов. поверьям в эти 40 дней по земле ходит Христос, поэтому запрещается бросать что-л. в окно — можно задеть Бога, за что он накажет. В этот день для Христа предполагается обильное угощение, т. к. считается, что по приговору для него в каждом доме лестнице из теста он поднимается на небо. В. или его канун у мордвы являются праздником мёртвых. В. считается также границей, разделяющей *весну* и лето.

Несмотря на принятие христианства, мордва (особенно в сельской местности) долгое время продолжала верить в мифич. божеств-покровителей. В связи с этим совершались календарные озксы, приуроч. к осн. христ. праздникам. Так, на В. мордва д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ. проводила праздник с ритуально-магич. обрядами в честь лошадей (м., э. алашань озкс), а в первое *воскресенье* после В. — моление о корове (м., э. скалонь озкс). Мордва с. Пичелейка того же уезда на В. устраивала моление «лашань-пуре». На особой поляне собирались старики из каждого дома и резали над специально вырытой для этого небольшой ямой свинью или двух овец, купл. на мирские деньги. Распорядителем моления назначался ежегодно по порядку один из стариков села. Когда жертв. животные были сварены, оповещались жители села и все мужчины отправлялись на поляну верхом. Старик читал перед деревом, на к-ром ставилась икона, импровизиров. молитву, прося в ней Бога не допустить убыли лошадей, послать дожди и помочь убрать хлеб.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Славянская мифология : энц. слов. М., 2002.

И. И. Шеянова.

ВОЙНА, в мордов. нар. сознании — противоестеств. состояние человек. общества. Привносится в мордов. край чаще всего противниками (душманами, ногайцами и т. п.), появление к-рых сравнивают с ураганом, грозой, половодьем. В. предвещают различные небесные явления: солнечное или лунное затмение, появление кометы и т. п. Так, накануне нашествия врагов на землю Тюшти в

небе была замечена комета: «Нынче в небе появилась, / Ох, звезда — змее подобна, — / Хвост её — семь вёрст длиною. / Говорят о ней плохое: / У звезды у той — у змея / Голова-то Идемева, / Хвост её пыля-пылает» (Масторава, Саранск, 2009, с. 202 — 203). В ист. песнях приходу врагов предшествует тревожное состояние природы: «Верев варштась эрзянь цёрась — варма арась, / Таго варштась мокшонь алясь — пельть арась. / Вармавтомо чувтынетьне чикордыть, / Пиземевтеме тикшинетьне росайть» — «Вверх взглянул эрзянский парень — ветра нет, / Ещё раз взглянул мокшанский молодец — туч нет. / Без ветра деревья скрипят, / Без дождя травы росой покрываются» (УПТМН, т. 1, ч. 2, с. 58, 59 — 60). В приметах о начале В. часто фигурируют красный (красный дождь) и чёрный (чёрные тучи) цвета. К явлениям, предвещающим В., относят необычайно большой урожай, большое кол-во грибов, желудей, белок, волков, мышей.

В. несёт неисчислимы страдания народу: разорение, убийства, угон в рабство. В мордов. нац. эпосе представлена обобщённая картина военных бедствий: «Расходились злые басурманы, / Чёрные душманы разъярились — / Зажирили, гады, обнаглели — / Над эрзянами поиздевались крепко, / Над мокшанами, ой, измывались долго: / Грабили эрзян, как им хотелось, / Грабили мокшан они досыта. / Убивали просто по хотенью. / Нерасцветших девушек погожих / На миру бесчестили, осклабясь. / Пареньков, до срока неокрепших, / На чужбину скопом угоняли — / Их могил далёких не отыщешь. / Сёла у эрзян пооскудели. / Сёла у мокшан осиротели — / Люди жили в страхе да боязни» (Масторава, с. 210).

С В. и борьбой с внеш. врагом связаны подвиги и деятельность инязоров, вождей, нац. героев (Тюштя, Нарчатка, Киля и др.). Именно условия В. позволя-

ют им проявить свои качества, встав на защиту родной земли и мордов. народа.

В бога войны у мордвы постепенно трансформировался Пурьгинепаз, однако этот процесс, по-видимому, не завершился.

Уходящим на В. дают различные обереги — родную землю, завернутую в ткань; камень «громовая стрела» (м. атям кев); сотканную и сшитую за ночь рубашку и т. п.

Мотив В. встречается в преданиях о кладках, происхождении курганов, холмов, где якобы захоронены воины и богатыри. Кроме того, он есть в свадебной поэзии, где распространён мотив завоевания невесты, её полонения.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, ч. 2 : Исторические песни XVI—XVIII вв. Саранск, 1977 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Масторава : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Масторава : эрзя-мокшонь раскень эпос. Саранск, 2011.

Лит.: **Кривощёков А. И.** Легенды о войне // Ист. вестн. 1915. № 10 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Юрчёнков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001.

В. А. Юрчёнков.

ВÓЛКОВА Марина Семёновна (3.9.1974, с. Ардатово ныне Дубёнского р-на РМ), этнограф. Канд. ист. наук (2001), доцент (2008). Мордовка (эрзя). Род. в семье рабочего. Окончила Мордов. гос. ун-т (1996), аспирантуру НИИЯЛИЭ

(1999). В 1996 — учитель истории средней школы № 3, в 1999 — 2000 — учитель истории и обществознания средней школы № 25 г. Саранска. В 2000 — 03 — науч., старший науч. сотр. отдела археологии и этнографии (с 2002 — отдел истории мордов. края) НИИГН. С 2003 — старший преподаватель, доцент кафедры отеч. истории (с 2008 — кафедра отеч. истории и этнографии), с 2009 — доцент кафедры всеобщей истории МГПИ им. М. Е. Евсевьева.

Исследуя традиц. духовную культуру мордов. народа, В. осн. внимание уделяет его воззрениям на загробную жизнь. Она считает, что смерть представлялась мордвкам как переход в иной мир, где умерший продолжает то же существование, что и на земле. Мордвкам наделяла умерших сверхъестеств. свойствами, верила, что мертвец может встать из могилы и прийти к живым; приносить им пользу или вред. Важную роль в жизни мордвы, по мнению В., играли религ.-магич. ритуалы, исполнявшиеся с целью предохранения от смерти и очищения после контакта с покойным. В. раскрывает этнопсихол. значимость почитания предков в поминальном, свадебном и родильном обрядах мордвы. Исследует культ предков в религ. верованиях фин.-угор. народов.

Соч.: Семейные обряды мордвы республик Поволжья и Приуралья // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. (Тр. / НИИГН; т. 4 (121)); Религиозно-магические действия в похоронном обряде мордвы // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2005; Семейные обычаи и обряды // Мордва юга Сибири. Саранск, 2007 (в соавт.).

Лит.: Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008.

Т. М. Гусева.

ВÓЛОСЫ (м. **Шяярхть**, э. **Черть**), по нар. представлениям — средоточие жизн. силы человека. С В. связано множество обрядов и поверий. Так, верили, что эрз. девушки жертвовали свои В. особым мифич. существам «уст суд» или «уст ве суд». Х. Паасонен полагал, что эти существа олицетворяют метеориты, к-рые считались у эрзи огненными змеями или злыми духами, прятавшими солнце и свет.

Мифич. герои (Тюштя и др.), божества (*Ведява*, *Вириява*, Комлява, Верховный бог Нишкепаз) изображались с длинными В. Считалось, что они придают посвящённым особую силу. Распуц. В. являются характерным признаком нек-рых мифол. персонажей. Так, Вириява представлялась женщиной с распуц. до пят волосами.

С В. мордов. народ издавна связывал особую символику в обрядах и обычаях. Когда ребёнок появлялся на свет, пупок ему перевязывали льняной ниткой, сплетённой с В. матери и отца. К. Митропольский, изучавший быт мордвы, писал, что во время парения новорождённого в *бане* произносили следующие слова: «Есть за морем девица с серебряными волосами, серебряным поясом подпоясанная... парит тебя та девица и гладит тебя она, чтобы ты был крепок, чтобы ты был покоен» (Мирское слово, 1877, № 11, с. 83).

В мордов. нар. поэзии есть свидетельства связи обычая стрижки В. с браком. В мокш. песнях выстрижение В. наз. «тяштъкс» («метка»). Такие метки, по мнению исследователей, должны были помогать узнать скрывающуюся или изменившую облик невесту. Вырвать или отрезать у девушки прядь В., по представлениям мордвы, значило лишить её самостоятельности, свободы, расположить её сердце. В мордов. нар.

песне поётся: « — Марю, кодиить узерь
кячке касаценень? / — А монь касазень
Ефимсь керозе, / Шяярь локшенди
Ефимсь поназе!» — « — Марюша, ку-
да ты дела косу с топорище толщи-
ной? / — А косу мою Ефим отрезал, /
Кнут волосяной из неё свил Ефим!»
(УПТМН, т. 6, ч. 2, с. 278).

Перед *баней девичества* одна из подруг невесты расплетала ей косу и отдавала накосник её матери, а В. перевязывали лентой. К магич. обрядам относятся покрывание головы невесты, что, по мнению исследователей, предохраняло молодую от порчи. Считалось, что В. невесты во время свадьбы подвергаются колдовству, поэтому их тщательно берегли (если колдуну удавалось состричь прядь В. невесты — её век «пропадал»).

У мордов. женщин, В., как правило, покрывал головной убор. Он информировал окружающих о возрастном, имуществ. и семейном положении женщины. Любое изменение её обществ. положения вело к смене головного убора. Девичьи головные уборы отличались от головных уборов замужних женщин. В соответствии с этич. представлениями мордов. народа в 19 в. девушки могли ходить дома и на улице с непокрытой головой. Обычно они плели одну косу, выпуская её на спину. В сер. 19 в. косу украшали, вплетая в неё плоские медные пуговицы в виде чешуи от корня до самого конца косы. Унизанную косу привязывали на спине к поясу. В 1-й пол. 20 в. подобное праздничное украшение девичьей косы (м. пула пуня) в с. Адашево Инсарского р-на Мордовии включало в себя развевающиеся на конце разноцветные ленты. Судя по фольк. материалам открытые В. ассоциировались у мордвы прежде всего со свободой поведения, доп. привлекательностью женщины, а их закрывание ис-

толковывалось соответственно как некое ограничение свободы, более скромное поведение, усиление ответственности и устранение всего того, что мешало бы каждодневному физич. труду.

Женщины, недавно вышедшие замуж, продолжали носить девичьи головные уборы вплоть до обряда перемены причёски, что нередко происходило через год после свадьбы. В дальнейшем, однако, мордов. женщины не могли показываться с непокрытой головой ни на улице, ни дома: обычно, даже ложась спать, они не снимали головной убор. В. Н. Майнов, встречавшийся с эрзянками во время антропол. эксп., сообщал следующее: «Женщины... никак не могли решиться совсем снять с головы всякую покрывку и опростоволоситься; приходилось мерить из-под нижней накладки...» (Зап. РГО, Отд-ние этнографии, 1883, т. 11, с. 265). С нач. 20 в. повсеместно в качестве головных уборов доминируют фабричные платки.

Большое внимание уделяется В. в похоронно-поминальной обрядности. До сих пор при обмывании покойника тщательно моют В.: умершего сажают, один из обмывающих держит его, др. льёт воду на голову, третий обмывает. Вымыв голову, расчёсывают В., а если умерший — женщина, то заплетают косу. На 40-й день в честь покойного на улице зажигали костёр, в к-рый кидали В. с его головы и бороды и прыгали через этот костёр.

Во время *братчины* по окончании моления все его участники делали перед свещ. свечой земные поклоны, целовали её, а затем её пламенем обжигали себе В. (мужчины — на лбу, женщины — на висках).

Среди мордвы бытовали разные формы гадания, в т. ч. по В. При гадании о замужестве стремились узнать цвет В. будущего мужа. Девушка заходила в

хлев и с закрытыми глазами должна была вырвать клочок шерсти у овцы: если клочок был с белой овцы, значит, муж будет светлый, если с чёрной — тёмный. Используя В., гадали о продолжительности жизни: пропадут с наличника — к скорой смерти.

У мордвы сложилось представление о мифол. соотношении между частями человек. тела и элементами природного окружения, к-рые она иногда употребляет в заговорах. Так, В. человека ассоциируются с растительностью. В то же время у мордвы есть свои назв. трав, в основе к-рых лежат определённые признаки человека. Напр., назв. растения «Евдокия седая» произошло потому, что надземная часть травы похожа на седые В.

С помощью В. мордва осуществляла всякого рода ворожбу, магич. обряды. Полагали, что в отрез. пряди В. сохраняются все свойства человека, у к-рого она взята, поэтому отрез. В. воспринимаются как заместитель (двойник) человека. У мордвы существовал обряд отрезания косы у девушки, достигшей совершеннолетия или выходящей замуж. После смерти женщины в гроб с ней клали отрез. косу как символ девичества, к-рая по поверьям помогала воскреснуть в потустороннем мире, выйти там замуж и иметь детей. В. использовались в качестве оберега. В этих целях мокшане носили на шее талисман (калета) в виде подушечки треугольной формы, в к-рую зашивали В. умерших близких родственников, др. наговорённые предметы, чтобы уберечься от дурного глаза и *болезней*. Магич. использование В. демонстрирует веру в их особую силу, способную наряду с др. магич. действиями предохранять людей. В то же время при помощи В. можно извести человека, передать болезнь здоровому или сделать наговор.

До сих пор бытует ряд предписаний и запретов, связ. с В. Так, в определённые дни нельзя расчёсывать В., в нек-рые праздники расчёсывание В., наоборот, считалось обязат. Стрижка В. регламентируется в зависимости от возраста и времени (дни недели, лунные фазы). Нельзя стричь В. в праздничные дни и в период убывающей луны, а также в «тяжёлые» (понедельник, пятница) дни недели и *воскресенье* (не к добру; не будут расти). Запрещается стричь В. во время беременности (можно нанести вред ребёнку и матери). В., выпавшие при расчёсывании, нельзя бросать, поскольку с их помощью злой человек может наслать порчу. Если В. оставлять на полу и ходить по ним, будет болеть голова, появятся др. болезни.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-52; ПМА: Виноградская Нина Яковлевна, 1934 г. р., с. Ст. Теризморга Старошайговского р-на РМ, записи 2007; Сакалкина Любовь Ефимовна, 1926 г. р., с. Морга Дубёнского р-на РМ, записи 2007; Четвергова Раиса Спиридоновна, 1939 г. р., с. Ардатово Дубёнского р-на РМ, записи 2006; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki; Turku, 1947. Bd. 4.

Лит.: **Майнов В. Н.** Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи // Зап. РГО. Отд-ние этнографии. 1883. Т. 11; **Гаген-Торн Н. И.** Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // Сов. этнография. 1933. № 5 — 6; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 1998; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы. Саранск, 2000; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2007; **Шигурова Т. А.** Традиционный костюм мордвы в свадебных

обычаях и обрядах. Саранск, 2008 ; **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н.** Народная медицина мордвы — простая и загадочная... (По результатам этнографических экспедиций. 1990 — 2010). Саранск ; Пенза, 2011.

Л. И. Никонова, Т. В. Аксёнова.

ВОЛЦЫПÁЗ (э.), высший бог всего живого, кроме человека. Покровительствует людям при охоте, ловле рыбы и птиц. В нижегородской теогонии — четвёртый сын *Анге Патяй*. В молениях и фольклоре не фигурирует.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

А. М. Шаронов.

ВОРО́НА (м. **Варси**, э. **Варака**), персонаж мордов. фольклора. Этимология слова восходит к фин.-угор. яз. Древняя форма — *vare*. Имеются соответствия в др. фин.-угор. яз.: фин. *varies*, эст. *vages*, мар. *вараш* (ястреб).

В памятниках мордов. нар. творчества *В.* играет неоднозначную и вместе с тем заметную роль. Её присутствие в ряде жанров фольклора объясняется тотемистич. представлениями о зооморфных предках, в к-рых запечатлелись уходящие своими корнями в глубокую древность убеждения об отсутствии разницы между человеком и животным, вера в возможность превращения человека в животное или птицу. По представлениям мордвы, зооантропоморфные предки (люди-птицы, люди-кони, люди-медведи и т. д.) жили в мифич. время (см. *Время мифическое*).

Не исключено, что отголосками древнейшего тотемизма являются нек-рые

сказочные мотивы, яркими героями к-рых становятся звери и птицы, обитающие в мордов. крае. В нац. животном эпосе врановые — сорока, *В.* и сойка — представлены в ряде сказок: «Пустачей» («Синница»), «Кода варакась ривезенть манизе» («Как ворона лису обманула»), «Варака ды ривезь» («Ворона и лиса»), «Шавача» («Сойка») и др. В них обычно *В.* наз. тёткой (э. *варака патяй*) и подчёркивают в ней добродушие, отзывчивость, внимательность. В сказке «Пустачей» («Синница») она учит плачущую синицу, как избавиться от хитрой лисы, к-рая грозит залезть на дерево и съесть её птенцов. В целом в сказочном эпосе образ *В.* отличается тонким юмором и сатирой, чем выражается отношение человека к ней.

В. представлена в паремич. иск-ве. С незапамятных времён люди определяли изменения погоды по поведению птиц: «Тялонда варсихне каркнайхть. — Тельня варакатне карныть — якшавты» («Зимой вороны каркают — к морозу»), «Варсихне каркнайхть — пиземти. — Варакатне карныть — пиземень» («Вороны каркают — к дождю»). Видеть *В.* во сне — к плохому.

В. присутствует в дет. фольклоре. В традиц. колыбельных песнях о птицах *В.* призывает ко сну, к успокоению. В потешках *В.* развлекает, забавляет ребёнка, она показана любопытной, непоседливой.

В эрз. эпич. песне «Тюштя ёнов молица цёрыненть чачомадо» («Рождение мальчика, подобного Тюште») *В.* с железным клювом изображена как недоброжелательница, к-рая сообщает Тюште, что родился необычный мальчик, судьбой и талантом похожий на него, и советует погубить младенца: «Тон сонзэ рамик... / ... / Вай, сонзэ боцькас а тон озавтык. / Иневеднес тон сонзэ нолдыка» — «Ты его купи... / ... / Ой, его ты в

бочку посади. / По морю ты его пусти» (УПТМН, 1963, т. 1, с. 250, 253).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1979 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Ворон в народной словесности // Этногр. обозр. 1890. № 1 ; Мяскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; Егю же. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.

М. Н. Салаева.

ВОРО́ТА (м., э. **Орта**), сакральная граница жизн. пространства мордов. семьи. С противопоставлением категорий внутр. и внеш. вырабатывается стереотипное восприятие остального мира, находящегося за В. и имеющего чаще отрицательную оценку, что свойственно мифол. воззрениям не только мордвы, но и большинства фин.-угор. народов. Осн. причина этого явления — процесс освоения новых терр., граничащих на первых порах с лесом, рекой и насел. большим кол-вом духов и божеств. В случае незащищённости этих терр. некоей заградительной чертой, функцию к-рой выполняют В., они подвержены воздействию обожествл. явлений природы.

Прощание с покойным, его переход в новую жизнь в мире предков, также должны маркировать точки невозврата, гл. среди к-рых являются В. Мокшане Тамбовской губ., одев умершего у В. и встав лицом на восток, просили Бога и предков принять новопреставленного. В

Карсунском у. Симбирской губ. за В. останавливались, чтобы позвать ранее умерших, а также встретить, принять и взять к себе новопреставленного.

В свадебной обрядности эрзян в период сватовства сваты, к-рых не хотели видеть в этой роли, нередко использовали В., чтобы тайно положить на них особый хлеб — «медь кочом» и быть принятыми хозяевами дома. Если их не заставляли за этим занятием и не возвращали полож. на В. хлеб, то по традиции хозяева дома были обязаны встретить их в качестве сватов. При встрече свадебного поезда гости со стороны жениха, сумевшие преодолеть обыгранное сопротивление гостей невесты и войти в В., считались приблизившимися к объединению с новым родом. Молодые, после *венчания* прошедшие через В., считались принятыми в дом, где они будут жить.

Мордва обычно приглашала жителей деревни на моление с помощью специально посланного человека, к-рый ударял о В. и сообщал, когда и где оно состоится.

Внутр. В. двора также являлись сакральной границей, к-рую стремились уберечь от проникновения потусторонней силы, с чем была связана, в частности, традиция вешать на В. надворных построек лапу медведя, чтобы злые духи не могли проникнуть в конюшню или хлев, навредить скоту. Сходные представления есть у удмуртов, к-рые часто вешали над В. обереги от колдунов.

При заболевании, получ. якобы от земли, или при ударе об неё лечебная магия обращалась к В. Знахарь приводил больного человека к В., ставил его посредине и произносил молитву — обращение к божееству, где просил дать больному здоровье. Вещи, несущие в себе, по мнению мордвы, угрозу здоровью или жизни — щепка от гроба, старый *веник*, к.-л. заговорённый предмет,

с к-рым может соприкоснуться человек, выброш. за В., в большинстве случаев считались утратившими магич. силу и способность причинить вред.

Лит.: Удмуртская мифология / под ред. В.Е. Владыкина. Ижевск, 2003 ; **Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н.** Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект. Саранск ; Пенза, 2010 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ВОСКРЕСЁНЬЕ (м. **Недляши**, э. **Недлячи**), седьмой день недели, противопоставл. остальным дням как праздник будням. В рус. яз. (из церк.-слав.) в назв. этого дня недели закреплена память о дне Воскресения Господня.

В нар. традиции В. — сакральное время, посвящ. Богу, «Божий день». В В. ходили в церковь, к святым местам — источникам, деревьям, камням. Мордва считала, что этот день особенно благоприятен для магич. способов лечения, предсказаний и т. п. Она соблюдала действующий запрет на хоз. и домашние работы в В. Нарушение запрета считалось большим грехом. Вместе с тем в этот день не запрещалось и даже предписывалось совершать нек-рые ритуальные и символич. виды работ, напр. первые пахоту, сев, выгон скота на пастбище, закладку нового дома и т. п.; не запрещалась работа в пользу нуждающихся — вдов, сирот, больных. Не считалась грехом и вынужденная работа, необходимая для спасения урожая, скота и т. п.

В нар. календаре к наиболее почитаемым В. относятся: Прощёное В. (на Масленицу), *Вербное воскресенье*, Светлое В., Фомино В. (на Пасху), Троица.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Славянская мифология : энци. слов. М., 2002.

И. И. Шеянова.

ВОССТАНИЕ МОРДВЫ ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ 1743 — 45, нац.-религ. движение мордов. крестьян Терюшевской вол. Нижегородской губ. Имело отзвуки в волостях с мордов. населением Арзамасского, Алатырского и Нижегородского у. Причины движения коренятся в политике насильств. христианизации мордвы, ужесточение к-рой произошло в связи с назначением епископом Нижегородским и Алатырским Дмитрия (Сеченова), не удовольствовавшегося видимым обращением мордвы в православие и начавшего жечь и истреблять чтимые мордвой места — свящ. рощи, кладбища. Протестуя против насилия и святотатства, в апр. 1743 мордов. крестьяне направили своему владельцу, царевичу Бакару Вахтанговичу, прошение, в к-ром писали: «А ежели паче чаяния, нас, сирот ваших, будут принуждать к крещению неволею, то мы, сироты ваши, оставя дома свои, будем бегать и укрываться по лесам... дома свои и пожитки зажигать будут и сами, собрався семьями, пожгутся или всякими видами себя к смерти приводить будут...» (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, Саранск, 1940, т. 2, с. 289). Однако протест не возымел последствий. 18.5.1743 под руководством епископа Дмитрия у с. Сарлей была предпринята попытка разорения мордов. кладбища, что послужило поводом для восстания. Неск. сотен мордов. крестьян напали на миссионеров и солдат, к-рые попытались выполнить приказ епископа «оное кладбище, разруша, сжечь». Епископу Дмитрию с трудом удалось спастись в погреб

сарлейского священника. На помощь епископу из Н. Новгорода были направлены войска, однако это привело к расширению движения. Восстание распространилось на соседние с с. Сарлей населенные пункты, ок. 6 тыс. крестьян взяли за оружие. Во главе них встал Н. Васильев, его соратниками были Помраз Семёнов, Шатрез Плакидин, Котрян Андриюшкин, Дружина Цинаев. Программа восставших предполагала сохранение «старой мордовской веры» и молений «в полях и лесах», отмену принудит. христианизации. Было объявлено, что повстанцы будут бить карателей «до смерти».

В авг. 1743 восставшие разбили отряды местных правительств сил у д. Романиха и Борцово, что заставило власти ужесточить нажим. В Борцово под конвоем согнали до 600 чел. мордвы и крестили. Глава карателей капитан Л. Шмаков «мордву для невольного крещения сыскивал, и возил под караулом под шпагами, и у мордовских жён косы обрезаывал» (Там же, с. 305). Однако местных сил для пресечения восстания явно не хватало, поэтому по указанию Сената Военная коллегия направила в Терюшевскую вол. войска под командованием генерал-майора Стрешнева и премьер-майора Юнгера. 26.11.1743 отряд Юнгера разбил повстанцев под д. Лапшиха, у к-рой «напала мордва с оружием и визгом» на пешую команду и «учинилось хмелевое сражение, во время которого мордвы побито наповал 74, ранено 30...» (Там же, с. 316).

После подавления восстания 130 чел. мордов. крестьян было привлечено к следствию. Рук. восстания Васильев был сожжён на костре, его соратник Семёнов — повешен.

В нояб. 1745 в Терюшевской вол. наметился новый подъём крест. движения, поводом к к-рому послужил сбор

податей и недоимок. Однако размещ. в селениях военные команды не дали вспыхнуть восстанию.

В. м. Т. в. 1743 — 45 привело к откату пр-ва и РПЦ от политики насильств. христианизации мордвы. Даже епископ Дмитрий был вынужден признать формальный характер крещения мордвы. В 1746 он писал о том, что новокрещёные не ходят на божеств. службы, не носят святой крест на себе, посты не соблюдают, новорождённых детей не крестят, умерших для погребения к часовне не привозят, и во всё «чинятся противны». Было прекращено взятие в рекруты язычников вместо христиан, переселение некрещёных из селений, в к-рых жили новокрещёные, а также осуществлены частные уступки.

Оценки восстания в историографии различны. И. Н. Смирнов считал, что оно «сопровождалось тягостными последствиями для мордвы» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 102). Т. В. Васильев рассматривал восстание как характерный пример, иллюстрирующий бесправное положение мордвы. А. Е. Захаркина выделяла социально-классовый аспект движения. В. К. Абрамов считал, что «терюшевское восстание, несмотря на религиозную оболочку, было, прежде всего, восстанием социальным. Его участники боролись против гнёта и подавления во всех его формах; за социальную справедливость, свободу и человеческое достоинство...» (Абрамов В. К., По следу времени, Саранск, 1991, с. 113). В. А. Юрчёнков оценивал восстание как нац.-освободит. движение под религ. лозунгами.

Тексты: Рус. обозр. 1893. № 8, 10; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2.

Лит.: **Можаровский А.** Терюшевское действо // Нижегород. губерн. ведомости.

1892. № 2 — 4 ; **Титов А.** Терюшевский бунт // Рус. обозр. 1893. № 9 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Захаркина А. Е.** Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743 — 1745 гг. // Зап. / НИИЯЛИ. Саранск, 1952. Вып. 15 ; **Абрамов В. К.** Несмеян Васильев // Просторы : лит.-худож. сб. Саранск, 1989 ; **Его же.** По следу времени : очерки об изв. ист. деятелях. Саранск, 1991 ; **Юрчёнков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991 ; **Его же.** Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Ч. 1 ; **Karpeler A.** Russland erste Nationalitäten: der Zalenreich und die Völker Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jh. Köln ; Wien ; Böhlau, 1982.

В. А. Юрчёнков.

ВРЕМЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ в дом своих родителей (м. **Меки потама**, э. **Мекев потавтома**), один из последних обрядов свадебного цикла у мордвы. Проходил в неск. этапов. Первый традиционно начинался через неделю после свадьбы. В этот день новобрачная вместе со свекровью ходила в дом своих родителей за прялкой, что символизировало начало самостоят. семейной жизни. С собой они брали лепёшки, пиво, вино, к-рыми угощали собравшихся там родственников молодой женщины, после чего возвращались в дом мужа.

Спустя две-три недели после свадьбы за молодой приезжали «урьваля» и увозили её гостить к отцу, где она жила ок. месяца. Обычно отъезд приурочивался к к.-л. религ. празднику. В назнач. срок за женой приезжали муж и свёкор со свекровью. Только тогда тесть впервые по-настоящему знакомился с мужем своей дочери и признавал его зятем, знакомил со своими родственниками. После этого зять мог приезжать к тестю и его

родственникам в любое время. Без офиц. знакомства молодой муж не имел права входить ни в дом родителей своей жены, ни в дома её родственников.

Провожать молодую собирались её родные и подруги. В этот раз она уже окончательно прощалась с ними. На следующий день зять обычно приезжал к тестю за скотом, к-рый последний обещал в приданое своей дочери.

После обряда В. в. н. молодая получала право на посещение родителей и родных, а его окончание свидетельствовало о начале нового жизн. цикла для женщины, приобретающей новый социальный статус. Обряд символизировал также окончание осн. свадебных торжеств.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; *Mordwinische Volksdichtung.* Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: **Корнишина Г. А.** Этнические традиции в современной свадебной обрядности мордовского сельского населения Куйбышевской области // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1990. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 100) ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ВРЕМЯ МИФИЧЕСКОЕ (м. **Мифическяй пинге**, э. **Мифической шка**), одна из осн. категорий мифол. картины мира. По верованиям мордвы, существуют начало и конец времени (света). В. м. — это нач. время, когда утверждается вечность, что выражается в мотивах рождения мира и *богов*-покровителей.

Конец В. м. связан с их исчезновением. Позднее конец времени (света) иногда связывали с лунными затмениями.

В. м. подразделяется на абс. и относит. Абс. время тождественно понятию «прошлое». Это домировое время, предшествующее творению. Оно неподвижно, статично и не связано с пространством, т. к. существует до сотворения мира. Сотворённый мир с пространством вмещается внутри него, и в нём начинается относит. время, когда происходят события и действуют герои. Оно неравномерно и прерывно, зависит от формы и содержания мифа, его сюжета и композиции. Относит. время может ускоряться и замедляться, исчезать, проваливаться в небытие. Нишкепаз, сотворив человека, пропадает из поля зрения на семьдесят семь лет, и этот длительный период существует «пустота» во времени, т. к. не рассказывается ни о каких событиях. Время останавливается, бездействует. Его поведение зависит от развития произв., оно «сюжетно управляемо» (А. М. Шаронов).

Вследствие того, что в мифе внимание на настоящем акцентируется через актуализацию прошлого (для чего переносится в доист. времена и показывает происхождение того или иного явления), в нём образуется два потока времени: время, движущееся от настоящего к прошлому, и время, движущееся от прошлого к настоящему. Время, движущееся к прошлому, создаётся разумом человека, познающим историю, а время, движущееся от прошлого к настоящему, подобно объективному времени, производящему природные и социальные процессы. Первый поток времени выражает время мыслящего разума, движение его мыслей и идей, второй — движение природы и общества в фокусе мифол. сознания.

Мордов. мифология пронизана идеей В. м., которое мыслится прежде всего в предметных образах. Древний человек видел и прошедшее, и настоящее В. простирающимся вокруг себя, взаимно проникающим и объясняющим одно другое. Событие, произошедшее раньше, и событие, совершающееся сейчас, в определённых условиях воспринимались архаич. сознанием как явления одного плана, к-рые протекали в одной временной длительности. В. м. выступало одним из осн. «героев» эпоса: «День на день — сливались в недели, / А недели в месяцы сплетались, / А из тех венков рождались годы... / Время шло — текло рекой бездонной. / Выбирала смерть свой век отживших, / Новые на свет рождались дети, / Подрастали, крепили и мужали, / В стариков лихие парни гнулись, / Превращались в старух красотки. / День за днём так жизнь идёт повсюду» (НА НИИГН, ф. Л-755, л. 174).

В. м. «речкой льётся», «колесом катится», порождая вечность. Его отличит. чертой является явная или подразумеваемая связь с движением. Формируется образ «идущего времени» (время приходит, проходит, уходит и т. п.): «Годы шли — века рождали, / Шли века — рождали вечность, / На земле добро и разум / Сеял Нишке паз эрзянский, / Ой, растил их Шкай мокшанский» (Там же, ф. Л-754, л. 64).

Образ движущегося В. м. часто соотносится с неким субъектом (конкретным человеком или антропоморфным образом общества и т. п.). Примером такого соотношения может выступать образ Тюшти: «Этот необычный человек / Наделён необычайным свойством: / В новолунье — юноша он статный, / В полнолуние — он муж могучий, / На ущербе — старец ветхий, мудрый. / Все три возраста людских за месяц / Этот человек переживает — / Как-то, юность, воз-

мужалость, старость. / Каждый месяц снова молодеет, / Каждый месяц он стареет снова» (Там же, ф. Л-755, л. 5 — 6).

Темпоральные представления мордвы вбирают в себя идею ухода В. м. в прошлое. По-видимому, в архаичных представлениях В. м. двигалось (независимо от предметного образа) в осн. из будущего в прошлое: «День за день... / Собираются недели. / Быстро ткуются месяцы цветные / И свиваются в года венками... / Годы, годы — всяческие годы... / Вечность их в свой короб собирает — / Словно капельки собирает в море» (Там же, ф. Л-756, л. 172).

По представлениям мордвы, в В. м., к-рое она именует также м. **кезорень пинге**, э. **кезэрень пинге** (м. кезорень, э. кезэрень «старинный, древний») или м. **пяк сире пинге**, **пяк кунардонь пинге**, э. **пек умонь пинге** (м. пяк, э. пек «очень», м. сире, э. умонь «старый», м. кунардонь «давний»), жили зооантропоморфные предки (люди-птицы, люди-кони, люди-рыбы, люди-волки, люди-медведи, люди-змеи, люди-пчёллы и др.; см. *Антропоморфизм*), образы к-рых сохранились в её фольклоре (Н. Ф. Мокшин).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-754 — Л-756.

Лит.: **Лихачёв Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971; **Юрчёнкова Н. Г.** Темпоральные представления мордвы // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Саранск, 1999; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 2006; **Юрчёнков В. А.** Мордовский национальный эпос — гениальное творение ума и сердца народа // Маторова: мордов. нар. эпос. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

ВЫШИВКА, украшение изделий из ткани сюжетным изображением или орнаментальным узором иглой вручную или машинным способом при помощи ниток либо др. материалов, имеющее сакральный характер.

Все виды мордов. одежды: рубахи, верх. распашная одежда, набедр. украшения, головные уборы, сшитые из холста, имели вышитый декор. Нар. В., несмотря на то что выделяются локальные группы мордвы, различающиеся по технич. приёмам шитья, колориту и качеству материалов, характеризуется общностью черт в графике рисунка, присущей всему нац. типу: «вышивка отдельных частей одежды совпадает до мельчайших подробностей» (Мордовская народная вышивка, Саранск, 1991, с. 62). По мнению Н. Г. Юрчёнковой, «...изобразительный язык мордовской вышивки обусловлен мифологической системой, традициями и обычаями мордовского народа...», к-рые «отражают всеобщность представлений о природе и окружающей жизни. В орнаментации вышивки с помощью особых композиционных сюжетов передавались космогонические представления, сведения о социальном статусе и родовой принадлежности человека» (Юрчёнкова Н. Г., Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации, Саранск, 2009, с. 235).

В мордов. песне отражён процесс вышивания: «Стирец сёрмады вальмала. / Вай, шитне-кофне сёрманза, / Равжа парьхциса сёрмады, / Якстерь парьхциса пяшкоди, / Валда окаса каярды. / Пизем туцятне алганза, / Вай, шинжарыхне ожакинза» — «У окна вышивает дочка. / Ой, (словно) солнца лучи, её узоры. / Чёрным шёлком она вышивает, / Красным шёлком выводит (узоры). / Светлым золотом их окаймляет. / На подоле у ней — туча чёрная, /

На рукавичках — цвет подсолнуха» (УПТМН, т. 1, с. 66, 68 — 69).

В. как самостоят. вид декоративной отделки костюма существует с 5 — 7 вв. Первонач. она несла смысловую нагрузку, к-рая передавалась через своеобразную знаковую систему, содержащую символич. смысл изображаемого. «„Украшения“, т. е. отметка одежды, понимались как связь человека с его родовой группой: с её видимой, живущей на земле частью, так как по этим знакам можно узнать сородича и защитить его, в случае нужды; и невидимой частью рода, предками, так как эти знаки призывают их и послужат защитой от враждебных, чужих, невидимых сил» (Гаген-Торн Н. И., Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, с. 3 — 4). Т. о., орнамент, знаки-символы, вышитые по краям одежды и по швам, преим. исполняли роль оберега (см. *Амулет*), призв. защитить человека от потенциальной опасности: нечистой силы, *болезней* и т. д.

В орнаменте мордов. В. большое место занимают образы-символы в виде определённых графич. знаков, связ. с отражением предметов и явлений реальной действительности, в мотивах орнамента воссоздаются окружающая человека природная среда и его хоз. деятельность. В мордов. В. можно выделить неск. групп орнаментов, семантика к-рых сводится к определённым значениям: орудия труда; зооморфные символы, получившие назв. от животных и птиц; фрукты; небесные светила.

Преобладающими орнаментальными мотивами в мордов. нар. В. являются геометрич. фигуры (квадраты, кресты, ромбы, звездообразные фигуры и т. п.), а также изображения птиц и деревьев, отражающие тотемистич. представления или ритуальную магию. Для человека, верившего в магич. силы приро-

ды, геометрич. мотивы были условными, но понятными знаками. Прямая горизонтальная линия обозначала землю, волнистая символизировала воду; солнце изображалось в виде круга или квадрата. Из геометрич. фигур наибольшее распространение получил в орнаменте ромб. В мордов. жен. одежде он используется на самых заметных участках: наплечной В. и по подолу рубах, рукавах, обшлагах рукавов, налобной и затылочной частях жен. головных уборов (бабань панго, златной, сорока), набедр. украшениях (карк пуло, пулокаркс, пулай). Мн. исследователи отмечают полисемантическую ромбич. символа при сохранении гл. смысла — знака плодородия, благоденствия. Так, В. И. Рогачёв утверждает, что «ромб, наряду с магией плодородия, имеет обереговое значение и функционирует как знак, предохраняющий от порчи функционально важные органы, необходимые для продолжения рода» (Рогачёв В. И., Рогачёва О. В., Семантика некоторых знаков мордовского декоративно-прикладного искусства, Финно-угорский мир: история и современность, Саранск, 2000, с. 268).

Орнаментальные сюжеты с изображением деревьев использовались в композиции В. рубах (покаев и панаров). В мордов. песне говорится: «Матерь сёрмады сире тумонь ала. / Тумонь лопаста сёрмат ушеды, / Уштор лопаста сенекст сенеди, / Пяштерькс лопаста пяхкотькст пяхкоди, / Комля кодораст каяркст каярксты» — «Матрёна вышивает под деревом. / Как дубовая листва, узоры, / Как кленовая листва, вышивка, / Под ореховый лист — рисуночки, / Как хмельные ветки — канва» (УПТМН, т. 1, с. 375, 376). Рисунок дерева использовался как основа кромок наиболее орнаментиров. части рубахи — подола и обшлагов рукавов. Он

также встречается в композиции В. головных уборов. Семантика этих изображений объясняется существованием у мордвы культа свящ. рощ и деревьев. Важно отметить, что учёные подчёркивают деление композиции на верх. и ниж. половины, символизирующее верх. и ниж. миры. Мировой осью, соединяющей разные стороны мира, считалось *Великое дерево*. Свящ. деревья, олицетворяющие его, были местом, где совершались моления.

В мордов. В. широко представлено символич. изображение тотемных птиц — лебедя и утки. «Вышитые треугольники, которые расположены на подоле сзади, назывались гусиные лапы — *маци тильгет*, а вышивка на подоле спереди по обеим сторонам разреза — *пацянят* — крылышки» (Белицер В. Н., Народная одежда мордвы, М., 1973, с. 53). В мифол. сюжетах о сотворении мира утка является свящ. птицей (см. *Великая птица*). Изображение утки считалось символич. олицетворением женщины, персонификацией семьи и плодородия. Юрчёнкова отмечает, что «образ Иненармунь в древнемордовской мифологии, несмотря на многофункциональность, преимущественно наделён ролью создателя объектов Вселенной, природы, космических сил, упорядочивающего мир» (Юрчёнкова Н. Г., Указ. соч., с. 110 — 111). Появление образа именно водной птицы закономерно. *Вода* в мордов. мифологии выступает в качестве первоосновы мира, а вся система производств. отношений мордвы была немислима без воды.

Изображения животных и птиц в В. либо представлены полно, либо передаются только контурными очертаниями, но всегда — в профиль. Из животных наиболее часто используются фигурки коней. Мотивы отдельных голов

коня можно видеть располож. или в осн. узоре, или по краю орнаментальной полосы. Худож. образ коня символизировал плодородие, был знаком солнца и неба. Изображение дерева, двух птиц или животных перед ним, помимо осн. функции оберега, служило знаком семьи, рода.

Уникальным творением эрзянок является В. ритуальной одежды — покая. Орнамент на нём располагается в соответствии с идеей трёхмерности человек. бытия: небесного, земного и загробного, что во многом обосновывается ролью этого вида одежды в обрядах эрзян. Кроме свадебного платья, покая был одеждой для исполнения ритуальных действий. Впервые девушка надевала покая с наступлением совершеннолетия на праздник «Девичий дом пива» («Тейтерень пия кудо»), связывавшийся с идеей плодородия. Во время похорон девушки-невесты покая несли в развёрнутом виде впереди гроба. Во время поминок покая вешали или клали в переднем углу избы: т. о. он символизировал умершую. Продуцирующую направленность содержал обряд выгона скота молодой. Здесь также было обязат. одевание покая, к-рый уже выполнял роль своеобразного посредника, обеспечивающего связь с «вышшими силами». Каждый фрагмент отделки покая имеет традиц. разработки узоров. В В. оплечья преобладают мотивы (звезда, розетка, крест), связ. с обозначением небесных тел, в первую очередь солнца и луны. Солнце для мордвы как земледельч. народа являлось предметом особого обожествления, выступая покровителем плодородия и урожая. Лунные фазы регламентировали хоз. деятельность, бытовое поведение, семейные обряды и ритуально-магич. действия.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963.

Лит.: **Спрыгина Н. И.** Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии : По материалам эксп. 1925 г. Пенза, 1928 ; **Крюкова Т. А.** Женская рубаха «покай» и её связь с праздником «пивань кудо» у мордвы // Зап. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1958. № 19 ; **Гаген-Торн Н. И.** Женская одежда народов Поволжья : (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960 ; **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М., 1973 ; Мордовская народная вышивка / сост. и авт. текста и чёрно-белых табл. В. Н. Мартыанов. Саранск, 1991 ; **Прокина Т. П.** Народное искусство // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995 ; **Рогачёв В. И., Рогачёва О. В.** Семантика некоторых знаков мордовского декоративно-прикладного искусства // Финно-угорский

мир: история и современность : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Миф и творчество: особенности воплощения // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 2001 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Хомякова И. В.** Мордовский орнамент: историческое прошлое или актуальное настоящее? // Трансформация социокультурного пространства в XXI веке: современные реалии и культурные стратегии : материалы Всерос. науч. интернет-конф. с междунар. участием. Саранск, 2011 ; **Heikel A. O.** Mordvalaisten pukuja ja ku oseja=Trachten und Muster der Mordwinen. Helsingissä, 1899.

Д. Ф. Ильин.

Продолжение следует

СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный
авг. — август
авт. — автор (в библиографии)
акад. — академик (при имени)
алт. — алтайский
альм. — альманах (в библиографии)
англ. — английский
анс. — ансамбль (муз.)
антропол. — антропологический
апр. — апрель
арм. — армянский
археол. — археологический
астрон. — астрономический
АХ — Академия художеств
Б. — Большой (в топонимических названиях)
балт. — балтский
библ. — библейский

библиогр. — библиографический
(в библиографии)
биогр. — биография; биографический
букв. — буквально
в. — век
вв. — века
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
верх. — верхний
Вестн. — Вестник (в библиографии)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
внеш. — внешний
вок. — вокальный (муз.)

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- вол. — волость (в названии)
 вост. — восточный
 вступ. — вступительный
 в т. ч. — в том числе
 г. — год
 г. — город (при названии)
 газ. — газета (при названии)
 гг. — годы
 геогр. — географический
 герм. — германский
 гл. — главный
 гл. обр. — главным образом
 гол. — голландский
 гос. — государственный
 гос-во — государство
 г. р. — год рождения
 гр. — греческий
 губ. — губерния (в названии)
 д. — деревня (при названии)
 дерев. — деревянный
 дет. — детский
 дир. — директор
 ДК — Дом культуры
 док. — документальный
 док-ты — документы
 доп. — дополнительный
 др. — другой
 д-р — доктор
 драм. — драматический
 др.-гр. — древнегреческий
 др.-еврейск. — древнееврейский
 др.-рус. — древнерусский
 др.-эрз. — древнеэрзянский
 д. чл. — действительный член
 европ. — европейский
 епарх. — епархиальный
 ж. — журнал (при названии)
 жен. — женский
 жив. — живопись
 зав. — заведующий
 зап. — записки (в библиографии)
 засл. — заслуженный
 избр. — избранный (в библиографии)
 Изв. — Известия (в библиографии)
 изв. — известный; известен
 изд. — издание
 образит. — образительный
 им. — имени
 имп. — император; императорский
 инструм. — инструментальный
 ин-т — институт
 иран. — иранский
- иск-во — искусство
 искл. — исключение; исключительный;
 исключено
 иссл. — исследование; исследовательский
 ист. — исторический
 итал. — итальянский
 и т. д. — и так далее
 канд. — кандидат
 карел. — карельский
 кирг. — киргизский
 кл. — класс
 к.-л. — кто-либо; какой-либо
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кол-во — количество
 кон. — конец (в датах)
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 к-т — комитет
 лат. — латинский язык
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 мар. — марийский
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 МАССР — Мордовская Автономная Советская
 Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МГПИ — Мордовский государственный
 педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 мифол. — мифологический
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное
 издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название
 НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитар-
 ных наук при Правительстве Рес-
 публики Мордовия

- напр. — например
нар. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало (в датах)
нач. — начальный
нек-рый — некоторый
неск. — несколько
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
Нов. — Новый (в топонимических названиях)
нояб. — ноябрь
н. э. — нашей эры
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
об-во — общество
обл. — область (в названии)
обозр. — обозрение
ОК — областной комитет
ок. — около
окр. — округ; окружной
окт. — октябрь; октябрьский
опубл. — опубликован; опубликованный
осн. — основной
отв. — ответственный
отд. — отдельный
отеч. — отечественный
офиц. — официальный
п. — перевод
пед. — педагогический
пер. — перевод (в библиографии)
первонач. — первоначально; первоначальный
подгот. — подготовка (в библиографии)
пол. — половина (в датах)
полит. — политический
пом. — помощник
поч. — почётный
пр. — премия
правосл. — православный
пр-во — правительство
пред. — председатель
през. — президент
преим. — преимущественно
произв. — произведение
просветит. — просветительский
проф. — профессиональный
проф. — профессор
психол. — психологический
публиц. — публицистический
р. — река (при названии)
РАЕ — Российская академия естествознания
РАО — Российская академия образования
РГО — Русское географическое общество
рев. — революция; революционный
регион. — региональный
ред. — редактор
реж. — режиссёр; режиссёрский
религ. — религиозный
респ. — республиканский
РМ — Республика Мордовия
р-н — район (в названии)
род. — родился
рос. — российский
РПЦ — Русская Православная Церковь
рук. — руководитель
рус. — русский
РФ — Российская Федерация
с. — село (при названии)
с. — страница (в библиографии)
самостоят. — самостоятельный
сб. — сборник
сб-ки — сборники
св. — святой (при имени)
свт. — святитель (при имени)
сев. — северный
сент. — сентябрь
сер. — середина (в датах)
сер. — серия
СЖ — Союз журналистов
сиб. — сибирский
СК — Союз композиторов
скульп. — скульптор (при имени)
слав. — славянский; славянские языки
слов. — словарь (в библиографии)
см. — смотри
соавт. — соавтор; соавторство
сов. — советский
совм. — совместный; совместно
совр. — современный
соотв. — соответствует; соответствующие
сост. — составитель; составление
(в библиографии)
сотр. — сотрудник
соч. — сочинение
СП — Союз писателей
СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
справ. — справочник (в библиографии)
ср. — сравни
ср.-век. — средневековый

- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- Ст. — Старый (в топонимических названиях)
- ст. — станция (при названии)
- ст. — статья
- стат. — статистический
- СТД — Союз театральных деятелей
- стихотв. — стихотворный
- стр-во — строительство
- СХ — Союз художников
- с. х. — сельское хозяйство
- с.-х. — сельскохозяйственный
- т. — текст
- т. — том (в библиографии)
- танц. — танцевальный
- тат. — татарский
- т. е. — то есть
- театр. — театральный
- терр. — территория; территориальный
- тетр. — тетрадь (в библиографии)
- техн. — технический
- т. к. — так как
- т. н. — так называемый
- т. о. — таким образом
- тр. — труды (в библиографии)
- традиц. — традиционный
- трансп. — транспортный
- тыс. — тысяча
- тыс. — тысячелетие
- тюрк. — тюркский; тюркские языки
- у. — уезд (в названии)
- уг. — уголовный
- удм. — удмуртский
- указ. — указатель (в библиографии)
- ун-т — университет
- УПТМН — «Устно-поэтическое творчество мордовского народа»
- уч. — учебный
- уч-ще — училище
- февр. — февраль
- филол. — филологический
- филос. — философский
- фин. — финский
- фин.-угор. — финно-угорский
- фольк. — фольклорный
- франц. — французский
- ф-т — факультет
- хоз. — хозяйственный
- хоз-во — хозяйство
- христ. — христианский
- худ. — художник (при имени)
- худож. — художественный
- центр. — центральный
- церк. — церковный
- цит. — цитируется
- ч. — часть (в библиографии)
- чел. — человек
- четв. — четверть (при датах)
- чл. — член
- что-л. — что-либо
- шк. — школа
- э. — эрзянское (слово)
- экон. — экономический
- эксп. — экспедиция
- энц. — энциклопедический (в библиографии)
- эрз. — эрзянский
- эст. — эстонский
- этим. — этимологический
- этногр. — этнографический
- ювелир. — ювелирный
- юж. — южный
- ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
- яз. — язык; языки
- январ. — январь
- Bd. — Band (в библиографии)
- H. — Heft (в библиографии)
- S. — Seite (в библиографии)
- Ibid. — Ibidem
- j. — journal (в библиографии)
- p. — page (в библиографии)
- vol. — volume (в библиографии)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

МНОГОЛИКИЙ ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В рамках изучения истории и культуры Волго-Уральского региона в центре исследовательского внимания неоднократно оказывались такие его проблемы, как теория и методология исследования этнических культур; социально-экономическая и политическая история; современные этнокультурные процессы; культурное и этническое развитие его народов, их духовная и материальная культура; сохранение историко-культурного наследия; роль просветителей финно-угорских и тюркских народов в становлении и развитии литературы, образовании и культуре региона. Самостоятельным исследовательским полем выступали конкретно-исторические этапы развития региона во взаимосвязи с развитием страны (революции, военный и послевоенный периоды, реорганизация социокультурного пространства постперестроечного периода и т. д.).

Столь пристальное внимание ученых к широкому кругу вопросов и проблем региона вполне закономерно. Для того чтобы лучше понять этническое и конфессиональное многообразие России, в последние годы стали все активнее обращаться к исследованию макрорегионов (географическое пространство, представляющее собой историческое и культурное единство). Волго-Уральский регион дает здесь особенно богатый материал, который может не только открыть новые перспективы изучения, но и послужить методологической основой для сравнительных исследований и сопоставления с другими географическими ареалами. В этих целях с 16 по 19 июля 2011 г. в Республике Башкортостан была проведена летняя школа «Многоликий Волго-Уральский регион. Этнические и конфессиональные группы в современной России». Инициатором и организатором летней школы выступил Франко-российский центр гуманитарных и общественных исследований (г. Москва) во главе с его директором, доктором географических наук Жаном Радвани. Деятельное участие в проведении мероприятия приняли Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (ВЭГА, г. Уфа) и Башкирский институт социальных технологий (БИСТ, г. Уфа). Ключевым моментом в подготовке летней школы стала встреча Президента Республики Башкортостан Р. Хамитова с директором Франко-российского центра Ж. Радвани, состоявшаяся 15 июля 2011 г. в Республике Мордовия. В ходе беседы рассматривались разные вопросы, в том числе перспективы сотрудничества Республики Башкортостан с Франко-российским центром в области социально-экономических исследований. Данный аспект еще глубже укрепляет мысль о том, что практика гуманитарных исследований важна сегодня как для региона, так и для отдельной административной единицы. Участниками школы были:

модератор проекта и эксперт, доктор Высшей школы социальных исследований (EHESS), лектор Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO), сотрудник Центра изучения русского, кавказского и центрально-европейского мира Высшей школы социальных исследований (CERCEC EHESS) Ксавье Ле Торривеллек; французские исследователи-эксперты — доктор филологических наук, специалист по проблемам социологии и религии в современной России Кати Русселе, Ева Тулуз, Анна Дюпэгрэ и Ани Радзянски (Радвани), а также аспиранты и молодые исследователи из Франции, Москвы, Казани, Магнитогорска, Уфы, Астрахани, Ижевска, Самары, Санкт-Петербурга и Саранска.

Работу летней школы отличал ее формат (семинар), подразумевающий активное включение аудитории в обсуждение докладов. С учетом того что продолжительность выступлений могла составлять около получаса, а их обсуждение — час и более, можно утверждать, что материалы, подготовленные для летней школы, тщательно анализировались представителями разных областей знания: географами, этнографами, социологами, филологами, этномузыкологами и журналистами. На первом плане в работе школы стояли вопросы разработки методики и методологии исследований, обсуждение новых подходов, обусловленных тенденцией последних лет к междисциплинарной оценке того или иного явления в истории, культуре, искусстве и расширение границ познания, что подразумевает обмен опытом и апробацию результатов на межрегиональном, всероссийском и международном уровнях.

Ж. Радвани представил доклад «История в картах и войны памяти. Об использовании истории на Кавказе в XXI веке». Изложенный материал был своеобразным отчетом о работе, которой он занимался последние несколько лет, а именно: создании «Геополитического атласа Кавказа», изданного на французском языке в 2006 г. в соавторстве с грузинским географом Николаем Беручашвили. В 2010 г. вышло второе издание атласа, где были представлены административные, экономические, этнические и демографические карты Азербайджана, Армении, Грузии и сопредельных регионов России, а также исторический раздел, в котором отражены все территориальные изменения Кавказа с 1920-х гг.

Ж. Радвани отметил, что динамика изменения местных границ по-прежнему очень высока. Например, новый атлас не успел отразить появление нового федерального региона России, объединившего республики и области Северного Кавказа, а с точки зрения географии появление новой административной границы чрезвычайно важное событие.

По словам Ж. Радвани, использование географических карт для обоснования территориальных претензий всегда было частью геополитической игры, и в этом случае Кавказ не является исключением: страны, входящие в данный регион, создают карты, которые совпадают с их собственной версией истории, однако при этом игнорируются интересы других сторон. Так, Грузия, Армения и Азербайджан территориальные претензии к своим соседям обосновывают старыми версиями географических карт. При этом не учитывается, что со времени создания старых карт трансформировались не только границы, но и этнический и демографический состав населения, экономика спорных территорий. Несовпадение реальных и желаемых границ приводит к конфликтам, в которые включены не только внутренние, но и внешние акторы, не относящиеся к Кавказу. В свою очередь, положение России обусловлено тем, что она является как внутренним, так и внешним актором по отношению к

Кавказу, не имея стратегии решения кавказских проблем. Ж. Радвани посетовал, что не всем нравится картина, представленная в картах атласа, так как она идет вразрез с территориальными претензиями ряда политиков. В ходе презентаций атласа в столицах Кавказа его везде упрекали в конъюнктурности.

По мнению ученого, многие государства, обозначая потенциальные сферы своего контроля и возможных территориальных претензий, подменяют исторические факты политической позицией. У новых независимых государств Кавказа есть свое мнение относительно границ или иных характеристик регионов. Например, в новых учебниках Грузии не показаны границы Абхазии и Южной Осетии в их нынешнем статусе. При этом в современных школьных атласах в зоне исторических грузинских земель находятся часть Сочи, фрагменты современной территории Турции, Армении и Азербайджана, т. е. те территории, которые были спорными в период 1918 — 1920 гг. Соответственно на картах Абхазии и Южной Осетии границы Грузии выглядят иначе. Советские границы Нагорного Карабаха (Нагорно-Карабахская автономная область), обозначенные в атласе, не устроили ни армянских, ни азербайджанских исследователей. Как курьез, Радвани рассказал об обнаруженной им современной карте Кавказа, подписанной министерством образования Турции, на которой не было Армении и Аджарии, а турецкие границы были отодвинуты вглубь Сирии и Ирака.

Завершая выступление, Ж. Радвани упомянул о своем недавнем визите в Республику Мордовия, где он посетил НИИГН. Ж. Радвани отметил, что в 2012 г. будет празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства и, сославшись на опыт празднования тысячелетия г. Казани, подчеркнул, что грядущее событие в Мордовии качественно иного характера и это не только исторический, но и политический акт, который уже сейчас, по мнению ученого, приносит реальные, осязаемые положительные результаты. Такое объединение усилий федерального центра и республики является важным опытом, демонстрирующим активное участие Российской Федерации в значимом событии региона.

К. Ле Торривеллек выступил с сообщением о способах разработки и применения методики и методологии в гуманитарных исследованиях.

К. Русселе выступила с докладом, посвященным восприятию святости царской семьи Романовых и духовного единения народа в ходе приобщения к православной вере и ее традициям. Важным тезисом выступления К. Русселе стала мысль о той огромной центральной роли, которую религия и церковь играют в положительном преобразовании современного человека и общества в целом.

Комплексный культурологический подход содержался в выступлении кандидата философских наук, доцента, главного научного сотрудника НИИГН И. Зубова на тему «Аксиология драматургии финно-угров Поволжья в контексте восприятия иноэтнического менталитета». Изложение материала докладчик начал с обоснования актуальности и новизны проблемы понимания ценности иноэтнических культур, что подразумевает поиск ключевых моментов в проекции национального (этнического) менталитета во всех сферах жизнедеятельности представителей тех или иных народов. Это тем более важно в контексте построения единого духовного пространства страны, и в свете необходимости нивелировать кризисные ситуации, основу которых составляют непонимание и как следствие — отрицание поведенческих стереотипов. Основная мысль доклада заключалась в том, что типологическая близость конфликтов в драматургии народов Поволжья была обусловлена близостью

исторических судеб проживавших на этой территории этносов, в частности сходством многих социальных и нравственных процессов, истоки которых уходят в глубокую древность.

Докладчик отметил, что выбор драматургии как объекта исследования не является случайным. В продолжение ряда теоретических обобщений М. Громова, Г. Гачева, А. Гуревича, О. Кривцуна, А. Огурцова и других исследователей, он пришел к выводу о том, что письменная драматургия и ее сценические интерпретации как нельзя лучше репрезентируют понятие «национальный менталитет», тем более что в своем развитии и функционировании драматургия является сгустком творческой энергии, отражающим процесс кристаллизации ментальных ценностей одновременно с историческими коллизиями времени. Рассматривая основные тенденции в понимании этнического и национального менталитета в творчестве национальных финно-угорских драматургов, опираясь на работы А. Алешкина, Б. Бассаргина, В. Брыжинского, А. Маскаева, В. Пешоновой, Е. Чернова, С. Поповой, М. Георгиной, В. Ложкина, В. Ванюшева и др., посвященные проблемам развития финно-угорской драматургии и театрального искусства Поволжья, исследователь столкнулся с проблемой узкодисциплинарности существующих подходов (искусствоведческого и литературоведческого), преодоление которых, по словам докладчика, является большой сложностью в связи с недостаточностью теоретических разработок в этом направлении в культурологии и философии. Однако это не помешало исследователю, опираясь на собственные изыскания, сделать выводы о том, что письменная и сценическая драматургии активно участвуют в формировании и четкой структурной организации «ментального поля этнонациональной общности» (дефиниция введена в научный оборот И. Зубовым), в котором встречаются, кристаллизуются и отбираются, становясь впоследствии общенациональными с признаками этнического, этноментальные ценности разных народов; этнонациональная драматургия финно-угорских народов Поволжья, являясь медиатором ментальных ценностей (особенно через театральное искусство), в то же время служит мощным объединяющим фактором, способным повлиять на формирование единого социокультурного толерантного пространства на основе общности этих ценностей.

В завершение И. Зубов отметил, что такие мероприятия, как летняя школа, позволяют сделать хорошую апробацию выводов, презентацию новых идей, помочь коллегам выявить новые горизонты исследований, полнее раскрыть потенциал тех методических и методологических достижений, которые существуют на сегодняшний день, в частности в Мордовии и других республиках Урало-Поволжья, где межнациональные контакты столь многогранны.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИИГН Д. Ильин представил доклад «Методология категории архетипа в исследовании духовной культуры древней мордвы». В своем выступлении он рассказал о важности комплексного рассмотрения архетипичности мордовской культуры, включающим в себя выделение архетипов на основе исследования архаических духовно-культурных ценностей, доминирующих форм жизнедеятельности и восприятия природного и социального пространства у древней мордвы.

Докладчик отметил, что основу его исследования определило установление ценностно-оценочной сущности архетипа и его методологическое значение в изучении своеобразия древних культур. При этом использовалась методология архетипа как

особого герменевтического текста (расшифровке подвергаются мифы, художественное творчество и сновидения мордовского этноса); как своеобразного оценочного эквивалента (архетип выступает в качестве эталона при изучении ценностных приоритетов и творческого потенциала народа).

Методологическую основу исследования составили: общая мировоззренческая ориентация на признание приоритета общечеловеческих гуманистических ценностей (глобальный антропоцентризм в противоположность классово-партийному социоцентризму официальной философии советской эпохи); социально-философское обобщение новейших достижений частных наук в комплексном изучении человека и личности; принцип взаимной дополнительности при координации философских и внефилософских методов исследования (в частности, дополнение философского рассмотрения данными из других наук — психологии, филологии, социологии и т. п.); принцип «ответственной вменяемости» и «диалогичности мышления» ученого, разработанные М. М. Бахтиным; метод исторической реконструкции, позволяющий воссоздать картину мира, систему социальных, нравственных и эстетических ценностей древней мордвы.

В рамках своего выступления Д. Ильин определил статус понятия «архетип» в контексте других гносеологических понятий. Озвучив такие вопросы, как универсальность и региональность архетипов, их иерархичность; возможность индивидуальных архетипов; генезис, а также трансляция архетипов, сделал акцент на конкретной гипотезе о наличии того или иного самобытного архетипа в духовной культуре мордовского этноса.

Разнообразие подходов и методов в проводимых исследованиях отразилось и в разнообразии озвученных тем: «Международный (межэтнический) брак как следствие расширения этнического взаимодействия» (Т. Максимова, Астраханский государственный университет); «Магнитострой: национально-конфессиональное соседство в новом индустриальном центре (1929 — 1941)» (Н. Макарова, Магнитогорский государственный университет); «Марийская свадебная обрядность: традиционная структура и трансформация (середина XIX — начало XXI в.)» (В. Белевцова, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара). Основу доклада составили полевые материалы автора, применялся метод глубинного интервью; «Этническое разнообразие Уральского региона как ресурс для развития туризма» (Л. Добрейцина, Уральский государственный университет); «Методика сравнительного контент-анализа публикаций об иммигрантах в российской и французской прессе» (П. Мясинченко, Московский государственный университет); «Проникновение радикальных форм зарубежного ислама в Урало-Поволжье» (Р. Сулейманов, Приволжский центр региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований); «Особенности полевых материалов при социально-антропологическом изучении мещанского сословия малых городов Волго-Уральского региона» (С. Зеткин, НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета); «Башкирский традиционный музыкальный инструмент курай: особенности исследования в условиях модернизации общества» (Т. Ильясов, Башкирский государственный университет); «Хотят ли русские и русскоязычные татары в Татарстане учить татарский язык? По данным массовых опросов и глубинных интервью» (Е. Ходжаева, Казанский государственный технический университет). Основной акцент в работе сделан на количественный

метод, позволивший автору зафиксировать число согласных и возражавших внедрению изучения татарского языка среди участников нескольких публичных выступлений, прошедших в г. Казани; «Полевые исследования исламских сельских общин в Среднем Поволжье и возможности устных источников» (И. Миннуллин, Институт истории Академии наук Республики Татарстан). Интересным моментом в работе стало раскрытие автором отдельных особенностей взаимоотношений внутри общин с. Белозерье и Кривозерье Республики Мордовия по материалам устных источников; «Взаимодействие российской городской культуры и национальных среднеазиатских культур в мигрантской среде: специфика отношений» (М. Пивоварова, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара). В докладе ощущалось сильное влияние методологии, применяемой в работах доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой; «Вопросы развития советской национальной политики в Свердловской киностудии (1953 — 1970)» (И. Чернева, CERCEC, EHESS). В своей работе автор попыталась через эмпирический материал и данные текущих архивов Свердловской киностудии показать динамику ее национального кадрового состава, который оказывал непосредственное влияние на появление национального кино в СССР; «Проблемы сохранения удмуртского языка в г. Ижевске Удмуртской Республики» (А. Замятин, Европейский университет, г. Санкт-Петербург). Доклад был построен на статистических данных Всероссийской переписи населения 2002 г., опубликованных в 2003 г.

В заключение следует отметить, что работа летней школы принесла значительные результаты в плане продвижения исследовательских позиций молодых ученых, приобретения нового опыта, знаний и нового видения своих работ, что, безусловно, положительно скажется на развитии гуманитарной науки в регионах.

Подготовили *И. В. Зубов, Д. Ф. Ильин.*

ОТЧЕТ О РАБОТЕ АСПИРАНТУРЫ НИИГН за 2011 г.

В 2011 г. работа аспирантуры велась по следующим специальностям:

07.00.02 — Отечественная история;

07.00.06 — Археология;

07.00.07 — Этнография, этнология и антропология;

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика);

10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (финно-угорская);

10.01.09 — Фольклористика;

10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские);

24.00.01 — Теория и история культуры.

На 1 января 2011 г. в аспирантуре обучались 70 чел., в том числе 41 — по очной форме обучения. С 1 октября 2011 г. в аспирантуру зачислены 24 чел., из них 11 — на очную форму обучения. К аспирантуре института прикреплены 52 соискателя ученой степени кандидата наук.

На 1 декабря 2011 г. в аспирантуре обучались 77 аспирантов, среди которых 21 — по специальности «Отечественная история», 1 — «Археология», 3 — «Этнография», 1 — «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)», 6 — «Фольклористика», 3 — «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)», 28 — «Экономика и управление народным хозяйством», 2 — «Политические институты, процессы и технологии», 12 — «Теория и история культуры». 41 чел. являются аспирантами очной формы обучения.

Фактический выпуск аспирантов в 2011 г. составил 16 чел. Из них 7 аспирантов представили диссертации в научные отделы для получения соответствующего заключения.

Ежегодно в институте работает аттестационная комиссия. По результатам ее работы 68 аспирантов аттестованы как полностью выполнившие индивидуальный план и переведены на следующий год обучения, 2 аспиранта отчислены из аспирантуры как не явившиеся на аттестацию и не выполнившие индивидуальный план.

В 2010 г. защитили кандидатские диссертации досрочно:

соискатель отдела этнографии **Савка Виталий Профирович** (тема «Социокультурная адаптация мордвы на Дальнем Востоке: историко-этнографический аспект», научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова);

соискатель отдела истории **Моисеев Александр Константинович** (тема «Феномен традиционализма и нетрадиционализма в религиозной жизни Республики Мордовия в постсоветский период», научный руководитель — доктор исторических наук, доцент Г. А. Куршева).

В 2011 г. защитили кандидатские диссертации следующие выпускники аспирантуры:

Кузнецов Лев Сергеевич (тема «Культура толерантности в модернизирующемся региональном социуме: опыт культурфилософского анализа», научный руководитель — доктор исторических наук, доцент Г. А. Куршева);

Спицина Ольга Викторовна (тема «Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект», научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова);

Князькова Любовь Петровна (тема «Растения в укладе жизни мордвы, проживающей на территории Мордовии: историко-этнографический аспект», научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова);

Минеева Ирина Николаевна (тема «Власть и культура Мордовии в 1991 — 2010 гг.: исторический аспект», научный руководитель — доктор исторических наук, доцент Г. А. Куршева);

Сокорова Ирина Павловна (тема «Конструкции вывода-обоснования в современном мокшанском языке», научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Л. П. Водясова).

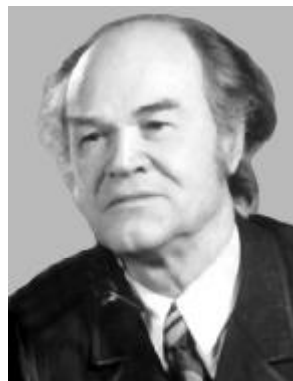
О. В. Зарубина.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ÈĀĀĪ ĒĪ ĐĪ ÈĒĪ ĀÈ × ÈĪ ÆĀĀĀŌĪ Ā
(È 100-ĕăðèρ ñĭ đĭ ŷ đĭ æđĀĪ èŷ)

Имя мордовского литературоведа и критика, кандидата филологических наук (1953), члена Союза писателей России (1964) Ивана Корниловича Инжеватова хорошо известно в Мордовии. Его творческая деятельность тесно связана со становлением мордовской литературной критики.

И. К. Инжеватов родился 16 июля 1911 г. в с. Кирюшкине Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне Бугурусланский район Оренбургской области) в крестьянской семье. Оставшись без родителей, воспитывался в детских домах г. Бугуруслана, Самары и Витебска. Окончил Бугурусланскую начальную школу, Самарскую губернскую мордовскую семилетнюю школу-интернат. Затем продолжил обучение в Малотолкайском мордовском педтехникуме, после его окончания в 1930 г. работал директором и учителем истории Кирюшкинской средней школы, одновременно заочно учился в Мордовском пединституте им. А. И. Полежаева, который окончил в 1940 г. Затем несколько лет заведовал Бугурусланским районным отделом народного образования.

В начале Великой Отечественной войны И. К. Инжеватов добровольцем ушел на фронт, однако вскоре был демобилизован по состоянию здоровья. В 1942 — 1944 гг. работал начальником политотдела МТС, ответственным редактором районной газеты «Красная звезда» в Оренбургской области. В конце 1943 г. был направлен на газетное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) (г. Москва). С 1944 г. работал инструктором, консультантом по печати отдела пропаганды и агитации ЦК, секретарем Единецкого райкома КП(б) Молдавской ССР. После окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС (1953) он был назначен заместителем директора Мордовской областной партийной школы, затем в 1954 г. заведующим отделом школ и науки Мордовского обкома КПСС. С 1956 по 1958 г. И. К. Инжеватов — директор, старший преподаватель кафедры литературы Тюменского пединститута.

Важным этапом в жизни И. К. Инжеватова стала работа в НИИЯЛИЭ. С 1958 г. он — старший научный сотрудник сектора мордовской литературы и фольклора, в 1959 — 1976 гг. — ученый секретарь, 1977 — 1982 гг. — старший научный сотрудник сектора мордовских языков, затем сектора мордовской литературы, в 1982 — 1983 гг. — заведующий сектором мордовской литературы НИИЯЛИЭ. И. К. Инжеватов

много сил отдал организации научной работы, выполнению плановых заданий и качественной подготовке к изданию научных трудов института. Он являлся научным редактором многих крупных исследований. При его участии в институте созданы «История мордовской советской литературы», серия «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», «Очерки жанров мордовского фольклора», «Очерки истории Мордовской АССР», «Научная грамматика, фонетика и морфология» (т. 1), «Избранные труды М. Е. Евсевьева», материалы научной сессии «Этногенез мордовского народа». И. К. Инжеватов подготовил «Топонимический словарь Мордовской АССР», который получил высокую оценку и признание далеко за пределами Мордовии.

И. К. Инжеватов — автор 12 книг, посвященных творчеству мордовских писателей и изучению русско-мордовских литературных взаимосвязей. Ученый опубликовал немало исследований по различным вопросам современной мордовской литературы. Среди них можно назвать годовые обзоры поэзии и прозы, статьи о влиянии фольклора на литературу, о проблемах научного изучения национальных традиций и национального своеобразия мордовской литературы. Представляют интерес его литературоведческие работы об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, М. И. Калинин, Т. Г. Шевченко, Н. П. Огареве и др.

В 1973 г. И. К. Инжеватов выпустил книгу очерков «На службе народа» о мордовских писателях, чья творческая деятельность самым тесным образом связана со становлением литературной критики в Мордовии. Автор, всесторонне рассматривая творчество Ф. И. Беззубовой, П. С. Глухова, Т. А. Раптанова, В. К. Радаева, Д. К. Мартынова и др., верно подметил их индивидуальное мастерство и своеобразие написанных ими произведений, степень их гражданственности. Так, например, ученый создал творческий портрет известной мордовской сказительницы Ф. И. Беззубовой. Рассматривая ее индивидуальный подход к созданию произведений, манеру пользоваться при импровизации устоявшимися эпитетами, песенной символикой, выработанными поэтическими формулами и другими языковыми, музыкальными средствами художественного отображения действительности, И. К. Инжеватов раскрыл роль, которую сказительница играла в обогащении поэтического творчества своего народа.

Одним из первых среди мордовских литературоведов И. К. Инжеватов наиболее полно рассмотрел жизненный и творческий путь стоявшего у истоков мордовского художественного слова журналиста и писателя П. С. Глухова. Ученый раскрыл роль газеты «Якстере теште» («Красная звезда»), редактором которой был П. С. Глухов, в становлении и развитии младописьменной национальной литературы. Подробному анализу был подвергнут рассказ писателя «Кедровой пештть» («Кедровые орехи»), принесший П. С. Глухову большую известность и ставший одним из самых любимых и популярных произведений малого жанра в мордовской литературе.

Заметный след в мордовском литературоведении оставила и изданная в 1971 г. монография И. К. Инжеватова «Время водило его пером». Это очерк жизни и творчества одного из видных прозаиков Мордовии 1930-х гг. Т. А. Раптанова. Ученый вводит читателя в творческую лабораторию писателя, летописца послеоктябрьской мордовской деревни. Автору монографии удалось всесторонне показать грани таланта Раптанова, прожившего короткую, но яркую жизнь, посредством художественного слова сумевшего передать высокий накал борьбы за обновление жизни, за нового человека, за преображение мордовской деревни.

О широте общественной и творческой деятельности И. К. Инжеватова свидетельствует его многогранная работа в области национального просвещения. Им написаны многие школьные учебники: «Мордовский литературась. Кафкса кизонь школанди программат. V — VIII классне» (Саранск, 1961); «Родной литература. Хрестоматия мокшень школань кафксоце классонди» (Саранск, 1965 (в соавт.), выдержавшая 12 изданий); «Мордовской литература. Кавксо иень школань программат. V — VIII класст» (Саранск, 1965 (в соавт.)); «Эрзянь кель. Тонавтнема книга начальной школань омбоце класснэнь» (Саранск, 1956 (в соавт.) выдержавшая 10 изданий); «Эрзянь кель. Омбоце класснэнь» (Саранск, 1983) и др.

И. К. Инжеватов был всегда в гуще всех событий. Вел переписку с учеными и видными деятелями народного образования, такими как Ф. Ф. Советкин, Е. В. Скобелев и И. С. Сибиряк.

Ученый, писатель, активный общественник И. К. Инжеватов награжден орденом «Знак Почета», медалями. За большие заслуги в развитии народного образования республики Ивану Корниловичу присвоено звание заслуженного учителя школы МАССР (1971). Посмертно ему была присуждена Государственная премия Республики Мордовия.

Умер И. К. Инжеватов 12 декабря 1996 г. Похоронен в г. Саранске.

Основные работы

- Пушкин и молдавский народ : попул. очерк. Кишинев, 1949. 126 с.
 М. И. Калинин о русской классической литературе. Саранск, 1956. 90 с.
 М. И. Калинин о советской литературе. Саранск, 1959. 90 с.
 Важные проблемы мордовской литературы. Саранск, 1964. С. 3 — 31. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 26).
 Время водило его пером : очерк о жизни и творчестве Т. А. Раптанова. Саранск, 1971. 148 с.
 Пушкин в Мордовии // Страницы большой дружбы. Саранск, 1971. С. 28 — 42.
 На службе народа : очерки о мордов. писателях. Саранск, 1973. 112 с.
 Мордовская литература о первой русской революции // Очерки жанров мордовской литературы (1972 — 1973 гг.). Саранск, 1978. С. 89 — 101.
 Тарас Григорьевич Шевченко и мордовская литература // Там же. С. 77 — 88.
 Литература и жизнь : лит.-крит. ст. Саранск, 1982. 272 с.
 Историческое развитие мордовского фольклора : Сказительское творчество // Мордовское устное народное творчество : учеб. пособие. Саранск, 1987. С. 228 — 250.

Публикации об И. К. Инжеватове

- Самородов К. Т.** Мордовская литература и критика. 1860 — 1963. Саранск, 1964. С. 89 — 93.
 Писатели советской Мордовии : библиогр. справ. Саранск, 1970. С. 75 — 78.
Кавтаськин Л. С. Иван Корнилович Инжеватов // Сятко. 1971. № 4. С. 67 — 70.
 Разгадано через 145 лет : (Вклад И. Инжеватова в мордов. пушкиниану) // Правда. 1979. 3 янв.

Имя дома твоего : (Вклад И. К. Инжеватова в познание родного края) // Совет. Мордовия. 1980. 6 апр.

Горбунов Г. И. И. К. Инжеватов : шачема шистонза 70 кизонь топодемати // Мокша. 1981. № 4. С. 56 — 57.

Терешкина Е. Я. Шись валдопты павазути : к 70-летию со дня рождения И. К. Инжеватова // Мокшень правда. 1981. 16 июля.

Брыжинский А. И. Вклад института в развитие мордовского литературоведения // Первенцу науки Мордовии — 50. Саранск, 1982. С. 76 — 77.

Брыжинский А. И. Иван Корнилович Инжеватов : шачема шистонза 75 кизонь топодемати // Мокша. 1986. № 4. С. 44 — 45.

И. К. Инжеватов — ученый, педагог, писатель : биобиблиогр. указ. Саранск, 1987. 33 с.

Иванов М. Шкась ветни сонзэ перанзо : И. К. Инжеватовонь чачома чистэнзэ 80 иень топодемантень // Сятко. 1991. № 4. С. 59 — 60.

Щербаков А. Вишка Толкаесь — учёноень веле // Эрзянь правда. 1992. 14 марта. Иван Корнилович Инжеватов // Ваймонь лихтибрят : Мокшеть и Якстерь тяште-нять книгасна. Саранск, 1994. С. 69.

Зиновьев Н. В. Наукасо — аволь инже // Эрзянь правда. 1994. 24 нояб.

Зиновьев Н. В. Иван Корнилович Инжеватов // Зиновьев Н. В. Человек и время. Саранск, 1995. С. 151 — 155.

Зиновьев Н. В. Наукасо — аволь инже // Зиновьев Н. В. Валдо тештень пусмо. Саранск, 1996. С. 237 — 248.

Инжеватов Иван Корнилович : некролог // Изв. Мордовии. 1996. 15 дек.

И. К. Инжеватов — ученый, педагог, писатель : биобиблиогр. указ. Саранск, 1996. 14 с.

Зиновьев Н. В. Путь ученого : Жизнь и творчество Ивана Корниловича Инжеватова. Саранск, 1997. 128 с.

Чугунов В. Инжеватов Иван Корнилович // История Мордовии в лицах : биограф. сб. Саранск, 1997. Кн. 2. С. 194 — 195.

Писатели Мордовии : биобиблиогр. указ. Саранск, 2001. С. 206 — 209.

Митрофанова М. Е., Чугунов В. А. Инжеватов Иван Корнилович // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 358 — 359.

Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008.

Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопедич. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 225.

И. И. Шеянова.

*Ì ÈÕÀÈÈ ÁÍ ÄÐÀÁÀÈ × ÀÈÀÈÌ
(È 60-äåðèð ñî ðí ÿ ðîæäáí èÿ)*

20 августа 2011 г. исполнилось 60 лет видному отечественному историку — доктору исторических наук Михаилу Андреевичу Бибину.

М. А. Бибин родился в 1951 г. в с. Челпанове Атяшевского района РМ. В начале 1961 г. семья переехала в п. Комсомольский Чамзинского района РМ, где его отец работал фулеровщиком на шиферном заводе, а мама — оператором очистных сооружений объединения «Мордовцемент». В 1969 г. М. А. Бибин окончил среднюю школу и поступил на историко-филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В 1970 г. он перевелся на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,

где в 1974 г. получил специальность «Историк. Преподаватель истории и обществоведения».

С 1976 г. М. А. Бибин — аспирант исторического факультета Московского университета. В 1981 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Совет объединенного дворянства и его влияние на политику самодержавия в 1906 — 1914 гг.» под руководством известного специалиста в области социально-политической истории России доктора исторических наук, профессора Е. Д. Черменского. По окончании аспирантуры работал ассистентом кафедры отечественной истории Мордовского университета, затем старшим преподавателем, доцентом и заведующим кафедрой отечественной истории и политологии МГПИ им. М. Е. Евсевьева. С октября 1995 г. по январь 2011 г. М. А. Бибин являлся сначала заведующим кафедрой истории государства и права, затем кафедрой государственно-правовых дисциплин юридического факультета Саранского кооперативного института Российского университета кооперации Центросоюза РФ. С января 2011 г. М. А. Бибин — ведущий научный сотрудник отдела истории НИИГН.

Продолжая тему кандидатской диссертации, М. А. Бибин опубликовал более 100 статей по истории самодержавия, политических партий и организаций дореволюционной России. Вместе с тем он вновь обратился к слабо исследованной в отечественной историографии проблеме — истории российского дворянства. Итогом этой работы стали серия статей и монография «Дворянство накануне падения самодержавия в России» (2000). На большом архивном материале он раскрыл борьбу Совета объединенного дворянства против образованного в Государственной Думе Прогрессивного блока, осветил деятельность общедворянской организации в условиях общественно-политического кризиса, назревание оппозиционных настроений в дворянских кругах.

В 2002 г. М. А. Бибин защитил докторскую диссертацию «Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны», которая получила высокую оценку

среди крупных отечественных специалистов по дореволюционной истории России, таких как А. П. Карелин, В. В. Шелохаев и Б. Д. Гальперина. Научная актуальность, широкие хронологические рамки (1895 — 1917 гг.), обширная источниковедческая база, комплексный характер исследования (численность и состав, правовой статус, экономическое и политическое положение, профессиональная и общественная деятельность дворянства и др.), взвешенность авторских оценок и выводов делают исследование М. А. Бибина достойным продолжением дореволюционных трудов на эту тему и солидной основой для дальнейших исследований. В работе показана эволюция дворянского сословия, изменения в соотношении его поместной и служилой частей, участие в местном и центральном управлении, в работе Совета министров, представительных учреждений — Государственной Думы и Государственного Совета, вовлеченности в торгово-промышленное предпринимательство, деятельность уездных и губернских дворянских обществ. Изученные им (тогда еще неопубликованные) 12 съездов уполномоченных губернских дворянских обществ отражают эволюцию дворянского сословия в начале XX в.

Являясь специалистом по широкому кругу вопросов истории России XIX — начала XX в., М. А. Бибин опубликовал учебные пособия «Отечественная история» (2004) и «История государства и права России» (2008), где представил учебные курсы отечественной истории и истории Российского государства и права от возникновения и развития Древнерусского государства до начала 2000-х гг.

Другой сферой его научных интересов стала кооперативная проблематика. Он — один из соавторов учебных пособий «История потребительской кооперации Республики Мордовия» (2005) и «История Атяшевского потребительского общества» (2006). Эти работы позволили подойти к изучению развития кооперативного движения как одного из путей капитализации России. Автор исследовал историю становления и развития кооперации Мордовии с отмены крепостного права, основные его формы и виды, круг учреждений, финансировавших и кредитовавших российскую кооперацию.

Характерными чертами творческого почерка М. А. Бибина как исследователя являются основательность источниковой базы, глубина и тщательность проработки фактического материала, новизна, четкость и аргументированность выводов.

Свое 60-летие Михаил Андреевич встречает в расцвете творческих сил. Отличающие его огромное трудолюбие, широкая эрудиция, неиссякаемая энергия доброжелательность и отзывчивость вызывают уважение и симпатию коллег, которые сердечно поздравляют Михаила Андреевича с юбилеем и желают новых творческих успехов, здоровья, счастья и долгих лет жизни.

Е. Н. Бикейкин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Нина Афанасьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
e-mail: ohanina@rambler.ru

Айзятова Лиана Фяритовна — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН,
e-mail: lianochka_87@mail.ru

Аксенова Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН,
e-mail: congress7@list.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории и археологии НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Буралкина Наталья Александровна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН,
e-mail: natalyaburalkina@yandex.ru

Бурносова Ирина Владимировна — аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева,
e-mail: Irishkaburn@rambler.ru

Василькина Анастасия Александровна — аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
e-mail: snegurka2003@mail.ru

Гришунина Валентина Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
e-mail: grishuninavalentina@rambler.ru

Гусева Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН,
e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Девяткин Сергей Генрихович — научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Еремкина Ольга Алексеевна — аспирант отдела истории и археологии НИИГН,
e-mail: olkaae@mail.ru

Зарубина Ольга Владимировна — главный научный сотрудник — заведующий отделом периодических изданий НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Зубова Екатерина Владимировна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Иванова Галина Софроновна — доктор филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,

e-mail: galina17-05@yandex.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева,

e-mail: a_m_katorova@mordgpi.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела современного регионального развития НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Кирсанова Ольга Викторовна — аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,

e-mail: Okirsanova@e-mordovia.ru

Кукушкина Нина Филипповна — соискатель кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,

e-mail: galina17-05@yandex.ru

Куришева Галина Александровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Ломшин Андрей Владимирович — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Ломшин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по проблемам социально-экономического развития региона НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Матвеев Андрей Павлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»,

e-mail: nikolaizavaryuhin@mail.ru

Мухамедзянова Ирина Александровна — преподаватель кафедры иностранных языков Пензенского государственного института архитектуры и строительства,

e-mail: irina-muhamedzyanova@mail.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий отделом этнографии НИИГН,

e-mail: congress7@list.ru

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН,

e-mail: congress7@list.ru

Пивкина Светлана Васильевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Романова Марина Николаевна — аспирант отдела этнографии НИИГН,
e-mail: congress7@list.ru

Рябов Иван Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
e-mail: filfak.mgu@mail.ru

Салаева Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературы Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева,
e-mail: guniign@list.ru

Ушакова Ольга Александровна — доцент кафедры информационных систем в экономике и менеджменте Российского университета им. Г. В. Плеханова,
e-mail: roarea@yandex.ru

Фадеева Мария Михайловна — младший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН,
e-mail: congress7@list.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шаронова Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
e-mail: sharonov@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Юрченкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Agafonova Nina Afanasyevna** – Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Erzyan Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,
e-mail: ohanina@rambler.ru
- Azyyatova Liana Fyaritovna** — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN,
e-mail: lianochka_87@mail.ru
- Aksenova Tatyana Viktorovna** — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN,
e-mail: congress7@list.ru
- Bikeykin Evgeny Nikolaevich** — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher – Head of Department of History and Archaeology, NIIGN,
e-mail: guniign@list.ru
- Buralkina Natalya Aleksandrovna** — Candidate of Medicine, Senior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN,
e-mail: natalyaburalkina@yandex.ru
- Burnosova Irina Vladimirovna** — Postgraduate Student of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev,
e-mail: Irishkaburn@rambler.ru
- Vasilkina Anastasiya Aleksandrovna** — Postgraduate Student of Department of Finances and Credit, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,
e-mail: snegurka2003@mail.ru
- Grishunina Valentina Petrovna** — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Mokshian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,
e-mail: grishuninavalentina@rambler.ru
- Guseva Tatyana Mikhailovna** — Candidate of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN,
e-mail: tatiana.guseva@mail.ru
- Devyatkin Sergey Genrikhovich** — Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN,
e-mail: guniign@list.ru
- Eryemkina Olga Alekseevna** — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN,
e-mail: olkaae@mail.ru
- Zarubina Olga Vladimirovna** – Principal Researcher — Head of Department of Periodicals, NIIGN,
e-mail: guniign@list.ru
- Zubov Igor Vasilyevich** — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN,
e-mail: guniign@list.ru

Zubova Ekaterina Vladimirovna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Ivanova Galina Sofronovna — Doctor of Philology, Assistant Professor of Department of Mokshian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,

e-mail: galina17-05@yandex.ru

Ilyin Dmitry Fedorovich — Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Katorova Aleksandra Mikhailovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Prorector of Education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev,

e-mail: a_m_katorova@mordgpi.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Modern Regional Development, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Kirsanova Olga Viktorovna — Postgraduate Student of Department of Philosophy for Humanitarian Specialities, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,

e-mail: Okirsanova@e-mordovia.ru

Kukushkina Nina Filippovna — Competitor of Department of Mokshian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,

e-mail: galina17-05@yandex.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Lomshin Andrey Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Theory and History of Culture, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Lomshin Vladimir Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director on Problems of Social and Economic Development, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Matveev Andrey Pavlovich — Candidate of Jurisprudence, Assistant Professor of Department of Civil Law, Cheboksary Cooperative Institute (Affiliate Branch) of Russian University of Cooperation,

e-mail: nikolaizavaryuhin@mail.ru

Mukhamedzyanova Irina Aleksandrovna — Teacher of Department of Foreign Languages, Penza State Institute of Architecture and Building,

e-mail: muhamedzyanova@mail.ru

Nikonova Lyudmila Ivanovna — Doctor of History, Professor, Principal Researcher — Head of Department of Ethnography, NIIGN,

e-mail: congress7@list.ru

Okhotina Tatyana Nikolayevna — Senior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN,

e-mail: congress7@list.ru

Pivkina Svetlana Vasilyevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Romanova Marina Nikolayevna — Postgraduate Student of Department of Ethnography, NIIGN,

e-mail: congress7@list.ru

Ryabov Ivan Nikolaevich – Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Erzyan Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,

e-mail: filfak.mgu@mail.ru

Salaeva Marina Nikolaevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev,

e-mail: guniign@list.ru

Ushakova Olga Aleksandrovna — Assistant Professor of Department of Informational Systems in Economics and Management, Russian University named after G. V. Plekhanov,

e-mail: roarea@yandex.ru

Fadeeva Maria Mikhaylovna – Junior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN,

e-mail: congress7@list.ru

Sharonov Aleksandr Markovich – Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Mordovian State University named after N. P. Ogarev,

e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgievna — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN,

e-mail: guniign@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР — Академия наук Союза советских социалистических республик

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГА УО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

КУОНО — Краснослободский уездный отдел народного образования

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. Иллюстрации:

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы:

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. Библиографические ссылки:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченко В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченко [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 4 (20) 2011

Редакторы: *Е. В. Глазкова, Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 14.12.2011. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.